

ГОУ ВПО Саратовский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского

Институт филологии и журналистики

Русская устная речь

Материалы международной научной конференции
«Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов»
(Саратов, СГУ, 15-17 ноября 2010 г.)

Издательский центр «Наука»

2011

УДК 811.161.1 (100) (082)
ББК 81.2 Рус я 43
Р 89

Р 89 Русская устная речь. Материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15-17 ноября 2010 г.). – Саратов: Издательский центр «Наука», 2011. – 277 с.

ISBN 978-5-9999-0787-5

В сборнике представлены материалы международной научной конференции «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовского совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов», посвященных памяти профессора Саратовского государственного университета Лидии Ивановны Баранниковой (1915-2002).

В статьях участников конференции рассматриваются вопросы устной речи: семантика и прагматика устной речи, структура и функции устного текста; лексическая, грамматическая, фонетическая и словообразовательная специфика русской устной речи. Статьи участников совещания посвящены проблемам создания и использования диалектологических корпусов.

Для исследователей русского языка, преподавателей филологических факультетов вузов, учителей-словесников, аспирантов, студентов и всех интересующихся вопросами современной филологии.

Редакционная коллегия:

*профессор О.Ю. Крючкова (отв. редактор), инженер А.И.Буранова (отв. секретарь);
профессор В.Е. Гольдин, профессор Л.В. Балашова*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор В.В.Дементьев

доктор филологических наук, профессор М.А. Кормилицына

Издано в авторской редакции

Издание осуществлено за счет средств авторов

ISBN 978-5-9999-0787-5

© Авторы статей, 2011

Лидия Ивановна Баранникова
1915 - 2002

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. Семантика и прагматика устной речи

<i>Балашова Л.В.</i> Метафорические модели ВЛАСТИ в литературном языке и сленге	8
<i>Бекасова Е.Н.</i> Просторечие как феномен церковных распрей	13
<i>Бердникова Т.В.</i> Крест как центральное духовное понятие в жизни диалектоносителя (по материалам текстового корпуса говора с. Белогорное)	15
<i>Борщева О.В.</i> Информативная, образная и ценностная зоны концепта ЛЕНЬ и их репрезентанты в русской идиоматике	19
<i>Буранова А.И.</i> Функционирование лексики религиозной сферы в конфессионально неоднородном говоре	23
<i>Григоренко Н.А.</i> Об одном фрагменте диалектной языковой картины мира камчадала	27
<i>Иванча А.В.</i> Выражение семантики интенсивности в контекстах с усиленными прилагательными	34
<i>Илюхина Н.А.</i> Разговорная речь как показатель механизмов образной концептуализации знания	38
<i>Каменская Ю.В.</i> Социальная структура общества как фрагмент диалектной концептосферы	44
<i>Леонтьева Т.В.</i> Общительность и общество: мотивационные связи между обозначениями общительного человека и обозначениями единиц социума	48
<i>Наумов К.Д.</i> Тематическая сфера «Сакральное пространство» как источник русской и польской идиоматики	56
<i>Старостина Е.В.</i> Динамика языкового сознания носителей русского языка по данным ассоциативных экспериментов	59
<i>Суравикина Е.В.</i> Языковое сознание диалектоносителя как важный источник толкования семантики слова	65
<i>Трещева Е.Г.</i> Образ события по данным ассоциативных экспериментов	69
<i>Шалина И.В.</i> Просторечная лингвокультура: концептосфера «семья»	73

РАЗДЕЛ 2. Устный текст: структура и функции

<i>Алпатов В.М.</i> Структура устного и письменного текста	78
<i>Букринская И.А., Кармакова О.Е.</i> Речевой портрет жителя провинции	84
<i>Ерофеева Е.В.</i> Социолингвистический статус современной русской разговорной литературной речи и ее взаимодействие с просторечием	93
<i>Зотина Е.В.</i> К вопросу об изучении языковой диалектной личности (на материале электронной библиотеки русских говоров КФУ)	100
<i>Иванцова Е.В.</i> Культура устного общения в традиционном говоре и элитарная речевая культура: полярность или единство?	106
<i>Косицина Ю.В.</i> Эмоционально-смысловая доминанта диалектного монологического текста	112
<i>Кульшарипова Р.Э.</i> Русские диалектные тексты как стереотипы речевого поведения	122
<i>Милёхина Т.А.</i> Социальная типология покупателей в русском торговом дискурсе	126
<i>Рогачева Н.Б.</i> Типы вторичных речевых жанров в Интернет-общении	129
<i>Сиротинина О.Б.</i> Общее и социоспецифичное в устной культуре общения	134
<i>Соловьева И.В.</i> Границы между церковным и светским миром в современном городском общении	137
<i>Шаповалова Н.Г.</i> Факторы, влияющие на формирование модельной личности ведущего телевизионного ток-шоу	142

РАЗДЕЛ 3. Лексическая, грамматическая, фонетическая и словообразовательная специфика русской устной речи

<i>Брысина Е.В.</i> Структура и семантика диалектных фразем с глагольным компонентом в составе	147
<i>Гусева Е.Р.</i> Динамика семантики и структуры союзов с п-, ж-партикулами (на материале севернорусских говоров)	152
<i>Дмитриева О.И.</i> Динамическое изучение словообразовательных процессов и возможности использования диалектного материала	154
<i>Каргина А.П.</i> Грамматические особенности функционирования общерусских глаголов в говорах (на материале говоров камчадалов)	159

<i>Костина Л.Ю.</i> Синкретичные диалектизмы (на материале говора ст-цы Архангельской Краснодарского края)	168
<i>Кудряшова Р.И.</i> Переселенческие говоры волгоградской области и их функционирование	171
<i>Малоземлина О.В.</i> Фонетическая специфика русской устной народной ре- чи (на материале камчатских говоров)	175
<i>Михайлова Л.П.</i> О признаках диалектной лексики, обусловленных воздей- ствием иноязычной системы	181
<i>Мурзаева Т.И.</i> Курско-орловский диалектный комплекс на территории Саратовской области	189
<i>Никифорова О.В.</i> Наименования приданого в нижегородских говорах	196
<i>Патралова З.С.</i> Оказиональное слово как речевая единица	199
<i>Петрунина С.П.</i> Частица <i>то</i> как средство линейной грамматики текста в сибирских говорах	203
<i>Полищук Л.А.</i> Из наблюдений над вариантно-синонимическими отноше- ниями в говорах камчадалов (лингвогеографический аспект)	206
<i>Свешникова Н.В.</i> Грамматические особенности существительных в сред- нерусском говоре (на материале Саратовского диалектного корпуса)	214
<i>Семенова О.Р.</i> Живая речь на Южном Урале в прошлом и настоящем (лексический аспект)	217
<i>Удалов Н.В., Денденков В.А.</i> К вопросу о функционировании славяно- книжных словообразовательных моделей в диалектах и социолектах русского языка	222
<i>Финько О.С.</i> Наименования жениха и невесты в обрядовом аспекте (на материале кубанского свадебного обряда)	225
<i>Харламова М.А.</i> Антропоцентрический подход в диалектной лексикогра- фии (о новом словаре говоров Среднего Прииртышья)	229

РАЗДЕЛ 4. Материалы совещания «Проблемы создания и использо- вания диалектологических корпусов»¹

<i>Батраева И.А., Гоннова А.Д., Чебаненко А.А.</i> Поисковый механизм Сара-	234
---	-----

¹ Совещание проведено при поддержке фонда «Русский мир».

товского диалектного корпуса	
<i>Большакова Н.В.</i> Библиотека текстов как форма хранения и репрезентации диалектной речи	235
<i>Качинская И.Б.</i> Диалектный подкорпус НКРЯ. Новый стандарт подачи. Новое рабочее место	239
<i>Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е.</i> Проблемы создания электронного диалектологического корпуса	248
<i>Маркелов В.С.</i> Отражение речевой культуры диалектоносителей в электронной библиотеке русских говоров (на материале говора д. Ботыли Кировской области)	259
<i>Трегубова Е.Н., Емельянова М.В.</i> Лингвокультурный дискурс и специфика его репрезентации в диалектном корпусе	264
<i>Юрина Е.А., Толстова М.А.</i> Проект диалектного корпуса старожильческих говоров Среднего Приобья	269

РАЗДЕЛ 1. Семантика и прагматика устной речи

Л.В. Балашова

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ВЛАСТИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И СЛЕНГЕ

Власть – один из ядерных социально-культурных концептов в языковой картине мира – обладает сложной, многоуровневой структурой. Его концептуальным ядром являются признаки – (1) ‘право и возможность распоряжаться действиями, поведением кого-л.’; (2) ‘право и возможность влиять на социальное, имущественное и др. положение кого-л.’.

Данные характеристики присущи целому ряду тематических групп, связанных с номинацией властных структур общества: привилегированные слои общества (*аристократ*); верховные правители (*император*); законодатели (*депутат*); высшие должностные лица (*канцлер*); должностные лица, органы правопорядка (*префект, судья*); руководители и администраторы (*директор, декан*); элита (*магнат*). Властными функциями могут надеяться члены социальной группы (*отец* – в традиционной семье; *учитель* – в коллективе учащихся; *падре, гуру* – в среде верующих).

Характерной особенностью реализации данного концепта является регулярное использование социоморфной метафоры [Балашова 2006; Баранов, Караулов 1991; 2004а, 2004б; Баранов, Караулов 1994; Чудинов, Будаев 2005], причем как в литературном языке, так и в сленге. Но уже в самой частотности таких номинаций есть ряд особенностей.

Так, поскольку основными функциями метафоры являются характеризующая и эмоционально-экспрессивная, то в литературном языке переносные значения практически не встречаются в официальных терминосистемах. Напротив, регулярно (особенно в публицистике и разговорной речи) социоморфная метафора фиксируется при именовании неофициальной – экономической, идеологической и культурной – элиты (*нефтяной / газетный король; кумир молодежи; властитель дум*) и официальных лиц, оказывающих влияние на жизнь народа (*отец народов; царские сантрапы*). Другой особенностью исследуемой метафоры в литературном языке является регулярная нейтрализация различий между обозначаемыми типами властных структур: на первый план выходит обобщенное указание на привилегированное положение лица. Например, существительное *хозяин* в значении ‘полновластный распорядитель’ может быть отнесено к правителю, чинов-

нику, руководителю, лицу, оказывающему влияние на кого-л. (*Хозяин* (о Сталине, о любом начальнике); *хозяин в доме*; *хозяин положения*).

Современный сленг (этим термином мы именуем внелитературные социальные идиомы) также активно использует социоморфную метафору – около 400 единиц, причем здесь есть как общее, так и специфическое в сравнении с литературным языком. С одной стороны, в переносных значениях тоже регулярно нейтрализуются различия между типами властных структур (*барин*, *самран* – ‘любой руководитель’). С другой стороны, метафорическое именование таких структур может быть более дробным, чем в литературном языке.

В частности, в уголовном аргю наиболее разработанными являются подсистемы «Лидеры преступных группировок», «Представители правоохранительных органов» (*дирижёр* – ‘комендант в ИТУ’; ‘главарь группировки рэкетиров’; *дворник* – ‘прокурор’; *вождь* – ‘начальник отряда в ИТУ’; *казак* – ‘вожак преступной группы’). В военном жаргоне таким способом характеризуют «Командный состав вооруженных сил» (*Иван Грозный*, *папа* – ‘командир части’). В сленге автомобилистов так именуют представителей ГИБДД (*мастер / оператор машинного доения*, *гоблин*, *соловей-разбойник*). Наиболее разнообразной сфера ВЛАСТИ оказывается в молодежном, школьном и студенческом жаргонах: «Преподавательский состав» (*Гарри Потер*, *пастух*, *чабан*, *Мюллер* – ‘директор школы’; *дуче*, *жандарм* – ‘строгий учитель’; ‘классный руководитель’; *пастух*, *указка* – ‘воспитатель’; *инквизитор* – ‘экзаменатор’; *мазай* – ‘ректор’); «Милиционер» (*мушкетер*, *ряженный*, *санитар джунглей*); «Контролер в общественном транспорте» (*стюардесса*, *контра*); «Авторитетный человек» (*автор*, *весовой*, *старая гвардия*).

В целом самой продуктивной в плане формирования социоморфной сленговой метафоры оказываются тематическая группа «Представитель правоохранительных органов» (более 60% от общего числа рассмотренных сленговых единиц). Более или менее регулярно (до 20 единиц) именуется руководители формальных и неформальных объединений (*боярин*, *воевода*, *дирижер*); законодательная и исполнительная власть (*базар фуфломётов* – ‘Государственная Дума’; *скоморох* – ‘депутат’; *нарком*, *пастух*, *туз* – ‘высокое должностное лицо’); чиновники (*Швондер*, *гробовщик*), а также старшее поколение в семье (*спонсоры* – ‘родители’; *пахан* – ‘отец’; *паханка* – ‘мать’). Властные функции могут закрепляться за мужем и женой, причем в последнем случае признак финансовой власти выходит на первый план (*таможня*, *финансовый директор* – ‘жена’). Показательно, что ни разу в современном сленге не зафиксировано метафор, характеризующих церковных и идеологических, морально-этических лидеров. Данный аспект «властных» отношений для носителей социальных идиомов оказывается неактуальным.

С точки зрения продуктивных источников и концептуальных моделей метафоризации в литературном языке и современном сленге обнаруживаются как общие, так и специфические черты. В частности, уже в древнерусском языке лицо, обладающее властью, регулярно ассоциируется с представителем старшего поколения родственников. В целом представление о семье как об основе всяких иных социальных отношений не раз отмечалось в литературе [Колесов 1986: 40–42; Степанов 2001: 555–562]. Специфической чертой данной концептуальной модели является ядерное положение компонента ‘близость, единство’ властителя и подвластного. Последний (младшее поколение) добровольно признает превосходство (экономическое, правовое, морально-этическое) власть предержащего (старшее поколение), рассчитывая на его покровительство (*Имѣти вамъ мене собѣ отцемъ, а мнѣ великому князю васъ держати въ сыновствѣ и во чти, безъ обиды*. Гр 1433). Руководитель-«отец» может быть строг, тогда как руководитель-«мать» только оберегает, но не наказывает (*и рече Олегъ се [Киев] буди мати градомъ русскими*. ЛЛ 1377, 8). Функцию властителя-покровителя может выполнять также «муж».

Характерная особенность «семейной» модели – тенденция к терминологизации ее членов. Уже в XI – XVII вв., например, эту функцию могут выполнять *отец, батюшка, мать, матушка* (ср. в документах по разинскому восстанию: *Да пожаловать бы вамъ породѣть за дом пресвятые богородицы.., и за батюшку за Степана Тимофѣевича, и за всю православную христианскую вѣру*. Разин 1670: 311).

В современном литературном языке данная модель наиболее востребована в политическом дискурсе. Показательно, что при использовании новых метафор идеологически сохраняется система традиционных семейных отношений, например, *мачеха* и *свекровь* – о несправедливой и склонной к агрессии власти (*Москва для Риги – свекровь, а не мать*). Есть и тенденция к терминологизации: *старший брат* – о русском народе по отношению к другим национальностям СССР; *отец народов* – о Сталине. Сейчас подобные номинации обычно используются иронично (*Уж не предлагаете ли вы рухнуть на колени и взмолиться: “Владимир Владимирович, на кого ты нас, Царь-батюшка, покидаешь?”*).

В сленге «семейная» модель власти чрезвычайно продуктивна в двух основных функциях. Во-первых, это терминологическое обозначение лидера неформального закрытого объединения (в уголовном арго *мама* – ‘глава преступной группы’; ‘содержательница притона’; в военном жаргоне *дед* – ‘старослужащий’). Во-вторых, это шутивно-ироничное обозначение начальника / контролирующего органа, чье отношение к подчиненным вряд ли отличается душевностью (студенческом жаргоне *мама* – ‘женщина-декан’; ‘женщина-ректор’; в молодежном жаргоне *панка* – ‘милиционер’; в офисном сленге *отец народов* – ‘об авторитарном руководителе’).

Вторая регулярная социоморфная модель власти основана на СП вооруженного конфликта (оппозиция: *победитель / побежденный*). В отличие от первой модели здесь основой для формирования метафор становятся признаки противоборства и активности (агрессивности) в отстаивании позиции лидера. С древнерусского языка по настоящее время наиболее активно по этому принципу переносные значения формирует глагольная лексика (*завоевать, покорить, пленить*). В XI – XVII в. речь, как правило, идет о власти идеологической, религиозной и этической, хотя возможно указание и на лидерство в семье, коллективе (*Мнози убо въ домъхъ рати имуть, да овъ отъ жены рать имать, овъ же отъ чадъ полоняемъ есть*. Изб 1073: 69). В современном русском литературном языке с помощью членов данного СП выражаются все типы «властных» ситуаций (*покоритель сердец; политический временицк*). В политическом дискурсе при описании предвыборной кампании эта лексика приобретает терминологические черты (*партия побеждает на выборах; представитель партии завоевывает власть*). Поскольку носители большинства социальных идиомов равнодушны к партийной и политической жизни, то данной концепции власти в них практически нет.

Третья (самая разнообразная) социоморфная модель власти формируется на базе оппозиций: *независимый / зависимый член общества*. Принцип переноса достаточно однотипен: власть ассоциируется с привилегированным членом социума; при метафоризации меняется сфера приложения исходной ситуации. Наиболее стабильными в диахронии оказываются варианты: (а) социальная элита → экономическая / идеологическая элита; лидерство в межличностных отношениях (*властитель дум; домашний диктатор; король положения; царица бала*); (б) экономическая элита → политическая / идеологическая элита (*хозяин положения; байские замашки советской номенклатуры*); (в) элита в одном типе общества → элита в другом (удаленном во времени и /или в пространстве) типе общества (*царские сатрапы*).

Стабилен во времени и ценностный компонент переноса. В частности, верховная власть, освященная церковью, обычно получает положительную оценку о сакрализации монарха в России: [Живов, Успенский 1987: 47–153]); власть, полученная в результате завоеваний, – отрицательную. Выборная и экономическая власть оценивается со знаками «+» / «-» (*рабовладелец, законодатель*). В то же время в современном литературном языке значительно увеличивается использование номинаций властителей недемократической ориентации, власть имущих в целом с позиции низших, подчиненных слоев, то есть с пейоративной оценочностью: актуализируются такие личностные качества лидера, как пристрастие к насилию, корыстолюбие, отсутствие привычки к труду (*сатрап, диктатор, тиран, феодал, барчук, барыня*).

Указанные особенности ярко проявляются в политическом дискурсе. (*Дикий капитализм породил племя региональных **феодалов и барчуков***), причем самыми востребованными при характеристике власти со стороны оппозиции оказываются социальные системы рабовладения и монархии. Естественно, использование такого рода метафор имеет негативный (иронический и саркастический) характер: *Как только мы поменяем конституцию, произойдет обычная **боярская аппаратная перестановка структур**, мы потеряем гигантское количество социального времени; Путин – **царь** и вся Руси-Малороссии; Да сейчас каждый собственник, хоть самой захудалой парикмахерской, фотосалона, – **рабовладелец!***

В современном сленге данная модель власти не менее востребована (*король – ‘главарь шайки’; ‘содержатель притона’; лидер коллектива; уважаемый человек’; барин – ‘начальник’; барон – ‘участковый’; бонза – ‘шеф’; боярин – ‘главарь’; вельможа – ‘начальник УВД, ОВД’; император – ‘глава компании’; ‘начальник ИТУ’; помещик – ‘директор совхоза’; ‘арендатор’*). Регулярно с помощью этой лексики называют крупных чиновников, контролирующие органы, лидеров внутри коллектива. Как и в литературном языке, востребованной оказывается монархическая терминология, хотя в целом источники метафоризации более разнообразные. В частности, регулярно используются современные реалии (*президент – ‘главарь преступников’; ‘лидер компании’; министр финансов – ‘жена’*); антропонимы – исторические и культурные деятели прошлого и настоящего, герои культовых фильмов и книг (*Борман – ‘начальник ИТУ’; ‘завуч’; Путин местного разлива – ‘губернатор; мэр’; марксы – ‘родители’; салтычиха – ‘авторитарный руководитель’; швондер – ‘бюрократ’*). Показательно, что наиболее продуктивна лексика, связанная с карательными органами сталинского периода и фашисткой Германией (*Мюллер – ‘начальник ИТУ’; ‘директор школы’; фюрер – ‘руководитель’; особая тройка – ‘об экзаменаторах’*).

С конца XIX в. в языке оформляется еще один вариант этой модели: некоторые профессии (должности) воспринимаются как привилегированные / престижные, что создает основу для формирования метафор власти. Самой устойчивой в литературном языке является театральная метафора, где властные функции закрепляются за такими профессиями: *кукловод* в театре марионеток; *дирижер, первая скрипка* – в оркестре; *режиссер* – в театре. В сленге лексика более разнообразна (*дирижер – ‘начальник ИТУ’; ‘главарь’; ‘лидер’; жандарм – ‘классный руководитель’; лесник – ‘прокурор’; мельник – ‘содержатель притона’; пастух – ‘начальник’; ‘работник милиции’; ‘директор’; пасечник – ‘участковый’*). Формируются и частные модели (ср. ассоциацию современных контролирующих органов с подобного рода органами прошлого: ‘работник милиции’ – *вахмистр, городской, жандарм*). Характерная особенность сленга – шутливо-ироничные номинации по принципу антонимии (*ассенизатор – ‘правительственная маши-*

на'; *кухарка* – 'руководитель'). Формирование каждого переноса имеет достаточно четкую мотивацию (ср. слова В.И. Ленина: «каждая кухарка сможет управлять государством»). Но общим является негативное отношение к власти со стороны носителей сленга.

Таким образом, социоморфная метафора используется для оценочной характеристики различных явлений той же социальной сферы, нравственных, моральных качеств личности. Формируемые модели едины для языка, но специфические особенности отражают картину мира носителей литературного языка и сленга.

Литература:

Балашова Л.В. Общественно-политическая лексика как источник метафоризации вне политического дискурса // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.

Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 2001.

Чудинов А.П., Будаев А.В. Концептуальные исследования в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000-2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2.

Е.Н. Бекасова

ПРОСТОРЕЧИЕ КАК ФЕНОМЕН ЦЕРКОВНЫХ РАСПРЕЙ

Московский период русской православной церкви начался с потрясений – отделения литовско-галицкой части и ставшей реальностью после падения Константинополя автокефалии. Вечные русские вопросы – кто виноват? и что делать? – со всей очевидностью встали перед русскими иерархами, озабоченными не только духовным, но и государственным строительством. Процесс поиска духовного и мирского устройства, компромисса “стяжательства” и “нестяжательства”, соотношения правоты веры и примата власти, “исправления” и “искажения”, подогреваемый внешним (латинствующим и греческим) и внутренним (еретическим и старообрядческим) критицизмом, превратил жизнь русской православной церкви в бесконечную полемику, раздор и “прю”, достигших всего апогея в её расколе и закончившихся поглощением церковной власти властью государственной при Петре I.

На смену спокойной уверенности и достоинству риторически украшенной церковной проповеди «Слова о законе и Благодати» митрополита Илариона приходят лично заинтересованные диалоги «в ответ» духов-

ному чаду, колеблющемуся в вере, идеологическому «супротивнику», еретику, а то и «акаяному, злобесному» вероотступнику или просто дураку. Неслучайно Иван Грозный в «Послании в Кирилло-Белозерский монастырь», во многом напоминающем духовное поучение отца к своим неразумным детям-монахам прежде всего многочисленными обращениями к Святому писанию и сочинениям отцов церкви, в первую очередь к творениям основателей крупнейших монастырей, неоднократно упоминает о беседе. Вершиной такого «беседования нашего» следует признать письмо Аввакума «отцам святым» и «преподобным маткам», создающим полный эффект присутствия Аввакума в монашеских кельях адресатов – «дерзнух из земли приитти в недра ваша. Освятите мя молитвами своими...», «простите батьки, пошол я к маткам-старикам в кельи», «повидался с вами». Иллюзия общения подчёркивается тщательно выстроенным виртуальным диалогом с ответными репликами «собеседников»: «Скажите ми кратко: «скажем ти, отче Аввакум, яко богу», «Рцыте ми, по-здорову душа и телеса ваша: «здрав буди, отец Аввакум». Задушевная беседа, естественно, приводит к «реченному просто» – «люблю брата, яко фусточку, себя же вменияю пред ним, яко онучку».

Такое жанровое своеобразие поучений, писем и посланий церковных иерархов в соединении с важностью затрагиваемых тем требовало не столько религиозно-философской эстетики, сколько обращения к живому разговору, по «грубости словес» граничащему с «лаем» и «блеванием нечестивых глаголов», прорывающему ограждения многочисленных ссылок на Святое писание. То, что в накалённое расколом время «огнепальный» протопоп Аввакум назовёт «вяканьем», сплавлялось в горниле так называемого «второго южнославянского влияния», с которым традиционно связывается усиление церковнославянского языка. Для вероисповедников соединение просторечия, «русского природного языка» с «виршами философскими» и «словесами красными» лежало в той же плоскости, что и теократический синтез греха и добродетели, жизни и смерти, профанного и сакрального, земного, хозяйственного, государственного и небесного, богомольного и неотмирного.

Уже «виднейший обличитель “безбожных ересей” Иосиф Волоцкий, демонстрируя сдержанность перед властью и выдержанность текстов в типичной церковнославянской манере, срывается в послании к княгине Голениной, попытавшейся отстоять своё право дорого не платить за поминовение усопших мужа и детей. Замахнувшаяся на «святое» стяжание церкви вдова получает соответствующую отповедь за то, что «бранилася», чтобы впредь «сама еси не оборачивалася, ни рядилася».

Богословско-полемические слова, послания на церковно-общественные темы, «учительные» сочинения периода церковного устройства и споров с великокняжеской и царской властью наполнены дотоле не ведомой иерархам невоздержанности и отступлений на позиции просторе-

чия. Уже были недостаточны отстранённо воспитательные религиозные произведения, насыщенные цитатами авторитетных авторов и сакральных текстов. Нужно было доходчиво объяснять свою позицию и отстаивать свои – нередко корыстные – интересы рвущихся к власти, в том числе и мирской, или борющихся с ней церковных иерархов. Факты уже не абстрагировались и не облачались в общепринятые выражения описаний воцарившегося содома и гоморры, а назывались прямо: да здесь Алексейко подъячей на поместье живет да напився пьян, да влез в часовню ... иконы вверх ногами переворочал, да дурную воду спускал и под.

Риторическая благодать осталась в прошлом, когда произошёл «великий раздор». Удивительное умение Аввакума «говорить своим природным языком, не унижая его и в церкви, и в дому, и в пословицах», – его знаменитое «вяканье», так неразрывно связанное с обликом неистового протопопа, на самом деле являлось вершиной развития того литературного просторечия, которое начиная с XV в. формировалось и развивалось в русле церковных распрей, поиска и отстаивания русской православной церковью своего места в христианском мире и государственной власти.

Феномен «церковного просторечия», соединивший «простую речь» с сакральными текстами, был важным шагом в сплетении двух языковых начал в системе литературного языка, приведший наряду с другими к его «двумерности», «симбиозу», «амальгаме», что обусловило, по утверждению Н.С. Трубецкого, его исключительные преимущества не только среди славянских, но и других литературных языков.

Т.В. Бердникова

**КРЕСТ КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ ПОНЯТИЕ
В ЖИЗНИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ**
(по материалам текстового корпуса с. Белогорное)

Человек в современном мире, где многие вещи не поддаются логическому объяснению, все чаще задумывается о душе. Как не раз отмечалось исследователями (А. Вежбицка, например) душа и духовность – качества, присущие русскому человеку и отличающие его от других национальностей. И действительно, если мы обратимся к страницам русской литературы, обнаружим постоянное обращение к духовной тематике. Помимо обыденной, повседневной жизни человек имеет и жизнь духовную, которая представляет собой отражение религиозного восприятия и мирозерцания.

Центральное место в духовной жизни религиозного человека занимает образ креста. Крест – основа православного вероучения, символ христианства. Не стоит объяснять, насколько важен крест как центральное духовное понятие в жизни христианина. Отметим только, что в Священном

Писании указывается на значимость креста в жизни человека: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» [Мф. 16. 24–25]. Таким образом, Сам Спаситель говорит людям о важности несения креста во имя Господа.

Такое же восприятие образа креста отражено в духовной культуре диалектоносителя. Диалектная речевая культура и обобщение окружающей действительности отличается от культуры носителей литературного языка. На основании различных признаков учеными выделяется диалектная картина мира, которая представляет собой «вариант национального образа мира, отраженный в совокупности территориально-социальных коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций» [Демидова, Злыденная 2006: 73]. В.Е. Гольдин и О.Ю. Крючкова в книге «Русская диалектология: Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты» отмечают, что когнитивная специфика русских народных говоров проявляется «в особом фокусе культуры сельских жителей (преимущественная направленность интересов носителей диалекта и тематика их общения); в специфическом осмыслении времени, пространства, природных объектов, семьи, домашних животных, мифологических существ; в формировании, оценке и способах передачи знаний; в составе прецедентных явлений, составе и строении прецедентных текстов» [Гольдин, Крючкова 2010: 7]. Когнитивная специфика проявляется и в осознании духовной жизни.

Мы обратимся к рассмотрению духовной жизни и образа креста как ее центрального понятия для жителей с. Белогорное (бывшей Самодуровки) Вольского района Саратовской области. Население деревни сформировалось в основном из староверов, однако жителями деревни являются и люди, исповедующие православную веру, их называют церковными.

Крест ими воспринимается как защита от всякого зла, напастей, жизненных трудностей и, самое главное, от нечистых сил: *потому что бесы падают от креста// они боятся/ вот//.*

«Благодатная сила дана крестному знамени потому, что Христос Своей смертью на Кресте, являющейся актом величайшего божественного самопожертвования из любви к Своему погибающему творению, победил сатану с его гордыней, освободил человека от рабства греха, освятил Крест как победоносное оружие и даровал его нам для борьбы с врагом рода человеческого – дьяволом» [Православный церковный календарь].

Так, в разговоре со студентами Круглова Зинаида Алексеевна говорит: *Не ходи никогда/ без креста. Надо/ чтоб носила всегда. Что/ у тебя теперь нет крестика- то?//*

%Есть дома%

О – о// Приедешь/ и скорей надевай его// Скорей надевай//

Жители с. Белогорное дополняют свой рассказ о необходимости ношения нательного крестика многочисленными историями и легендами. Вот одна из них:

три подружки/ ну вот как вы/ пошли на улицу// а им нужно было переходить поезд.../ это/ железну дорогу// и едут два значит поезда друг на друга// бес и говорит/ толкай одну-ту под поезд// бесы они по одному не ходят/ они по два/ по три// бес другому говорит// я не могу к ней приблизиться/ на ней говорит крестик висит// они бесы креста боятся// ну говорит другу толкай!!! а другую говорит я тоже не могу приблизиться// когда говорит она пошла из дома/ она говорит перекрестилась// понимаешь?// на ней уже крест весь день будет висеть/ хотя и нет нательного/ но она уже знамение крестное нанесла// ну говорит третью толкай!!! а третью тоже говорит/ не могу// когда говорит она пошла на улицу/ её говорит мать знаменовала// понятно?// и оне спаслись// и эту проповедь нам сам батюшка рассказывал в церкви// вот так вота//.

Восприятие креста как возможности духовного спасения не отражено в речи жителей с. Белогорное. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отвечает на вопрос о том, что же такое крест в евангельском понимании: «Прежде всего это реальность, изначальная данность нашего существования, которая присутствует в жизни каждого человека и не зависит от его воли. Свой крест нет необходимости искать, его не нужно специально для себя придумывать, ибо он уже существует в нашей жизни.<...> Крест в евангельском понимании — это страдание и боль, которые порождаются не зависящими от человека обстоятельствами, преодолеть которые он не в силах» [Электронный ресурс]. В речи диалектоносителей такое осознание креста не встречается.

Речь Кругловой З.А. полна назидательности: *когда идёте/ вот вы чувствуете перекрёсток/ на мостах/ вот две дороги перехлёстываются/ вот здесь ловят всё// здесь всегда надо крест держать или перекреститься/ на перекрётках// хоть мы.../ хоть/ может быть/ некоторые вот сейчас и думают в головах/ но это точно// это я уже на себе испытала//; Главное – Бога не забывают. В душе держите. Крестик надевайте. Вот так. У вас нет крестов.*

Диалектоносители дают свое определение понятию крест, в котором выражено осознание креста как защиты от нечистых сил: *крест – честная сила.*

Поэтому потерять или продать нательный крест – значит потерять защиту от зла и стать беззащитным перед нечистыми силами: *А то вот/ которые все кресты продали/ Крест продавший/ это все/ Это/ не жди хорошего.*

Жители с. Белогорное говорят и об обрядах, связанных с нанесением крестного знамения. Так, осознается необходимость молитвы перед вкушением пищи, которая сопровождается крестным знамением: *Вот Димульку (внука) наставляю: глядишь/ искрестился в момент/ Это перед обе-*

дом// А там везде// “Если/ говорит/ человек сел кушать/ да не перекрестился/ это считай/ как скотина у стойла//

Большое значение имеет и молитва Честному Животворящему кресту, которая, согласно литургическому канону, обязательно сопровождается осенением себя крестным знамением. Эту молитву вспоминают диалектоносители, однако в сокращенном виде: *Бес креста боится/ Пошли на улицу/ встал только/ пошли вы/ три слова только/ ничто они не скажут/ “Огради меня/ Господи/ силою честнаго животворящего креста// Аминь”// Будешь весь день огражена// На тебе/ весь день крест// Так вот// Обязательно//* (ср. канонический вариант: Огради мя, Господи, силой честнаго и животворящего Твоего Креста и сохрани мя от всякого зла).

Крест рассматривается жителями с. Белогорное и в контексте распятия. И старообрядцы, и «церковные» связывают распятие на Голгофе с образом креста, в данном случае распятие выступает как синоним к слову крест: *распятьё*.

О распятии на кресте слагают и духовные стихи, которые имеют черты апокрифа или былички, т.к. повествование в них отличается от канонического евангельского текста (каноническими являются четыре Евангелия – от Матфея, Марка, Луки и Иоанна). Так, в с. Белогорное распространен такой духовный стих:

*На горе Голгофе стояли три кресте.
На одном распяли Господа Христа.
Его распяли неверные жида,
А теперь грехами распинаем мы.
И венок терновый на главу ему
Грешный одевали Богу своему. <...>*

С образом креста связано и таинство крещения, которое отличается у старообрядцев и православных людей, которые ходят в церковь.

% а как крестят старообрядцы? мы просто не знаем, расскажите% как и в церкви!// только у нас крестят миром не мажут/ и волосы не стригут/ у нас крестят как в купели/ крестят всего человека/ три раза купают/ читают/ там крестный/ крестная/ крестный это сын е.../ если девочка/ то принимает/ крестна/ если мальчик то принимает крестный/ с полотенцем/ крестик одевают/ поясок подвязывают/ и девять дней не купается//

Таким образом, можно сказать, что крест является центральным понятием духовной жизни жителя с. Белогорное Вольского района Саратовской области. Крест воспринимается как защита от нечистой силы. В духовной культуре жителей села не отмечено осознание креста как пути к спасению, ни разу не встретилось словосочетание «нести крест», которое является одним из основополагающих православного вероучения.

Литература:

Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Русская диалектология: Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурологический аспекты. – Саратов, 2010.

Демидова К.И., Злыденная Т.А. Ценностный аспект русской диалектной языковой картины мира // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. – СПб., 2006.

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. – Саратов, 2006.

Православный церковный календарь на 2005 год. – Кострома, 2005.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Слово о кресте.// Электронный ресурс: http://azbyka.ru/hristianstvo/iisus_hristos/mitropolit_kirill_slovo_pastyrua.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Крестная смерть Спасителя // Электронный ресурс: http://azbuka.ru/hristianstvo/iisus_hristos/mitropolit_kirill_slovo_pastyrua.

О.В. Борщева

ИНФОРМАТИВНАЯ, ОБРАЗНАЯ И ЦЕННОСТНАЯ ЗОНЫ КОНЦЕПТА *ЛЕНЬ* И ИХ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ В РУССКОЙ ИДИОМАТИКЕ

Каждой национальной культуре присущи определенные концепты, нашедшие отражение в идиоматике языка и являющиеся неотъемлемой частью картины мира. Среди концептов, значимых для русского национального сознания, выделяют *ЛЕНЬ*, четко противопоставленную, но тесно связанную с концептами, характеризующими трудовую деятельность. Материалом исследования послужили данные фразеологических словарей [Алефиренко, Золотых 2008; Большой фразеологический словарь русского языка 2009; Фразеологический словарь современного русского литературного языка 2004; Фразеологический словарь русского языка 1994] и словарей пословиц и поговорок русского языка [Даль 1957; Жуков 1991], полученные в результате сплошной выборки.

ЛЕНЬ – это модальный, оценочный по своей сути концепт, у которого образная и ценностная зоны представлены значительно более регулярно, нежели информативная зона. Вместе с тем система репрезентантов позволяет выделить понятийную часть содержания концепта. Она базируется на основном значении концептообразующей лексемы *лень* – «Отсутствие желания трудиться, склонность к безделью».

Среди репрезентантов *ЛЕНИ* ядерными в идиоматике являются члены словообразовательного гнезда концептообразующей лексемы: *лень, ленивый, лентяй, лениться, пролениваться (Ленивый и могилы не стоит)*, а также существительные *безделье, праздность, лодырь (Маленькое дело лучше большого безделья; Праздность – мать пороков; Лодыря гонять)*.

С помощью данных репрезентантов реализуются основные сигнификативные признаки концепта («незанятость ничем», «отсутствие дела как полезной трудовой деятельности»), причем данные признаки в идиоматике

рассматриваются как проявление поведенческих характеристик человека, его отношения к жизни, т.е. ЛЕНИ: человек не делает ничего не тогда, когда этого дела нет (работы всегда много, ее не переделать и за всю жизнь), а тогда, когда он не хочет этого (*Люди за дело, а мы за безделье; Дело не голуби, не разлетятся; Ленивому всегда праздник; Послал бог работу, да отнял чёрт охоту*). Однако частотность использования ядерных лексем в фразеологических единицах (далее – ФЕ) относительно невелика – около 8% от общего числа фразеологизмов.

Более последовательно в составе ФЕ представлены слова из околоядерной зоны, называющие конкретные виды праздного, с точки зрения языкового коллектива, времяпровождения, а также наименования лиц, подверженных этому пороку: пространственная лексика (горизонтальное или сидячее положение, ненаправленное движение), физиологическая лексика (сон), а также артефакты, предназначенные для сидения, лежания, сна (*Видывали мы сидней, поглядим на лежня; Слоном слоняться; Хочешь есть каша, так не сиди на печи; Хоть чего не доешь, так долежишь*). Характерно, что при реализации данного концептуального признака регулярно используются две лексемы из тематической группы «Части тела» с конкретизацией их пространственной ориентации: *руки* (один из основных репрезентантов трудовой деятельности, но сложенные, опущенные, неподвижные или, напротив, в нецеленаправленном движении) и *бок* (горизонтальное положение тела) как символы бездеятельности вследствие лени (*Отлежав бочка, не любо за молотило взяться; Не сиди сложа руки, так не будет и скуки; Люди пахать, а мы руками махать; У него руки висят отболтались; Руки не протянешь, так и с полки не достанешь*). С бездельем как проявлением ЛЕНИ устойчиво ассоциируются также определенные жесты, мимические движения: почесывание головы, ковыряние в носу, позевывание, открытый рот, положение рук под одеждой (*Чесать в затылке; Ковырять в носу; Руки в брюки; Спустя рукава; Пойду погулять, на белый свет позевать*).

К периферийной зоне репрезентантов концепта ЛЕНЬ относится лексика из семантических полей «Принятие пищи», «Творческая деятельность», «Коммуникативная деятельность», «Игра, праздник и веселье», «Пьянство». Именно эти виды человеческого бытия и времяпровождения в традиционном сознании противопоставлены созидательной трудовой деятельности (*Лень лени и за ложку взяться, а не лень лени обедать; Ленивому будень чем не праздник?; В переборочку играть; Либо ткать, либо прясть, либо песенки петь*). В то же время в русской идиоматике отражено, например, представление о необходимости приема пищи для успешной трудовой деятельности. Однако приоритет труда над ним неоспорим (*Кто ест скоро, тот и работает скоро; Легко поел, легко и сделал; Ленивый к обеду, ретивый к работе*).

Регулярным способом манифестации концепта ЛЕНЬ являются отрицательные конструкции с лексемами из лексико-семантического поля

«Трудовая деятельность» (*Работа не чёрт, в воду не уйдёт; Не бравшишь за топор, избы не срубишь*). К этой группе примыкает также указание на некоторые виды трудовой деятельности – легкой или нерезультативной (*Бить баклуши; Носить воду решетом*).

Поскольку концепт ЛЕНЬ по своему содержанию относится к числу модальных, оценка включена в его базовую часть: ядро, околоядерная зона и периферия активно участвуют в выражении отношения языкового коллектива к данной личностной характеристике и социальному явлению.

Нейтральных употреблений в идиоматике практически не представлено, а основной ценностной характеристикой является крайне негативное отношение к анализируемому явлению. В частности, это проявляется в самом использовании ядерных и околоядерных лексем, оценочных по своей сути. Включение в реализацию концепта лексики из периферийной зоны связано со специфическими синтаксическими конструкциями, выполняющими концептуально значимую функцию. Восприятие сна, приема пищи, веселья, игры и т.д. как проявления ЛЕНИ связано с таким компонентом, как признак замещения. Бездействие, покой, речевая деятельность становятся бездельем, праздностью, если осуществляются вместо работы, за ее счет, а также в период, предназначенный для трудовой деятельности. На синтаксическом уровне это проявляется в частотности в использовании антитез, сопоставления и т.п. (*Только бы пить да гулять, да дела не знать; Живёт не жнет, а хлеб жуёт; Праздники помнит, а будни забывает; Хороводить – не цепом молотить; Доплясались, что без хлеба остались; Ныне гуляшки и завтра гуляшки – находишься без рубашки*).

Оценка периферийных лексем концепта выражается с помощью эпитетов, причем обычно это не прямые номинации со значением «плохо» / «хорошо», хотя есть и такие, а косвенные, концептуально значимые (*Звенят бубны хорошо, да плохо кормят; Ленивый и могилы не стоит; Ударнику – уваженье, лодырю – презренье*). Негативно оценивается гедонизм, необременительность, а также развлекательный характер указанных способов времяпрепровождения (*Жить весело, да есть нечего; Есть потешно, работать докучно; Играть не устать, не ушло бы дело*).

В ряде случаев негативная оценка связана с конкретными социально-историческими явлениями прошлого. В частности, русскому натуральному хозяйству в течение многих веков было присуще общинное пользование. Такая форма ведения хозяйства могла порождать безответственность. В то время как на Западе человек трудился для достижения собственного блага и мог полагаться только на себя, в России в условиях общинной формы жизни можно было не бояться остаться без средств к существованию. Отсюда возникало желание «увильнуть» от работы (т.е. лености) и впоследствии воспользоваться плодами чужого труда (иждивенчества), что широко представлено ФЕ за счет противопоставления зон концепта ТРУД и концепта ЛЕНЬ, которые закреплены за разными членами общины, причем

часто в соотношении один к семи, за счет несоответствия объема работы и числа участников трудового процесса (*Один с сошкой, а семеро с ложкой; Семеро одну соломину поднимают; Двое пахут, а семеро руками машут; Любо глядеть на молотильщиков (только бы самого не заставили); На работу позадь последних, не еду наперед первых*).

Однако другой характерной особенностью экспрессивно-оценочной зоны концепта ЛЕНЬ в идиоматике является возможность если не положительной, то снисходительной оценки этого человеческого качества. Данный тип отношения к праздности напрямую связан с содержательным наполнением концепта ТРУД. Поскольку трудовая деятельность мыслится как тяжелая, трудоемкая и постоянная (от ночи до ночи, почти от рождения до самой смерти), то инстинкт самосохранения может диктовать необходимость именно ЛЕНИ в ущерб ТРУДОЛЮБИЮ (*Дело не малина, в лето не опадёт; Была бы охота, а впереди ещё много работы; В дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет*).

Вместе с тем такая оценка не может быть абсолютизирована, поскольку, с одной стороны, число ФЕ с ярко выраженной негативной позицией по отношению к ЛЕНИ, безусловно, преобладает, с другой, – даже в ФЕ такого типа содержится ирония: русский человек признает за собой наличие такого порока и иронизирует сам над собой. Однако концептуальную значимость такой позиции по отношению к ЛЕНИ подчеркивают фразеологизмы, в которых инстинкт к самосохранению, физическому и душевному здоровью выступает в качестве жизненной позиции (ср.: *Мешай дело с бездельем, проживёшь век с весельем; Мешай дело с бездельем, с ума не сойдёшь; Ленивому не болит в хребте*).

Таким образом, основными содержательными характеристиками концепта ЛЕНЬ в идиоматике являются следующие: это сознательный отказ от работы, праздное времяпрепровождение или имитация активной деятельности вместо созидательной трудовой деятельности. В ФЕ конкретизируются типичные для русского сознания представления о праздном времяпрепровождении (о безделье): состояние сна или покоя, бесцельные прогулки, увеселительные мероприятия (песни, танцы, игры). Имитация созидательной деятельности ассоциируется с активными, но бесцельными телодвижениями и наиболее простыми, не связанными с жизненно необходимыми видами трудовой деятельности. Наконец, важным компонентом концепта ЛЕНЬ является ориентация человека на удовлетворение своих потребностей в еде и сне, а не на выполнение социальных обязанностей (трудовой деятельности). С точки зрения ценностной зоны ЛЕНЬ – это свойство человеческого характера и особенность поведения, резко осуждаемые языковым коллективом. Вместе с тем это качество может свидетельствовать и об умении успешно существовать.

Литература:

- Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г.* Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М., 2008.
- Большой фразеологический словарь русского языка. / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 2009.
- Даль В.* Пословицы русского народа. – М., 1957.
- Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. – М., 1991.
- Фразеологический словарь современного русского литературного языка. / Под ред. А.Н. Тихонова. Справочное издание: В 2 т. – М., 2004.
- Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А.И. Молоткова. – Спб., 1994.

А.И. Буранова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЫ В КОНФЕССИОНАЛЬНО НЕОДНОРОДНОМ ГОВОРЕ

Религия составляет значительную часть жизни общества на протяжении всей истории человечества. Религиозное мироощущение, религиозная мораль и церковные установки глубоко проникают в повседневную жизнь народа. Они даже могут становиться частью местного своеобразия. Религиозно-конфессиональные факторы глубоко и обширно воздействуют на все стороны жизни общества. По мнению Н.Б. Мечковской, «это не «воздействие» на жизнь, а сама жизнь» [Мечковская 1998: 25].

В селе Белогорное Саратовской области сложились две противостоящие друг другу религиозные общины: последователи традиционной церкви, или «церковные» и последователи старообрядчества. Неоднократно отмечалось, что внутри каждой конфессиональной группы формируются собственные религиозные взгляды и суждения [Никитина 2009; Крючкова 2008]. Следствием подобной социокультурной ситуации является актуальность религиозной тематики в речи диалектоносителей.

Для анализа из корпуса текстов, записанных от жителей села Белогорное, были сформированы два массива. В первый массив вошли фрагменты религиозной тематики из текстов, записанных от последователей традиционного православия. Их объем составил 19358 словоупотреблений. Во второй массив вошли фрагменты религиозной тематики из текстов, записанных от старообрядцев. Объем текстовых фрагментов составил 16993 словоупотребления. Оба массива были обработаны с помощью специальной компьютерной программы Kartateka, в результате чего был получен словник и частотные характеристики всех словоупотреблений.

Для исследования были выбраны существительные, используемые диалектоносителями для наименования бога и существ, противопоставляемых ему.

Рассмотрим единицы, используемые для наименования бога в речи последователей официальной церкви: *бог, всевышний, владыка, господь,*

святой дух, Христос. Данные лексемы являются синонимичными и взаимозаменяемы во многих контекстах.

господь/ господь простит/ если будет кто бога просить и молиться/ всё равно/ господь простит.

Наиболее частотными лексемами в данном ряду являются лексемы *бог* (87 словоупотреблений) и *господь* (79 словоупотреблений). Лексемы *всевышний* и *владыка* имеют единичное употребление.

Несмотря на то, что все эти лексемы являются синонимами, в их употреблении имеются некоторые различия. Так, последователи официальной церкви чаще используют лексемы *господь* и *Христос* при пересказе библейских сюжетов:

видал/ как сатана сказал Иисусу Христу// на гору возвел его/ поклонись мне/ я тебе все царство отдам// а господь-то не сделал этого;

а господь как сказал/ Иисус Христос/ будешь в раю вместе со мною// понятно?// а этот насмехался// этот что?// в ад пойдёт.

Лексемы *бог* и *всевышний* используются в более общих контекстах, где речь идет о существовании бога и о вере в бога:

а он говорит/ а я в бога не верю;

что если человек болеет/ он чаще бога призывает;

надо всевышнему// чтоб он услышал// надо поставить крест.

Лексема *господь* используется информантами, когда всевышнему приписываются какие-то активные действия (*Крещение-то/ а господь сверху луч подаёт// значит что-то там есть, на небесах-то; потому что господь сразу определил/ который добрый*), тогда как все молитвы и прошения возносятся именно богу (*господь простит/ если будет кто бога просить и молиться/ всё равно/ господь простит; если человек болеет/ он чаще бога призывает*).

Номинация *святой дух* употребляется последователями традиционного православия в общих контекстах и является полным синонимом лексем *бог* и *господь* (*а он/ вишь/ дух святой все может делать// вот/ у господа вся сила*). В то же время данная лексема может использоваться информантами для наименования только одной из ипостасей единого Бога (*почему так долго святой дух не воплощался на земле/ мол/ так долго ни в одну деву?*).

В речи информантов-старообрядцев для обозначения бога используются следующие лексемы: *бог, господь, святой дух* и *Христос*. Если сравнить данный синонимический ряд с соответствующим синонимическим рядом в речи последователей официальной церкви, то очевидно, что в речи информантов-старообрядцев отсутствуют лексемы *всевышний* и *владыка*. Наиболее частотными, как и в речи последователей традиционного православия, являются лексемы *бог* (32 словоупотребления) и *господь* (25 словоупотреблений).

Как и в речи последователей традиционного православия, в речи старообрядцев лексема *Христос* употребляется преимущественно при пересказе сюжетов из Библии:

Христос шел по земле/ потому что оне золотые венцы не заслужили.

Лексемы *господь* и *бог* употребляются, когда информант приписывает всевышнему совершение каких-то действий:

*видишь какой **Бог** ему дал/ дар-то// вот;*

*парень/ его **господь** вот не пожалел/ он помер.*

Для информантов-старообрядцев, как и для последователей традиционной церкви, характерно употребление лексемы *бог*, когда речь идет о вознесении молитв:

*с еретиком/ вот не пить/ и не есть/ и не вкупе **богу** молиться.*

Характерной чертой как последователей традиционного православия, так и старообрядцев является более частое употребление лексемы *господь* в функции вокатива:

*вот боюсь только всё бога прошу/ **господи**/ ты меня не парализуй/ а парализуй сразу/ сразу/ сразу/ не на года.*

Представление о боге во многом сходно у представителей обеих конфессиональных групп. Так, последователи традиционного православия уважительно относятся к богу и наделяют его особой силой:

*если обрekli чего/ тоже в такую трудную минуту/ исполняйте/ не откладываете// <...> и у вас на душе будет легче/ и всё исполнено будет перед **богом**.*

Кроме того, в большинстве контекстов прослеживается уверенность, что бог простит и всегда поможет:

*вот/все время **бога** просите/ где бы вы ни были;*

*если **богу** будешь молиться/ да/ услышал молитву/ и послал тебе женишка/ любой из вас.*

Негативное отношение наблюдается к тем людям, которые не верят в бога, отрицают его. Для информантов это является чем-то абсолютно неприемлемым:

*еще беззаконье-то ладно// а еще людям говорила/ что **бога** нет// иди/ говорит/ в муку вечную/ бесконечную.*

В речи представителей старообрядческой общины также прослеживается уважительное отношение к богу и вера в его всемогущество:

*какая бы власть ни заступила она посылается **богом**/ и ей надо по-виноваться.*

Но для информантов-старообрядцев более характерна уверенность в том, что бог накажет человека за грехи:

*разве **бог** там будет терпеть?// он сказал/ буду мучить до конца.*

Последователи обеих конфессиональных групп уверены в том, что существует несколько вер, а бог один для всех:

***бог** один/ вот дочка/ а сорок вер// (последователи традиционной церкви);
устав он наш// и он один// и **бог** один// вот это вот веры/ вот оне и получилось/ раскол-то// (старообрядцы).*

В речи представителей разных конфессиональных групп представления о существах, противопоставляемых богу, также некоторым образом отличаются. Рассмотрим лексемы, используемые последователями официальной церкви для наименования противников бога: *бес, бесина, лукавый, сатана, сатанина*. Данные лексемы в речи информантов являются антонимичными по отношению к лексемам, обозначающим бога:

Устин-то с бесом познался/ а Устинья/ женищина/ она молилась богу.

Наиболее частотной лексемой в данном синонимическом ряду является лексема *бес* (24 словоупотребления). Лексемы *бесина* и *сатанина*, используемые для усиления негативной окраски, в речи информантов имеют единичные употребления и используются в эмоционально-экспрессивных контекстах:

господи/ прости меня грешную// бесины-то как затягивают туды; не курите// не курите// бросьте// если кто курит/ бросьте// <...> вот так вот// не можете// это самое скверное дело// сатанину во рту держать.

Лексема *сатана* употребляется информантами преимущественно при пересказе сюжетов из Священного Писания:

Видал/ как Сатана сказал Иисусу Христу/ на гору возвел его/ поклонись мне/ я тебе все царство отдам.

Лексема *лукавый* в речи представителей традиционного православия встречается только при воспроизведении информантами фрагментов молитв:

видишь//да избавь нас от лукавого.

В речи информантов-старообрядцев встречаются следующие лексемы, обозначающие противников бога: *бес, дьявол, сатана, антихрист*. В речи информантов-старообрядцев лексемы *сатана* и *бес* встречаются значительно реже, чем в речи последователей официальной церкви. Лексемы *дьявол* и *антихрист* в речи «церковных» зафиксированы не были, тогда как в речи старообрядцев они достаточно частотны (3 и 5 словоупотреблений соответственно).

вот что ты будешь делать// вот внушил нечистый дух// дьявол говорит залезет/ в душу-ту;

это самый чистый сатана// он придёт антихрист/ это будет дело// только нескоро// а скоро в будущем/ вот я Оракул получаю/ журнал/ там сказано/ в шестнадцатом году/ заступит антихрист.

Следует отметить, что информанты-старообрядцы имеют представление о том, как выглядят существа, противопоставляемые богу, и описывают их внешность:

это сам дьявол// оне вон и в этих показывают/ и рога/ и хвосты/ и всё/ оголят говорит его лицо проклятое/ этого Антихриста/ и заставят снять перчатки/ он будет в перчатках/ возглавлять/ снимут перчатки-ти/ а у него когти собачьи// вот такой будет Антихрист.

В целом, для информантов из обеих конфессиональных групп характерно употребление лексем, обозначающих противников бога, в отрицательно-оценочных контекстах:

за тебя надо молиться// ну а если не перекрестились// сатане поклонились/ сатане;

а вот этот вот Антихрист как наступит/ вот... две тыщи... две-тысячный год и двухсот первый... две тысячи первый/ тяжёлые года/ будут/ тяжёлые.

Вышеприведенные лексемы чаще всего употребляются, когда речь идет о грехах и соблазнах для верующего человека (*а бес не велит молиться/ не велит/ тяготит; дьявол говорит залезет/ в душу-ту// вот он и залазает//вот ты бы надела вот/ степенно-то платьице и хорошо б/*).

В целом, проанализировав лексемы, которые используются для обозначения центральных понятий в каждой религии, можно сделать вывод о том, что функционирование данных лексем во многом сходно в речи представителей разных конфессиональных групп. Наблюдаемые различия обусловлены религиозным мировоззрением, сложившимся в каждой из религиозных общин. Существующая в каждой из конфессиональных групп система взглядов и ценностей оказывает влияние на ее представителей, что находит отражение в лексических особенностях их речи.

Литература:

Крючкова О.Ю. Христианская картина мира в конфессионально неоднородном традиционном социуме // Славянский мир: вера и культура. – Самара, 2008.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М., 1998.

Никитина С.Е. Саратовская область как пространство устной конфессиональной культуры // Кабинет фольклора. – Вып. 3. – Саратов, 2009.

Н.А. Григоренко ОБ ОДНОМ ФРАГМЕНТЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА КАМЧАДАЛА

Общее представление о языковой картине мира можно получить, исследуя её фрагменты с точки зрения семантических моделей восприятия конкретного участка денотативного пространства конкретным социумом. Сконструировать подобную модель можно, выделяя из семантических структур лексем семантические признаки различной степени абстракции, выстраивая на их основе парадигмы разных ступеней обобщения.

Покажем это на примере лексической группы «дикорастущие пищевые растения», функционирующей в говорах камчадалов.

Дикорастущие пищевые растения играли в прошлом достаточно большую роль в жизни камчадалов. Как отмечают этнографы, «собира-

тельство – самое древнее занятие женщин-камчадалок, которое сохранило своё значение до первой четверти XX века. Это занятие обеспечивало питательной витаминизированной пищей хозяйства камчадалов, дополняло и разнообразило их однообразный рыбный стол» [Орлова 1999: 46]. Флора Камчатки насчитывает достаточно большое количество растений, обладающих пищевыми свойствами. Многие из них хорошо знакомы камчадалам, активно использовались ими в прошлом и популярны до сих пор.

Названия пищевых растений в камчатских говорах представляют собой лексическую группу, имеющую родо-видовой принцип построения. В качестве родового функционирует наименование *едовые растения*, являющееся диалектным, функционирующее в говоре со значением: «Травянистые дикорастущие растения, употребляемые в пищу человеком». *Едовы́е расте́ния – сьедо́бныйе, кото́рыйе э́ли. Млк.*

Данная группа предполагает выделение двух микрогрупп – «Названия дикорастущих трав, употребляемых в пищу» и «Названия дикорастущих ягодных растений», противопоставленных по дифференциальному признаку (далее ДП) «характер использования». Первая микрогруппа объединяет названия растений, у которых в пищу используется само растение (либо корневая часть растения, либо побег). Вторая группа – названия растений, у которых в пищу используется плод – ягода. В данной статье остановимся на анализе первой микрогруппы.

Микрогруппа включает наименования трав, активно употребляемых камчадалами в пищу в прошлом и настоящем: *сарана́ : сара́нка : шара́нка = сараны́шка // сарана́ чёрная : сара́нка чёрная = чёрная ли́лия = сарана́ круглая : кругля́шка / сарана́ красная = остроно́ска / овся́нка : опша́нка = тамы́к : тэмэ́к = кудря́шка / кемчы́га : кымчы́га : кемцы́га = ива́шко / чехо́ха : цехо́ха = кауро́н = сарана́ бе́лая / одноли́стка; ну́чка : ну́чка // ну́чка горя́чая = ну́чка колю́чая = ну́чка жгу́чая = борщевы́к = сла́дкая трава́ / ну́чка холо́дная = шелома́йник : шалама́нник : шала́мник : шлама́нник : салома́нник : шалома́тник / ну́чка морко́вная : морко́вник = морко́вная трава́; па́поротник // орля́к : ворля́к / вела́мкуч : вала́мкуч; мака́риша : мака́рса; куку́шкины тамарки́ : тамарки́ : тумарки́ = троели́стка : трёхло́стка; кипре́й : кипра́й : крипе́й : крипре́й : крыпре́й : кипре́ник = ива́н-чай; лебя́жий цвето́к; хмель = ди́кий хмель = хмель лесово́й; ща́вель = ки́слица : ки́шлица : кисли́ница; черемша́ : черемша́нка; ди́кий лук = лук лесово́й = лук полево́й².*

Самым популярным пищевым растением у камчадалов была так называемая *сарана́*. Данное слово не отмечается словарями ЛЯ, следовательно

² Условные обозначения: = – синонимы; : – варианты; // - противопоставленность по роду и виду; / - противопоставленность по виду.

но, является диалектным, но не собственно камчатским, поскольку ещё Стеллер Г. В. отмечал татарское происхождение этого слова. В словаре Даля данное слово отмечено со значением: «Сибирская красная лилия; зовут сараной и др. лилии» [Даль 1989-1991: 4, 138]. В камчатских говорах словом *саранá* называют несколько видов растений с луковичным корнем, обладающим пищевой ценностью, а также сам луковичный корень этих растений. Данный факт отмечается многими этнографами [Крашенинников 1949; Кузмищев 1842; Стеллер 1999].

В данном случае мы имеем дело с так называемым наименованием-«губкой», достаточно часто встречаемым в диалектной фитонимике и отмеченным диалектологами. Основной особенностью наименования-«губки» «является то, что оно объединяет (в нём отражаются) различные виды и подвиды, близкие в каком-либо отношении. Эта близость может быть весьма приблизительной, а с точки зрения специалиста-ботаника отсутствовать вовсе, так как часто основана на чисто внешнем или функциональном сходстве» [Копчева 1971: 127]. Растения, объединяемые камчадалами под общим названием *саранá*, имеют питательный корень. Большинство из них относятся к семейству лилейных. Процесс расчленения такого наименования в говоре, обусловленный необходимостью дифференциации растений, в целом аналогичен процессу видовой деления в научной классификации. Название, выражающее родовое понятие (само название-«губка»), может входить в составные наименования в сопровождении конкретизаторов, которые приобретают статус видового компонента (здесь прослеживается аналогия с формированием научных терминов). Например, *чёрная саранá*, *красная саранá*, *саранá белая*. В этом случае имеют место формально-семантические оппозиции, образуемые противопоставленными родовым обозначением (гиперонимом) и видовыми обозначениями (согипонимами). *Саранá // саранá чёрная / саранá красная / саранá белая*.

Родовое понятие может не отражаться в видовых наименованиях, при этом родство обозначаемых реалий (в данном случае условное родство, основанное на подобии этих реалий) может выражаться опосредованно. *Кудряшка – саранá, кудрявый цветок, оранжевый. Млк. На севере, где Тилички, вместо сараны кемчига, это та же саранá, другой сорт, крупнее как картошка. Клч.* В этом случае имеют место собственно семантические оппозиции и отношения «род – вид» и «вид – вид» обнаруживаются только в результате семного анализа. *Саранá // овсянка / кемчига / чехоха / однолистка*.

Таким образом, в народной систематике, основанной в данном случае не на родстве растений, а на их подобии, слово *саранá* выражает родовое понятие и объединяет названия *саранá чёрная : саранка чёрная = саранá круглая : кругляшка / саранá красная = остроноска / овсянка : опшанка = тамик : тэмэк = кудряшка / кемчига : кемцига / чехоха : цехоха = каурон = саранá белая / однолистка*, выражающие видовые понятия. Все наименования в данной родо-видовой мини-группе являются диалектными.

Наименованиями *саранá чёрная* : *сарáнка чёрная* = *чёрная ли́лия* = *саранá кру́глая* : *кругля́шка* в камчатских говорах называют **ря́бчик камча́тский** (*Fritillaria camschatcensis*). *Чо́рнайá саранá, она́ же кругля́шка, за́пах неприя́тный. Заготовля́ли сарáнки чо́рные, по кни́ге ря́бчик назы́ва́йца. Камчада́лы по о́сени заготовля́ют сарану́ - чо́рну́ю ли́лию. Кругля́шка, она́ цветёт цо́рными цветка́ми. Млк. Саранá кру́глая, бе́лая. Квр.*

Наименованиями *саранá кра́сная* = *остроно́ска* именуется **ли́лия пенсильванская (даурская)** (*Lilium pensylvanicum*). *Кра́снайá саранá, си́льно осыпа́йца, цвето́к большо́й, кра́сный, у ей корешо́к рассыпа́йца. Млк. [Остроноска – вид сараны. (СРКН 1977: 121)].*

Номинативами *овся́нка* : *опиáнка* = *тамíк* : *тэмэ́к* = *кудря́шка* обозначают **ли́лию слабую** (*Lilium debile*). *Различа́йуца: чо́рнайá – кругля́шка, ора́нжевайá – офся́нка. Млк. Кудря́шка – саранá, кудря́вый цвето́к, ора́нжевый. Тамíк кру́глая, на одно́м три светка́, си́пко мно́го цвёту. Квр.* Лексемы *овся́нка*, *кудря́шка* являются диалектными, варианты *тамíк* : *тэмэ́к* заимствованы из ительменского языка.

Вариантами *кемчи́га* : *кымчи́га* : *кемцы́га* на Камчатке местные жители называют **кле́йтонию клубневу́ю** (*Claytonia tuberosa* Pall). «Кемчига – название, данное этому растению казаками (не ительменское)» [Стеллер 1999: 260]. *На се́вере, где Тили́чики, вме́сто сараны́ кемчи́га, это та́ же саранá, друго́й сорт, крупне́йе, как карто́шка. Клч.* Растение, обозначаемое наименованиями *чехо́ха* : *цехо́ха* = *кау́рон* = *саранá бе́лая, одноли́стка* идентифицировать не удалось.

Аналогичным названием-«губкой» в камчатских говорах является наименование *пу́чка*, которым именуют некоторые виды зонтичных растений, стебли и корни которых также активно употреблялись камчадалами в пищу. [«Там много сладкой травы – «пучки». Так называют и теперь всюду на Камчатке молодые стебли зонтичных и шеломайника, которые едят сырыми как лакомство» (СРКН 1977: 146)]. Наименования этих растений в камчатских говорах образуют минигруппу, основанием объединения слов в которой является подобие растений. *Пу́чка* – родовое наименование, объединяющее видовые: *пу́чка горя́чая* = *пу́чка колю́чая* = *пу́чка жгу́чая* = *борщевíк* = *сла́дкая трава́* / *пу́чка холо́дная* = *шеломáйник* : *шалама́нник* : *шалама́нник* : *саломáнник* : *шаломáтник* / *пу́чка морко́вная* : *морко́вник* = *морко́вная трава́*.

Лексема *пу́чка* : *пу́чка* не отмечена в словарях ЛЯ, следовательно, является диалектной. В словаре Даля отмечена со значением: «Ствол растн. борщъ, *Heracleum sibiricum*, борщевникъ» [Даль 1989-1991: 3, 545]. В камчатских говорах данное слово выступает в качестве обобщающего наименования, называющего несколько видов зонтичных растений. Оно входит в качестве родового компонента в состав составных наименований, сопровождаясь конкретизаторами, имеющими статус видового компонента

и выполняющими различительную функцию. [Пуцки ешт горящие, ешт холодные. Вот эти вот горящие принишот домой. Штарухи шадут, их нацишит ножом. Шкура-то шнимит у йих и на вировоцки на цирдаке там навэщит. Это на жиму. Кхч. (СРКН 1977: 146)]. *Пу́чки ёсть жгу́чийе, как крапи́ва, и морко́вныйе, как морко́фка. Млк.*

Наименованиями *пу́чка горя́чая = пу́чка колю́чая = пу́чка жгу́чая = борщеві́к = сла́дкая травá* в говоре камчадалов называют **борщеві́к шерстистый (*Heracleum lanatum*)**. *Пу́чка какá-то колю́цайа и пу́чка такáйа вот, морко́внайа назывáйеца. Пу́чки ёсть жгу́чийе, как крапи́ва, и морко́вныйе, как морко́фка. Млк. В огоро́де борщевика́ мно́го. У.-Б. Сла́ткайа травá, пу́чка, она́ полéзна селавéку. Кзр.* Все наименования являются диалектными. Слово *борщеві́к* также в словарях литературного языка (далее ЛЯ) не отмечено, заимствовано из научной терминологии.

Номинативами *пу́чка холо́дная = шелома́йник : шалама́нник : шала́мник : шлама́нник : салома́нник : шаломáтник* в говоре именуют **шеломáйник камча́тский (*Filipendula camtschatica*)**. *Шаломáнник – пу́чка такóй. Сбл. Пу́чка холо́днайа – шалама́нник, ко́рни пу́чки ёли. Кипре́й йёли, на ца́й кипя́тили, шолома́тник то́зе вме́сто ца́я. Млк.* Слово *шеломáйник* заимствовано из научной терминологии. Варианты *шалама́нник : шала́мник : шлама́нник : салома́нник : шаломáтник* и синоним *пу́чка холо́дная* являются диалектными.

Наименованиями *пу́чка морко́вная : морко́вник = морко́вная трава* называют **куны́рь лесно́й (*Anthriscus sylvestris*)**. *Морко́вник растёт, она́ морко́фкой па́хнет. Длн. [Морковная трава. (СРКН 1977: 103)]. Пу́чки ёсть жгу́чийе как крапи́ва и морко́вныйе как морко́фка. Млк.* Слово *морко́вник* зафиксировано в МАС, имеет одно из значений: «Травянистое растение сем. зонтичных, с листьями, напоминающими листья моркови» [МАС: 2, 300], следовательно, является общерусским. Вариант *пу́чка морко́вная* и синоним *морко́вная трава* являются диалектными.

Наименования папоротника также образуют мини группу: *па́поротник // орля́к : ворля́к / велáмкуч : валáмкуч*. На территории Камчатской области произрастают два вида папоротника (**орля́к (*Pteridium aquilinum*)** и **страусник обыкнове́нный (*Matteuccia struthiopteris*)**), являющиеся съедобными. Носители диалекта различают их. *Па́поротник сйедо́бный растёт в боро́вом ме́сте – орля́к. Ворля́к – то́зи па́поротник, то́ко ево́ ку́сать мо́зно би́ло. Велáмкуч ми ку́сали, то́зи па́поротник. Валáмкуч – расте́нийе лесно́йе, цвита́ет оди́н рас, висо́койе, вирезны́йе листóчки, он и ёсть па́поротник сйедо́бный. Млк.* Таким образом, наименования папоротника в камчатских говорах представляют собой мини группу, возглавляемую общерусским словом *па́поротник*, имеющим в ЛЯ значение: «Высшее споровое растение с крупными, сильно рассечёнными или сложными листьями» [МАС: 3, 19]. В говорах камчадалов значение дополняется семантическим признаком «травянистое».

Лексема *орляк* является общерусской, в ЛЯ имеет значение: «Один из видов папоротника» [МАС: 2, 640]. Имеется в виду *орляк (Pteridium aquilinum)*. Соответственно словом *велáмкуч : валáмкуч* в говоре называют *страусник обыкновенный (Matteuccia struthiopteris)*. Варианты являются диалектными, собственно камчатскими, предположительно, заимствованными из ительменского языка.

Словом *мака́рша : мака́рса* камчадалы называют *змеевик живородящий (Bistorta vivipara)* [Стеллер 1999, 259]. [Корешок розовый, сверху белый, листья как у хрена. Раньше кушали с икрой. Насушат и кушают. Длн. (СРКН 1977: 98)]. *Мака́рша – корёнья ли́ли, с ри́бой ку́шали. Ягд.* Слово не зафиксировано в словарях ЛЯ, следовательно, оно является диалектным, в говорах камчадалов имеет следующие значения: «1. Растение змеевик живородящий (*Bistorta vivipara*). 2. Корень этого растения». В словаре Даля оно отмечено со значением: «Растен. змеинь-корень, *Poligonum Bistorta*» [Даль 1989-1991: 2, 290]. В камчатских говорах, как видим, при номинации имеется в виду растение того же рода.

Наименованиями *куку́шкины тамарки́ : тамарки́ : тумарки́ = троели́стка : трёхли́стка* в камчатских говорах называют *триллиум камчатский (Trillium camtschaticense)*. *Тамарки́ на сыро́м ме́сте росли́. Троели́стка на ту́ндре растёт, на боло́тах. Млк.* [Тумарки трёхлистка, бывают яготки. Тумарки – стебель толстый, белые листья на верх, а в листьях ягода фкусная. Коз. (СРКН 1977: 174)]. *Тумарки́ трёхли́стка, быва́ют яготки, во́зле боло́та расту́т, едят их. У.-К.* Данные наименования в словарях ЛЯ не отмечены, являются диалектными.

Названия *кипрéй : кипра́й : крипе́й : крипре́й : крыпре́й : кипрени́к = ива́н-чай* используются камчадалами для обозначения растения, имеющего в научной терминологии наименование *кипрей, хамерион узколистный (Chamerion angustifolium)*.

Слова *кипрéй* и *ива́н-чай* являются общерусскими, в ЛЯ имеют значения: *кипрéй* – «Высокое травянистое растение с пурпурными или розовыми цветками и пушистыми семенами» [МАС: 2, 50]; *ива́н-чай* – «Высокое травянистое растение сем. кипрейных, с метёлкой пурпурно-розовых цветков на верхней части стебля» [МАС: 1, 627]. В говорах камчадалов данные слова имеют те же значения, функционируют в качестве синонимов. *Ива́н-чай зава́ривали, кипре́й. Млк. Кипре́й едят то́же, ива́н-чай ево́ешо́ называ́ют. У.-Б.* Все остальные варианты – диалектные.

Наименование *лебя́жий цвето́к* употребляется камчадалами для названия растения, имеющего в научной терминологии название *калужница болотная (Caltha palustris)*. Наименование является диалектным. *Лебя́жий цвето́к, их ко́рни достава́ли из воды́, сусы́ли и по́зже ели, но давно́ было, мать раска́зывала. Млк.*

Название *хмель* (в научной терминологии *хмель ла́зящий (Humulus scandens)*) или *хмель япо́нский (H. Japonicus)* является общерусским, в ЛЯ

имеет следующие значения: «1. Вьющееся растение сем. тутовых, некоторые культурные виды которого используются в пивоварении. 2. Собира. Соцветия этого растения в виде шишек. 3. Состояние опьянения» [МАС: 4, 608]. В камчатских говорах слово зафиксировано в первом значении. *Хмель – это растэнийе, вьйоца по дерэвьям с сирэневыми цветка́ми. Квр.* В говоре зафиксированы также диалектные составные наименования *дикий хмель = хмель лесово́й*, функционирующие в качестве синонимов. *Собира́ли в лесу́ хмель дикий, де́лали из него́ дрóжжи. Млк. Хмель лесово́й сусы́ли, дрóззи с него́ де́лали. Длн.*

Названиями *щавель : сявель = кйслица : кйшлица : кислиница* в говоре недифференцированно именуют несколько видов растений: *щавель ланландский (Rumex lapponicus)*, *щавель воробьиный (Acetosella vulgaris)*, *щавель приальпийский (R. alpestris)*. *Щавель собира́ли, с са́харом, лу́тшие лимона́. Длн. Кйслица – это щавиль, кисель из него́ ва́рят. У.-Б.* [Шычас ё нажывають сцявил, а раньше кишлицей нажывалэ. Кхч. Ест такое растение. ислиницей называют. И по-русски тозе таг зэ. Т. (СРКН, 79)]. *Тепе́рь сявель, а тода́ билá кислиница, ди́кайа, в лесу́ росла́. Млк.* [СРКН 1977: 79].

Лексема *щавель* является вариантом литературного слова *щавель*, в ЛЯ имеющего значение: «Травянистое растение сем. гречишных, с продолговатыми съедобными листьями кислого вкуса» [МАС: 4, 739]. В говорах отмечен синоним *кйслица* (ср. в ЛЯ *кисли́ца*). Слово в ЛЯ имеет следующие значения: «1. Травянистое растение с белыми цветками, в листьях которого содержится щавелевая кислота. 2. Народное название некоторых трав, плодов, ягод, имеющих кислый вкус» [МАС: 2, 51]. Как видим, слово *кйслица* является диалектным вариантом литературного *кисли́ца*. Кроме того, данным наименованием в говорах именуют также красную смородину. Таким образом, слово *кйслица : кйшлица* можно считать многозначным, имеющим значения: «1. Щавель. 2. Красная смородина». [Кишлица, красна смородина. Е. (СРКН 1977: 79)].

Наименованием *черемша́ : церемса́ : черемша́нка* на Камчатке называют *лук охотский (Allium ochotense)*. *Собира́ли черемшу́, она́ де́сна укрепля́ет. У.-Б.* Слово *черемша́* – общерусское, имеет значение: «Вид дикорастущего лука, по вкусу и запаху напоминающий чеснок» [МАС: 4, 663]. Варианты *церемса́ : черемша́нка* диалектные.

Наименованиями *дикий лук = лук лесово́й = лук полево́й* местные жители называют два вида дикорастущих луковых растений: *лук скорода (Allium schoenoprasum)* и *лук торчащий (A. Strictum)*, активно используемых в пищу. *Мы из леса́ вози́ли полево́й лук, на бата́х вози́ли, соли́ли ево́. Длн. Ди́кий лук был вездé, мы ложы́ли, э́ли ево́ с со́лью, с мя́сом. Анв. Лук лесово́й лу́ссе. Млк.* Все составные наименования являются диалектными.

Итак, мы получили идеографическую модель, характеризующую специфику восприятия одного фрагмента окружающего мира камчадалами.

Литература:

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / В.И. Даль. – М., 1989-1991.
- Копочева В.В. О народной ботанической номенклатуре // Актуальные проблемы лексикологии. Доклады лингвистической конференции. – Ч. 1. – Томск, 1971.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – М.-Л., 1949.
- Кузмищев П. Собрание особенных, или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке // Москвитянин. – Ч.2. – 1842. – №3.
- Орлова Е.П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. – СПб.
- Словарь русского камчатского наречия / под ред. К.М. Браславца. – Хабаровск, 1977. (СРКН)
- Словарь русского языка: В 4-х т. / Ин-т рус. яз. АН СССР; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984. (МАС)
- Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камч., 1999.

А.В. Иванча

ВЫРАЖЕНИЕ СЕМАНТИКИ ИНТЕНСИВНОСТИ В КОНТЕКСТАХ С УСИЛИТЕЛЬНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Для выражения интенсивности говорящие прибегают к разнообразным средствам, особое место среди которых принадлежит именам прилагательным. Сочетания существительных с усиленными прилагательными занимают значительное место в Словаре усиленных словосочетаний русского и английского языков И.И. Убина и в Словаре русской идиоматики Г.И. Кустовой [Убин 1987; Кустова 2008]. Ср.:

*Все-таки я завидую вашему **богатырскому** здоровью, Генрих Иванович!* [Липскеров 1996].

*Что же это вы пустились в путь-дорогу, а меня, старого рыбака и **заядлого путешественника**, оставили дома?* [Сергеев 1971];

*Последняя фраза Седых была неприкрытым намеком на трудные отношения, сложившиеся у **дотошного**, упертого, как называли за глаза, **начальника** управления безопасности со многими влиятельными в банке фигурами* [Данилюк 2003].

Употребление прилагательных в роли интенсификаторов высказывания базируется отнюдь не только на характере их лексического значения, включающего сему интенсивности (ср. *завидный, бешеный, буйный*). Интенсифицирующая функция прилагательных обеспечивается обширным арсеналом средств всех языковых уровней, наводящих, поддерживающих, актуализирующих семантику усиления.

К фонетическим средствам актуализации интенсифицирующей функции прилагательных относятся, например, пролонгированная фонема в слове (*Он **тако-о-ой** большой!*); прием скандирования – разбиения лексической единицы на слоги (*Судя по прессе, вы упорно продолжаете ра-*

ботать, печатаетесь, хотя и не часто, но злободневно, да и тема-то у вас актуальная – ми-ли-цейс-кая! В. Астафьев). Использованием фонетических актуализаторов достигается эффект «наведения» (по И.А. Стернину) семантики усиления на прилагательные, синтаксически связанные с такими актуализаторами. При этом «наведенная сема всегда создает экспрессивность словоупотребления»; «важной особенностью наведения сем как семного процесса является его обязательный эмоционально-оценочный характер» [Стернин 1988: 17].

Интенсифицирующая функция прилагательного может быть связана с использованием словообразующих морфем или форм превосходной степени, которые часто выступают актуализаторами семантики интенсивности, заложенной в лексическом значении производящего прилагательного. Ср.: *А мне обязательно нужен огромнейший краб, - сказал Зыбин. – И не такой, как на рынке, там их вываривают и кроют лаком, такого я даром не возьму.* Ю.О. Домбровский (согласно трактовке, приведенной в Словаре русского языка в 4-х томах, *огромный* – ‘очень большой по своим размерам, величине; громадный’); *Молодежь у нас талантливейшая, такой потенциал!* Л. Улицкая (*талантливый* – ‘обладающий талантом’ (*талант* – ‘выдающиеся природные способности, высокая степень одаренности’); *И, наверное, правильно; время – это самая тираническая из диктатур.* А. Столяров (*тиранический* – ‘самовластный, деспотический’).

Нарушение семантического согласования исходной основы и присоединяемого форманта при образовании прилагательного с усилительной функцией характерно для конструкций с отрицанием, ср.: *Если я высылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы...* А. Рыбаков. Подобные образования входят в ряд усилительных средств с корневой семантикой малого, реализующих в конструкциях с отрицанием усилительную функцию (ср.: *ни грамма, ни капельки, ни минуточки*).

Аналогично словообразовательным и морфологическим дериватам с разноуровневым дублированием семантики интенсивности нередко строятся и словосочетания с усилительными прилагательными. В таких словосочетаниях контекстами (определяемыми словами) усилительных прилагательных являются существительные, также наделенные в той или иной степени семантикой интенсивности. Например: *Стало темнеть, и казалось, что тьма пришла от невыносимой людской тоски, от измучившего всех холода, от голодухи, грязи, от бесконечной военной муки.* В. Гроссман (*тоска* – ‘тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога; о том, что вызывает у кого-л. состояние душевного томления, сильной скуки, уныния’; *мука* – ‘сильное физическое или нравственное страдание’). Семантикой интенсивности охарактеризованы в приведенном контексте также и другие имена существительные – *холод, грязь*. Отметим, что в НКРЯ данные су-

существительные характеризуются достаточно высокой степенью сочетаемости с усилительными прилагательными (*дикий/вечный/крещенский холод, ужасная/многолетняя/ядовитая грязь*).

Для большинства контекстов с прилагательными-интенсификаторами характерен процесс нагнетания сем – процесс поддержания и актуализации единицами широкого контекста усилительной семантики, выражаемой именами прилагательными. Ср.: *В душе ее вздымались волны, ревел черный ураганный ветер, а там, где раньше было место Эле-Фантика, образовалась нестерпимая, как бездонная пропасть, пустота* [Дорофеев 2003]. Сема интенсивности, выступающая как компонент семантической структуры прилагательных *ураганный, нестерпимая*, получает множественное выражение в приведенном контексте, дублируется глагольными формами *вздымались, ревел*, сравнительным оборотом с усилительным словосочетанием, оценочно актуализуется с помощью метафорического употребления прилагательного *черный*.

Широко распространено в контекстах с усилительными прилагательными нагнетание глаголов:

***Вихревой** смерч взметнулся, огонь погнало ветром, перебросило через окопы, и по всей передовой высоте, где с разведчиком и телефонистом сидел Третьяков на наблюдательном пункте, сменив командира батареи, осталась выжженная до корней трав земля, прах и пепел.* Г.Я. Бакланов (ср. в приведенном контексте также отмеченное выше дублирование семантики интенсивности в узком контексте прилагательного *вихревой*, образующем словосочетание с существительным *смерч*).

В контекстах с усилительными прилагательными зафиксировано значительное количество глаголов-интенсификаторов, использование которых объясняется особенностями семантики существительных, являющихся минимальными контекстами прилагательных и допускающих при себе активное употребление глагольных метафор. Во многих случаях семантика интенсивности у глаголов является фразеологическим приращением, фразеологической добавкой в акте словообразовательной деривации. Наиболее регулярными словообразовательными моделями являются модели глаголов с префиксами *за-, раз-, на-, про-, от-, из-* и др. Данные приставки не имеют значения интенсивности, однако, соединяясь с мотивирующими словами, стимулируют возникновение интенсифицирующего значения у производных глаголов. Ср.: ***Бесценные** сведения эти выкладывала школьница так подробно и толково, будто отбарабанивала учительнице хорошо подготовленное домашнее задание.* [Азольский 1997].

Интенсифицирующая функция прилагательного нередко поддерживается посредством нанизывания других прилагательных, выступающих в роли контекстуальных синонимов и приобретающих в результате семантического «наведения» усилительное значение. Ср.: *И все это покрывалось **безмерным** желанием уйти ото всего этого в какую-то круглую, теплую,*

давно ей знакомую щель и погрузиться там в сон более глубокий, где нет ни запахов, ни боли, ни тревожного стыда, неизвестно откуда взявшегося. [Улицкая].

Продуктивным способом усиления значения интенсивности прилагательных служит употребление фразеологических единиц. Знаменательно в плане интенсификации расширение границ ФЕ. Н.П. Гераскина, И.Я. Свинцицкий и А.Ф. Артемова в диссертационных исследованиях рассматривают структурно-семантические преобразования ФЕ, направленные на усиление их значения [Гераскина 1978; Свинцицкий 1985; Артемова 1991]. К таким преобразованиям относятся: вклинивание, замена компонентов и добавление. Н.П. Гераскина отмечает, что структурные изменения влекут за собой изменения семантические, так как вклинивающийся элемент усиливает значение фразеологизма. Ср.: *Ведь это именно он, а не кто-то другой, вот уже которую неделю сбивает цены на «акции», вешая своим «друзьям» увесистую лапшу на уши про каких-то «**беспредельных** залетных конкурентов»!* [Милованов].

В качестве лексических средств актуализации семантики усилительных прилагательных употребляются также:

– наречия в сравнительной степени (*Чем сильнее было это **безумное** расширение, разбегание тела, тем острее было желание сжаться в песчинку, уничтожиться... Л. Улицкая);*

– междометия (*Господи, как я люблю тебя! – прозвучали **безнадежные** слова. Потом он отвез ее в город, у подъезда они кивнули друг другу, и он уехал. Е. Белкина);*

– единицы с отрицанием (*Никто, кроме церкви, не обладает столь развитой иерархической структурой, имеющей силы посрамить принципы их **безбожного** социалистического централизма. Е. Чижова);*

– обороты с кванторными словами (*Ибо на Земле из этого сделали бы **адскую** машину, равную по мощности не одному десятку тех, что уничтожили Хиросиму. О. Гладков);*

– дейктические единицы, сигнализирующие о наличии логического ударения на сочетании с усилительным прилагательным (*Это-то у него сохранилось – **абсолютный** слух. Грекова);*

– эмфатические выражения (*До чего же **бестолковая** баба эта тетя Тоня, просто на удивление! И. Безладнова).*

Значительная роль в актуализации усилительного значения имен прилагательных принадлежит синтаксическим конструкциям. Среди них:

– лексический повтор (*<...> с какой зреют только самые **баснословные идеи**, набухая подспудно, а вовсе не приходя во сне, как любят обманывать шарлатаны – **идеи**, которым суждено перевернуть жизнь человека. Н. Климонтович);*

- полисиндетон (*Потому что не было ни приговора, ни обжалования. Был аккуратный бланк формата почтовой открытки. Вот примерно такой.* Ю.О. Домбровский);
- парцелляция (*Золотой муж. Бесценный муж. Ценимый муж.* Т. Набатникова);
- восклицательное предложение (*Тут уж я ничего не мог сделать со своей неугасимой любознательностью!* Л. Разгон);
- риторический вопрос (*Да разве ж можно – такие безбожные цены?* С. Иванов).

Таким образом, в процессе интенсификации высказывания оказываются задействованы единицы практически всех уровней языка. Анализ контекстов с усилительными прилагательными свидетельствует о том, что такие прилагательные являются значимыми прагматическими элементами дискурса, служат важнейшим способом реализации коммуникативной интенции речевого воздействия, для достижения которого нередко используется нагнетание разноуровневых усилительных средств.

Литература:

- Артемова А.Ф.* Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал: Дис. ...д-ра филол. наук – СПб., 1991.
- Гераскина Н.П.* Фразеологические конфигурации в парламентских выступлениях (на материале субстантивных фразеологических единиц в современном английском языке): Дис. ...канд. филол. наук – М., 1978.
- Свиницкий И.Я.* Фразеологические единицы субъективной оценки личности в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук. – Киев, 1985.
- Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени/ Под ред. Г.И. Кустовой. – М., 2008, <http://dict.ruslang.ru/magn.php>
- Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1999.
- Стернин И.А.* Наведение сем в значении слова // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней. – Уфа, 1988.
- Убин И.И.* Словарь усилительных словосочетаний русского и английского языков. – М., 1987.

Н.А. Илюхина

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ МЕХАНИЗМОВ ОБРАЗНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЗНАНИЯ

Образная речь до недавнего времени считалась принадлежностью преимущественно художественного и публицистического стиля. Со смещением исследовательского внимания на когнитивные истоки метафоры и метонимии в поле зрения естественным образом оказались разные сферы их бытования, в том числе разговорная речь, обнаружившая не меньший в целом удельный вес образных выражений, чем какая-либо другая. Кроме

того, до последнего времени более заметной была тенденция «выводить» современные образные словоупотребления лишь из мифологических и иных культурных традиций при недостаточном внимании к живым процессам, в том числе когнитивной природы, которые доступны наблюдению в спонтанной разговорной речи.

Подчеркну исходную для статьи мысль: отношения смежности между реалиями в их восприятии человеком являются значимыми для порождения образных выражений и для формирования метафорических моделей, которые на регулярной основе интерпретируют соответствующую сферу действительности и входят в структуру соответствующего концепта в качестве образной формы категоризации реалии. Это положение объясняет логику и когнитивные механизмы формирования концептуальных метафор - в той мере, в какой они поддаются наблюдению. Впервые этот процесс на примере метафорической концептуализации гнева показал Дж. Лакофф: в основе метафор гнева, по его оценке, лежат телесные гештальты [Лакофф 2004]. В ряде моих публикаций показано, что метонимический механизм (базирующийся на смежности реалий в их восприятии человеком) играет решающую роль в образной концептуализации знаний об абстрактных реалиях разных денотативных сфер (суточного времени, эмоций, государственной власти и др.), в образовании ключевых для концептуализации этих сфер метафорических моделей. См. об этом: Илюхина 2005; 2008.

Вместе с тем когнитивная опора на отношения смежности является значимой и для концептуализации знаний о реалиях предметного характера. Именно такой языковой материал является предметом рассуждения в этой статье – некоторые особенности образной концептуализации знания о денотативной сфере «автомобиль – водитель – пассажир».

Соотношение такого рода реалий в их восприятии человеком, как известно, порождает многообразные в своих конкретных лексических воплощениях метонимические номинации, которые базируются на отношениях смежности между человеком и иными предметами (натурфактом, артефактом, абстракцией): *Кларнет обиделся на дирижёра* (из речи музыкантов); *Физика* (не *физичка!*) *заболела* – *Я сегодня ушел с Марии Ивановны* ‘с урока физики’ (из речи школьников); *сдать Зиброву, пойти на Зиброву, уйти с Зибровой, принести Зиброву, списать по Зибровой* (из речи студентов); широко распространенное в устной и письменной форме объявление торговых, развлекательных заведений: *Мы открылись*; а также *Мы открыты для вас до утра*³.

Такие номинации имеют целью сокращение речевой цепочки. Во многих случаях (как в примере с именованями *физика* ‘учитель физики’ и *Мария Ивановна* ‘урок физики’) наблюдается двунаправленность переноса имён

³ В этой ситуации дифференциация обозначений заведения и персонала для посетителя не важна.

(перенос и имени учителя, и названия учебной дисциплины), хотя в виде устойчивых номинаций два вектора переноса реализуются с разной частотой.

На базе отношений смежности между автомобилем и водителем в их восприятии человеком в системе языка и в языковой картине мира формируются две соотносительные метафорические модели, представляющие собой результаты двунаправленного переноса в рамках ассоциативной связи двух представлений 'машина – человек': олицетворение автомобиля и «механизация» человека. Приведу примеры олицетворения автомобиля, отмеченные в разных типах дискурса, и метафоры «механизации» человека.

1. Номинативные (терминологические) метафоры-олицетворения, базирующиеся на соматизмах и артефактах из сферы человека: *пальцы, кулачок, плечо рычага, ложе цилиндра*), ср. также разговорные и рекламные выражения *родные агрегаты машины* (в отличие от запчастей), *потроха от машины, обувь для автомобиля*; к ним примыкают нередко воспринимаемые в качестве метафор именованная *автомом, автокосметика* и подобные.

2. Экспрессивные метафоры-олицетворения в публицистической, художественной, разговорной речи, ср.:

А) в публицистической речи: *57% износ машин (что бы нам ни говорили об их легендарном долголетии) – это почти то же, что у каждой второй из них «предынфарктное» состояние. В любой момент может случиться сердечный приступ* (Комсом. правда);

Б) в поэтической речи, например, персонифицированный образ самолета в «Песне самолета-истребителя» В.Высоцкого: *Я - «Як», истребитель, / Мотор мой звенит, / Небо – моя обитель, - / А тот, который во мне сидит, / Считает, что – он истребитель. / В этом бою мною «юнкерс» сбит – / Я сделал с ним, что хотел, - / А тот, который во мне сидит, / Изрядно мне надоел!*⁴;

В) примером из обыденной речи могут служить многократно отмеченные автором в г. Самара тексты «от имени автомобиля», выведенные пальцами на грязном автомобиле, типа *Уже чешуся. Помой меня*.

3. Технические метафоры, интерпретирующие сферу человека в бытовом и художественном типах дискурса: *В мозгу заржавели шестеренки; Сердце барахлит; В пояснице заклинило, Мотор стал плохо качать (о сердце); А вместо сердца пламенный мотор; Убери свой задний бампер*.

Названные метафорические модели (олицетворение автомобиля и «механизация» человека) на когнитивном уровне связаны между собой как результаты взаимонаправленного осмысления двух феноменов (сквозь призму друг друга), объединенных в восприятии человека типовой ситуацией. Вместе с тем эти метафорические модели соотносятся и с другим, на

⁴ В песнях В.Высоцкого воплощены олицетворенные образы влюбленных автомобилей («Песня о двух красивых автомобилях»), влюбленных кораблей («Жили-были на море...»), микрофона («Песня микрофона»).

первый взгляд самостоятельным явлением – с двунаправленным метонимическим переносом: переносом названия транспортного средства на лицо (чаще пассажиров) и переносом названия лица на транспортное средство. Ср.,

с одной стороны, типичные обозначения пассажиров через название транспортного средства: *Автобус возмутился; возмущенный автобус; Вся маршрутка горячо обсуждала повышение цен*; а также более редкие – обозначения водителя через название транспортного средства: *Сейчас уговорю «ГАЗель», чтобы отвез нас; В аварии виноваты «Жигули»*;

с другой стороны, обозначения транспортного средства через фамилию водителя в следующих диалогах: – *А это кто?* (говорящий кивает на маршрутное такси, в котором нет водителя) – *Это Коновалов* (машина называется по фамилии водителя или владельца); – *Кто вчера на линии сломался?* – *Коновалов*.

Корпус подобных языковых фактов неоднороден. Если приведенные примеры допускают интерпретацию через понятие *переноса имени* по метонимической логике (т.е. как образование метонимически производных ЛСВ у слов, называющих машину или человека, – системных или ситуативно-речевых), то целый ряд фактов, входящих в тот же корпус, не поддаются непротиворечивой трактовке через это понятие.

Так, интересны факты нерасчлененного воспроизведения в речи этих двух смежных предметных реалий, названных именем одной из них. Приведу реплики телефонного разговора водителей маршрутных такси: *Я еду пустой, а ты полный?* В этом выражении местоимения 1-го и 2-го лица указывают не только на лиц (водителей), но и на транспортное средство – вопрос касается заполненности пассажирского салона. Ср. эквивалентное выражение со снятой диффузностью, которое выглядит искусственным: **Моя машина едет пустая, а твоя [машина] – полная?* По пути на конференцию в поезде автор этих строк поймала себя на аналогичном выражении (в вопросе к проводнице): *Мы до Саратова поедem полупустыми* [или по дороге вагон будет заполняться пассажирами]?

В вопросе пассажира, адресованном водителю: *Вы до Солнечной идёте?* (вместо выражения *Вы до Солнечной едете?*) – использован глагол *идти*, по своему значению относящийся к транспортному средству (до остановки «Солнечная» *идёт* маршрутное такси). Выбор глагола в данном случае свидетельствует о неосознанном отождествлении водителя и машины или о переносе названия действия машины на водителя, – переносе, осуществленном на базе этого отождествления.

Ср. подобное выражение в телефонной реплике пассажира, сидящего в автобусе: *Я стою в пробке на Солнечной*. Замечу: в пробке стоят машины, а пассажир сидит (ср. иные обозначения ситуации: нейтральное *Я в пробке* и редкое *Я сижу в пробке*). Выражение *стою в пробке* в речи сидящего пассажира свидетельствует об объединении (комплексном восприятии и обо-

значении) автобуса и пассажиров. Если интерпретировать процесс в терминах переноса, то глагол *стоять* (в пробке) в данном случае переносится с характеристики собственно автобуса на автобус, осмысляемый вместе с пассажирами, и на каждого отдельного пассажира. Ср. также выражение *Сколько людей стоит в пробке!* (добавлю: *сидя* при этом в машинах).

Рассмотрим реплику телефонного разговора водителя с водителем другой маршрутки, стоящей в пробке впереди: *Это ты впереди меня идёшь? Я вижу твою спину* (объективно видна верхняя задняя часть машины, но не спина водителя). Интерпретацию приведенного высказывания в терминах переноса трудно признать убедительной: если в выражении *вижу твою спину* ('верхнюю часть машины') можно усмотреть результат переноса названия части тела с водителя на машину, выражение *ты впереди меня идёшь* допускает двойную квалификацию – как перенос свойств с машины на водителя (*машина впереди идет – ты впереди меня идёшь*), и как перенос имени с водителя на машину (*машина впереди идет – ты впереди меня идёшь*).

Независимо от вектора переноса очевидно, что в таких случаях речь идёт о машине и водителе, воспринимаемых и оцениваемых нерасчлененно: о водителе, управляющем машиной, или о машине, управляемой водителем. Корпус приведенных фактов в когнитивных терминах может быть интерпретирован как оперирование концептом гештальтного типа, в котором объединены две предметные реалии, связанные типовой ситуацией.

Приведем другие выражения, в которых нерасчлененно обозначаются и характеризуются водитель и машина: (в телерепортаже с места ДТП) *Сзади в меня врезалась другая машина. Она разбила мне весь зад; Мужик из Челябинска тут недалеко сломался* (о поломке КамАЗа). В период сильных морозов в общественном транспорте часто можно слышать, как пассажиры по мобильному телефону спрашивают адресата: – *Ты завелся? Не завелся?* В приведенном ранее примере *В аварии виноваты «Жигули»* – автомобиль и водитель мыслятся также вместе: водитель действует посредством автомобиля.

Приведенные факты коррелируют с многочисленными случаями употребления глаголов, в исходном и метонимически производном значениях называющих действия человека и используемого им орудия: *крестьянин пашет* (сохой, на тракторе) – *трактор пашет; тракторист работает – трактор работает; экскаватор роет котлован – экскаваторщик роет котлован; колхозник молотит зерно – комбайн молотит зерно; машина едет – пассажир едет; автобус привез участников конференции – Иванов привез участников конференции* и т.д. Эти регулярные метонимические переносы в речи (часто закрепленные словарем в метонимически производных ЛСВ) поддерживают в актуальном состоянии ассоциативную связь между смежными реалиями, являющимися компонентами одной ситуации.

Лексически многообразная реализация метонимических переносов обеспечивает не только проникновение образа механизма в сферу характеристики человека (метафорическое использование технической лексики по отношению к человеку) и, напротив, образа человека по отношению к механизмам, но и закрепление этих ассоциаций в качестве ключевых метафорических моделей.

Хотя отмеченные показатели механизма образной категоризации знания характерны для разных типов речи, разговорная речь отличается особенностями, обеспечивающими **обнажение** неявных проявлений этих механизмов: свободой от жестких норм словоупотребления, спонтанностью порождения высказывания, важностью экспрессивного фактора в условиях непосредственного общения. Рассмотренные факты нерасчлененного воспроизведения элементов одной ситуации в разговорной речи, приоткрывая когнитивные процессы категоризации и воспроизведения знания, производят впечатление своеобразного «мостика» – *недостающего связующего звена, сводящего в одну картину принципиально разные, на первый взгляд, явления*: лексическую метонимию, олицетворение и метафору как регулярные способы номинации и категоризации знания об одной денотативной сфере. Таким образом, смежность представлений о компонентах одной ситуации в рамках единого гештальта многообразно проецируется на язык, языковую картину мира и речь.

Итак, категоризация знания, его хранение и речевое воспроизведение в нерасчлененном виде, как было показано выше, имеют следствием несколько самостоятельных явлений, выходящих за рамки разговорной речи: образование пар соотносительных метафорических моделей, входящих в число регулярных для соответствующих сфер способов образной категоризации знания, регулярные двунаправленные метонимические переносы имен – восходящие к нерасчлененному гештальтному представлению.

Наряду с этим укажу на факт **намеренного** воспроизведения нерасчлененного образа в тексте рекламного видеоролика, создающего нужный экспрессивно-прагматический эффект. С рассматриваемой денотативной сферой (автомобиль – человек) непосредственно связаны тексты рекламы автомобилей, в которых нерасчлененный способ обозначения и характеристики автомобиля и водителя (владельца) используется в качестве специального приема, например: *Экстремальная натура. Свобода в твоём характере* (Land Rover Freelander); *Разве что-то способно тебя остановить?* (Renault Clio III). Здесь можно усмотреть олицетворение автомобиля, его персонификацию с актуализацией психологических качеств и состояний либо характеристику владельца-водителя, выбирающего автомобиль, который удовлетворяет его запросы. Рекламный слоган, характеризующий автомобиль через указание на качества его обладателя, непосредственно апеллирует к соответствующим психологическим качествам покупателя (потенциального водителя). Таким образом, слоган создает дву-

значность, базирующуюся на подчеркнута недифференцированной оценке автомобиля и водителя.

Литература:

Илюхина Н.А. Номинация и образное моделирование концепта 'власть, государство' (о единой базе метонимии и когнитивной метафоры) // Язык и общество в синхронии и диахронии / Труды и материалы Международной научной конференции, посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Лидии Ивановны Баранниковой (Саратов, ноябрь 2005 г.). – Саратов, 2005.

Илюхина Н.А. Роль фразеологии в исследовании происхождения когнитивной метафоры // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Международной науч. конф.: в 2 т. – Белгород, 2008. – Т. 1. Идиоматика и познание.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении/ Пер. с англ. И.Шатуновского. – М., 2004.

Ю.В. Каменская

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА КАК ФРАГМЕНТ ДИАЛЕКТНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Актуальным направлением современных исследований является изучение особенностей концептуализации различных сфер действительности. Под концептуализацией мы понимаем формирование сложного многопланового феномена, координирующего представление о явлениях действительности и их репрезентацию в языковой картине мира. Языковая картина мира реализуется в различных вариантах (национальных, социальных и т.д.). Одним из важнейших примеров варьирования национальной языковой картины мира становится диалектная картина мира [Радченко, Закуткина, 2004; Белякова, 2005]. Статья посвящена описанию специфики концептуализации социальной сферы в диалекте.

Исследование проводится на материале диалектного текстового корпуса среднерусских говоров – говора села Белогорное и говора села Земляные хутора. Использование материалов двух различных говоров позволяет говорить об универсальных способах концептуализации структуры социума, а также наблюдать их вариации.

Социальные группы, которые выделяют внутри социума диалектоносители, немногочисленны. Вероятно, наиболее значимое для диалектного сознания структурирование социума представляет собой деление на две большие группы – «городские» и «деревенские». Это противопоставление вписано в концептуальную оппозицию «город-деревня», которая описана в трудах многих исследователей (например, Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю., Сдобнова А.П.)

На основании данных диалектных корпусов выделяется набор определенных концептуальных признаков, репрезентирующих оппозицию «город-

ские-деревенские». Выделенные нами концептуальные признаки являются, по-видимому, инвариантными, поскольку характерны для обоих говор.

Значимым для группы «городские жители» становится концептуальный признак «городские – люди, которые ничего не умеют делать, непригодны для деревенской жизни»:

- (информант ведет шуточный разговор, выбирая своему внуку невесту из числа студенток-диалектологов) *а все деревенские аль городские которые?*

- Я из деревни.

-кто? ты? а эти городские? ну/ это/ городских не надо/ они и делать ничего не умеют//

Этот концептуальный признак дополняется и уточняется концептуальным признаком «городские – ленивые люди», причем актуализируется и при описании детей информантов, которые уехали в город:

- *А они в городе так/ я вот была у сына/ вот то и дело валяются// А что делать больше/ правда? Телевизор глядят лёжа// Ох, девчонки//*

Актуализируется в текстовых корпусах обоих говор концептуальный признак «городские – злые, нервные люди, которые плохо относятся к окружающим»:

- *я в Саратов не люблю ездить/ все кричат/ толкают// правда/ в магазине меня в бока всё толкают// и не спросишь ничего/ торопятя всё//*

Выделяется также концептуальный признак «городские – это люди, которые живут лучше деревенских и за их счет»:

- *Они живут/ а мы существуем/ вон Ельцин создал жизнь для них// для вас в Саратове// Куйбышеве/ в Казани/ вот он жизнь кому создал//*

Один из важнейших концептуальных признаков, реализующих негативный оценочный компонент, можно сформулировать как «городские – это люди, имеющие власть, влияющие на порядок жизни в деревне». Чаще всего это влияние осознается как негативное, городская власть выступает как источник бед деревни в прошлом и настоящем:

– Тож было лошадей взяли самых хороших отобрали вывели на выгон да расстреливали

– А хто приехал городские приехали расстреляли

– Все городские творили //

– Вредительство начиналось

– К власти пришли эти же

– Хлеб гнил а люди умирали с голоду / а хлеб на полях сваливали куда-то

– Сваливали вон в овраг какой-то / а в карманы если насыпешь..

– Это городская власть все руководила а не местные

Проанализированный пример позволяет увидеть еще один универсальный вариант структурирования социума в сознании диалектоносителей – это деление на представителей власти и народ, обычных людей, к которым информанты относят и себя.

Надо отметить, что в сознании диалектоносителей понятие «народ» часто ограничено жителями своей деревни, но существуют информанты, в речи которых актуализируется значение «население страны». Как правило, это обусловлено особенностями языковой личности информанта, проявляющимся на семантическом и структурном уровнях (склонность к рассуждениям, размышлениям и обобщениям). Чаще все-таки народ в проанализированных контекстах обитает в данном селе, это люди, которых информант знает лично:

- Наше село/ вторая Москва// народу было очень много тут/ тут битком было набито// порядок был/ а сейчас одни беспорядки//

В сознании диалектоносителей народ соотносится со «своим», включается в свою сферу, власть ему противопоставлена. Репрезентантами концепта «власти» в речи диалектоносителей становятся номинации высших лиц государства или крупных чиновников:

- *Теракты убивают только лишь министров, генералов, царей, президентов – это теракт, это террористы, а это уже, как их назвать-то, ну, которые мирное население – это уже не террористы, нет, это разбойники какие-то*

Представленный пример хорошо иллюстрирует восприятие диалектоносителями представителей власти как некоего нечленимого безликого целого, что подчеркивается созданием перечислительного ряда номинаций людей высокого социального статуса.

Нередко власть в диалектных текстах выступает как неперсонифицированная сущность, главной ее функцией является поддержание порядка:

*Дисциплина раньше в колхозе была получше/ а сейчас кто будет здесь держать дисциплину? Молодые ребята/ они не работают/ а пьют/ а пожилых они не слушают// **власть** не вникает// что им остается? Ждать/ ждать кто им жизнь наладит// А кто будет налаживать? Один Путин [смеется]/ один Путин*

В этом фрагменте актуализируется еще один концептуальный признак *власти*: она может либо быть предельно обезличенной (и тогда используются лексемы *власть*, *начальство* и т.д.), либо, наоборот, все сосредотачивается в руках одного человека (*президент*, *глава государства*, *начальство*, *царь*, *хозяин государства*). Очень часто в диалектных текстах актуализируется концептуальный признак «*глава местной власти*» (лексемы-репрезентанты «*губернатор*», «*земский начальник*», «*председатель колхоза*», «*председатель совета*»):

Ну тогда спрос был/ с председателя совета// больше/ чем сейчас// сейчас/ никаких ответственностей нет/ а тогда/ за все отвечал председатель колхоза// председатель совета// а сейчас не знаю как там

В говорах также наблюдается вариативность социальной структуры общества, обусловленная местными реалиями. Примером может служить говор села Белогорное. В этом селе сосуществуют две ветви православия – официальное православие и старообрядчество. Принадлежность к той или другой конфессии является для носителей этого говора важным элементом самоидентификации, а также делит социум на две части:

- *а мы ж тоже вот мирские/ и у нас этот вот поп/ Павел Ивановч / он у нас православный/ мирской// Это вы ходите к Марье Васильевне/ вот она кулугурка//*

Православные (в говоре используются номинации «православные», «церковные», «мирские») и старообрядцы (в говоре используются номинации «старообрядцы», «кулугуры», «староверы») приписывают группе людей противоположной конфессии различные, чаще негативные качества. Показательно, что старообрядцы обращают внимание, прежде всего, на неправильное, по их мнению, отправление религиозных обрядов:

у нас кадилница вон она/ она с крестом/ и как по божью велению/ и в уставе написано/ кадить токо надо крестообразно/ а не это мотанье/ вот/ и значит... и по солнышку венчает он// это вот если молодые встают/ он их по солнышку не выводит/ он обязательно встречь солнца//

«Церковные» помимо обрядовых различий указывают на особенности поведения (в том числе речевого), и даже черты характера (как правило, негативные), присущие, по их мнению, старообрядцам:

- *Да// Вот чё я забыла-то сказать// Тайный грех у кулугур не грех//*

- А что значит тайный грех?

- Ну никто чтоб не знал/ что сексом занимались// Вот// Вот так вот//

- *вот стой/ стой не молись/ у них не молись/ я вот/ не молись// и вот её не прощала/ не целовала ни в лоб/ куда/ нельзя// «да дайте я хоть чтоль чай в последний путь её/ ну я всю жизнь рядом с ней жила/ а она меня выручала/ я её и кормила и ухаживала за ней всё»/ ни в какую не дали/ ни в какую/ нельзя и всё не положено// вот какие люди//*

- *вот она молится/ вам говорит и вот молится/ и она видишь вон как это/ разговаривает// у нас у мирских вот/ вот как/ складно/ а у них вот видишь вот/ ты вот поинтересуйся вот// [говорит тихо, неразборчиво] ...аж стук этот/ по мослам // [смех]*

- *у нас эти люди у нас эти вот/ эдаки/ вот мы православные/ мы всё дозволяем// мы дадим и пить/ и покормим/ и чего кто попросит всё даем// а у кулугур /у них особо/ чашку они воды не дадут//*

Подводя итог, следует отметить, что каково бы не было основание деления социума в сознании диалектоносителей, всегда деление это бинарное, формирующее оппозиции. Эти лингвокультурные оппозиции – «город-деревня», «народ-власть», для говора села Белогорное – «церковные-старообрядцы», являются, в свою очередь, реализацией базовой для диалектного сознания оппозиции «свой-чужой». По оценкам многих современных исследователей и по нашим наблюдениям оппозиция «свой-чужой» остается для диалектного сознания структурирующей различные фрагменты диалектной картины мира, в том числе, социальную сферу.

Литература:

Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю., Сдобнова А.П. Оппозиция «город» – «деревня» в сознании носителей традиционной народной культуры // У чистого источника родного языка. – Волгоград, 2008.

Радченко О.А. Диалектная картина мира как идеоэтнический феномен // Вопросы языкознания. – 2004. – №6.

Белякова С.М. Прошлое и будущее в диалектной картине мира // Вестник ВГУ, Серия 76 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – № 2.

Т. В. Леонтьева

ОБЩИТЕЛЬНОСТЬ И ОБЩЕСТВО: МОТИВАЦИОННЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ОБОЗНАЧЕНИЯМИ ОБЩИТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА И ОБОЗНАЧЕНИЯМИ ЕДИНИЦ СОЦИУМА

Общительность и необщительность – черты характера, которые проявляются исключительно в социуме. Во многом поэтому при выборе мотивировочного элемента для обозначений общительного либо замкнутого человека носитель языка нередко прямо обращается к категориям социальной сферы. Носитель традиционной народной культуры осознает себя единицей, которая должна суметь «встроиться» в некое единство под названием «люди», «мир», «народ», «артель». В разряд ценностей попадают мирное сосуществование человека с другими членами общины и устойчивое положение в ней.

Обозначения человека контактного и умеющего обходиться с людьми мотивируются словом «люди»⁵: новг. *людимый* ‘общительный, веселый’ [НОС 5: 58], волгоград. *людимый* ‘легко входящий в общение с другими, склонный к общению, общительный’ [СДГВО 3: 310], ленингр. *люденной*, арх. *людный*, ленингр., карел. *людской*, карел. *людявый* ‘общительный, незамкнутый’ [СРГК 3: 169], орл. *людный* ‘общительный’ [СОГ 6: 89], свердл. *людный* ‘общительный’ [СРГСУ/Д: 290], перм. *солудной*

⁵ Об участии основы *люди* в номинировании черт характера, особенностей поведения человека и – шире – обо всей семантико-прагматической программе этого слова см.: [Березович 2007: 82–111].

‘способный к общению с людьми’ [СПГ 2: 373] и костром. *слюдный* ‘такой, который хорошо уживается с людьми’ (*Слюдная баба – с ей любой зять уживется*) [ЛК ТЭ], пск., твер. *полюдный* ‘общительный, обходительный’ [СРНГ 29: 186], костром. *вылюдный* ‘о человеке, приятном в обществе: он хорошо одевается, относится ко всем с уважением, хорошо себя ведет’ (*Вылюдный хорошо снаряжается, сам себя ведет культурно*) и ‘коммуникабельный, контактный, добрый’ (*Вылюдная девка, в людях хороша, добра, весела*) [ЛК ТЭ]. Для свердл. *людивый* ‘разговорчивый’ [СРНГ 17: 242] первоначально значение качества; оно выражается суффиксом *-ив-*, образующим прилагательные со значением постоянного свойства, склонности к чему-либо, обладания каким-нибудь качеством в большой степени (*правдивый, ленивый, строптивый, лживый, игривый*).

Литературному языку известны лишь обозначения необщительного человека, а именно дериваты, оформленные при помощи суффикса *-им-* и отрицания: *нелюдимый* ‘малообщительный, предпочитающий одиночество’ [ССРЛЯ 7: 963], *нелюдим* (женск. *нелюдимка*) ‘нелюдимый человек’ [Там же], *держаться, жить нелюдимом* [Там же], *нелюдимость* и устар. *нелюдимство* ‘свойство нелюдимого, угрюмость, склонность к одиночеству’ [Там же].

В русских народных говорах лексикографами зафиксировано большое количество слов, сходных в словообразовательном отношении со словами, представленными в словарях литературного языка: диал. *нелюдимый* ‘бегающий общества’ [Даль II: 538], том., кемер., киргиз. *нелюдимец* ‘нелюдим’ [СРНГ 21: 75], диал. *нелюдимка, нелюдимица, нелюда* ‘не терпящий людей, общества, удаляющийся от них, склонный к одиночеству; человек угрюмый, молчаливый’ [Даль II: 538], пск., твер. *нелюда* ‘нелюдимый человек’ [СРНГ 21: 75], волгоград. *нелюдимок* ‘замкнутый, предпочитающий одиночество, нелюдимый человек’ [СДГВО 3: 483], карел. *нелюдимок* ‘необщительный, неприветливый человек’ (*Нелюдимок боится людей, не разговаривает, избегает народа*) [СРГК 3: 411].

Диалектные материалы расширяют круг подобных обозначений за счет использования других аффиксов либо сложения основ: диал. (казаки-некрас.) *малолюдный* ‘замкнутый, необщительный’ [СРНГ 17: 334], пск., твер., костром., ряз., яросл. *нелюдь* ‘нелюдимый человек’ [СРНГ 21: 76], арх. *нелюдный*, карел. *нелюдоватый*, карел. *нелюдóвый*, ленингр. *нелюдяный* ‘необщительный, замкнутый’ (*У ней курная изба, там старуха нелюдная, она богомольница*) [СРГК 3: 411], горьк. *нелюдяй* ‘нелюдим’ [СРНГ 21: 76], дон. *нелюдёвый* ‘нелюдимый’ [СРНГ 21: 75]. Прозрачна внутренняя форма арх. *неналюдный* ‘необщительный, боящийся людей, избегающий их’ [СРНГ 21: 94] («не <любить бывать> на людях»). При помощи приставки *от-* манифестируется сема отъединения от всех, разобщенности: краснояр. *отлюдник* (удар.?) ‘неразговорчивый, нелюдимый человек’ (*Вот отлюдник, все дома сидит*) [СРНГ 24: 234].

Словом *люди* мотивированы также диалектные существительные со значением собирательности, обозначающие неопределенное множество необщительных людей: пск., твер. *нелюдье* ‘нелюдимые люди’ [СРНГ 21: 76], пск. *безлюдье* ‘нелюдимые, необщительные люди’ [ПОС 1: 154].

В русских народных говорах можно обнаружить и глаголы с интересующей нас внутренней формой и семантикой.

Пск., твер., новг. *людиться* ‘знакомиться; водиться с людьми’ [СРНГ 17: 242], новг. *людить* ‘брать в компанию’ (*Кумушки-голубушки, подруженьки мои! Кумитесе, людитесе, людите и меня*) [СРНГ 17: 242] называют действия, состоящие в установлении контакта, описывают знакомство, активное общение. Для глагола *людить* базовым служит мотивировочный признак «приобщать к людям, вводить в сообщество людей» и, как следствие, «социализировать».

Глаголами обозначаются также модели поведения, определяемые такими качествами, как склонность к контактированию с людьми и их избегание: пск., твер., новг. *людиться* ‘знакомиться; водиться с людьми’ [СРНГ 17: 242], пск., твер. *нелюдиться* ‘избегать людей, дичиться’ [СРНГ 21: 76] и диал. [без указ. места] *нелюдиться* ‘дичать, дичиться, избегать людей’ [Даль II: 538].

Возможное изменение модели поведения, заданной личностным качеством, зафиксировано в волог., яросл., пск., смол. *людеть* ‘становиться более общительным, человечным’ [СРНГ 17: 242], брян. *полюднеть* ‘стать общительным, приветливым’ [СРНГ 29: 186], образованных по типу *старесть, добреть, матереть, полнеть, звереть, темнеть, богатеть, хорошеть* с общим значением ‘становиться каким-либо’. Примечателен в отношении установления антонимических связей пример словоупотребления: *В лесе лесуют, в людях людуют* [Там же]. В качестве оппозита обществу выступает лес, который, как известно, манифестирует дикость и безлюдье, а случай синтаксического параллелизма делает явственным локативное значение обоих обстоятельств: «в лесе» и «в людях». Окружение людьми, социум выступает как локус, в котором или вне которого склонен находиться человек.

Отметим существование в русских народных говорах и в общенародном языке устойчивых конструкций со словом *люди*, которые не имеют отношения к понятию общительности, но выражают социальную семантику: карел. *в людях (быть)* ‘иметь самостоятельность, прочное положение в обществе’ (*Вот одного доростить осталось, остальные в людях*) [СРГК 3: 169], пск. *идти в люди* ‘выходить замуж’ и *отдать в люди* ‘выдать замуж’ [СПП: 51], ленингр. *в людях* ‘в семье мужа’ [СРНГ 17: 242], ленингр. *в людях* ‘в других местах, где живут другие люди’ (*По-русски говорят, калитка – дверь в огород, у нас засовня, а в людях заворы; по-нашему, рига, а в людях овин*) [СРНГ 17: 242], литер. *выбиться в люди*. Такое словоупотребление подтверждает социальную нагруженность слова «люди», которое не

является всего лишь обозначением множества. Люди – это и сельская община, и родня со стороны жениха либо мужа, и «чужой» социум (другое сообщество людей, где иначе говорят) и т.д.

Обобщим особенности представления характеристик человека по общительности / необщительности, мотивированных словом *люди*, в подсистемах национального языка. В литературном языке можно указать на «ономасиологическую» лауну, состоящую в отсутствии обозначений общительного человека, мотивированных словом *люди*, а также на деривационную и морфологическую ограниченность обозначений необщительного человека (представлены только слова с суффиксом *-им-*, при этом только имена существительные и прилагательные). В русских народных говорах бытуют как обозначения общительного, так и обозначения необщительного человека, мотивированные словом *люди*, используется множество разных суффиксов и приставок, представлены имена существительные, в том числе собирательные, а также имена прилагательные и глаголы.

В лексико-семантическую сферу общительности вовлечены в качестве «донорского» материала существительные *народ*, *мир*, *артель*, первично называющие людей и их объединения. Как сообщают словари русского литературного языка, первое слово является обозначением нерасчлененного множества людей (в этом случае оно синонимично существительному *люди*) либо очень крупных групп: *народ* ‘люди’, ‘эксплуатируемая часть классового общества’, ‘население государства’, ‘нация’ [ССРЛЯ 7: 447], ср. *на народе* ‘в обществе, в коллективе’ [Там же]. Другое слово способно обозначать и большие, и малые группы людей: *мир* ‘человечество’, ‘общество, коллектив (главным образом о крестьянах)’, ‘сельская община’ [ССРЛЯ 6: 1035]. Третье слово еще более конкретизирует социальную семантику, называя прежде всего объединение для совместной работы: простореч. *артель* ‘о группе лиц, связанных общими действиями’, ‘товарищество’ [ССРЛЯ 1: 191].

Количество и оформление производных от них наименований, характеризующих человека по склонности к общению, не сравнится с деривационным разнообразием предыдущей группы, то есть с результатами разработки производящей основы *люди*: заурал., перм., курган. *нарóдный* ‘общительный’ [СРНГ 20: 127], ср.-урал. *ненарóдный* ‘необщительный’ [СРНГ 21: 95], простореч. *артéльный* ‘общительный’ [ССРЛЯ 1: 191], арх. *неартéльный* ‘необщительный, неуживчивый’ [СРНГ 20: 314], твер. *немиролюбíвый* ‘необщительный’ [СРНГ 21: 81].

Мотив включенности в общину, в которой ближними звеньями являются соседи, связанные как минимум более частыми контактами, запечатлен в терск., свердл., бурят. *сосéдливый* ‘дружелюбный, приветливый; уживчивый, общительный’ (*Уж такой он соседливый, не успел приехать, а уж со всеми перезнакомился*) [СРНГ 40: 41]. Ср. волог. *сусéдливый* ‘согласно, мирно живущий с соседями’ [Дилакторский: 491]. Обратим внима-

ние, что в этом случае, при изменении «угла обзора», когда в поле зрения номинатора оказывается не община, а одна ее составляющая личность, в семантике на передний план выступает эмпатическая составляющая общения: отзывчивость, доброта, приветливость, обходительность.

Возможно, изложенного материала достаточно для того, чтобы понять значимость для номинатора, являющегося представителем народной (крестьянской) культуры, мотивировочных признаков «люди», «мир», «народ», «артель», «сосед». Можно ограничиться констатацией факта, состоящего в том, что налицо мотивационные связи между обозначениями общительного человека и обозначениями единиц социума. Дальнейшая интерпретация, выходящая за рамки регистрирования мотивировочных признаков, может быть спорной, однако языковой материал, как кажется, обеспечил в данном случае достаточную доказательную базу для обобщений. Комплексное рассмотрение разрозненных диалектных фактов, собранных разными лексикографами, позволяет выявлять семантические нюансы, которые вносят ясность в причины обращения номинатора к тому или иному мотивировочному признаку. Причины же состоят в том, из каких соображений номинатор, носитель традиционной народной культуры, выбирает для обозначения общительного человека производящие основы «люди», «народ», «мир», «артель», «сосед», как он толкует взаимосвязи между свойством характера человека и обществом, частью которого этот человек является.

Общительность трактуется носителем языка, во-первых, как обусловленная качеством характера модель поведения, то есть как склонность находиться среди людей, в отличие от другой модели поведения, состоящей в избегании людей: арх. *неналюдный* 'необщительный, боящийся людей, избегающий их' [СРНГ 21: 94], костром. *вълюдный* 'коммуникабельный, контактный, добрый' [ЛК ТЭ] (*вылюдье* – выход на люди). Здесь актуализируется семантическая оппозиция «находиться на людях (быть на виду, много общаться) – прятаться от людей (не показываться на глаза, быть скрытным)». Этот вывод подтверждается другими мотивационными моделями. Ср: нижегор. *невыгляд* 'угрюмый человек, нелюдим, домосед' [СРНГ 20: 365], влад. *неказанка* 'нелюдимый человек' (*Что за такие неказанки: чтобы их никто не видел, да никто о них не говорил*) [СРНГ 21: 56], пск., смол. *запéчница* 'избегающая общения, скромная женщина, домоседка' [СРНГ 10: 316]). Отметим, что уединение, одиночество, скрытность, нелюдимость осуждаются в народной культуре, поскольку воспринимаются как знак чуждости и источник опасности.

Во-вторых, общительность предстает как качество, влияющее на единство или размежевание людей, составляющих сельскую общину: краснаяр. *отлюдник* (удар.?) 'неразговорчивый, нелюдимый человек' [СРНГ 24: 234], перм. *солюдной* 'способный к общению с людьми' [СПГ 2: 373], заурал., перм., курган. *нарóдный* 'общительный' [СРНГ 20: 127],

арх. *неартельный* 'необщительный, неуживчивый' [СРНГ 20: 314], твер. *немиролюбивый* 'необщительный' [СРНГ 21: 81]. Необщительность – не просто несклонность бывать в обществе, показываться на людях, она расценивается как нарушение общинности.

Наконец, общительность – качество, диагностирующее и обеспечивающее социализацию, способность жить в согласии со средой, приобретение места в социуме, включение в социальные связи, залог «социальной успешности» – в замужестве, совместной жизни, налаживании соседских взаимоотношений. Это доказывает внутренняя форма терск., свердл., бурят. *соседливый* 'дружелюбный, приветливый; уживчивый, общительный' (*Уж такой он соседливый, не успел приехать, а уж со всеми перезнакомился*) [СРНГ 40: 41]. В других случаях заключение о значимости установления социальных связей можно сделать на основании дефиниций и контекстов: костром. *слюдный* 'такой, который хорошо уживается с людьми' (*Слюдная баба – с ей любой зять уживется*) [ЛК ТЭ], пск., твер., новг. *людиться* 'знакомиться; водиться с людьми' [СРНГ 17: 242], новг. *людить* 'брать в компанию' (Кумушки-голубушки, подруженьки мои! Кумитесе, людитесь, людите и меня) [СРНГ 17: 242], арх. *нелюдный* 'необщительный, замкнутый' (*У ней курная изба, там старуха нелюдная, она богомольница*) [СРГК 3: 411]. Неслучайно упоминаются социальные роли: сосед, теща, девушка, которая вслед за подружками хочет с кем-нибудь познакомиться, а также богомольница. Таким образом, обсуждаемое личностное качество (общительность / необщительность) имеет социальную подоплеку.

Для прояснения места перечисленных мотивировочных признаков среди мотивационных связей, актуальных для номинатора при создании обозначений человека по общительности и необщительности, приведем некоторые другие мотивационные модели.

Социальные мотивы. Например, оппозиция «свой – чужой» участвует в маркировании открытого в общении человека как своего, а необщительного как чужого: яросл. *свóйный* 'общительный, уживчивый человек' (*Какая-то она не своя*) [ЧПИ: 480], диал. (Лит. ССР) *свóйский* 'откровенный, общительный' (*Яны свойские люди, с им можно и посидеть и поболтать*) [СРНГ 36: 319], арх. *свойчатый* 'обходительный, общительный, разговорчивый' [СРНГ 36: 319], костром. *несвóйный* 'необщительный' [СРНГ 21: 149], том. *чужеватый* 'не очень общительный, несколько замкнутый' [СРГС 5: 305].

При характеристике замкнутого человека эксплуатируется метафора неуспешной организации совместного труда: свердл. *несрóбливый* 'такой, с которым трудно сработаться' и 'замкнутый, молчаливый' [СРНГ 21: 163].

Зоологические образы. Мотивы «дикости» и «упрямства» передаются посредством обращения к образам животных: курск., тул., влад. *быковатый* 'нелюдимый, застенчивый' [СРНГ 3: 343], вят. *неруиной человек* 'о нелюдимом, необщительном человеке' [СРНГ 21: 147] (ср. вят.

нерушнóй ‘норовистый, не привыкший к дому, дикий (о животном)’ [Там же]), калуж. *недоённый* ‘угрюмый, замкнутый, застенчивый’ (*У ей все дети как дети, разговорчатые, а этот какой-то недоённый вырос, за рупь слово не вытянешь из него*) [СРНГ 21: 20], ряз., курск. *козётся* ‘избегать людей, дичиться’ [СРНГ 14: 65], пск. *один как волк* ‘об очень одиноком, нелюдимом и угрюмом человеке’ [СПП: 90], симб. *бирючина* ‘угрюмый, нелюдимый человек’ [СРНГ 2: 295] (ср. симб. *бирючина* ‘волк’ и ‘волк, медведь, иногда всякий зверь’ [Там же]).

Пространственные мотивы. Номинатор подключает свои наблюдения над способами размещения объектов в пространстве. В этих мотивационных моделях отражена пространственная организация дома, сопряженная с символическими смыслами, воплощены идеи периферийности, нахождения в потаенном месте, затворничества: перм. *западáй* ‘замкнутый человек, живущий обособленно от других, не склонный к общительности’ [ЧПИ: 182], ряз. *россёйский* ‘приветливый, общительный’ (*Ты, Тамара, россиянка, вся ты развязная, вся ты развитая. Верка – она побоковатей*) [СРНГ 35: 191], пск., смол. *запéчник* ‘нелюдимый, прячущийся от посторонних за печкой или на печке человек’ [СРНГ 10: 316], урал. *запéчная ба́ушка* ‘об избегающем общества нелюдимом человеке, домоседе’ [СРНГ 10: 316], пск. (*жить*) *как запечный таракан* ‘о необщительном, ни к кому не ходящем в гости человеке, домоседе’ [СПП: 118], арх. *заугóльник* ‘нелюдим’ [СРНГ 11: 127], новосиб. *угла́н* ‘застенчивый человек’ (*Можно было его послать, да он углан, ему сразу откажут, и он ничего не скажет*) [СРГС 5: 128], перм. *угла́нка* ‘девочка-подросток; не очень общительная, замкнутая’ [ЧПИ: 499] и др.

Ландшафтные образы. Модификацией пространственных мотивов можно считать ландшафтную метафору. Образы лесной глуши и степи, которые являются в языковом сознании маркерами бескультурья и необразованности в связи с реализованным в нем мотивом удаленности от культурных центров, могут также эксплуатироваться в качестве символов удаленности от людей: волог., пск. *лесéть* ‘делаться нелюдимым, дичать’ [СРНГ 16: 369], курск. *лесни́к* ‘нелюдимый человек’ [Там же: 372], курск. *лесови́к* ‘человек нелюдимый, сторонящийся людей, общества’ [Там же 17: 10] (ср. калин. *лесови́к* ‘житель деревни, окруженной лесами’ [Там же]), курск. (*как*) *степови́к* ‘человек, не знающий правил приличия; нелюдим’ [СРНГ 41: 143] (ср. *степови́к* ‘живущий в степи хуторянин’ [Там же]).

Мифологические образы. К характеристике необщительных, нелюдимых привлекаются табуированные наименования духов, живущих в доме – домовых: арх. *бо́мка* ‘мифическое существо, которым пугают детей; бука, страшилище’ и ‘домовой’ и ‘угрюмый, нелюдимый человек’ (*Никуды на вылизает: как бомка сидит в избе*) [СГРС 1: 147], арх. *жсхóня* ‘мифическое существо, злой дух (черт и т. п.), домовой’ и ‘нелюдимый, необщительный человек’ [СГРС 3: 378], арх. *дворóвушко* ‘мифическое существо,

живущее во дворе и присматривающее за скотом' и 'замкнутый, скрытный человек' [СГРС 3: 187], вят. *кикíмора* 'о человеке, который все время сидит дома за работой, особенно за прядением; домосед, нелюдим' [СРНГ 13: 205] и вят. *кикíморка* 'нелюдим, домосед' [Там же], простореч. *бу́ка* 'угрюмый человек, нелюдим' [ССРЛЯ 1: 675].

Таковы основные, последовательно отраженные в лексическом материале мотивировочные признаки для обозначений общительного и необщительного человека. Отметим, что ни одна из моделей не превосходит по количеству лексем рассмотренную в статье регулярную мотивационную модель, для которой роль производящих основ выполняют названия единиц социума. Еще раз подчеркнем разнообразие словообразовательных средств, обрамляющих производящую основу «люди». Обработке других производящих основ номинатор не уделил столько времени и внимания.

Перечисленные в режиме обзора модели поддерживают, уточняют, оттеняют мотивы, реализуемые путем привлечения основ «люди», «мир», «народ», «артель», «сосед» к созданию обозначений общительного и необщительного человека. Так, например, посредством зоологической и мифологической метафор осмысливается исключительно образ необщительного человека, что вполне естественно, поскольку животные и нечисть всегда противопоставлялись людям: дикая природа – слабо освоенная, прежде всего, а сфера потустороннего – чужая, опасная, противостоящая и вредящая человеку. В ландшафтной метафоре также актуализирован мотив дикости, неосвоенности, удаленности от людского жилья, а в пространственной метафоре сделан акцент на пространственной организации дома, где выделены печь и угол – места обитания нечисти, и сам дом является единственным замкнутым фрагментом пространства, недоступным для людей, мира, народа, соседа. Это еще раз доказывает, что модель, в основе которой лежит использование названий единиц социума в качестве производящих основ, занимает центральное положение среди моделей, по которым образованы обозначения общительного и необщительного человека.

В завершение остановимся на одной лексеме, которая выбивается из ряда рассмотренных номинаций. Карел. *людовáтый* 'необщительный, нелюдимый' [СРГК 3: 169] образовано от производящей основы «люди», казалось бы, вопреки логике. Однако логика тут, безусловно, есть, и она заключается в актуализации семы 'чужой', свойственной основе *люди*. Ср. орл. *людскóй* 'не принадлежащий себе, чужой' (*Лютскии сынавья приходють, домъ пьмагають*) [СОГ 6: 89], ряз. *людскóй* 'чужой, не наш' (*Л'утск'ии вон пьрас'ата хóд'ут', пъл'ажат'*) [Деул. сл.: 285], ряз. *люди* 'другие, посторонние' и 'чужие, неродные' [Деул. сл.: 285] и др. Видимо, в данном случае можно предполагать генерализацию семы 'чужой'. К тому же в словообразовательном отношении прилагательное *людоватый* обнаруживает сходство с приведенным выше словом *чужеватый* с аналогичным значением.

Литература:

- Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. – М., 2007.
- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т./ В.И. Даль. – М., 1981–1982. Репринт с изд. – М., 1880–1882. – Т. I–IV.
- Деул. сл. – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)/ Под ред. И.А. Оссовецкого. – М., 1969.
- Дилакторский – *Дилакторский П.А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – Вологда, 1902.
- ЛК ТЭ – Лексическая картотека топонимической экспедиции УрГУ, хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ (Екатеринбург).
- НОС – Новгородский областной словарь/ отв. ред. В.П. Строгова. – Новгород, 1992–2000. – Вып. 1–13.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. – Л., 1967. – Вып. 1.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера/ под ред А.К. Матвеева. – Екатеринбург, 2001. – Т. 1.
- СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области/ Авторы-составители Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун; Под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. – 2006. – Вып. 1.
- СОГ – Словарь орловских говоров. – Ярославль, 1989–1991. – Вып. 1–4; – Орел, 1992. – Вып. 5.
- СПГ – Словарь пермских говоров. – Пермь, 1999–2002. – Вып. 1–2.
- СПШ – Словарь псковских пословиц и поговорок/ Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб., 2001.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып./ гл. ред. А.С. Герд. – СПб., 1994–2005. – Вып. 1–6.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири: в 5 т./ под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1999–2006. – Т. 1–5.
- СРГСУ/Д – Словарь русских говоров Среднего Урала: дополнения. – Екатеринбург, 1996.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М.–Л., 1965. – Вып. 1.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – Т. 1–17. – М. –Л., 1948–1965.
- ЧПИ – *Алексеев М.А.* Человек в производных именах русской народной речи. Словарь. – М., 2007.

К.Д. Наумов

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СФЕРА «САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО» КАК ИСТОЧНИК РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ИДИОМАТИКИ

Идиоматика как один из основных способов отражения языковой картины мира [Алефиренко 2008; Баранов, Добровольский 2008], «своего рода «ниша» для кумуляции мировидения» «может свидетельствовать о культурно-национальном опыте и традициях» этноса [Телия 1996: 214]. Особую роль здесь играют различного рода сакральные представления [Бирих 2000; Волков, Ермолаева 2000; Лазари 2003; Мамлеева 2009]. Обь-

ектом нашего анализа стала русская и польская идиоматика, включающая во внутреннюю форму лексемы, связанные с представлением о христианском сакральном пространстве. Число таких фразеологических единиц (в дальнейшем – ФЕ) в обоих языках достаточно велико (в русском языке – 285 ФЕ; в польском – 377 ФЕ).

Данная семантическая сфера представлена четырьмя основными тематическими группами: (1) небо / рай как место пребывания Божественных сил; (2) подземное царство / ад / бездна как место пребывания темных сил; (3) земля как место пребывания грешного человека (с его ограниченным во времени существованием); (4) душа как место пребывания святого духа – Божественного начала в человеке.

Первая группа («Место пребывания Божественных сил») в русском языке в основном представлена членами СОГ *небо* – более 20 ФЕ, реже – *рай* (чуть более 10 ФЕ); единичным примером – *облако* (метонимическое обозначение неба: *Витать в облаках*). В польском языке преобладают члены СОГ *niebo*, *raj*, возможно прилагательное *nieziemski* (*Wygląda jak nieziemskie zjawisko* [похож на неземное видение]).

Вторая группа («Место пребывания темных сил») в русском языке в абсолютном большинстве ФЕ представлена членами СОГ *ад* и единичными примерами – *геенна*, тогда как в польском в основном фиксируются члены СОГ *piekło*. Это связано с тем, что в польском языке значение ‘место обитания дьявольских сил и душ грешников’ выражено не заимствованием *ад*, а славянской языческой мифологемой *piekło*. Кроме того, используется культурологема: *Rozgrywają się dantejskie sceny* [разыгрываются дантовские (ужасные) сцены]. В русской идиоматике есть перифрастическая отсылка к «Божественной комедии»: *Пройти все круги ада*.

Третья группа («Место пребывания грешных людей при жизни») в идиоматике обоих языков малопродуктивна. Это связано не с концептуальной малой значимостью самого сакрального представления, а с тем, что земное пространство обычно вступает в оппозицию: «этот мир (мир живых)» / «тот мир / мир мертвых», присущую язычеству и перешедшую в христианство. В данную группу мы включали только те ФЕ, в которых земля противопоставлена небу (божественному, вечному) как греховное, временное, что поддерживается тем, что ФЕ восходят к библейским текстам (ср.: *Сильные мира сего*. *Устар. или ирон.* ‘О людях, занимающих высокое общественное положение’ [выражение из Библии (Псалмы): «Не надейтесь на князи и на сильные мира сего»]; *Юдоль плача (печали, слёз)*. *Книжн.* ‘Земная жизнь с ее горестями и страданиями’. [Выражение из Библии; *юдоль* – ‘долина’]. – *Świat doczesny*. *Книжн.* ‘Суежный (бренный) мир’; *Powrócić na ziemię*. ‘Вернуться на (грешную) землю’; *Dolina łez (płaczu)*. *Книжн. Высок.* ‘Юдоль слез (печали)’). Можно, однако, отметить, что в целом польская подгруппа несколько разнообразнее и многочисленнее русской.

Четвертая группа «Вместилище Божественного духа в теле человека» в обоих языках представлена существительными *душа / dusza, duch*, метонимический пространственный характер семантики которого (душа → место ее пребывания) поддерживается синтагматически (ср.: *В душе; Вывернуть душу; Войти в душу; Заглянуть в душу – Z głębi duszy* ‘Из глубины души’; *W skrytości ducha* ‘В глубине души’ [в тайнике духа]; *Na dnie duszy* ‘На дне души’; *Wchodzić (włazić) z kaloszami (butawi) do duszy* ‘Бесцеремонно [с калошами, сапогами] лезть в душу’).

Большинство русских и польских ФЕ тематической сферы «Сакральное пространство» имеют одинаковую или однотипную внутреннюю форму (ср.: *Królestwo niebieskie* [королевство небесное] – *Царствие небесное*; *Wynosić pod niebiosa* ‘Прославлять’ [выносить под небеса] – *Возносить до небес*; *Wodaj z piekła nie wujrzał* [чтоб из ада не выглянул] – *Чтоб тебе (ему и т.п.) гореть в аду!*; *Odkryć duszę* – *Открыть кому-л. душу*; *Wryło się głęboko w duszę* [врылось глубоко в душу] – *Что-л. глубоко запахло в душу*). Даже в том случае, если структура внутренней формы специфична только для одного языка, мотивация ее формирования вполне вписывается в общую единую систему. Безусловно, это связано с тем, что источником такой мотивации является христианская система представлений, единая для обоих этносов.

Этими же причинами обусловлено единство в концептуальном осмыслении разного типа сакрального пространства при идиоматизации. В частности, семантика большинства ФЕ первых трех групп в обоих языках связана с земной жизнью человека. При этом «Божественное пространство» характеризует обычно эмоционально / духовно / физически / экономически комфортные периоды в жизни человека (чаще всего – весьма непродолжительные или неожиданные / случайные), тогда как «Земля» и «Подземное царство» – периоды жизни, связанные с дискомфортом (эмоционально / духовно / физически / экономически), причем такого рода бытие осмысливается как более типичное в жизни человека. Например: *подарок небес – dary nieba*; *хорошо, как в раю – jest dobrze jak w niebie*; *жить как в раю – mieć rajskie życie* [иметь райскую жизнь]; *проходить через ад – przechodzić przez piekło*; *пройти настоящий ад – przejść prawdziwą gehennę*; *адская жара – gorąco jak w piekle* [горячо, как в преисподней]; *юдоль слез – radół łez*; *вернуться на (грешную) землю – powrócić na ziemię*.

Семантика ФЕ четвертой группы («Место пребывания Божественного начала в человеке») обычно связана с морально-этическими свойствами личности, отношениями между людьми и их коммуникацией. Например: *открыть душу – odkryć duszę*; *лезть в душу – wchodzić z kaloszami do duszy*; *до глубины души – do głębi duszy*.

Конечно, можно выделить и некоторые концептуальные различия. Например, в русском языке в целом значительно разнообразнее осмыслена душа, а в польском языке чаще Божественное пространство ассоциируется

с гедонистическим представлением о жизни (ср.: *ma niebo w ustach* ‘просто объеденье’ [с раем (небом) на устах]). Но число таких ФЕ невелико, и они не влияют на общее, в принципе единое для двух этносов концептуальное осмысление христианских представлений о сакральном пространстве.

Литература:

Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград, 1993.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М., 2008.

Бирих А.К. Из истории русской идиоматики // Слово во времени и пространстве. – СПб., 2000.

Волков С.С., Ермолаева Ю.А. О семантической истории одного из фразеологических библеизмов // Слово во времени и пространстве. – СПб., 2000.

Лазари А. Польская и русская душа – взаимное восприятие // Польская и русская душа: Современный взгляд. – Лодзь, 2003.

Мамлеева Э.Р. Процессы формирования лексико-семантического поля (на материале поля «Сверхъестественное» и «Потустороннее» в русском и английском языках). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009.

Телия В.Н. Русская фразеология. – М., 1996.

Е.В. Старостина

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Как отмечал Ю.Н. Караулов, ассоциативный словарь являет язык в несколько необычной форме – в форме попарно соединенных слов или групп слов, которые являются материалом для будущих предложений, то есть являет «язык в его предречевой готовности» [Караулов 1994: 191]. Именно поэтому изучение ассоциаций позволяет нам выявить, как устроена языковая способность человека, описать речевой портрет среднего носителя языка.

Проблема изучения ассоциаций является одной из ведущих проблем современной лингвистики. В настоящее время существует целый ряд ассоциативных словарей, описывающих языковое сознание испытуемых различных возрастных групп (детей, подростков, молодежи). Однако не существует ни одного ассоциативного словаря, составленного на материале реакций взрослых испытуемых старше 25 лет, и это задерживает исследование возрастной динамики ассоциаций. Между тем можно считать доказанным тот факт, что психологическое значение слова, функционирующее в языковом сознании, и само языковое сознание носителя языка не остаются неизменными, носят динамический характер. На характер ассоциативного реагирования влияет как возраст испытуемых, так и время, эпоха, в которую они живут.

Большинство современных исследований ассоциаций опирается на Русский ассоциативный словарь (РАС). Однако данный словарь не обеспе-

чивает решение задач по изучению динамики языкового сознания. Участниками ассоциативных экспериментов, результаты которых зафиксированы в Русском ассоциативном словаре, являлись студенты высших учебных заведений различных специальностей из разных городов России в возрасте 17-25 лет. Материал РАС собирался с октября 1988 г. по май 1990 г., то есть в данном словаре представлено языковое сознание студентов конца восьмидесятых – начала девяностых годов. Как отмечает Ю.Н. Караулов, возрастной отбор испытуемых имел свой смысл, так как к указанному возрасту завершается становление языковой личности и в дальнейшем содержательное наполнение языковой способности практически не меняется. Исследователь подчеркивает, что, «анализируя социальные, этические, историко-культурные, прочие оценочные реакции испытуемых в эксперименте 1989-1991 годов, исследователь может прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие 20-30 лет, т.е. на период, когда нынешние наши испытуемые будут составлять активное ядро общества» [Караулов 1994: 192-193].

Таким образом, по мнению составителей словаря, можно говорить о том, что материал РАС отражает некоторые аспекты массового языкового сознания жителей России начала 21 века. Однако наши исследования показывают, что языковое сознание носителей языка достаточно существенно изменилось с тех пор, ассоциации современных взрослых носителей языка достаточно существенно отличаются от ассоциаций молодежи начала 90-х.

Так, например, в РАС встречается достаточно много реакций, отражающих социальные и политические реалии конца 80-х годов (**пренебрегать** → *колхозами, съездом*; **доносить** → *КГБ*; **бездельник** → *комсомолец*; **бездельничать** → *съезд*; **трепаться** → *депутат*; **ложь** → *ВЦСПС, социализм в СССР*). Таким образом, говорить о том, что материал РАС отражает массовое сознание современного общества в целом, можно лишь с большими оговорками.

Все это обуславливает необходимость проведения ассоциативных экспериментов с современными носителями русского языка, причем не только с молодыми его носителями, но и с россиянами среднего возраста.

Цель настоящего исследования – изучение динамики языкового сознания россиян конца 20 – начала 21 века на материале ассоциативных реакций. Для достижения данной цели мы собрали базу данных ассоциаций современных носителей русского языка в возрасте от 17 до 55 лет. В основном это жители г. Саратова, Энгельса и различных городов и поселков Саратовской области (Петровск, Александров Гай, Калининск, Вольск, Красноармейск, Маркс, Пугачев, Ртищево, Ершов и др.). Также испытуемыми являлись жители г. Камышин и г. Волжский Волгоградской области.

Описываемая база ассоциаций существует в электронном виде (используется программа Microsoft Access). Объем базы на сегодняшний день составляют 979 анкет, в которых содержится 48950 реакции на 100 стиму-

лов. В дальнейшем планируется проведение новых ассоциативных экспериментов и пополнение существующей базы.

Стимулы, отобранные нами для экспериментов, присутствуют в Русском ассоциативном словаре (РАС) и Ассоциативном словаре школьников Саратова и Саратовской области (АСШС), что позволяет нам вести сопоставительные исследования.

Для выявления характера динамики языкового сознания носителей русского языка мы сопоставили ассоциативные поля, полученные, с одной стороны, от испытуемых разных возрастных групп (дети и взрослые, молодые люди и люди среднего возраста) и испытуемых одного возраста, живших в разные эпохи (молодежь 90-х и молодежь 2000-х).

Методы изучения ассоциаций можно условно разделить на качественные и количественные. Достичь достоверных результатов можно только используя эти методы в совокупности. В настоящем исследовании использовались как качественные, так и количественные методы:

1. Метод фреймового анализа ассоциаций. Фрейм – это концептуальная структура для декларативного, реже процедурного, представления знаний о типизированной ситуации или о типических свойствах объекта. С точки зрения структуры фрейм представляет собой сеть, состоящую из узлов (слотов) и связей между ними. Построение фрейма ассоциативного поля производится с помощью распределения всей массы реакций на данный стимул по содержательным узлам, или слотам. Ассоциативные поля близких по семантике слов-стимулов имеют схожую фреймовую структуру. Сопоставление фреймов двух ассоциативных полей позволяет выявить сходства и различия в структуре ассоциативного поля, в заполнении слотов конкретными реакциями.

2. Метод сопоставления полей по главным ассоциатам. Главные ассоциаты – это реакции, относительная частота которых в структуре поля составляет не менее 5 %. Это реакции, имеющие наиболее устойчивый, постоянный характер. Сопоставление полей по главным ассоциатам позволяет выявить, изменилось ли главное в содержании ассоциативного поля.

3. Метод вычисления показателя уровня стереотипности поля. Существует несколько способов измерения уровня стандартности/стереотипности ассоциативного поля. В одном случае подсчитывается то, какое число испытуемых дало неединичные реакции (чем их больше, тем более компактна, а значит, стереотипна структура поля), в другом – важно то, насколько ярко выделены главные (наиболее частотные) реакции (в этом случае стереотипность понимается как выделение наиболее стереотипных реакций).

4. Метод определения степени близости ассоциативных полей с помощью вычисления числа наложения реакций. Метод основан на том, что близкие ассоциативные поля содержат большое количество одинаковых

реакций. Число степени наложения реакций может варьироваться от 0 (отсутствие одинаковых реакций) до 1 (все реакции полностью совпадают).

На то, что языковое сознание представителей разных эпох и поколений имеет специфические черты, указывают многие исследователи (Н.В. Уфимцева, Е.С. Ощепкова, И.Л. Гарбар, В.Е. Гольдин, Е.И. Горошко и другие). Результаты настоящего исследования ассоциаций показывают, что представители разных поколений, говорящие на одном и том же языке, имеют разный взгляд на одни и те же предметы и ценности, вступая, таким образом, в особый вид «межкультурной коммуникации» (В.В. Красных). Те изменения, которые происходят в обществе (в социальной сфере, политике, экономике, культуре и т.д.), определенным образом изменяют и языковое сознание носителей языка.

Изменения, которые происходят в языковом сознании с возрастом, не заканчиваются после того, как ребенок заканчивает школу. Языковое сознание продолжает меняться, на это указывают определенные различия в ассоциациях взрослых носителей языка различных возрастных групп.

При этом стереотипные ассоциативные связи практически не меняются с возрастом человека. Так, примерно в половине случаев в рассматриваемых ассоциативных полях наблюдалось практически полное совпадение реакций первого ранга и частичное совпадение реакций второго и третьего рангов (например, на стимул **обман** в качестве первой реакции все испытуемые дают реакцию *ложь*, реакции второго и третьего рангов совпадают частично, но чаще всего это реакции *вранье* и *предательство*). Влияние фактора возраста на ассоциативные связи проявляется в единичных и малочастотных реакциях, которые различны у испытуемых разного возраста.

Особенно ярко, по нашим данным, возрастная специфика проявляется в реакциях на стимулы, семантика которых связана с возрастом человека (**старый, молодой, молодежь, старик, ребенок**), а также с расширяющимся социальным опытом человека, освоением им новых социальных ролей.

Наши исследования ассоциаций показывают, что существуют ассоциативные поля достаточно стабильные, имеющие мало вариативных черт (например, поля «тяжелый», «взрослый», «школьный»), и ассоциативные поля достаточно динамичные, активно развивающиеся, меняющиеся как с возрастом, так и со временем (например, поля «компьютер», «государство», «армия»).

Так, например, реакции на стимул **школьный** практически не изменились (степень наложения реакций – 0,45). Студенты начала 90-х годов и современные студенты на стимул **школьный** в основном дают реакции семантико-грамматического характера, то есть в качестве реакций выступают существительные, которые сочетаются с прилагательным «школьный»: *портфель, звонок, предмет, двор, класс, урок, учебник, дневник, друг, ученик, возраст, год, стул* и т.п. Они составляют большую часть всех реакций (92% у студентов начала 90-х и 80% у современных студентов). Имеются также реакции тезаурусного типа, но их достаточно мало. Например, реак-

ции *молодость, юность, одноклассники* у студентов начала 90-х; *забыто, свобода* у современных студентов. Таким образом, можно говорить о том, что сходств между данными ассоциативными полями больше, чем различий. Схожи и сами реакции, и структура ассоциативного поля.

Изменения в структуре ассоциативных полей в основном связаны с тем, чем изменилась экономическая, общественная и политическая ситуация в стране. Например, на стимул **армия** студенты начала 90-х годов дают такие клишированные реакции, как *советская* и *красная*, причем эти реакции оставляют 23% от общего числа реакций. Современные студенты таких реакций не дают, реакция *российская* является единичной.

Следы влияния советской эпохи (речевые штампы, устойчивые вербальные формы) можно найти даже в языковом сознании современных молодых людей 17-25 лет, чье детство в его сознательной части приходится уже на постсоветскую эпоху (например, такие пары стимул – реакция, как **дружба** – *народов*; **товарищ** – *СССР (6), Ленин (5), советский, коммунизм, КПСС, Советский Союз*; **лень** – *Ленин*; **солдат** – *красная звезда*; **университет** – *светлый путь*; **молодежь** – *комсомол*). Однако эти следы не столь значительны, в вербальных реакциях испытуемых зафиксирован постепенный уход речевых штампов и стереотипов советской эпохи из языка и речевого употребления.

Интересно то, что фактор времени или эпохи оказывает более сильное влияние на характер ассоциаций, чем фактор возраста. Испытуемые одного и того же возраста, но живущие в разное время, дают меньше одинаковых реакций, чем испытуемые разного возраста, однако живущие в одну и ту же эпоху.

Что касается уровня стандартности или стереотипности поля, исследование показало, что на него влияют многие факторы: не только возраст испытуемых, но и их место жительства (город или деревня), уровень образования, гендерная принадлежность. С возрастом стереотипность реакций в целом немного увеличивается, также растет стереотипность реакций со временем. Современные испытуемые дают более стереотипные реакции, чем представители предшествующих поколений.

При этом разные стимулы демонстрируют разный характер изменения уровня стереотипности. Исследование позволило нам выделить шесть различных типов возрастной динамики ассоциативного поля: «тип вхождения в лексикон», «тип усложнения», «тип стандартизации», «тип периферийного развития», «тип снижения уровня стереотипности» и «тип стабильности поля». При группировке полей и выделении типов их динамики мы учитывали следующие признаки: качество «главных ассоциатов поля», то есть реакций, имеющих частоту более 5%, и качество первой, наиболее частотной реакции; доля этих ассоциатов по отношению к общему числу реакций, то есть стандартность поля; соотношение показателей стандартности «детского» и «взрослого» поля; доля первой, самой частотной реак-

ции по отношению к общему числу реакций; доля отказов от реагирования («нулевых» реакций).

«Тип стандартизации» характеризуется качественным совпадением первых реакций практически у всех групп испытуемых, тенденцией к росту доли первой реакции и общей стандартности поля, уменьшением доли «нулевых» реакций. Стандартность «взрослого» поля при этом обычно выше, чем стандартность «детского» поля. По этому типу изменяются реакции на стимулы, которые имеют достаточно простое лексическое значение, хорошо знакомое уже младшим школьникам; соотносятся с несложной денотатной ситуацией, и отношение к этой ситуации, стоящей за стимулом, мало меняется на протяжении всей жизни человека; стимулы, которые имеют устойчивую лексическую сочетаемость (например, **детский, каникулы, литература, пить, прогулка, шутка**).

«Тип усложнения» характеризуется изменением качества первой реакции у испытуемых разных возрастных групп, уменьшением доли этой реакции, увеличением количества «главных ассоциатов». Доля «нулевых» реакций изначально невелика и мало меняется. По этому типу изменяются реакции на стимулы, обозначающие те социальные понятия, отношение к которым меняется с возрастом человека (например, **ребенок, армия, мальчик, солдат, ученик, правительство, родители, старый**).

«Тип вхождения в лексикон» характеризуется высокой долей «нулевых» реакций у младших и средних школьников (она занимает первое место), «главными ассоциатами» у младших школьников зачастую являются фонетические или формальные реакции. В дальнейшем доля «нулевых» реакций заметно снижается и у испытуемых старшего возраста первое место занимает смысловая реакция, доля этой реакции обнаруживает тенденцию к росту. По данному типу изменяются реакции на слова-стимулы, значения которых еще плохо освоены школьниками младшего возраста, но осваиваются уже в средней или старшей школе (например, **государство, деньги, скупой, умолять, старец, институт**).

«Тип периферийного развития» характеризуется тем, что «нулевые» реакции занимают первое место в реакциях всех групп школьников. У взрослых количество «нулевых» ответов снижается, на первое место выходит смысловая реакция, однако «нулевая» реакция может оставаться достаточно частотной. С возрастом количество главных ассоциатов и их доля по отношению к общему числу реакций увеличивается, общая стандартность поля постепенно возрастает. По этому типу изменяются реакции на стимулы, относящиеся в основном к абстрактной лексике (например, **скорбь, долго, измена**).

«Тип снижения уровня стереотипности» характеризуется уменьшением стандартности реакций и увеличением их разнообразия при сохранении качественного совпадения реакций первых рангов. Общая стандартность поля с возрастом уменьшается, ассоциативное поле детей более

стандартно, чем поле взрослых. По этому типу изменяются реакции на стимулы, хорошо знакомые уже младшим школьникам. С возрастом представление о явлениях, стоящих за этими стимулами, становится менее стандартным (например, **город, деревня, девушка, жена, плохо, хорошо**).

«Тип стабильности поля» характеризуется практически полным отсутствием каких-либо изменений: реакции на данные стимулы практически не меняются ни качественно, ни количественно, стандартность ассоциативного поля всех групп испытуемых остается примерно одинаковой (например, **родина, Россия, народ, школа**).

Литература:

Ассоциативный словарь школьников г. Саратова и Саратовской области: электронный вариант.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. - М., 1994. Русский ассоциативный словарь: В 2 т./ Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. – М., 2002.

Е.В. Суравикина

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ТОЛКОВАНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА

Исследования последних лет, посвященные изучению центральной лингвистической проблемы – человек в языке, выдвигают на первый план индивидуальные характеристики говорящего субъекта. Все большее число языковедов склонны считать, что основная функция языка состоит не столько в передаче информации, сколько в ориентации личности в ее собственной познавательной области. Результатом практически-духовного освоения действительности признается обыденное знание – оно является способом существования обыденного сознания, глубинные категории которого актуализируются в языке через явление синонимии, через наличие у слова внутренней формы [Берестнев 1999: 85]. В результате познания мира у человека формируется знание, которое фиксируется в слове и актуализируется в процессе дефинирования значения говорящим. Таким образом, толкование значения слов также является отражением обыденного языкового сознания.

Проблема семантизации лексики особенно актуальна для диалектной лексикографии. Диалектное слово, конечно, намного ярче и богаче в плане исследования и анализа, чем общеупотребительное слово, но именно эти особенности и представляют собой главную трудность в описании первого на разных языковых уровнях. Лексикограф постоянно сталкивается с проблемами выбора и дифференциации слов от фонетической формы до

синтаксической сочетаемости. Языковое сознание диалектоносителя как важный источник толкования значения может быть привлечено уже на начальном этапе составления словарной статьи.

Мы анализируем особенности толкования слов, обозначающих *погоду* (способ толкования, степень соответствия “наивных” толкований лексикографическим), как проявление языкового сознания диалектоносителя, репрезентированного в метатекстах. Материалами для исследования послужили тексты, извлечённые из словарей говоров Среднего Прииртышья и записанные во время диалектологических экспедиций ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (1999-2009).

Выявленные в ходе анализа метатекстов способы толкования метеонимов свидетельствуют о множественности семантического описания слова в говорах. Самым распространённым типом дефиниции является описательно-логический, который отличается от подобного способа толкования значения слова в литературном языке частеречной принадлежностью определяющего слова и отсутствием дифференциальных признаков при описании лексемы (*замерек – снежок первый, ведро – солнечная погода, куржак – снег мокрый, испёка – жара, морок – облачность, непогодье – дождливая и пасмурная погода и др.*). В речи диалектоносителей распространён также способ толкования значения слова через целое предложение:

Земля сделатся тепло, все тепло, вот воспаренье (Мур., Берг., старож.); *Дует ветер, идёт дождь со снегом – зольная погода* (Мур., Окун., старож.); *Навой – начинает погода меняться* (Б.-Реч., Н.-Лог., старож.); *Чарым – снег закреп* (Мур., Арт., старож.); *Солнце закатилось – сутёмочки* (Мур., Сетк., старож.); *Снег потаёт, а ночью подморозит, так он становится такой коркой, это и есть чарым* (Б.-реч. Такм., старож.); *Солнце скроется – вот тебе и морок* (Черл., Кр.Окт., старож.) *Небо покрывает тучами, а дожджа нет, так это морочно* (Тар., Орл., старож.); *После дождя хлеб всегда лежит, дождь прибьёт к земле, вот это и есть лёглый хлеб* (Тар., Тар., старож.).

Суть описательно-логического способа осмысления слова заключается в том, что лексема трактуется через идентификатор и дифференциальные признаки (конкретизаторы). Данное условие обязательно для дефиниций толкового словаря, но не всегда выдерживается при описании слова диалектоносителями. Так, при определении значения метеонима дифференциальные признаки могут быть опущены:

Сивер погода инача (Тар. Зал., старож.); *Дождь – это вот сеногной* (Б.-реч., Кр. Яр, старож.) (ср. с данными диалектного словаря *сивер* 'холодная погода', *сеногной* 'дождь во время сенокоса').

Тем не менее в толкованиях диалектоносителей преобладают лексемы с чётко выраженными идентификаторами и конкретизаторами:

Падёра – буря со снегом или дождем, с порывистым ветром

(Знам., Знам., старож.); *Сильный мороз у нас морозяк* (Окон., Окон., старож.); *Бусан – дождь идёт мелкий* (У.-Иш., Кайл., старож.); *Северный ветер – северник, он холодный* (Тар., Орл., старож.); *Бусенец – мелкий, частый дождик* (У.-Иш., Кайл., старож.).

В исследуемых говорах продуктивными способами определения значения метеонима можно считать дефиниции с количественным значением и описательные конструкции.

Ветра, снега наметает сумёты до самого окна. Пряма с дома наносила сумёты назывались (Б.-реч., Корш., старож.); *Набило снегу, что не пройдеши нигде – набой* (Мур., Тан., старож.); *Заливной дождь – много-много, полны канавы, сильный* (У.-Иш., У.-Иш., старож.); *Уливень – кода сильно дождь идёт* (Мур., Арт., старож.); *Смочный год – кода выпадат много осадков* (У.-Иш., У.-Иш., старож.); *Ровно с забором снег был. Непогодь* (У.-Иш., Пан., старож.).

В отдельных случаях отсутствие номинативного элемента в толковании компенсируется описательной частью, которая вводится в определение указательными словами. Так, в диалектных метатекстах определение значения метеонима вводится придаточными предложениями с временным значением, что обусловлено изначальным родством лексем *погода* и *время*.

Начинат вроде замолаживат на небе – дождь будет. Это кода сделатся облачко-то на небе, морок-от (У.-Иш., Слоб., старож.); *Солгунчик – это тучи кода, пасмурно* (Кол., Браж., старож.); *Морочок – это кода на небе ходят облака* (Мур., Курн., старож.); *Набойный снег, кода не пролезеш через него* (Мур., Курн., старож.); *Это кода день ясна, а день холодно* (Тар., Луг., старож.); *Солгун – это день такой, кода после жары прохладно и солнца мало* (Мур. Окун., старож.).

Исследуемый материал позволяет также говорить о субъективном способе толкования лексического значения слова, который не отмечен в словарях. Субъективные дефиниции отличаются образностью и представлены в речи информантов сравнительными оборотами и фразеологизмами:

Заморозь утрами, как мелом посыпано на приступках, на земле (Мур., Сетк., старож.); *Как-туча над-галавой стаяла забот столько / нада была фсех ф-школу атправить накармить* (Тар., Петр., Лукьянова Г.Ф., 1953 г.р., грам., старож., 1999); *Завихарили метели – просвета нет* (У.-Иш., Дали, старож.); *Морок – это кода не дождж и ничего, как дым какой* (Мур., Сетк., старож.); *На черну землю заморозь приморозит искорки таки, иголки на земле* (Мур., Сетк., старож.); *Ты и не хочеш, как следоват, поговорить, бегашь, как бес от грома* (Омск, старож.); *Небо захмурит – говорят: облака заходили, скоро дождь будет* (Омск, старож.); *(Первые морозы называют заморозки?) Нет, заморозок не называют, а говорят – иней пал, первый раз холод ударил* (Тевр., Бакш., старож.); *(Когда*

наступает ненастная погода, ненастье звали?)Така погода замокропогодила у нас говорят (Б.-реч., Такм., старож.).

Проблему обозначения метеорологических явлений в диалектном дискурсе можно рассматривать в двух направлениях: от слова к значению (что означает слово *ведро*?) и от значения к слову (как вы называете солнечную погоду?). Диалектоносители могут одинаково испытывать трудности и в том, и в другом случае:

Ливневый доить был з-градам вот как ево назавёш (Тевр., Ив.Мыс., Новиков Н.А., 79 л. , грам., новосел., 2006); (*Как называете солнечную и жаркую погоду?*) *Как гаварят / я ни-знаю / у-нас таг-жы гаварят очинь жарка* (Крут., Яман, Карпова А.Г., 75 лет, ?, новосел., 2006).; (*Что такое ведро?*) *Ауа пачиму ўварят/ой-заутра вёдра/А-я сразу фсе ни-знала думала што-за-ўёдра//А-эта паўода* (Мур., Кам.-Кур., Бычкова К.К., 77 лет, грам., новосел., 2005).

В результате исследования выявлена специфика толкования лексического значения метеонимов в показаниях языкового сознания диалектоносителей, отмечены основные закономерности осознания семантики слова диалектоносителями в сопоставлении с данными лексикографии. Так, толкование значения слова диалектоносителем включает не только информацию, отмеченную в словаре, но и дополнительные смыслы. Основным способом толкования значения метеонима является описательно-логический, при этом одни информанты склонны к детализации и приводят полные, подробные толкования (*надёра – буря со снегом или дождем, с порывистым ветром*), другие – опускают дифференциальные признаки при описании лексемы (*сивер – погода*). Для большинства информантов характерна субъективность суждения, апелляция к личному опыту. Редко, но встречаются диалектоносители, которые осознают системные связи слова, что проявляется в построении дефинирующего высказывания. Как правило, это однословные толкования, отражающие парадигматические и родовидовые связи слова (*дождь – сеногной*).

Таким образом, диалектная описательная дефиниция – один из весьма эффективных способов раскрытия лексических значений слов. При этом лексикографические данные о слове превосходят по своему объёму показания языкового сознания диалектоносителя относительно той же лексической единицы. В этом и заключается основная причина несовпадения и расхождения толкований слов диалектоносителями языка и толкований, представленных в словарях.

Литература:

Берестнев Г.И. Образы множественности и образ множественности в русском языковом сознании // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. – Т. 1 / Под ред. Г.А. Садретдиновой. – Томск, 1992.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. – Т. 2 / Под ред. Г.А. Садретдиновой. – Томск, 1993.

Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. – Т. 3 / Под ред. Г.А. Садретдиновой. – Томск, 1993.

Е.Г. Трещева

ОБРАЗ СОБЫТИЯ ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Ассоциативный эксперимент, как было показано многими исследователями, является надежным инструментом анализа языкового сознания говорящих. Изучение вербальных ассоциаций помогает делать выводы об использовании испытуемыми своего родного языка, о функционировании в нем механизма грамматики, о системе наиболее важных для человека понятий, и, шире, – о представлениях испытуемых о мире. Ассоциативные реакции, являясь, таким образом, источником сведений о языковой способности индивидов, представляют собой отличный от речи письменной и устной, особый тип речи. Это скорее некое промежуточное между мышлением и речью образование, позволяющее говорить о наличии в сознании говорящих так называемой ассоциативно-вербальной сети (АВС). Психологи и психолингвисты полагают, что АВС является той основой, из которой создается и устная, и письменная форма речи, ср. точку зрения Ю.Н. Караулова: «Ассоциативный словарь, таким образом, – это еще не речь, но он являет язык в его предречевой готовности, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ "держания" языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святыней святынь, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего» [Караулов 1994: 191].

Несмотря на существенные отличия вербальных ассоциаций от реальных речевых высказываний, многие исследователи полагают, что ситуация ассоциативного эксперимента может рассматриваться как разновидность коммуникативной ситуации [Горошко 2001; Доценко 1999], в которой в зависимости от формы проведения свободного ассоциативного эксперимента – устной или письменной – ассоциативные реакции расцениваются соответственно как спонтанная или же как подготовленная речь. В любом случае, в ассоциациях неизбежно появляются элементы, присущие полноценной речи – в ее устной или письменной форме. В них отражаются как явления литературного языка (это реакции, соответствующие литературной норме), так и явления субстандартные (среди этих реакций встречаются жаргонные, просторечные и даже обценные единицы) – такого рода ненормативные явления характерны скорее для устной речи. Таким образом, АВС отражает не только ментальные структуры, но и внутренний лексикон говорящего, в который входят и разговорные единицы.

Однако провести границу между стилистическими вариантами просто только на поверхностном уровне, на уровне отдельных слов. В структуре же ассоциативного поля единицы устной речи входят в различные слоты, если говорить о представлении ассоциативного поля в виде фрейма. Задача данного исследования – выяснить, какие элементы АВС составляют образ события, реконструируемый в результате анализа ассоциативных данных.

В рамках данной работы исследовались ассоциативные поля событийных стимулов Русского ассоциативного словаря [Караулов и др. 2002]. В списке стимулов ассоциативных словарей присутствует множество стимулов с событийной семантикой, однако не все из них являются бесспорными именами ситуаций-событий. Одни из них обозначают и событие, и состояние (болезнь), другие же кроме событий обозначают одновременно и процессы (прогулка, путешествие, падение). Но есть и такие стимулы, которые называют не само реальное («референтное») событие, а его отражение в сознании человека, «событие-идею» [Демьянков 1983] (одно и то же референтное событие, например, окончание футбольного матча, может восприниматься разными людьми и как победа, и как поражение). А некоторые стимулы несут только оценочное значение – например, некоторое событие может квалифицироваться как несчастье, горе, беда или, например, удача.

В настоящей работе представлены результаты анализа ассоциативных реакций, полученных на стимулы, которые являются именами ситуаций-событий в строгом смысле или же именами событий и/или процессов: выборы, концерт, охота, падение, поход, праздник, представление, прием, прогулка, путешествие, разговор, революция, экзамен и др. Поясним, что понимается под выражением «имена ситуаций-событий». Ряд ученых, посвятивших свои работы понятию событийности (и в области лингвистики, и в области философии), предлагают для определения имен событий определенные речевые тесты. Например, см. у В.Е. Гольдина: «Событийность значения соответствующих имен проверяется возможностью подстановки этих имен во фразу *Это случилось во время Р*» [Гольдин 1997: 27], у Е.В. Падучевой предлагаются следующие параметры «событийности» имени: 1) имена событий употребляются в контексте глаголов со значением «произошло», «случилось»; 2) в контексте пространственных и временных локализаторов; 3) сами используются для временной локализации других событий и процессов – соответственно, они сочетаются с предлогами «до» и «после», 4) хорошо упорядочиваются во времени – событие может быть началом или концом другого события [Падучева 1991: 26]. Кроме того, Е.В. Падучева, равно как и Дж.Ф. Беннетт [Bennett 1988: 4], считает, что имена событий могут употребляться во множественном числе и свободно считаются.

Анализ ассоциативных полей стимулов с событийной семантикой показывает, что 1) в пределах ассоциативной статьи может выделяться более одного ассоциативного поля при наличии у стимула более чем одной сферы референции (здесь лучше говорить именно о сфере референции, а не

о значении стимульного слова, поскольку близкие значения стимула соотносимы практически с одним и тем же набором реакций) – ср. ассоциативную статью стимула поход, в которой выделяются группы реакций: {военный, крестовый, на турок} – {в лес, горы, рюкзак} – {в кино, в театр, в баню}; 2) структуру ассоциативного поля можно представить в виде фрейма с достаточно типичным для разных имен событий набором слотов.

Выше уже говорилось о том, что в АВС отражаются и ментальные структуры, и лексикон. Анализ событийных фреймов это полностью подтверждает. Событийный фрейм можно условно разделить на две части: слоты с референциальным отношением в паре «стимул-реакция» (стимул и реакция соотносимы с явлением реального мира) и слоты, в которых актуализируются языковые и речевые связи между стимулом и реакцией.

К слотам первого типа можно отнести следующие: «Участники события» (охота → на лис 81, на волков 36, на уток 14, собака 6, король, охотник 2, кони 1), «Время и длительность» (пьянка → до утра, поздняя 2, вечером, долгая, затянулась, неделя, ночная 1), «Место» (буря → в дороге, в море, в степи, на море, утес 1), «Стадии события» (спор → возник, затеяли 1, разгорелся 8, длится, завершён, окончен 1), «Связь с другими событиями» (развод → ссора 4, свадьба 2, по обстоятельствам, разлад, расставание, скандалы 1), «Аксессуары и подробности события» (праздник → флаги, цветы 3, выпивка, песни, шарик 2, наряд, подарок, свеча, серебро, телевизор, яркие краски 1), «Действия» (спектакль → смотреть 5, ставить 2, бегают и орут, переживать, поставить, сыграли, разыграть, репетируем 1), «Вторичные характеристики события» (выборы → 18 лет, праздник → красный цвет, пьяный 1).

Промежуточное положение занимает слот «Семантико-логические связи», в который были отнесены ассоциаты, называющие события, более общие по отношению к событию, называемому стимулом, или же события уровнем ниже, его разновидности. Кроме того, в слот входят и имена событий, противопоставленных или, наоборот, близких событию, обозначенному стимулом. Иерархия событий диктуется прежде всего положением вещей в реальном мире, а не языковой системой, однако в типовых случаях номинации этих событий укладываются и в систему семантических отношений в языке, например, гипонимии, антонимии (праздник → Новый год 37, будни 7, выходной 5, каникулы 3, свадьба, событие, юбилей).

Ко второму типу относится прежде всего слот «Речевые явления», который составляют следующие разновидности реакций:

– формальные реакции (встреча → встретить, встреча, предтеча; операция → кооперация 6, консервация, конспирация, орация, рация 1);

– слова, замещающие стимул в потоке речи – синонимы или, чаще, квазисинонимы стимула (представление → спектакль 3, выступление, показ; путешествие → вояж, поездка, турне 2);

- его толкования (беседа → *дружеский разговор*; авария → *дорожное происшествие*);
- метафорические употребления стимула (концерт → *кошачий, лягушачий*; падение → *в чьих-то глазах, духовное, нравственное*);
- реакции, образующие со стимулом или самостоятельно типовые сочетания, речевые формулы (прием → *пищи, посуды, теплый 2, документов, как слышите 1*);
- типовые высказывания о событии (революция → *свершилась 8, была 1*);
- реакции, представляющие собой (отдельно или в сочетании со стимулом) прецедентный текст или его часть (путешествие → *Гулливер, из Петербурга в Москву, Мюнхгаузена*);
- реакции диалогического характера, как бы имитирующие беседу испытуемого с экспериментатором (праздник → *к черту их!, нет 1*).

Отдельно следует сказать про слот «**Имена событий**». В него вошли реакции, которые в сочетании со стимулом образуют новое имя события, например: революция → *Октябрьская 5, 17 года 2, научно-техническая, НТР, французская 1*. Вообще, данный слот было бы правильнее отнести в качестве составной части сразу в два других слота. Один из них – слот «Речевые явления», поскольку полученное сочетание является устойчивым и только в цельном виде называет данное явление. Другим слотом, куда можно включить «Имена событий» является слот «Семантико-логические связи», потому что обозначаемое сочетанием стимула и реакции явление представляет собой разновидность события, называемого стимулом.

За пределами названного противопоставления находится слот «**Оценка и эмоции**», в котором объединены реакции, отражающие 1) оценочное отношение испытуемого к событию, обозначенному стимулом (концерт → *интересный 4, плохой, хороший 2, крутой, надоедливый, понравился, ужасный 1*; 2) эмоции, вызываемые этим событием (праздник → *веселый 59, веселье 28, радость 18, весело 10, смех 2, веселое настроение, получить удовольствие, улыбки, унылый, пустота*); 3) его качественные характеристики (снегопад → *белый*). Примечательно, что данный слот не является типичным для ассоциативных полей именно событийных стимулов – оценочные реакции в качестве неотъемлемой части входят в состав любой ассоциативной статьи.

В заключение следует отметить, что образ события, реконструируемый в процессе анализа ассоциативных данных, не только отражает представление испытуемого о явлениях мира, но и во многом опирается на речевую практику говорящих. В реакциях поэтому отражаются как внеязыковые реалии, связанные с обозначаемым событием (названы участники события, время и место события, подробности и компоненты события, действия), так и типичные речевые формулы, выражения, приемы языковой игры, коммуникативные навыки, которые вырабатываются у носителя языка в процессе использования им устной речи.

Литература:

Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи: Сб. науч. статей. – Саратов, 1997.

Гольдин В.Е. Концептуальные переменные образа мира // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – Вып. 9 (16). – М., 2010.

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – М., Харьков, 2001.

Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. – 1983. – Т. 42. – № 4.

Доценко Т.И. Влияние экспериментальной ситуации на ассоциативное поле младшего подростка // Проблемы детской речи – 1999: Материалы Всероссийской конференции. – СПб., 1999.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. – М., 1994. – Ч. I.

Падучева Е.В. Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // НТИ. Сер. 2. – № 5. – 1991.

Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. Том I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов/ *Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, В.Н. Ярошинская.* – 2002.

Bennett J.F. Events and their names. - Oxford, 1988.

И.В. Шалина

ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРА: КОНЦЕПТОСФЕРА «СЕМЬЯ»

В научных трудах Л. И. Баранниковой просторечие как компонент общенародного русского языка предстает в социально-историческом контексте: рассматриваются его возникновение, социальная база, сфера функционирования; описываются специфические лингвистические особенности, выявляется связь с другими языковыми стратами; намечается перспектива многостороннего изучения этого феномена [Баранникова 2005]. Лингвистические идеи Л. И. Баранниковой стимулируют интерес русистов к проблеме изучения развития просторечия в новых исторических условиях, описания объективной картины его функционирования с учетом социально-экономических и политических перемен, особенностей культурно-речевой ситуации в современной России. Являясь подсистемой русского национального языка и разновидностью городской речи, просторечие представляет собой уникальный материал для разработки собственно лингвистических, лингвокультурологических, этнолингвистических, лингвогеографических и других проблем.

Формирование антропоцентрической научной парадигмы способствует выявлению культурологических аспектов решения проблемы языкового существования как отдельной личности, так и социума в целом.

Предмет нашего анализа – извлекаемые из живого речевого взаимодействия горожан-уральцев коммуникативно-этические константы просторечия как лингвокультуры. Выбранный нами метод включенного наблюдения делает нерелевантной для внутрикультурной коммуникации носителей просторечия структурно-ортологическую ущербность их речи. Взгляд «изнутри» ориентирован на поиск ментально значимых ценностных объектов, получающих вербализацию в речеповеденческих практиках носителей просторечной лингвокультуры.

Важнейшей константой просторечной лингвокультуры является социоцентризм, обеспечивающий устойчивость коллективной идентичности. Он проявляется в чувстве принадлежности к семейной, дружеской, профессиональной и другим общностям. Социоцентризм находит воплощение не только в языковых предпочтениях носителей лингвокультуры, но и в культурных представлениях, ценностных установках, презумпциях и предписаниях. Они способствуют определению роли и места ключевых мировоззренческих понятий в языковом сознании носителей просторечной лингвокультуры.

Понятие *семья*, несомненно, входит в понятийно-ценностный базис культуры. В лингвокультурологической интерпретации оно предстает как культурный концепт, вступающий в отношения пересечения, дополнения, включения с рядом других культурных концептов. Анализ ценностной составляющей концептосферы *семья* позволяет вывести доминантные культурные смыслы сознания носителя просторечия-1: семья – это смысложизненная ценность, а семейная доля – часть человеческой судьбы. Счастье жизни мыслится как счастье семейное. Свой дом, своя семья – то, за что надо держаться. Смысл жизни – в полной семье, т.е. семье, в которой есть муж / жена и дети. *Дети, внуки, родители, дом (сад)* – важнейшие константы просторечной лингвокультуры. Социоцентрическое мироощущение носителя просторечия не приемлет личного эгоизма и индивидуализма (жизни ради себя). Маркерами коллективных усилий супругов по строительству семейного счастья выступают наречие *вместе*; речевые формулы совместности: *мы с отцом; мы с ним; Рая с Николаем; наши дети* и под. Семейное счастье имеет нравственные основания, базируется на сотрудничестве супругов, их совместных усилиях, направленных на воспитание детей: *Мы с ним 25 лет прожили / детей нам Бог дал / ростили вместе //*. Важно, что богатство, достаток не осознаются как обязательные условия воспитания детей. Нравственность, образование, напротив, воспринимаются как безусловные ценности: **А.** [сочувствует соседке-подруге, похоронившей мужа] *Утя (тебя) со здоровьем-то началось незаметно // Када (когда) потеряла родного / дорогого человека // Ведь вместе тридцать лет прожили // Нормальных девок вырастили / выучили / образование дали // Чё (что) еще надо-то для жизни? Он работяга у тя такой был //*.

Концептуализируются представления о *хорошем муже* как, прежде всего, муже *работячем*, кормильце семьи, о *нормальных детях* и о своем

уголке, т.е. 'месте, где можно жить'. Труд на благо семьи осознается как безусловная этическая ценность. Концепт *дом* содержит вещно-материальную и духовно-нравственную составляющие: *дом – достаток, чистота, уют, порядок, красота, мир и лад*. Искомое добывается терпением, трудом, жертвенностью, преодолением жизненных невзгод (*жись не сахар*), активной жизненной позицией.

Ценностное отношение к *семейному ладу и гармонии* выражается с помощью речевого стереотипа *жить дружно*. Вербализованные этические оценки получают поступки, ведущие к разладу, распаду семейной общности, например *супружеская измена*. Коммуникативные практики членов *своего круга* (семейный совет, встречи родственников и др.) строятся на презумпции родственного единения и свидетельствуют о ценности кооперативного взаимодействия.

В персонологии просторечной лингвокультуры положительно оцениваются лингвокультурные типажи *матери-заботницы, защитницы семьи, гостеприимной хозяйки, отца-учителя жизни, мастеровитого умельца, хозяина дома* и др. Отрицательную оценку получают лингвокультурные типажи *разлучницы семьи, никчёмного мужика, отца-пьяницы* и некоторые др.

Обозначим некоторые базовые нормативно-ценностные установки и представления носителей просторечной лингвокультуры, выявленные в ходе лингвокультурологического анализа концептосферы *семья*:

Семья

Иметь семью, детей – естественная потребность и необходимость; Человек – существо семейное; Семья – это долгосрочная ценность; Стремись создать семью, дорожи семейно-родственными связями; Супруги должны помнить о семейном долге; Если ты создал семью, твой моральный долг заботиться о ее благосостоянии; Для спасения семьи все средства хороши; Непозволительно разрушать чужую семью; Семья – это единое целое, стремись быть рядом с близким человеком, не отдаляйся от него, находи зону общих интересов; Если хочешь иметь хорошую семью, старайся жить с домочадцами в мире и дружбе, учись ладить с близкими (*Жить хорошо значит жить дружно*); Члены семьи подчиняются внутрисемейным нормам (*Не ешь один*); Относись к членам семьи с любовью; Внешние проявления любви и знаки внимания заменяй заботой о физическом здоровье, душевном покое каждого члена семьи; Ради семьи и детей надо терпеть; Если ты любишь, ценишь и предпочитаешь то, что было в детстве и юности, в родительской семье, создай собственную семью по образцу и подобию родительской; Дом служит оплотом семьи; Обязанность каждого члена семьи – скрасить бедность, наладить уют и порядок в доме.

Муж и жена

Муж и жена должны быть заодно, должны защищать друг друга; Муж и жена сообща решают семейные проблемы; Если мужчина *заимел семью*, он обязан кормить и одевать членов семьи; Муж (мужчина) должен

быть работающим, трудолюбивым, должен уметь работать руками; Не следует пропивать заработанные деньги; Муж может выпивать, но он должен заботиться о семье (*Работа и семья на первом месте*); Муж должен нести деньги в дом, тратить на семью, а не на чужих женщин; Муж приносит деньги – жена ими распоряжается; Муж, отец детей не должен встречаться с другой женщиной, тратить на нее деньги – это стыдно; Не пристало мужу забывать о жене; Непозволительно все семейные дела и заботы взваливать на жену; Жена обязана содержать мужа *в чистоте и обиходе*; Если жена заботится о муже, который пьет, не имеет постоянной работы, поднимает на нее руку, ему следует держаться за нее, приложить все усилия для сохранения семьи; Хороший муж не пьет, не бьет жену и детей, не матерится, работает ради семьи, не ворует деньги из дома; Женщина-хозяйка обязана хлопотать по дому, обслуживать домочадцев; Женщина получает право управлять домочадцами; С женатым мужчиной нельзя вступать в интимные отношения – это стыдно; В ситуации распада семьи для женщины хороши все средства, позволяющие вернуть мужа; Соперницу нужно поставить на место и проучить.

Родители (мать и отец)

Главное – не внешние проявления любви, а духовная связь между родителями и детьми; Родители обязаны заботиться о детях (*Ростить детей*) (поить, кормить, одевать, воспитывать) – главная обязанность родителей); У детей должен быть отец; Не пристало отцу забывать о детях, которых нужно кормить; Отец (родитель) несет ответственность за судьбу детей, отцовский (родительский) долг – помочь детям, поддержать их; Детей нельзя баловать; Пойми внутреннее состояние своего ребенка, пожалей его; Отец (родители) желает детям только добра; Сын должен отслужить в армии, чтобы стать настоящим мужчиной; Дети должны жить лучше родителей.

Дети

Отец (родители) сказал(и), потребовал(и) – следует выполнять; Родителям виднее; Дети должны подчиняться родителям; Долг взрослых детей – при жизни благодарить родителей за все, что они сделали, заботиться о них и помнить их всегда; С братьями и сестрами нужно делиться всем.

Члены «своего круга»

Родственники, близкие люди должны стремиться к налаживанию долгосрочных отношений, поддерживать друг друга морально и материально, помогать друг другу (*Как не помочь, свои же*); Родственники должны понимать друг друга; Старшие родственники должны прогнозировать семейные осложнения и способствовать их предотвращению; *Живи* (с близкими людьми) *по-родственному*; Свои не должны вредить своим; Близкие люди могут навещать друг друга без особого приглашения; Нельзя сидеть сложа руки, если близкому человеку трудно и плохо; Будь скромн в быту, но если в гости пришли родственники, обязательно угости их от души, не скупись, не жалея денег; Стремись поддерживать родственные

контакты, отмечать юбилейные даты родных и близких; Организуй запоминающийся прием гостей-родственников, будь хлебосольным и гостеприимным, чтобы о тебе вспоминали хорошее; Старшие члены семьи должны быть опытными и мудрыми советчиками и защитниками, покровителями младших.

Важно подчеркнуть, что установки не абсолютизируются. Вместе с тем наблюдается внутрикультурная преемственность многих выявленных установок. Проведенный лингвокультурологический анализ свидетельствует о том, что просторечная лингвокультура консервирует большинство установок традиционной народной культуры в отношении семьи и речевого поведения членов семьи. Это позволяет рассматривать просторечную лингвокультуру как городской вариант культуры народной.

Литература:

- Баранникова Л.И.* Общее и русское языкознание: Избранные работы. – М., 2005.
Шалина И.В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии. – Екатеринбург, 2009.

РАЗДЕЛ 2. Устный текст: структура и функции

В.М. Алпатов

СТРУКТУРА УСТНОГО И ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Традиционно лингвистика не обращала особого внимания на вид реализации текста: предполагалось, что письменный текст – просто некоторая перекодировка устного. Если же на данные различия обращали внимание, то часто смешивали и смешивают до сих пор два разных противопоставления: «устный – письменный» и «разговорный – книжный». Предполагается (без каких бы то ни было доказательств), что разговорные тексты должны иметь устную реализацию, а книжные – письменную.

Один из бесчисленных примеров – книга, посвященная норме русского языка [Граудина, Ицкович, Калакуцкая 1976]. Вот цитата: «Такое употребление чаще встречается в разговорной речи, в строгой письменной речи предпочитается форма родительного падежа» [Граудина, Ицкович, Калакуцкая 1976: 34]; противопоставление разговорной и письменной речи встречается и в других местах (стр.168 и др.), а на стр.152 противопоставлены «письменный стиль речи» и «разговорный литературный язык». Но можно встретить и случаи, когда, наоборот, противопоставлены «письменная разновидность литературного языка» и «разговорная речь» [Граудина, Ицкович, Калакуцкая 1976: 98]. В то же время в качестве антонимов могут фигурировать «устная речь» и «письменная речь» [Граудина, Ицкович, Калакуцкая 1976: 85, 108], «устные» и «письменные формы литературного языка» [Граудина, Ицкович, Калакуцкая 1976: 97]. Иногда «разговорная речь» и «устная речь» оказываются синонимами: «В разговорной речи преобладает нулевая форма... Из устной речи формы на – ь (то же, что нулевые формы – В.А.) проникают и в письменную» [Граудина, Ицкович, Калакуцкая 1976: 129]. Термин «книжная речь» встречается реже других, но вот такой пример: «Варианты на – е употребляются в письменной речи и приобрели оттенок книжной или нейтрально-литературной речи» [Граудина, Ицкович, Калакуцкая 1976: 136].

Безусловно, термины *устный* и *разговорный* употребляются в книге без какой-либо системы (как и термины *язык*, *речь* и *стиль речи*). И возникает еще один вопрос, явно не предусмотренный авторами книги, в которой не раз имеются предостережения вроде такого: «В нейтральной же

письменной речи смешение родовых вариантов нежелательно» [Граудина, Ицкович, Калакуцкая 1976: 75]. Если мы прочтём вслух письменный текст, где есть такое смешение, то станет ли оно допустимым? Если нет (что, по-видимому, бесспорно), то можно ли относить данное указание именно к сфере *письменной речи*?

Еще раз указываю на то, что такое смешение терминов – не личный недостаток авторов данной книги, а стандартное явление. В то же время были (в том числе и среди русистов) ученые, строго проводившие данное разграничение, как М.В. Панов: «Разговорный стиль чаще всего воплощается в устной речи (хотя не только в ней), а книжный – в письменной речи (однако не всегда именно в ней)» [Панов 2007: 151].

Точнее, можно выделить не два, а, по меньшей мере, четыре противопоставления. Во-первых, это противопоставление каналов речи: устного и письменного. Во-вторых, это противопоставление спонтанной и заранее подготовленной речи. В-третьих, это противопоставление диалогической и монологической речи. Не раз, впрочем, отмечалось, что монолог в чистом виде почти не встречается и всякая речь в той или иной степени диалогична [Щерба 1915: 3-4; Бахтин 1996: 213], однако имеются безусловные отличия между речью, направленной на определенных собеседников, и речью, осуществляемой в отрыве от собеседников. Труднее всего определить четвертое противопоставление, которое, прежде всего, лежит в основе разграничения разговорной и книжной речи. По-видимому, значимы здесь темы общения (для разговорной речи бытовые, для книжной речи интеллектуальные) и разное отношение к языковой норме (норма эксплицитнее и выдерживается строже для книжной речи).

Безусловно, наиболее типичен случай, когда сочетаются, с одной стороны, устность, спонтанность, диалогичность и разговорность; с другой стороны, письменность, подготовленность, (относительная) монологичность и книжность. Такая типичность и обуславливает отмеченное выше смешение понятий. Однако всё же это независимые друг от друга параметры, хотя некоторые сочетания их значений либо затруднительны (например, разговорность и подготовленность), либо маргинальны, как разговорность и монологичность (сами с собой разговаривают обычно пьяные или психически больные). Далее речь будет идти лишь о сочетаемости с остальными параметрами «устный – письменный».

Оба значения данного параметра сочетаются со всеми значениями других параметров. Устный текст может быть заранее подготовлен (лекция, приветственная речь и пр.; крайний случай – воспроизведение текста наизусть), а письменный спонтанен (обмен записками, Интернет), Устный текст может обладать высокой степенью монологичности (лекция, научный доклад или просто прочтение письменного текста при отсутствии собеседников, например, при подготовке доклада), а письменный обращаться к определенному собеседнику (те же примеры, что для спонтанности). На-

конец, записки или общение в Интернете могут быть, безусловно, разговорными, а произнесенный «по бумажке» или даже «без бумажки» научный доклад - книжным.

Практически все спорные с точки зрения нормы явления, рассмотренные Л.К. Граудиной, В.А. Ицковичем и Л.П. Калакуцкой, связаны с различиями разговорной и книжной речи (большой частью – и с различиями соответствующих вариантов литературного языка). Это видно уже из того, что при произнесении вслух письменного текста или записи устного никаких существенных изменений здесь не происходит. Однако и в русском языке есть различия, связанные именно с каналом речи.

Один из самых очевидных случаев – инициалы. В письменной речи (и книжной, и разговорной) они очень употребительны, однако в любой устной речи они производят комический эффект. Поэтому при произнесении письменного текста приходится инициалы либо опускать, либо развертывать до полного имени (и полного отчества, если оно требуется). Не столь явно различие в отношении так называемого *мы* авторского, но представляется, что оно гораздо уместнее в письменной, чем в устной речи. Только в устной (обычно книжной) речи встречаются двухсловные назывные предложения *Начало цитаты* и *Конец цитаты*: в письменной речи их заменяют кавычки. Кавычки на письме имеют и другие функции, которые при чтении текста вслух приходится передавать каким-то иным образом, вводя эпитет *так называемый* или добавляя предложное сочетание *в кавычках*. С другой стороны, устный вид текста позволяет использовать в нём те или иные интонационные средства, которые могут не иметь аналогов. И вот такое не всегда привлекающее внимание различие между устным и письменным диалогом. В устном диалоге редки очень длинные реплики одного из говорящих, не прерываемые собеседником, даже если текст нарративен. Постоянны реплики-реакции собеседника (*Да, Ну* и т.д.), особенно заметные при разговоре по телефону; смены ролей собеседников при этом не происходит, но эмоциональная реакция собеседника влияет на говорящего. В письменном диалоге характер общения делает невозможным употребление подобных реплик.

Если в русском языке подобные различия часто игнорируются и могут не считаться существенными для лингвистического анализа, то в ряде языков они оказываются значительными. К таким языкам относится японский, имеющий ряд особенностей.

В современной Японии стандартна ситуация, когда перед началом научного доклада его слушателям раздается его полный текст, и можно сопоставлять два текста, различающиеся лишь устной и письменной формой. Обратный случай происходит, например, при телевизионных трансляциях, например, парламентских дебатов: передается устное выступление и одновременно его запись бегущей строкой. И в обоих случаях тексты могут оказываться не идентичными по двум причинам.

Одна из причин – иероглифический характер японской письменности (где, помимо иероглифов, используются и два вида слоговой азбуки, а в последнее время и латинский алфавит, но иероглифы продолжают играть важную роль). В прошлом японская культура (как и китайская) имела резко выраженный письменный характер, что до некоторой степени сохранилось и сейчас. Иностранцы наблюдатели замечают, что японцы, припоминая какое-нибудь слово, пишут пальцами в воздухе соответствующий иероглиф и лишь после этого произносят не столько слово, сколько его чтение [Gottlieb 2005: 78]. Но не всегда бывает ясно, как прочесть письменный текст, и из-за значительной омонимии, снимаемой в иероглифическом написании, и из-за различий устного и письменного вариантов языка, иногда затрудняющих, но иногда и облегчающих общение. Вот примеры: плакат ко Дню леса состоит из множества одинаковых иероглифов со значением «лес», а на плакате, посвященном марафонскому забегу, помещен только один иероглиф со значением «бег». Зритель сразу понимает, о чем плакат, хотя полученная информация требует уточнения. При этом в обоих случаях не ясно, даже как читать иероглифы: они имеют несколько стандартных чтений. Именно поэтому один и тот же текст часто бывает нужно дублировать в устном и письменном варианте. Однако достаточно часто устный текст (прежде всего, устный книжный) текст бывает не вполне понятен на слух, поэтому при чтении письменного текста могут заменять слово на более понятный слушающему синоним или указывать, какой иероглиф здесь употреблен.

Другая причина – существование развитой системы так называемых форм вежливости. Этот термин закрепился в японистике, хотя правильнее здесь говорить не о вежливости, а об этикете, правила которого социально обусловлены [Храковский, Володин 1986: 224-225]. Имеется развитая система грамматических форм, передающих социальные отношения между говорящим, слушающим и лицами, о которых идет речь; подробнее см. [Алпатов 1973/2009]. Имеются и лексические, и прагматические средства выражения этих отношений. Американцы считали японцев «самым вежливым народом на Земле», но видели в этом признак лживости [Gudykunst 1993: 3], а И.А. Гончаров видел в «приседаниях» японцев признак «азиатчины» и отсталости, но и в современном языке правила языкового этикета упростились, но во многом продолжают существовать.

В принципе любые формы этикета возможны и в устной, и в письменной речи (тогда как противопоставление диалога и относительного монолога влияет на их использование: чем менее явно наличие собеседника, тем они менее необходимы). Однако имеются различия в их употреблении. В письменном тексте научного доклада может вообще не быть форм этикета, но при произнесении его вслух, во-первых, все сказуемые преобразуются в форму этикета по отношению к собеседнику с суффиксом *-mas-*, во-вторых, если речь заходит о действиях уважаемых предшественников

(профессор А писал...), то нейтральные формы глагола заменяются не этикетные по отношению к субъекту, в-третьих, при обозначении собственных действий нейтральные формы заменяются на так называемые скромные (этикетные по отношению к объекту). А при воспроизведении на телеэкране парламентских речей этикетные формы теперь стали сокращаться. Причины таких различий могут быть разными. При чтении научного доклада возрастает степень диалогичности по сравнению с его письменным функционированием. Но опущение форм этикета на телевидении не может быть объяснено таким образом (этикет по отношению к зрителям там соблюдается достаточно строго). Видимо, дело в том, что при дефиците времени, когда текст надо быстро прочитать, он подвергается компрессии: опускаются наименее необходимые его части.

С этикетом связаны и особенности японского диалога. В частности, в английском и других языках вводная часть диалога отсутствует или крайне невелика. Но в японском диалоге у обоих участников много, вроде бы, не несущих информации вводных слов и междометий, они, однако, нужны для установления контакта между собеседниками (фатической функции, по Р. Якобсону). Например, перед началом повествования одного из собеседников нужно, чтобы он удостоверился в отсутствии враждебных намерений у партнера, а тот пригласил его начать рассказ. Для носителя английского языка такая стратегия может показаться чересчур уклончивой, но «сотруднический» (collaborative) стиль японского диалога этого требует [Fuji 2007]. В письменной речи в прошлом существовало нечто подобное, но сейчас это уже не обязательно. В вежливой официальной речи стало употребляться даже специальное слово *zenryaku*, буквально ‘предыдущее опущено’, что означает «без вступительных слов перехожу прямо к делу».

В спонтанной устной японской речи (но не в письменных текстах) едва ли не большинство предложений выглядит оборванным. И это не считается нарушением этикета, часто даже наоборот. Нередко оба собеседника в одном предложении успевают поменяться ролями: один из них останавливается и дает другому закончить. И даже при грамматической законченности в японской устной речи постоянны эллипсис и недоговорки, особенно в общении со «своими».

Наконец, для японского диалога особенно характерны вышеупомянутые короткие реплики-реакции, вклинивающиеся в речь собеседника. В Японии они именуются *айдзутти* (*aizuchi*), буквально ‘совместные молоты’ (по-английски *backchannels*), и им посвящена довольно обширная литература, см., например, [Tanaka 2004: 137-200]. Как правило, в ходе японского диалога, когда говорит один из партнеров, другой вклинивает в его речь разные, обычно короткие слова вроде *hai* ‘да’, *e* ‘да’, *naruhodo* ‘в самом деле’, показывая свою заинтересованность в продолжении речи собеседника и вовлеченность в диалог, а зачастую (но не всегда) и согласие с собеседником. В разговоре повествовательные куски просто невозможны без уча-

ствия собеседника, который должен вставлять айдзути, не прерывающие повествование, а, наоборот, сигнализирующие о необходимости его продолжения. Именно с этим связана сейчас уже часто отмечаемая иностранцами особенность японского слова *hai*: оно значит 'да' в качестве ответа на вопрос, но в качестве айдзути означает не согласие, а знак внимания и заинтересованности слушателя. Иностранцы его могут ошибочно понять как согласие (например, на деловых переговорах), что может быть и совсем не так [Танака 2004: 171]. Количественно айдзути встречаются в три раза чаще, чем в английском [Akasu, Asao 1993: 101], еще чаще, чем в китайском и, по-видимому, в русском языке.

Нельзя не отметить и то, что время вносит в данную проблематику свои поправки. До недавнего времени письменная разговорная речь в русском и ряде других языков встречалась так редко, что исследователи могли ее игнорировать. Но теперь по всему миру на многих языках распространились Интернет и SMS-сообщения. Это письменные тексты, но среди них, наряду с книжными, много и разговорных. Как пишет, например, журналистка Е. Пищикова, «Интернет-русский – это же типичная запись устной речи» [Новая газета, 19.11.2010]. Но это не вполне так, здесь стали наблюдаться явления, которых нет ни в устной, ни в письменной книжной речи.

Русские тексты такого рода, как уже хорошо известно, отличаются не только специфической лексикой, но и намеренными нарушениями орфографии, которые просто не могут иметь эквивалентов в устной разговорной речи. В итоге создаются особые коды, понятные лишь посвященным; здесь ярко проявляется социальная функция языка. Любопытно и здесь сопоставить русский язык с японским. Там также появляются нестандартные виды письма, распространенные у молодежи, особенно у девушек. Среди школьниц, студенток и младшего персонала компаний («офисных леди») получил распространение так называемый *gyaru-moji* 'девичий алфавит', иногда также именуемый *heta-moji* 'неумелый алфавит'. Он употребляется исключительно для дружеского письменного общения между девушками, обычно по мобильному телефону, но иногда и от руки; он пропагандируется в журналах для девушек. Для *gyaru-moji* характерны графическое видоизменение письменных знаков (как иероглифов, так и слоговых азбук), их использование в границах, не предусмотренных нормой. Строгих правил здесь нет, возможны любые индивидуальные вольности. Несколько ранее, в 80-90-е гг. существовал другой графический стиль *maru-moji* 'круглое письмо', он также распространялся среди девочек-подростков и молодых девушек. Сейчас этот стиль вышел из моды. Более поздний стиль рвет с традицией радикальнее: знак может терять инвариантность, например иероглиф может разделиться на два, чего раньше не было, во-вторых, в более раннем стиле сохранялись некоторые устойчивые правила деформации знаков, а сейчас степень свободы увеличилась. То есть отклонения от стандарта со временем стали больше. Для русского

языка такой вид языковой игры нехарактерен: экспериментируют с орфографией, но не с графикой.

Таким образом, «устный – письменный» и «разговорный – книжный» - два разных противопоставления, и их различия не следует игнорировать, тем более что в последнее время они для многих языков стали увеличиваться.

Литература:

Алпатов В.М. Категории вежливости в современном японском языке. - М., 1973. Изд. 3-е, – М., 2009.

Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т.5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М., 1996.

Граудина Л.К., Ицкович В.А., Калакуцкая Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. – М., 1976.

Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. – Т.2. – М., 2007.

Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. – Л., 1986.

Щерба Л.В. Восточно-лужицкое наречие. – Т.1. Пг., 1915.

Akasu Kaoru, Asao Kojiroo. Sociolinguistic Factors Influencing Communication in Japan and in the United States // *Gudykunst W. B.* (ed.). Communication in Japan and in the United States. State University of New York Press, 1993.

Fuji Yasunari. Tell Me about When You Were Hitchhiking: The Organization of Story Initiation by Australian and Japanese Speakers // *Language in Society*, v.36, №2, April 2007.

Gottlieb N. Language and Society in Japan. Cambridge University Press, 2005.

Gudykunst W. B. Preface // *Gudykunst W. B.* (ed.). Communication in Japan and in the United States. State University of New York Press, 1993.

Tanaka Lidia. Gender, Language and Culture. A Study of Japanese Television Interview Discourse. Amsterdam – Philadelphia, John Benjamins, 2004.

И.А. Букринская, О.Е. Кармакова РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЖИТЕЛЯ ПРОВИНЦИИ

В течение нескольких лет в Институте русского языка РАН ведется запись речи жителей небольших провинциальных городов и деревень, окружающих их. Анализ полученных данных позволяет понять изменения, происходящие в традиционном говоре: точкой отсчета при этом выступают материалы Диалектологического атласа русского языка. Помимо этого исследуется влияние диалекта на язык городка. Нашими информантами выступают люди, принадлежащие к самым разным социальным слоям: крестьяне, пенсионеры, приехавшие в город из деревень, местная интеллигенция (библиотекари, чиновники, учителя, работники музеев, клубов, почтовых отделений). Эти записи и послужили материалом для статьи.

Среди обитателей провинциальных городов мы выделили носителей следующих языковых страт: 1. *диалекта* или *трансформированного диалекта (региолекта)*; 2. *регионального варианта литературного языка*; 3. *регионального варианта литературного языка и местного диалекта (диглоссы)*; 4. *смешанного типа речи*; 5. *просторечия*.

При анализе конкретного материала не все поддается однозначной трактовке, часто возникают трудности при решении вопроса, к какому именно пласту следует отнести речь информанта. В этом случае имеет смысл ориентироваться на принадлежность человека к тому или иному типу культуры. Напомним, что, по утверждению Н.И.Толстого, языковые страты всегда связаны с определенным типом культуры: литературный язык – культура образованного слоя, книжная; диалект – культура народная, крестьянская; просторечию и различным типам смешанной речи соответствует промежуточная «культура для народа» [Толстой 1995: 17-21]. Обратимся к рассмотрению некоторых из перечисленных языковых слоев.

Число носителей диалекта в провинциальных городах зависит от конкретных историко-географических и экономических условий. Как показывают ежегодные экспедиции, традиционные говоры в деревнях и небольших городках сохраняются гораздо лучше, чем этого можно было ожидать. В основном на традиционном диалекте говорят люди старшего поколения, которые по-прежнему являются носителями крестьянской культуры.

Диалектологи начиная с 30-ых гг. XX в. обращали внимание на гетерогенный характер русских говоров, выделяя в их составе традиционный (архаический) и передовой слои говора, а также различные переходные формы. Подобное расслоение было связано с социально-политическими процессами, проходившими в деревне после революции. Некоторыми исследователями тогда же прогнозировалось разрушение архаических говоров, повсеместный переход к промежуточным формам и литературному языку, но эти прогнозы не оправдались. В 90-ые г. Н.И.Толстой писал: «Диалектные фольклорные тексты, как и элементы народной духовной культуры, и диалектные языковые явления во многих случаях весьма устойчивы» [Толстой 1995: 21]. Подобные выводы можно найти в работах многих ведущих диалектологов [Касаткин 1993; Калнынь 1997], однако лингвисты, изучающие русские говоры, отмечают, что последние заметно изменяются.

В 60-ые г. в отечественную науку В.М.Жирмунским был введен термин *полудиалект*, заимствованный из немецкой диалектологии, в нем не сохраняются примарные, первичные признаки, т.е. такие, которые легко воспринимаются на слух, ярко противопоставлены литературному языку и осложняют коммуникацию, но при этом сохраняются менее яркие черты говора [Жирмунский 1936]. Термин полудиалект фигурирует и в современных социолингвистических исследованиях [Современный русский язык 2003: 52]. Но стоит заметить, что его принимают далеко не все, например, приверженцы московской лингвогеографической школы этот тер-

мин не употребляют, так как стоящее за ним лингвистическое содержание представляется расплывчатым.

Изменения, отмечаемые на протяжении XX в. в народно-разговорной речи, связаны не только с влиянием литературного языка, но и с взаимовлиянием говоров, а также с эволюцией внутренней системы самих говоров. Вот почему термин полудиалект, понимаемый многими диалектологами лишь как сплав литературных и диалектных единиц, упрощает характеристику современного состояния местных языков. К тому же влияние литературного языка часто приводит не к замещению диалектного литературным, а к трансформации диалектной системы. Вспомним о том, что Л.И.Баранникова всегда обращала внимание на сложность процесса перестройки диалектных систем, отмечая как зависимость его от частных особенностей исходной системы, так и от социолингвистических факторов [Баранникова 1987].

В современной науке для обозначения подобного типа речи стал широко употребляться предложенный петербургскими лингвистами В.И.Трубинским [Трубинский 1991; 2004а; 2004б] и А.С.Гердом термин *региолект*⁶. Региолект – «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой – в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием» [Герд 2005: 22].

Трубинский называет трансформированный диалект «новым диалектом» и делает важный вывод о том, что происходит стабилизация народно-разговорной речи, что современные диалекты, утратив некоторые архаические черты, перестают быть подвижными, выравниваются и преобразуются в системы более устойчивые и менее склонные к изменениям, сохраняя противопоставленность литературному языку по целому ряду признаков на всех уровнях языка [Трубинский 2004а]. Экспедиции последних лет подтверждают эту важную мысль исследователя. Наличие «региолектов как новой формы диалектного общения» отмечает и Е.А.Нефедова, исследующая лексико-семантическое варьирование на материале архангельских говоров [Нефедова 2009: 163].

Итак, во всех обследованных городах большой процент населения говорит на диалекте и региолекте («новом диалекте»).

В экспедиции 2006 г. при изучении южнопсковских говоров записывалась речь жителей г. Невеля Псковской обл. (районного центра) и близ-

⁶ Однако в научной литературе нет однозначного понимания названного термина, некоторые ученые под региолектом понимают регионально окрашенный вариант ЛЯ.

лежащих деревень. Анализ материала показал, что основным типом речи является региолект. Напомним, что традиционным южнопсковским говорам присуще цоканье, но в настоящее время сохраняются лишь его реликты, например в пословице: *псковичьяне – те же англичьяне, то́ка нарэц:я дру́же*. При этом в языковой системе остается множество иных диалектных черт: *w*-билабиальный (непоследовательно), диссимилятивное аканье, яканье, *ɣ*-фрикативный, особые рефлексии редуцированных перед *-j*: *такéй, дру́ей*, синкретизм Р., Д. и П.п. существительных жен.р. 1 склонения: *нет войны́, к войны́, на войны́*, диалектная акцентуация и лексика. В качестве примера региолектной речи приведем фрагмент из рассказа Екатерины Яковлевны Тищенко, 1923 г. рождения, пенсионерки, живущей недалеко от г.Невеля:

уадали на зеркало // вот поставють стол / зеркало и д'ве свечки и смóтрють // И обычно што выходило?// Нéчесть / што ишио // Как раз в двяна́дцать часо́у(открывається д'верь и он заходит // Ну он заходит действительно парнем // тым /который это действительно её возьмёт замуж // Но надо успеть сразу ж закрыть зеркало полотенцем // и́наче задушит // да... и таких много было́ //но правда удушения не было́ // Сразу закрывали зеркало// ну это...ботинки через ворота бр'сáли // Куды станет ботинок / отту́ли суженый // дрóвы носили / под вокно́ ходили спрашивать // У нас ъднá девушка была / она старая / замуж ня в'ишла // пришли // «Пойдём к Маланье»// Ну пойдём // Пришли // Она набóжник вешает на икону // «Тётка / как моего суженого будут звать?» // Ч'учка // Мы за окном / у хату не заходим // Мы как расхох'тались //...

...Это то́льки в колёды / рождéственску / новогóдню и хрещéнску // Это в колёды гадали // Накануне / вот сегодня коляда́ / завтра праздник / ходили // Эта у нас и сейчас еще / вот недавно ходили // Сейчас уже некому ходить / наря́дуются / придут домой / тани́ують // Ну им шо-то надо дать // то им даёшь конфет // колбáсы раньше делали свои / колбаси́ну да́си // конфéт да́си / п'ячэ́нья / хто бут'ылочку им дась //

В речи Тищенко сохраняются следующие фонетические черты: диссимилятивное аканье, яканье (с отступлениями), *ɣ*-фрикативный, [в] губнозубной, при этом [ў] неслоговой на месте *в* в позиции конца слова и перед последующим глухим, спорадически [у] на месте *л* на конце слова, [ч] твердый (непоследовательно), долгие твердые шипящие, отвердение губных на конце слова. Непоследовательно сохраняется и диалектная морфология: синкретизм Р., Д., Тв. п. сущ. жен. р. 1 скл., формы местоимений *тей, дру́ей*, [т'] на конце глаголов 3 л. ед. и мн. ч. и др.

По менталитету и укладу жизни Тищенко, конечно же, принадлежит к традиционному типу культуры, это, безусловно, отражается в речи, в выборе тем для рассказов, в оценке тех или иных жизненных ситуаций. Приведем еще один фрагмент ее речи – рассказ о колдовстве:

Мой свёкор / он умёр в тридцать шастым году / и он плохое не делал / но знау(// а женишины там раньше / у ржи / заламывали заломы // Вот такей залом заломят // Если этот залом зажнёшь рукой / то тебя всю вот так покóля (поколят) //...Руку заламывает // и она дожáлась эта Ермолаевна и ювóрит:/ «Кондраш, в нашем жите залом заломен!»// «Ня тронь / я сейчас возьму // Приберёт тая ядина / которая эта сделала //

Он принёс залом и у трубу // русская печ / труба/ и он открыл йету вьюшку // и у трубу уложил / а раньше печки топилась-то каждый день// Залом стал сохнуть / эта смерти // прибягайт сын:/ «Кондраш Корнеев! Будь добрый / дай воды // матка умирайт»// «Пусть умирайт / не дам воды // больше радости нам делать ня будете // Она залом нам заломила / не дам // иди домой // не дау(// побэх // а там она умерла / ёсли бы йон не вынял // Залом бы засох / и она кончилась // Прибьгает другей раз / будь добрый / на коленки встау(// «Умоляю / дай воды» // Ну иди/ скажи ей /штоб больше этого не делала // он воду давать не стал / а залом с трубы вынул// Ина встала и пошла // Вот такие были колдуны //

Также в малых городах широко представлен региональный вариант ЛЯ. Напомним, что изучение локально окрашенной литературной речи имеет давнюю традицию, ведущую начало от А.А.Шахматова. Аналитический обзор литературы, посвященный этому вопросу, содержится в работе [Гельгардт 1959], в которой автор отмечает тенденцию к постоянной демократизации литературного языка, рассматривая говоры как источник его пополнения, и полагает изучение языка города «специальной задачей» лингвистов. Р.Р.Гельгардт ставит методологически важный вопрос о границах между диалектно окрашенным литературным языком и местными говорами, пишет о стилистической неоднородности, дифференцированности как литературной разговорной речи, так и диалектной, при этом делает вывод, что само понятие литературной нормы нужно рассматривать на фоне разнообразия «речевых стилей» [Там же: 96, 97,99].

Упомянутые проблемы находят решение в работах современных лингвистов. Предметом их исследования в первую очередь становится речь жителей крупных городов: Вологды, Екатеринбурга, Курска, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Перми, Ростова-на-Дону, Саратова и др. [Ерофеева 1977; Сиротина 1988; Шкатова 1988; Ерофеева Т., Ерофеева Е., Грачева 2000]. Важные результаты, касающиеся фонетических особенностей региональной городской речи, включая суперсегментные средства, были обобщены в статье [Вербицкая, Игнаткина, Литвачук 1984], где приведены наиболее устойчивые региональные черты, выявленные с учетом статистики. Отметим, что наши наблюдения во многом совпадают с теми выводами, которые высказаны авторами.

Вопрос о статусе локально окрашенных типов литературной речи лингвистами решается по-разному. Он обсуждался и на московской Международной конференции 2008 г. «Язык современного города». Некоторые

проблемы были сформулированы в докладе австрийского исследователя М.Краузе: главным она считает ответ на вопрос «Где находится лингвистическая граница, за которой мы уже не имеем дела с литературным языком, даже в устном его проявлении?» [Краузе 2008: 88].

Многие исследователи, говоря о произносительных тенденциях, полагают, что литературным следует признать лишь московское и петербургское произношение, а все остальные варианты находятся за пределами нормы. Действительно, региональные особенности не кодифицированы, они не находят отражения в словарях и справочниках, и все же представляется, что при определении статуса языка на первом месте стоит речевая практика, и если в регионе образованные люди (учителя, врачи, работники ТВ, СМИ, работники культуры, представители органов власти) говорят на местно окрашенном варианте, то допустимо подобный тип речи считать вариантом ЛЯ.

В обследованных нами малых городах региональный вариант представлен в речи местных уроженцев, получивших среднее и высшее образование. У них сохраняется совсем небольшое количество наиболее устойчивых диалектных черт.

Перечислим диалектные черты, которые характеризуют речь местной интеллигенции г. Невеля: диссимилятивное аканье [тръв́а], [γ] фрикативный, имеющий глухую пару [x], в речи некоторых информантов отмечены альвеолярные («шепелявые») с''/з'': [с''э́рый, з''емля].⁷

Об устойчивости отдельных фонетических черт (оканье, диссимилятивное аканье, [γ] фрикативный, неоглушение губных) пишет и В.И.Трубинский, который связывает это с «коммуникативной безопасностью, безвредностью» подобных явлений [Трубинский 2004а], не влияющих на успешность понимания и общения. Важнейшим критерием при разграничении регионального варианта ЛЯ и смешанных типов речи является, на наш взгляд, отсутствие грамматических диалектизмов. Многие из них затрудняют коммуникацию и имеют яркую стилистическую окраску, именно поэтому не сохраняются в речи местной интеллигенции.

Интересным информантом явилась Екатерина Александровна Пунько, 1957 г. рождения, уроженка с. Усть-Долыссы, Невельского района Псковской области. Она работает библиотекарем, получила среднее специальное образование, наше внимание привлекла не только своей речью, но и личными качествами: желанием помочь человеку, добротой, активностью, любознательностью, равнодушным отношением к языку. В ее речи

⁷ Как известно, важным показателем, характеризующим речь является её темп, интонация, фонетическая структура слова, о чем писали многие фонетисты, но эту проблему мы в данном случае не рассматриваем. Во многом именно фонетическая структура слова (тип ударения, длительность ударных и безударных слогов) определяет восприятие речи как литературной или диалектной.

представлен региональный вариант литературного языка и местный говор, а переключение кодов происходит в зависимости от адресата и ситуации общения. Подобные информанты, как нам кажется, не часто встречаются в экспедиционной практике.

Основным типом речи для нее является западный вариант ЛЯ, в котором сохраняется лишь небольшое количество наиболее устойчивых признаков местных говоров. У Екатерины Александровны подобные черты выражены непоследовательно, в основном это γ-фрикативный, диссимилятивное аканье (*рѣсказы, дѣвала, гавѣрят, пѣрадуется*), акцентные варианты (*дѣла, брѣла*), региональная лексика (*аурѣст* 'крыжовник', *порѣчка* 'красная смородина', *лѣпина* 'заплата' и др.).

При общении с носителями диалекта: матерью, пожилыми родственниками, старухами-соседками – информантка легко переходит на «материнский» язык. Вот как она пересказывает разговор с матерью:

Я хотела вас со своей мамкой познакомить// Я ей ъворю / К нам из московской академии ъвсти приезжають / нарѣднѣй ъвор изучають// ти будѣшь ты с ѣми ъворѣть?// она молчѣть и усѣ// Я/ ну чтѣ/ что ты ряшѣла?// Она /не/ ня будѣ/ мѣже не то /не тѣе скажѣ//

Далее комментирует: *Ну вот не – не будѣ меняется на я на бѣкву// потом / мѣжет– мѣже / вот так они ъворають//*

Заметим, что Екатерина Александровна с удовольствием рассказывает о своем говоре, объясняя его особенности, представляет диалектную речь:

Я сѣдня картошку варила/ стала чистѣть/ дак янѣ молодая/ плохо лѣпица // лѣпица // Именно ц произносится вот так // обычно как здороваются здесь мужчины? // Здорѣв / здорѣв/ откуда ты идѣшь?// Дык в лес ходѣй(/ во/ ѣлядѣй/ сколько ѣрибов нашеѣ // Я суп с обѣбками люблю // С опѣнками/ значит/ Как твоя там скотина? Растѣть? // Да бѣров заболѣѣ // я ня знаю/ кѣкая хворѣба приключѣлась// Х кому тяперь обрацѣться? Ну не х дѣктору ж // Вот к на х меняют // Мѣже / снѣдать пора?// Ти хѣчѣти вы ѣисть? / А что естѣ? // Я сѣдня холѣднѣк варила/ крупѣня скорѣмная / сочѣнь не удаѣся // ѣусто тесто ...// Отчахвѣошѣу ребѣят (ч твердѣй)// это значит отруѣаю / отлуплю // А мы не будем естѣ / мы аурѣст ели // это крыжовник/ Дак ѣн же зялѣный // Живѣт заболѣть / Порѣчку лучше красную ели б // красную смородину //

Таким образом, Пунько, одинаково хорошо владеющая диалектом и литературным языком в его региональной разновидности, может быть охарактеризована как **диглосс** (в терминологии мы идем за теми исследователями, которые, подобно Б.А.Успенскому, под диглоссией понимают функциональное распределение разных форм языка). Она по-прежнему связана с традиционной культурой: ведет хозяйство большей частью по деревенским канонам, участвует в обрядах, обращается к знахарям, а «книжной» культурой владеет лишь отчасти, хотя сама ощущает себя скорее город-

ским человеком, чем сельским. Для понимания ее ментальности, приведем с небольшими сокращениями отрывок из рассказа о знахарке:

Вот мне зауваривали // на руке урыжа //... Мне одна не помогла / уговорит/ нужно с трех рук/ значит/ к трем// на какую/ уговорит/ руку попадешь/ то есть они поужасивают// вот так водит/ поужасивает// Потом читают молитву / и божественную молитву какую-нибудь/ специальные такие молитвы// Потом поплюёт/ сплюёт/ стряхнёт вот так вот/ чтобы как бы к себе не прилип// Вот так вот// Я ходила с трех рук как раз //Я ездила// Она читала/ ещё хотела у неё молитву // Бабка старенькая / 101 год // Я хотела у нее// уворю // расскажите мне молитву/ у меня память хорошая/ думаю запомню/ Дочка почему-то запретила ей / ну / может быть / нельзя передавать/ может/ увороят/ передают эти молитвы или старшему/ или одному// вот если у кою энеуретика очень сильная //

Чаще всего диглоссами являются женщины, так как именно они поддерживают тесную связь с крестьянской культурой, что способствует сохранению родного говора, диглоссам, как правило, свойственна рефлексия по отношению к языку. В речи информантки, как видно из примеров, содержится много метатекстовых высказываний. Приведем еще один рассказ:

Эта девушка / ее по распределению прислали сюда к нам / она из Красноуродска // Это Опочицкий край / тоже Псковская область // но у них другие наречия // Куда я к ней поехала / в автобус села / как с иностранцами / ничего не понимаю // Они там цокают / и потом какие-то тоже слова используют // Туда я только поняла / почему она меня не понимала // Она сюда приехала и уговорит // Что – что? // Я повышаю голос // Так что ж ты не слышишь / глухая что ли? // Она уговорит / Да я все слышу / просто я не понимаю // Ты куда [γ] в начале произносишь / я слова понимаю / а куда это [γ] встречается в середине слова / то /уговорит / получается совсем что-то непонятное //

Итак, Екатерина Александровна Пунько свободно владеет двумя типами речи: региональным вариантом литературного языка и диалектом. Она умеет размышлять о языке, анализировать отдельные языковые факты на бытовом уровне, ведет записи родного говора и очень тесно связана с традиционной крестьянской культурой.

Из анализа материала следует, что в деревнях, окружающих г.Невель, утрачен традиционный диалект, который трансформировался в достаточно устойчивый «новый диалект». Вслед за В.И.Трубинским и А.С.Гердом мы называем его региолектом. Региолект широко распространен и в речи жителей г. Невеля.

Представители местной интеллигенции говорят на региональном варианте ЛЯ, в котором сохраняется фонетическая диалектная окраска, а также местная лексика. Между региолектом и региональным вариантом ЛЯ существуют переходные формы с большим или меньшим количеством

диалектных черт – смешанные типы речи, характеризующиеся, кроме фонетических, и морфологическими диалектизмами. Особый интерес представляет речь диглоссов, которые в зависимости от ситуации без труда переключаются с одного кода на другой.

Литература:

Баранникова Л.И. Просторечие как особый компонент языка // *Язык и общество.* – Вып.3. – Саратов, 1974.

Баранникова Л.И., Москвичева Е.В. Развитие переходных типов предупредительного вокализма после мягких согласных в говорах с севернорусской основой // *Формирование и развитие говоров территории поздних заселений.* – Саратов, 1987.

Вербицкая Л.А., Игнаткина Л.В., Литвачук Н.Ф., Сергеева Т.А., Цветкова М.В., Щукин В.Г. Региональные особенности реализации русской речи (на фонетическом уровне) // *Вестник ЛГУ.* – 1984. – № 8. – Вып.2.

Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие // *Русский язык в его функционировании.* – М., 1990.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – СПб., 2005.

Гельгардт Р.Р. О литературном языке в географической проекции. Обзор // *Вопросы языкознания.* – 1959. – №3.

Ерофеева Т.П. О территориальном варьировании устной формы литературного языка (к истории вопроса) // *Литературный язык и народная речь.* – Вып. 1. – Пермь, 1977.

Ерофеева Т.П., Ерофеева Е.В., Грачева И.И. Городские социолекты: пермская городская речь. Звучащая хрестоматия // *Бюллетень фонетического фонда русского языка,* – Пермь, 2000.

Жирмунский В.Д. Национальный язык и социальные диалекты. – М. –Л., 1936.

Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // *Вопросы языкознания.* – 1997. – №3.

Касаткин Л.Л. Русские диалекты и языковая политика // *Русская речь.* – №2. – 1993.

Краузе М. Язык города в свете концепции региолекта // *Язык современного города. Тезисы докладов международной конференции Восьмые Шмелевские чтения.* – М., 2008.

Нефедова Е.А. О диалектном варьировании // *Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества. Тезисы докладов.* – М., 2009.

Сиротинина О.Б. Языковой облик г. Саратова // *Разновидности городской устной речи.* – М., 1988.

Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация/ Под ред. Л.П.Крысина. – М., 2003.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

Трубинский В.И. Современные русские региолекты: приметы становления // *Псковские говоры и их окружение.* – Псков, 1991.

Трубинский В.И. О новых территориально-системных образованиях в русской разговорной стихии // *Исторические судьбы. Русский язык и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы.* – М., 2004.

Трубинский В.И. Русская диалектология. Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. – М., 2004.

Е.В. Ерофеева

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧИ
И ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРОСТОРЕЧИЕМ

Научные проблемы, которые затрагивала в своих работах Л.И. Баранникова, были чрезвычайно разнообразны и затрагивают практически все формы существования языка от диалектов до разговорной речи [Баранникова 1965, 1967, 1969, 1970, 1974 и др.]. Однако эти направления исследований отнюдь не были разрозненными: их объединял интерес к живой разговорной стихии русского языка. Особенно привлекали внимание Л.И. Баранниковой просторечие и его взаимодействие с литературным языком, с разговорной речью. Л.И. Баранникова подчеркивала, что взаимодействие общенародного наддиалектного койне и литературного языка привело к формированию «нового типа разговорного языка – литературной разговорной речи» [Баранникова 1981: 116], при этом Л.И. Баранникова, рассматривая проблему соотношения форм языка в историческом аспекте, конечно же, прекрасно понимала, что это соотношение не остается неизменным, что оно постоянно меняется. Именно в работах Л.И. Баранниковой впервые в явном виде высказывается мысль о том, что расслоение общенародного койне на литературную разговорную речь и «речь низов» «делает общее койне социально ограниченным типом речи» [Там же: 118]. В настоящее время, по мнению М.Э. Рут, уже развилась новая форма общенационального койне, которая стоит не над диалектами, а над социолектами [Рут 2002]. Поэтому вновь актуально вернуться к рассмотрению статуса современной литературной разговорной речи и ее взаимоотношений с просторечием.

В русской лингвистике существуют две основные точки зрения на разговорную литературную речь (РР). В соответствии с первой РР признается самостоятельной подсистемой, формой существования языка [Земская 1973; Земская и др. 1981; Современный русский язык... 2003; и др.], согласно второй – одним из функциональных стилей литературного языка [Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка 1983, 1992; Сиротинина 1974 и др.].

Исследователи, принимающие первую точку зрения, подчеркивают, что РР и кодифицированный литературный язык (КЛЯ) образуют особый вид диглоссии, при котором каждый говорящий владеет обеими системами, а использование РР и КЛЯ объясняется особенностями ситуации, т.е. эти языковые явления распределены функционально: «русская РР – это та

литературная формация, которой носитель литературного языка пользуется в быту, в кругу семьи и друзей, вообще в разнообразных условиях непринужденного общения» [Земская и др. 1981: 23].

Именно данный факт позволяет другим лингвистам сделать вывод о том, что РР является одним из функциональных стилей литературного языка. В данном случае предполагается рассматривать ряд оппозиций: оппозиция функциональных стилей, оппозиция устной и письменной речи, оппозиция диалогического и монологического видов речи, оппозиция типов речи (бытового, нейтрального, книжного). С точки зрения этих оппозиций для разговорной литературной речи характерны разговорный стиль, устная форма, диалогический вид и бытовой или нейтральный тип речи [Сиротинина 1969, 1974, и др.].

Однако, с точки зрения Е.А. Земской, такое утверждение неверно: «РР противостоит всему КЛЯ в целом, т.е. КЛЯ в совокупности всех его функциональных стилей, при этом сама РР есть такая языковая система, которая выделяется именно как специфическая разновидность языка, очень широкая и разнообразная, но единая не по тем признакам, на основании которых выделяются функциональные стили» [Земская и др. 1981: 48; см. также: Земская 1973]. Отрицание для РР статуса функционального стиля литературного языка опирается на факты тематического разнообразия РР и стабильности проявления ее особенностей при говорении на любую тему [Земская и др. 1981: 48].

Возможно и сочетание этих взглядов. Так, Т.Г. Винокур считает, что «разговорную речь удобнее всего рассматривать не как стиль, а как функционально-стилистическую речевую сферу, языковая специфика которой определяется “двойной” причинностью: условиями ее социального функционирования и вытекающими из них принципами отбора речевых средств» [1965: 24].

Тем не менее любая из рассмотренных позиций предполагает, что РР представляет собой особую языковую систему, «имеющую специфический набор единиц и специфические условия их функционирования на всех уровнях языка (синтаксис, фонетика, морфология, словообразование, номинативные средства)» [Земская и др. 1981: 49].

Для реализации РР необходимо совпадение трех условий: 1) неподготовленности речевого акта; 2) непосредственного участия говорящих в речевом акте; 3) непринужденность речевого акта [Земская 1973]. «Наличие этих трех особенностей ситуации необходимо и достаточно для реализации РР, т.е. между этими тремя особенностями ситуации и обнаружением разговорного (а не книжного) языка существует причинная связь. Устранение любой из этих особенностей меняет тип литературного языка» [Там же: 4].

Все эти факторы, безусловно, сближают РР с другими устными формами функционирования языка, в первую очередь – с просторечием. Таким образом, проблема разграничения РР и просторечия определяется самим

статусом этих форм в языке: их общими функциями, общими условиями реализации.

С точки зрения фонетической реализации, разница между устными формами КЛЯ и РР может трактоваться как разница в полном и неполном стилях произнесения [см.: Бондарко и др. 1974]. Очевидно, что при устной реализации КЛЯ говорящий стремится к полному типу произнесения, в то время как в РР преобладает неполный тип произнесения. Однако нельзя установить четкую границу между типами произнесения, когда мы имеем дело с текстом: они будут представлять собой плавный переход от «вполне» полного до «значительно» неполного стиля произнесения (см. рис 1). Очевидно, как устные тексты КЛЯ могут быть охарактеризованы только те тексты, которые принадлежат крайней левой части данной прямой; остальная же часть прямой должна характеризоваться как РР. Как видим, рассмотренная таким образом РР допускает значительную вариативность в соотношениях стиля произнесения вплоть до незначительного преобладания полного стиля. Отметим, что с фонетической точки зрения монологическая речь также может обладать признаками РР, если неполный тип произнесения в ней преобладает.

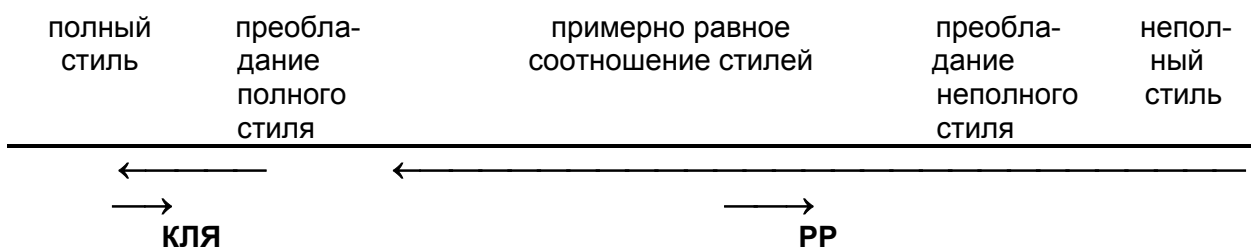

Рис.1. Соотношение стилей произнесения в КЛЯ и РР.

Практически все исследователи РР отмечают, что состав носителей, т.е. социальная база, РР и КЛЯ совпадают. Носителями русского литературного языка традиционно считаются люди, являющиеся по национальности русскими, уроженцы города и имеющие среднее или высшее образование [Земская 1973; Современный русский язык... 2003 и др.]. Оба положения (и характер социальной базы литературного языка, и диглоссия между РР и КЛЯ) требуют подробного рассмотрения.

Нам кажется, что в современном обществе приведенные критерии уже не удовлетворяют задаче вычленения носителей литературного языка и РР. Если с пунктом 1 (родной язык – русский) можно согласиться безоговорочно, то уже пункт 2 (место рождения – город) вызывает некоторые сомнения. Дело в том, что понятие «город» включает в себя очень разные по своей структуре объекты, начиная от мегаполисов с населением выше миллиона (или нескольких миллионов) человек и развитой инфраструктурой и заканчивая мелкими районными городками с населением несколько тысяч жителей. В лингвистической литературе утверждается, что речь жителей мелких городов сильнее подвержена

диалектному влиянию, чем речь жителей крупных городов [Ерофеева 2004]. Кроме того, отличаются по своему влиянию на городскую речь и говоры, на территории которых находятся те или иные города. Так, в коллективной монографии «Интерференция звуковых систем» [1987] показано, что более сильное влияние на фонетические черты речи областных центров оказывают севернорусские говоры, а наибольшему влиянию местных говоров подвержена речь городов Перми и Вологды.

Отметим, что локальный вариант литературного языка (или локально окрашенная литературная речь) не совпадает с РР в городах, речь которых испытывает диалектное влияние. С одной стороны, РР преимущественно реализуется в устной форме, но возможна и в письменной, в то время как локально окрашенная литературная речь (поскольку она отличается от литературного языка в первую очередь фонетическим компонентом) возможна только в устной форме. С другой стороны, РР реализуется только в условиях непринужденного неофициального общения, а локальный вариант литературного языка возможен и при официальной коммуникации, а также в устных формах некоторых функциональных стилей (например, в устной научной речи). Следовательно, говорить о том, что локальной вариативности подвергается только РР, нельзя. Локальная окраска характерна для всех устных форм речи, реализующихся на определенной территории, включая РР, устную форму КЛЯ и, забегая вперед, просторечие.

Что касается утверждения, что люди с высшим и средним образованием обязательно в ходе учебы приобретают навыки владения литературным языком, то, к сожалению, в современной ситуации оно оказывается неверным. Процессы демократизации общества в конце XX в. вызвали демократизацию языка. Современные средства массовой информации устранили цензуру не только тематическую, но и языковую. Наблюдения за речевой деятельностью студентов, учителей школ, различных специалистов, появляющихся на экране телевидения (в частности политиков), позволяют сделать вывод о том, что многие люди, имеющие не только среднее, но даже высшее образование, не владеют в необходимой мере нормами литературного языка и их речь включает множество просторечных, а иногда и диалектных элементов.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная база литературного языка в настоящее время не может быть формализована. Носителями литературного языка являются люди, обладающие определенным уровнем речевой культуры, чувством языка, которое практически невозможно «измерить». Можно сказать, что в большей степени этими качествами обладают люди с филологическим образованием [Ерофеева 1979], однако четкой корреляции с какими-либо формальными социальными параметрами не наблюдается. Следовательно, определяющим признаком группы людей, владеющих литературным языком, становится само «владение литературным языком».

Представление о характере взаимоотношения РР и КЛЯ как о диглоссии также должно быть уточнено. Дело в том, что состав носителей КЛЯ и состав носителей РР в настоящее время уже, очевидно, не совпадают. По-видимому, состав носителей РР шире, чем состав носителей КЛЯ. Владение КЛЯ, поскольку он характеризуется как письменной, так и устной формой, подразумевает владение письменной речью (хотя бы в одном из стилей). Языковая же практика показывает, что письменная речь многих носителей языка, которые показывают вполне «удовлетворительный уровень владения» РР, не удовлетворяет требованиям КЛЯ (речь идет, конечно же, не о соблюдении орфографических и пунктуационных правил, а хотя бы об элементарной грамматической правильности). Устная речь многих несомненных носителей РР в любых ситуациях (включая официальную и подготовленную речь) остается, как это ни парадоксально, реализацией системы РР и не достигает уровня КЛЯ (примером этому может служить речь тех же политиков или учителей школ и преподавателей вузов). Таким образом, социальная база носителей РР шире и включает в себя социальную базу носителей КЛЯ (см. рис.2), и, следовательно, диглоссия наблюдается только для носителей КЛЯ. Таким образом, если можно так выразиться, диглоссия в данном случае «анизотропна»: носитель КЛЯ является носителем РР, носитель же РР может и не являться носителем КЛЯ.

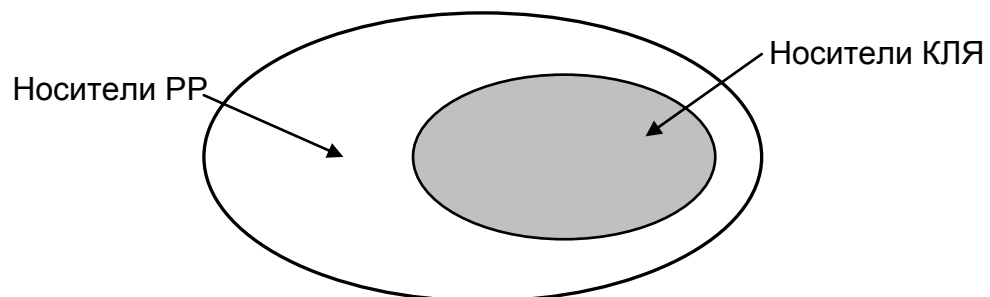

Рис.2. Соотношение социальных баз КЛЯ и РР.

Обобщая все сказанное, подчеркнем, что РР представляет собой специфическую коммуникативную систему, находящуюся в особых отношениях с кодифицированным литературным языком. Можно сказать, что РР занимает промежуточное положение между КЛЯ и просторечием. РР обладает всеми особенностями литературного языка, исключая кодифицированность и стилистическую дифференцированность. РР обладает собственной системой и внутренней нормой, но реализуется в основном в условиях, близких к условиям реализации просторечия (спонтанность, непринужденность) и вследствие этого ей характерен ряд черт, общих для любой устной спонтанной речи. Состав носителей РР, по нашему мнению, шире, чем состав носителей литературного языка, но так же, как и последний, в настоящее время формализуется с трудом. Как нам кажется, основная проблема в определении социальной базы РР лежит в разграничении носителей РР и носителей просторечия

Что касается социальной базы просторечия, то она чрезвычайно размыта и неоднородна. В большинстве существующих работ просторечие рассматривается как речь «лиц, не владеющих в необходимой мере (подчеркнуто нами – *Е.Е.*) нормами литературного языка» [Городское просторечие 1984: 3]. Сама же эта мера – понятие очень неопределенное.

Социальной базой носителей просторечия обычно считают жителей городов, не имеющих образования, преимущественно старшего поколения. Количество лиц с такими социальными характеристиками постепенно сокращалось в течение XX в., что дало основания во второй половине XX в. утверждать, что социальная база просторечия сужается и даже практически исчезает [Баранникова 1974: 18]. Однако во второй половине XX в. в русском просторечии появились новые тенденции: изменяется социальный состав его носителей, изменяется «“лингвистическая материя”, сам набор языковых единиц, составляющих просторечный слой современного городского разговорно-обиходного языка» [Капанадзе 1984: 12]. Учитывая эти изменения, Л.П. Крысин выделяет уже две разновидности современного русского просторечия: просторечие-1 – его носителями являются «горожане старшего возраста, не имеющие образования (или имеющие начальное образование), речь которых обнаруживает явные связи с диалектом или полудиалектом»; просторечие-2, «носителями которого являются горожане среднего и молодого возраста, имеющие незаконченное среднее образование, ... их речь лишена диалектной окраски и в значительной степени жаргонизирована» [Крысин 1989: 56; см. также: Современный русский язык... 2003]. Таким образом, возрастной состав носителей просторечия уже не ограничивается: носителями просторечия могут быть люди любого возраста.

Постепенно происходит и смена социальной базы просторечия: число носителей просторечия-1, т.е. людей, которые поддерживают его связь с говорами, сокращается, а число носителей просторечия-2, привносящих новые черты в просторечие из жаргона, растет. Но жаргон обладает по преимуществу лексическими особенностями, поэтому новые элементы, проникающие в современное просторечие, в основном являются элементами лексического уровня. Фонетические же особенности говоров, уже освоённые просторечием, постепенно переходят из него в разговорную речь, и таким образом фонетический слой просторечия постепенно разрушается.

Можно говорить о том, что в настоящее время социальная база просторечия расширяется и в то же время расшатывается. Носителями просторечия могут быть люди, обладающие совершенно разными социальными и возрастными характеристиками. Как уже говорилось выше, носители просторечия и литературного языка, конечно, отличаются друг от друга, но не по формальным социальным признакам (например, уровню образования), а уровнем речевой культуры, формализовать который пока не представляется возможным.

Наблюдения за речью людей, которых можно без сомнений отнести к носителям просторечия, привели нас к убеждению, которое совпадает с мнением А.Ф. Прияткиной: отличие просторечника от носителя КЛЯ или РР основывается не на его социальных признаках, а на его психологии. Носитель просторечия характеризуется определенным типом мышления, определенными психологическими особенностями [см.: Прияткина 2000: 234]. «Просторечника выдает типичное речевое поведение, определенные установки к языку в процессе его использования. Одну из них можно охарактеризовать как открытость, непосредственность... Слабо работает ограничительный механизм... Есть и другая психологическая установка. В общем виде ее можно охарактеризовать как безусловный приоритет содержания речи по отношению к ее форме» (там же: 236).

Как пишет А.Ф. Прияткина, «просторечие существует и развивается, мало реагируя на негативную оценку его с позиций носителей литературного языка» [Там же: 231]. Как нам кажется, носители просторечия в большинстве случаев реально не осознают и не слышат разницы между своей речью и речью носителей литературного языка. Например, любопытно наблюдать за диалогами между телеведущими и носителями просторечия в телепередачах. В подобных диалогах довольно часто возникают ситуации, когда участники диалога употребляют одно и то же слово, но ведущий употребляет его литературный вариант, а его собеседник – просторечный, не обращая никакого внимания на произношение ведущего.

Таким образом, отличие просторечника от носителя литературного языка состоит, в первую очередь, в его психологическом складе. «Носитель просторечия никогда не задумывается о норме речи, уместности и сообразности своего словоупотребления» [Капанадзе 1984: 10]. Этот вопрос, как нам кажется, должен быть исследован подробно, и, возможно, могут быть найдены корреляции речевого поведения просторечника с другими типами социального поведения, детерминированными теми же свойствами личности.

Литература:

Баранникова Л.И. К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи // Вопросы стилистики. – Саратов, 1965. – Вып.2.

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. – Саратов, 1967.

Баранникова Л.И. К проблеме социальной и структурной изменчивости диалекта // Вопросы социальной лингвистики. – М., 1969.

Баранникова Л.И. Социально-историческая обусловленность места разговорной речи в общенародном языке // Вопросы языкознания. – 1970. – №3.

Баранникова Л.И. Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. – Саратов, 1974. Вып. 3.

Баранникова Л.И. К проблеме соотношения русского литературного языка и общенационального койне // Типы наддиалектных форм языка. – М., 1981.

Бондарко Л.В. и др. Стили произношения и типы произнесения/ Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б. // Вопросы языкознания. – 1974. – №2.

Винокур Т.Г. К характеристике понятия «разговорная речь» // Русский язык в национальной школе. – 1965. – № 2.

Городское просторечие: Проблемы изучения. – М., 1984.

Ерофеева Т.И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. – Пермь, 1979.

Ерофеева Т.И. Современная городская речь. – Пермь, 2004.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. – М., 1973.

Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь: Общие вопросы, Словообразование. Синтаксис/ Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. – М., 1981.

Интерференция звуковых систем. – Л., 1987.

Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: Проблемы изучения. – М., 1984.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989.

Прияткина А.Ф. Просторечные новообразования: их основа и судьба // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып.1.

Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика. – Саратов, 1983.

Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика. – Саратов, 1992.

Рут М.Э. К вопросу о термине *литературный язык* // Язык. Система. Личность: Национально-культурные стереотипы сознания и их отражение в языке. – Екатеринбург, 2002.

Сиротинина О.Б. Разговорная речь: Определение понятия, основные проблемы // Вопросы социальной лингвистики. – Л., 1969.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М., 1974.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.

Е.В. Зотина

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКИ РУССКИХ ГОВОРОВ КФУ)*

Данная статья посвящена некоторым теоретическим и практическим вопросам изучения языковой диалектной личности на основе материалов Электронной библиотеки русских народных говоров, создаваемой в Казанском университете.

Следует отметить, что Казанский университет имеет славную традицию полевых и экспериментально-фонетических диалектологических исследований. Анализ диалекта, т.е. живого языка, соответствовал общей методологии и проблематике исследования казанских ученых.

Проблема соотношения понятий «язык» и «личность» интересовала ученых с давних времен. В 70-е годы двадцатого века начинает формироваться

особая область научного лингвистического познания – антропологическая с собственной методологией и задачами исследования, а объектом научного изучения становится языковая личность.

Представители Казанской лингвистической школы во главе с ее основателем И.А. Бодуэном де Куртенэ разрабатывали проблему соотношения языка и индивида, предлагали подходить к изучению языковых фактов с точки зрения динамической синхронии, призывая изучать живую речь и отдавать предпочтение анализу современных языковых явлений. Сущность языка — в речевой деятельности, а значит, необходимо изучать живые языки и диалекты. Только так можно понять механизм функционирования языка и проверить правильность лингвистических теорий. Признавая важность индивидуального, личностного начала в субстанции языка, казанские ученые одними из первых заговорили о необходимости изучения социальной детерминированности языковых явлений, предвосхищая становление социолингвистики как науки. [Бодуэн де Куртенэ 1963]

Изучение говоров в Казанской лингвистической школе проводилось в связи с историко-этнографическими исследованиями края; неоднократно осуществлялись диалектологические экспедиции по сбору диалектного материала как русского, так и татарского языков. Особенный интерес к изучению диалектов проявлял В.А. Богородицкий, создатель первой в России лаборатории экспериментальной фонетики. Со студенческих лет начинаются его наблюдения над говором деревни Белой Казанской губернии, продолжавшиеся до последних десятилетий жизни. Ученый описывает не только характерные особенности артикуляции звуков, но и контекстные изменения звуков языка – ассимиляцию, оглушение согласных в конце слова и т.д. Впоследствии появляются «Диалектологические заметки», посвященные всестороннему синхронному изучению говора села Лады Пензенской губернии, села Сушки Золотоношского уезда Полтавской губернии. Также В.А. Богородицкий проводит наблюдения над крымско-татарским наречием в Алуште, что отражено в его статье «О крымско-татарском наречии» [Богородицкий 1900-1905].

В 50-е годы XX века в Казанском университете совместно с Академией наук началась огромная работа по подготовке к изданию 7 тома Диалектологического атласа русского языка, посвященного русским говорам Волго-Камья. Обследовано более 700 населенных пунктов (Вся Татария, восточная полоса Чувашии, юг Кировской области и Марийской АССР, крайний север Ульяновской и Куйбышевской областей), собран огромный текстовый диалектный материал, подготовлено 350 карт и 453 комментария. [Смолякова 1971] К сожалению, 7 том так не вышел в свет. Теоретическое осмысление собранных материалов – дело будущих диалектологов.

В 70-80-е годы география диалектологических экспедиций расширилась, проводились экспедиции в Архангельскую, Костромскую,

Ярославскую, Московскую и др. области. Собрана богатая фонотека диалектной речи. По результатам экспедиций в рамках действовавшей тогда структурной парадигмы защищены кандидатские диссертации. Тематика исследования – экспериментально-фонетическое исследование вокализма северорусских и среднерусских говоров.

В настоящее время интерес к изучению русских диалектов и языковой диалектной личности вновь возник в Казани в связи с созданием Электронной библиотеки русских народных говоров. В рамках гранта РФФИ все записи, собранные в экспедициях 70-80-х годов, были оцифрованы и выставлены в сети Интернет в режиме общего доступа.

Как отмечают Р.Э. Кульшарипова и Т.И. Ибрагимов, привлечение достижений ученых Казанской лингвистической школы, «подключение факторов собственно антропофонического, социального, психического характера позволит функциональную динамику русских говоров успешно рассмотреть в ракурсе дискурсивно-когнитивной парадигмы» [Кульшарипова, Ибрагимов 2009: 38]

Современная диалектологическая наука характеризуется явно выраженным антропоцентризмом, т.е. стремлением к изучению конкретного человека как представителя определенной этносоциальной группы. Активно ведутся исследования речевого поведения носителя говора в рамках коммуникативной парадигмы, получившей теоретическое обоснование в диссертации В.Е. Гольдина [Гольдин 1997].

Исследования подобного рода ставят в центр понятие «языковой личности» носителя говора. Общая теоретическая интерпретация самого понятия, а также различные типологии языковых личностей хорошо представлены в работах Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика, К.Ф. Седова, И.П. Сусова, Г.И. Богина и др.

Согласно общепризнанному определению Ю. Н. Караулова, языковая личность – это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [Караулов 1989: 3] В речевом общении языковая личность проявляет себя как коммуникативная личность с определенным набором мотивов и целей, а также речевых (коммуникативных) стратегий и тактик, необходимых для их реализации.

Количественные и качественные особенности лексики диалектной языковой личности, специфику текста и формы проявления метаязыкового сознания исследовала ведущий ученый Томской диалектологической школы Е.В. Иванцова. В результате она определила некоторые особенности мировосприятия и мировоззрения, отраженные в языковой картине мира диалектной языковой личности: конкретность восприятия действительности; постижение ее главным образом через внешние

признаки предметов и явлений; ощущение единства человека со всеми формами природного макрокосмоса в его органических и неорганических проявлениях; осознание своей тесной связи с социумом и значимости семейно-родственных отношений; приоритет этических норм над эстетическими и прагматическую ориентированность языковой картины мира диалектоносителя. [Иванцова 2002]

Мы предполагаем, что языковая диалектная личность может быть исследована с трех сторон ее организации – вербально-семантической, когнитивной и прагматической. Вместе с тем, мы разделяем мнение тех ученых, которые не признают существование жесткой иерархии среди данных трех уровней, а говорят о необходимости обобщающего и взаимодополняющего изучения мотивационного уровня, т.е. прагматикона, лингво-когнитивного уровня и лексикона. Так, по словам В.И. Карасика, «можно рассматривать с позиций аксиологии когнитивные и поведенческие характеристики общения, с позиций ментальных представлений – ценности и коммуникативные ходы, с позиций речевого взаимодействия – этические, утилитарные и другие нормы, которых придерживаются носители данной культуры, и языковую категоризацию мира». [Карасик 2002: 20-21]

Электронная библиотека русских народных говоров КФУ представляет специфический материал для изучения языковой диалектной личности:

- во-первых, достаточно большой территориальный охват записей в библиотеке позволяет провести сравнительный анализ речи носителей разных групп и подгрупп говоров;

- во-вторых, звуковой материал содержит образцы речи 70-80-х годов, еще во многом сохранившей архаичные черты говора как на уровне лексико-грамматическом, так и интонационном; речь информантов отличается плавностью, размеренностью, по мелодическому оформлению она приближается к фольклорному сказу;

- в-третьих, представление звучащей речи в электронном формате позволяет провести исследование просодического уровня организации языковой личности при помощи современных компьютерных программ анализа звука; как известно, просодия в русских говорах остается наименее исследованной областью. Как отмечает С.К. Пожарицкая, «структура более крупных единиц членения речевого текста – синтагмы и фразы – и их просодическое оформление (интонация) являются наименее изученным разделом суперсегментной фонетики диалектной речи. Известны некоторые особенности интонационного оформления текста в разных говорах, но пока нет достаточно полных сведений о диалектной интонации, которые позволили бы включить ее особенности в характеристику всех единиц диалектного членения русского языка» [Пожарицкая 2005: 26]

- наконец, особый интерес представляют записи русских говоров Татарстана и Чувашии, так как русская речь находится здесь в условиях

иноязычного окружения татарского и чувашского языков, в результате чего возникает интерференция языков на разных языковых уровнях.

В конкретной ситуации общения человек использует лингвистические и экстралингвистические знания, содержащие опыт индивида, приобретенный в течение всей его жизни.

Диалектный дискурс наиболее показателен в этом плане; так, материалы Электронной библиотеки подтверждают известные положения о том, что носители говора часто обращаются к прожитому опыту, вспоминают события прошлых лет, способны переосмыслить их и представить в виде концептуальных обобщений – *«Любофь, говорят, ни картошка, ни выбрасиш в акошка» (ТАССР, Зеленодольский р-н, с. Соболевское), «Сроду на ферме ни хади ни сколя. Пападёт — аветишь, я за тибя аветичать вить ни буду, правда веть... И што хошь.. А вить люди таки есть...» (не указан регион), «А типерь вон стаканами пьют. Типерь вон пол-литра на двоих – это, щитай, ништо выпить. Бывало, оне пол-литра-то прасидят трое, и ево до вечера пропьют... Как мы работали...Лышадину работу работали, двинацать рублей получаем» (Владимирская обл-ть, Муромский р-н, с. Степаньково)*

Интересно, что представление о прошлой жизни и настоящей в речи дикторов выступает в бинарной оппозиции: плохая – хорошая, либо хорошая – плохая. Это связано с социолингвистической ситуацией; во многих рассказах находят отражение Великая Отечественная война и революция 1917 года, а также связанные с этим жизненные события информантов – например, переезды в связи с революционными действиями, немецко-фашистская оккупация, участие в партизанском движении и т.д. Тогда прошлая жизнь имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию – *«плохо, тяжело жили, горя было много»*. В текстах, записанных в регионах, где не проходили военные действия, описание прошлой жизни может приобретать положительную коннотацию.

В результате анализа речи отдельных дикторов определяется специфика семантико-когнитивного выделения в речи, когда информанты пытались актуализировать ту социолингвистическую информацию, которая могла быть мало знакома городским слушателям: выращивание и обработка льна, сватовство, деревенская свадьба и т.д. В результате экспериментально-фонетического анализа можно определить специфику просодической организации речи – так, например, жители Псковской области весьма эмоциональны, активно изменяют тембральную окраску голоса в процессе беседы.

Общеизвестно, что носители говора, передавая чужую речь, стремятся передать всю совокупность ее просодических признаков – интонацию, тембр, эмоциональный настрой. На материале наших записей экспериментально доказано, что информанты изменяют качество голоса, когда говорят о чем-то очень близком и эмоционально значимом

(например, о своей свадьбе, родителях, о смерти детей и т.д.) или когда рассказывают о жизненных событиях, оставивших у них яркие воспоминания. [Зотина 2010: 37] Особое выделение приобретают слова, неизвестные слушателю по мнению информанта – «*риги* молотила», «*грабево*», «*увалья*», «*парики* длинные» и т.д.

Информанты легко меняют фонационные признаки звучания, переходя на полушепотную речь в середине рассказа или намеренно имитируя голос другого человека - участника описываемых событий. Изменение качества голоса говорит о желании информанта максимально реализовать коммуникативную цель беседы – передать достоверно события своей жизни и вызвать у слушателя ответную эмоциональную реакцию сопереживания.

Особую выразительность придают анафорические конструкции, когда фраза начинается с одного и того же союза, или синтаксический параллелизм: «... *Я кушать хотела, а я и кушать ни магу, и пошла на гулянье, и на гуляньи только и думаю, куда я пойду*», «*Кармилиц ты мой, Колинька, за што ты так руботаешь? За што ты так мучишишьсе? Кармилец, изволи работать, наработаешь!.. Кармилец мой, придё время, помрешь, фсе астаница!*» (Псковская область, д. Волосово)

Языковая диалектная личность значима для изучения онтогенеза механизмов речевой деятельности, а также социальной дифференциации языка. Обширный материал Электронной библиотеки русских народных говоров Казанского университета позволяет проводить исследования диалектной личности с точки зрения современной когнитивистики и лингвопрагматики. Особенно интересны наши записи для исследования прагматикона диалектной личности, речевого поведения, речевых стратегий и тактик организации коммуникативного пространства, общего для говорящего и слушающего – носителя кодифицированного языка. Механизмы разворачивания иллюкутивного смысла в речи, приемы лингвопсихологической адаптации языковой диалектной личности к языковой личности носителя литературного языка, несомненно, требуют тщательного изучения.

**Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ – 376 № 08-06-00160а.*

Литература:

- Богородицкий В.А.* Диалектологические заметки. – Казань, 1900-1905.
Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Москва, 1963.
Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дисс. ... докт. филол. наук. – Саратов, 1997.
Зотина Е.В. Тембральная выразительность в речи коммуникативной диалектной личности // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2009. – Казань, 2010.

- Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. – Томск, 2002.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
- Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – Москва, 1989.
- Кульшарипова Р.Э., Ибрагимов Т.И.* Русские говоры: традиции Казанской лингвистической школы // IV Международные Бодуэновские чтения: труды и материалы: в 2 т. – Т.1. – Казань, 2009.
- Пожарицкая С.К.* Русская диалектология. – Москва, 2005.
- Смолякова Л.П.* Важнейшие изоглоссы диалектных явлений в Волго-Камье // Вопросы русской диалектологии Волго-Камья. – Казань, 1971.

Е.В. Иванцова

КУЛЬТУРА УСТНОГО ОБЩЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ГОВОРЕ И ЭЛИТАРНАЯ РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА: ПОЛЯРНОСТЬ ИЛИ ЕДИНСТВО?

Согласно идее Н.И. Толстого, впоследствии получившей развитие в работах В.Е. Гольдина и О.Б. Сиротининой, в каждой славянской национальной культуре можно выделить культуру носителей литературного языка (которая варьирует от элитарной до фамильярно-разговорной), культуру народную, крестьянскую – у носителей говоров, а также промежуточные между ними просторечную и арголическую субкультуры [Толстой 1991; Гольдин, Сиротинина, 1993]. Выделение обозначенных типов и соответствующих им языковых личностей (далее ЯЛ) носителей языка подразумевает полярные точки, наиболее далеко отстоящие друг от друга на шкале: на одном полюсе – представитель «книжной», «интеллигентской», на другом – народно-речевой культуры.

Особое внимание лингвистов привлекают элитарный тип речевой культуры и его представители – элитарные ЯЛ как идеал, к которому должны стремиться все носители языка. Интерес к ним проявляют и неориторика, и лингвистика текста, и лингвоперсонология.

Вместе с тем, если не ставить знак равенства между культурой речи с ее ортологической ориентацией и речевой культурой в широком смысле слова как «совокупности речевых средств, представляющих собой результат длительного отбора и совершенствования лучшего, что выработано сотнями поколений говорящих на данном языке...» [Блинова 2002: 233], то не менее интересна в плане проявлений высокого уровня речевой культуры ЯЛ диалектоносителя.

В качестве типичного представителя народно-речевой культуры рассматривалась сибирская крестьянка В.П. Вершинина, 1909 г.р., коренная жительница с. Вершинино Томской обл. Систематическое наблюдение над ее речью велось автором в течение 24 лет (1981-2004 гг.) в условиях включения в языковое существование говорящего.

Сопоставление результатов анализа ЯЛ носителя архаического типа традиционного говора с выводами, полученными при анализе речи представителей элитарной речевой культуры (см. работы Т.В. Кочетковой, И.С. Кондратьевой-Фишер, В.Е. Гольдина и О.Б. Сиротининой, Г.Г. Инфантовой, Н.И. Белуновой и др.), обнаруживает ряд очевидных несовпадений. Они касаются не только освоения кодифицированной литературной нормы, но и условий формирования этих типов (включающих характер образования, воспитания и семейного окружения), их ментальных установок, зон актуального внимания, степени знакомства с мировой культурой, яркости проявления творческого начала, широты сфер речевой практики, многообразия стилей и жанров письменной речи.

Вместе с тем многие черты сближают, казалось бы, столь несхожие типы ЯЛ.

I. ЯЛ элитарного типа речевой культуры, по утверждениям исследователей, отличается рядом интеллектуальных и моральных личностных свойств. Среди них называются высокий интеллект, тяга к постоянному получению новой информации, высокоразвитый деятельностный потенциал; духовная неуспокоенность и чувство социальной ответственности, высокая требовательность к себе, высокий уровень культуры [Кочеткова, 1998].

Большинство из этих черт в своеобразном преломлении можно отнести к исследуемой нами диалектной ЯЛ.

Природный ум сочетается у сибирской крестьянки с мудростью возраста, интересы не замыкаются только на быте, затрагивая и многие другие вопросы: прошлое в сравнении с настоящим, вера, экология, политика и т.д. Стремление узнать новое проявляется и в общении с широким кругом родственников и односельчан, и в постоянном внимании к радиопередачам как источнику новой информации, и в расспросах городских образованных знакомых, которых она считает более компетентными в сферах общественной жизни и религии.

Деятельностный потенциал реализован прежде всего в труде, воспринимаемом не только как необходимость, но и моральная норма: в личном фонде паремий информанта на случайна поговорка *работа человека не испортит*. Духовная неуспокоенность и чувство социальной ответственности за происходящее отражаются в волнующих крестьянку темах падения морали в современном обществе, разрушения созданного общим трудом, воровства и беззакония, несправедливости распределения жизненных благ.

И ярко выраженное деятельностное начало, и альтруизм проявляются в свойственном исследуемой ЯЛ постоянном сопереживании и стремлении помочь словом и делом, принять участие в судьбе другого.

Отличается В.П. Вершинина и критичностью по отношению к себе, сочетающейся с терпимостью к окружающим, умением принимать других такими, каковы они есть, не пытаясь исправить или осудить. Данной ЯЛ

присуща и самостоятельность взглядов и суждений, свой личностный взгляд на мир.

II. Не будучи знакомой с мировой культурой, усваиваемой в интеллигентной среде прежде всего через книжные источники, диалектная ЯЛ характеризуется тем не менее высоким уровнем речевой культуры, что также сближает рассматриваемые нами полярные типы носителей языка.

1. Одно из проявлений высокого уровня речевой культуры – богатство языка носителя традиционного говора.

До недавнего времени в лингвистике бытовало мнение о том, что объем лексикона носителя ЛЯ намного богаче, чем у представителей традиционных диалектов. В то же время тезис этот никем еще не доказан. На сегодняшний день мы имеем лишь резко различающиеся (в диапазоне от 3000 до 50000 слов) данные, полученные на основе художественных текстов отдельных писателей, устной бытовой речи и писем рядовых говорящих, а также психолингвистических экспериментов.

В «Полный словарь диалектной языковой личности», отражающий идиолект сибирской крестьянки В.П. Вершининой [Полный словарь...], вошло около 20000 нарицательных лексем (или 27000 лексико-фразеологических единиц в отдельно взятых значениях) и около 1500 имен собственных. Фактический объем идиолексикона несколько больше, поскольку часть периферийной, редко употребляющейся лексики осталась за пределами фиксации и не нашла отражения в Словаре.

Богатство лексикона измеряется и его качественными характеристиками. Словарный запас диалектной ЯЛ включает обширный круг противопоставленных типологических классов: экспрессивная и нейтральная лексика, новая, устаревающая и устаревшая, окказиональная и узуальная, лексика «чужой» и «своей» речи, исконная и заимствованная, общерусская, диалектная и диалектно-просторечная, имена собственные и нарицательные, лексика свободного употребления и фразеологизмы.

Следует отметить и развитость системных связей лексикона. Мотивационные отношения слов охватывают около 2/3 словарного запаса информанта, многозначность отмечена у 20% единиц лексикона, формальные варианты звуковой оболочки – у 577 слов. В идиолексиконе зафиксировано 318 пар антонимов и 1144 синонима, входящих в состав 467 синонимических рядов (отдельные цепочки достигают 17 звеньев).

Богатство словаря поддерживается и разнообразным репертуаром речевых жанров диалектной ЯЛ. Исследование жанровой системы В.П. Вершининой показало, что информант владеет различными по структуре и интенции речевыми жанрами устной сферы общения, среди которых есть простые, сложные и гипержанры; информативные, императивные, ритуальные и оценочные жанры с множеством подтипов и переходных случаев [Казакова 2005].

О богатстве языка исследуемой ЯЛ свидетельствует также разнообразие тематики текстов и слабое проявление самоповторов. Затрагиваемые темы редко дублируются, но даже при неоднократном возвращении к одной и той же теме повествование существенно варьируется по форме: могут меняться детали, акценты в изложении, степень конкретизации, обновляется часть словника.

2. Об уровне речевой культуры диалектной ЯЛ свидетельствует умение создавать в спонтанной речи развернутый текст, отличающийся высокой степенью содержательности, логичности и связности.

Объемный текст порождается без усилий. Средняя длина монолога с развитием одной темы составляет около 500 словоупотреблений. Несмотря на развернутость, текст содержателен, информационно насыщен. Говорящий вплетает в повествование имена конкретных лиц, их высказывания, указания на хронотоп, количественные характеристики предметов, явлений, действий и т.д.

Текст отличается логичностью. Упомянув множество деталей, диалектоноситель не «вязнет» во второстепенном, всегда помня о цели разговора и последовательно развивая изложение. Повествование последовательное. Многие монологи напоминают маленькие рассказы с завязкой, развитием сюжета, кульминацией и развязкой. Диалог менее логичен, но и в нем при ситуативных отклонениях от темы информант последовательно возвращается к предмету речи, пока не осуществит свой речевой замысел.

Рассказ течет плавно, затруднения в выражении мысли очень редки. Практически отсутствуют заменители пауз; нет и немотивированного употребления сниженной, бранной лексики, осуждаемого в традиционной народно-речевой культуре.

3. Еще одна показательная черта – выразительность речи представителя народной речевой культуры, создаваемая прежде всего за счет яркой образности и экспрессивности текста. В число наиболее типичных выразительных средств входят экспрессивная лексика и фразеология, отдельные тропы, паремии, прозаический ритм, богатство интонационного оформления текста. Самым распространенным среди тропов является сравнение (в дискурсе зафиксировано 1744 сравнительных оборота в 2599 употреблении). Несколько реже представлена в текстах метафора; частотно употребление пословиц и поговорок (их около 350); встречаются случаи гиперболы, иронического и окказионального словоупотребления, рифмовки.

4. Исследуемой ЯЛ свойственна личностная окраска речи. Она проявляется не только в выборе тем, но и при их раскрытии. Информанту присущи определенность позиции, наличие своего взгляда на положение вещей. Языковые характеристики текста также свидетельствуют об этом. Яркое выраженное субъективное начало отражено в высокой частотности местоимения *я*, а также других слов, связанных с менталитетом ЯЛ, свидетельствующих о системе ее взглядов, представлений, суждений (*знать*,

думать, хотеть, говорить, хороший, хорошо, плохой, плохо, худой, худо, любить, глянуться и др.), в повышенной эмоциональности повествования, создаваемой многообразными средствами всех ярусов языка.

5. Диалектная ЯЛ отличается развитостью метаязыковой рефлексии, наличием навыков самоконтроля над речью. Низкая частотность метатекстов в спонтанной речи информанта сочетается с регулярностью реализации рефлексивного начала – не только при общении с собирателями, но и родственниками, односельчанами, в том числе и в отсутствие диалектологов. Показатели метаязыкового сознания встречаются у исследуемой ЯЛ как в явной форме (в виде развернутых высказываний о языке), так и в скрытой (эксплицируясь через интонацию, понижение тона голоса; особенности произнесения отдельных звуков, а также смех, мимику и жесты, отбор лексических единиц, эвфемистические замены, фигуры умолчания, формулы извинения при употреблении грубых слов, маркеры неуверенности и т.п.).

Осмыслению подлежит прежде всего то, что необходимо для успешной коммуникации. Рефлексия направлена главным образом на вопросы нормативности. К центральным сферам обыденного языкового сознания рядового носителя языка относятся фонетика, лексика и речевой этикет.

6. Особенно показательны характеристики ЯЛ, связанные с коммуникативными навыками. Среди них следует отметить:

а) выбор темы и языковых средств с учетом ситуации общения, интересов и типа речевой культуры собеседников.

Не меняя резко особенностей своей речи и оставаясь сама собой, представитель традиционного типа говора о разном и по-разному говорит с людьми близкого круга и малознакомыми, односельчанами и приезжими, детьми и взрослыми. Включение в языковое существование носителя диалекта позволило пронаблюдать ряд ситуаций, когда одно и то же событие служило предметом обсуждения с различными партнерами по коммуникации. Во всех этих случаях ЯЛ продемонстрировала высокую степень вариативности текста;

б) умение поддерживать эффективное диалогическое общение. О.А. Казаковой установлено, что в речевом общении диалектоносительница всегда настроена на положительный контакт, умеет вести беседу, направляя ее в нужное русло, привлекая и удерживая внимание адресата; в то же время она умеет активно слушать, не перебивая собеседника, демонстрируя ему свой положительный настрой и помогая говорящему точно оформить мысль. ЯЛ доброжелательна, пропорционально сочетает роли говорящего и слушающего, проявляет живой интерес к партнеру по общению, всегда настраивается на его эмоциональную волну, что проявляется широким использованием речевого жанра расспроса, реплик-подхватов с развитием мысли собеседника или повтором части его высказывания [Казакова 2005: 20-21];

в) позитивный настрой коммуникации в традиционной народно-речевой культуре связан также с подчеркнутым вниманием к этикетной

стороне общения, отраженном в широком использовании этикетных речевых средств, соблюдении общих правил речевого этикета, стремлении воздерживаться от грубой лексики, частотности этикетных речевых жанров (благодарности, просьбы, приветствия и прощания, пожелания...), показателях метаязыкового сознания, касающихся этикетной области речи.

г) толерантность речевого общения, стремление к бесконфликтной коммуникации выражаются в способности принять чужую точку зрения, некатегоричности высказываний, преобладании реплик согласия над несогласием. Ситуации коммуникативного конфликта в речевой практике исследуемого информанта единичны. Основная тактика при начинающемся конфликте – умолчание с целью его «гашения». В случае состоявшегося конфликта диалектная ЯЛ пользуется широким спектром приемов его заглаживания: извинение, взывание к разуму партнера, воздействие на его чувства, и, наконец, уступка.

Итак, представители элитарной речевой культуры и традиционной народно-речевой культуры, резко различаясь по многим параметрам, имеют и много общих черт. В их числе такие коммуникативные качества хорошей речи, как богатство и разнообразие, выразительность и чистота, логичность и содержательность, развитость метаязыковой рефлексии. Носитель традиционного говора, явно не относящийся к элитарному типу речевой культуры с ортологической точки зрения, демонстрирует высокий уровень коммуникативной культуры, доброжелательного настроя по отношению к собеседнику, толерантного речевого поведения. Доминантой элитарной речевой культуры многие исследователи считают умение общаться, владение этическими нормами коммуникации и уважение к окружающим. Эти особенности можно считать и доминантой народно-речевой культуры. Высокий речевой идеал воплощается близкими по существу взглядами на мир, отраженными в языковой форме, у представителей типов русской ЯЛ, на первый взгляд диаметрально противоположных, но единых в своей основе.

Литература:

- Блинова О.И.* Областной словарь как источник изучения народно-речевой культуры // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). – М., 2002.
- Гольдин В.Е., Сиротина О.Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. – Вып. 25. – Саратов, 1993.
- Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. – Томск, 2002.
- Казакова О.А.* Языковая личность диалектоносителя в жанровом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005.
- Кочеткова Т.В.* Языковая личность в лекционном тексте. – Саратов, 1998.
- Полный словарь диалектной языковой личности/ Под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск, 2006-2009. – Т. 1-3. Т. 4 в печати.
- Толстой Н.И.* Язык и культура (некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. – Ч. 1. – М., 1991.

ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ ДОМИНАНТА ДИАЛЕКТНОГО МОНОЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

На современном этапе исследования текста невозможно противопоставить когнитивные и эмотивные составляющие текстового пространства [Шаховский 1998], актуальным становится изучение эмоционально-смысловой текстовой доминанты [Пищальникова 1999, Кинцель 2000, Белянин 2000 и др.].

В.П. Белянин под эмоционально-смысловой доминантой понимает «систему когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определённого типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте» [Белянин 2000: 55]. Эмоционально-смысловая доминанта текста связана с его психолингвистическими особенностями, обусловившими наличие определённых текстовых лексико-семантических компонентов: каждому типу текста соответствует определённый тематический набор объектов описания (тем) и определённые сюжетные построения [Белянин 2000: 59].

Классификация В.П.Беянина создана на основе анализа художественных текстов: эмоционально-смысловая доминанта определяет авторское видение мира, интерпретацию окружающей действительности. Исходя из положения, что художественный текст представляет собой личностную интерпретацию действительности, В.П. Белянин утверждает, что «писатель описывает те фрагменты действительности, с которыми он знаком; развивает такие соображения, которые ему близки и понятны», а персонажи представляют собой определённых лиц, значимых в том или ином отношении для «жизненного пространства» автора [Белянин 2000: 55]. Диалектный текст – это также интерпретация действительности, что связано в первую очередь с его гипертемой – «жизнь диалектоносителя и его окружения» [Косицина 2008: 60].

Определение эмоционально-смысловой доминанты диалектного текста – это заключительный этап в изучении его тематической организации, ведущий от текста к личности автора-диалектоносителя.

Исследование диалектного текста в аспекте эмоционально-смысловой доминанты состоит из трёх этапов:

1. Составление схемы тематической структуры текста, выявление основных тем и микротем [Косицина 2008].

2. Составление схемы тематического развития текста, что позволяет проследить частоту появления той или иной темы и смену локализаций, обусловившую возникновение тематических углублений и тематических

ответвлений⁸. При анализе тематических углублений необходимо определить фактор возникновения, тему (микротему), основной сюжет [Косицина 2009а]. При анализе тематического ответвления важна в первую очередь содержательная характеристика – отнесённость к определённому контексту [Косицина 2009б].

3. Выявление лексико-семантических компонентов текста на основе выделения тем (микротем) внешней локализации, сюжетов внутренней локализации, контекстов удалённой локализации.

Диалектный текст, исходя из классификации В.П. Белянина, можно назвать смешанным, то есть совмещающим в себе две и более эмоционально-смысловые доминанты. Однако понятие «смешанный текст» для диалектного текста является довольно общим и не может наглядно показать особенности личности диалектоносителя. В диалектном тексте эмоционально-смысловые доминанты выражены достаточно ярко, все оттенки эмоционального поля текста важны для понимания личности диалектоносителя. Поэтому, отмечая принадлежность диалектных текстов к смешанному типу, мы выделяем основные разновидности диалектных текстов по наличию в них двух эмоционально-смысловых доминант: светло-печальный, печально-светлый, тёмно-печальный, печально-тёмный. В данных определениях на первое место выдвинута ведущая доминанта, на второе – дополнительная. Естественно, что данные разновидности несколько условны, так как среди диалектных текстов выделяются такие, в которых, кроме двух отмеченных доминант, можно обнаружить признаки третьей доминанты.

На примере конкретных диалектных текстов представляем особенности каждого типа текста по отнесённости к ведущей эмоционально-смысловой доминанте. Тексты из фонотеки кафедры русского языка Кузбасской государственной педагогической академии, представляющие русские старожильческие и новожильческие говоры Кемеровской области, записаны нами в полутранскрипции.

⁸ Локализация в речевом сознании – определённая точка наблюдения за объектом повествования, которая определяет особенности тематического развития текста. Тематическое углубление – микротема, представляющая собой самостоятельное высказывание, отдельный сюжетный рассказ со всеми композиционными элементами: завязкой, развитием действия, кульминацией, развязкой (соотносится с внутренней локализацией). Тематическое ответвление – микротема, прерывающая текущее тематическое развитие, не имеющая когерентной ситуативной связи с ведущей темой (микротемой), но в ряде случаев связываемая с ней средствами когезии (соотносится с удалённой локализацией).

1. «Светлый» текст.

Анализ диалектных текстов позволяет выявить следующие особенности текстов со «светлой» эмоционально-смысловой доминантой.

1. Преобладание внутренней локализации над внешней и удалённой: тематические углубления составляют большую часть текста.

В «светлых» текстах носитель диалекта максимально погружён в жизненное пространство, для него важно передать жизнь в её отдельных, неповторимых проявлениях, так как каждое жизненное событие значимо, самоценно. Диалектоноситель, несмотря на трудности, относится к жизни с интересом и любовью, воспринимает беды и несчастья со стойкостью, как неотъемлемую часть жизни. Жизненным трудностям противопоставлено умение информанта увидеть в каждом факте жизни нечто яркое и значимое, что отражает в целом главную особенность «светлых» текстов, содержание которых может быть сведено к следующей мысли: «Всё живое уникально, неповторимо и самоценно» [Белянин 2000: 71].

2. Частые переходы от внутренней к удалённой локализации: наличие тематических ответвлений культурного и семейного контекста.

Информант, проникая вглубь определённого события, обязательно помещает его в тот или иной жизненный контекст, представляя, таким образом, собственную жизнь не изолированной, не обособленной, а вписанной в жизнь всеобщую. Чаще всего тематические ответвления включают жизненное событие в семейный или культурный контекст, реализуя тему *семья* (микротема *семейные обычаи*) или тему *жизнь села* (микротема *сельские обычаи*). Данная особенность представлена в следующих текстовых фрагментах (тематические ответвления подчёркнуты).

...*Слушай/ ну вот/ сказала им/ ани сказали/ ну вот маладец/ мы фсе слышали/ што ты сказала/ што пайдёшь замуш/ ну вот/ ну давайти/ сват/ сватья/ уш маих систру и зятя сватами называют (семейный контекст)/ ну патом... выпили/ закусили/ ани пашли дамой/ а мой жаних ишо астался/ штобы нивеста ишо какова-нибуть ни падманула/ на диревни знаишь/ бегам/ а ежли дефка палуччи/ так табун/ как баранаф за авечкай... ну ехать лигистрираваца/ а юпки-та у насбыли широки/ па семь палос (культурный контекст)/ а кашёвачки/ а каняга знаишь какой/ прям уй/ я бы щас пракатилась на них/ я наридилась в эта/ красная/ красивая/ аш сияить/ складачки-складачки/ там жи утюга не была/ а ф складачки складёшь/ да как хлеп с печки вытащишь/ и иво скарей пат хлеп/ а хлеп как палижить горячий/и ано фсё гармошичками/ а он жи широкий/ ни разгинаица (культурный контекст)/ ну толька мы сели/ и как эта павирнулись/ как каняга эта рванёть/ и плоха я удиржала адну важжжину/ адну-та выпустила с руки/ ана как павирнулась/ и мы/ бух...он вниз/ а я наверх/ ...*

...*Ну как атец прииёл с плену/ у ниво лёжкии уже бальными стали/...он прииёл/ и пад акошкам/ а мама там занита как сичас мыла-та/ рубахи халищовыи/ такая катка большая/ называица жлухта/ ну парить*

вот бильё/ па-сибирски эта парка назвать/ и вот туда этой залы...и фсё бильё пирысыпашь/ и навёрх/ такой хвартук у миня/...навёрх такой жи хвартук застилають/ навёрх залы насыпають/ и вот льють питнацать чугуноф/ вот как зальють суда/ в эту катку...и вот ана тада стаить день/ и ночь стаить/ только уже на третий день/ за ниё можна взять вытинуть аттедава рубахи эти (культурный контекст)...а атец-та при- шёл с плену/ и ходить па двару// а я гаварю/ дядинька/ зачем ты па нашиму двару ходишь// а он спрашиваить/ а чо нильзя/ нильзя/ батька приедить/ тибя набьётъ/ а где ваш батька/ на вайне/ он там ваюить са врагом/ / а кто тибе сказал/ што он ваюет са врагом/ ну фсе гаварять та и я так гаварю/ он/ ну ладно/ а мама ваша где/ но/ а я гаварю/ на речке/ платье переть/ бьётъ вальком/ значить прать нужна/ ну тётка Татьяна/ тётка Варька/ их многа набирають такой жслухт/ ани там калотють иво/ эта бильё/ вальками/ и ф пролупке/ выпаласкивають иво/ и абратна так же калотють(культурный контекст)...вот матка платье переть/ нада ска- зать / рубахи/ а я гаварю/ ну там как завуть/ так и я/ ...эта вот адёжу звали тожи платье...а то свитка (культурный контекст)/ я жи лапти на- сила/ лапти сама плила...[Е.В. Томашова, 1911 г.р., с. Ильинка Новокуз- нецкого р-на]

3. Наиболее частотными темами являются темы *семья и жизнь села* с относящимися к ним микротемами.

4. Ведущий сюжет тематических углублений можно обозначить как «противостояние личности злым, враждебным силам»; автор текста активно выступает в защиту нравственных законов.

В следующем фрагменте из диалектного монологического текста представлено тематическое углубление «Солдат щёчку сжёг», в котором повествуется, как четырёхлетняя девочка выступает против действий солдата, нарушившего законы сельской жизни. В данном примере тематическое углубление отмечено курсивом, тематические ответвления подчеркнуты, полужирным шрифтом выделены лексические маркеры, определяющие сюжетное своеобразие.

Жила я ф сиротстви/ атец был/ вайна была/ фпирёт этой вайны/ я малинькая была ишио/ тада вайна была// (завязка) я вот как щас помню/ как арудия шла на улице/ многа салдаты/ тада же арудию лошадь тину- ли/ ни так как щас// но/ и я знаю эта/ ани как хлёснут бичом/ ани/ лошади эти аш пряма с кожи лезуть/ валакуть иё фсё/ а дядьки такие ани эти/ салдатня знаити/ галодные такие/ сбигають в избу// но/ а я сидела за сталом/ мне уже была три года/ читвёртый...(развитие действия) а эта салдат/ забижал/ скатёрка лижала/ он/ щац её так/ и нажом/ скарей та- бак рубить/ а закону-та не была/ штобы на стале табак рубить/ на стале хлеп/ эта гаварять/ стол-пристол/ эта как ну па бажественнай/ при- стол// а я и гаварю/ дядинька/ здесь табак нильзя крашить/ тут только хлебушка ляжить/ а в ево была папироска в рату/ а он ишио крашил/ ну

аццоф табак тут вешался/ нажом/ он хватал иво и давай скарей рубить/ а он так паглядить на миня сваими шарами/ я гаварю/ чо глядишь/ нильзя крашить/ тута/ но/ мать/Катирунка замалчи/ еслиф я Катя/ а ана/ Катирунка/ замалчи/ (кульминация) но он зараза такой/ схватил этот акурак/ рас/ и мне папал вот суда вот// а я гаварю/ о-о какой нихароший/ щёчку жжжэ мне/ ну мать тада миня схватала/ и на печку/ вот Марфа была старшая/ Марья/ и ана миня туда/ я там/ печка-та вот примерна/ вот эта печка// а вакрук дети бегали/ там тупло/ вылисти не может/ глубокае такой закабай/ вот са стол/ мордай-та глядить/ а вылисти ни можить...ну вот печка стаить русская/ вот эта стенка/ дом/ а вот такое пространство/ тамо в окно сделана/ там у нас эти/ куклы/ с тряпак шили/ звались лялички/ ляльки/ з залы голуву/ а с тряпак ручонки/ нажсонки/ клеишь там/ чо папала/ ана миня туда заталкала и этим дифчонкам сказала/ не пускайти её туды/ вишь ана какая длиннаязыкая/ нильзя/ дядиньки тибя убьют/ застрелют/ я гаварю/ не-ет/ вот я батьке скажу/ значит/ ни звали папкой/ а татай/ батька/ ну/ я батьке скажу/ придёт батька с плену/ я фсё скажу иму/ и он иво набьёт этава дятьку/ каторый мне щёчку жжжэ/ (развязка) долга у миня вот тут была эта пятнышка/ а вот уже как выросла большая/ так уже ано и зажила/ вот я эта помню/ как вот щас пять пальцеф// вот/ как миня дядинька жжжэ... [Е.В. Томашова, 1911 г.р., с. Ильинка Новокузнецкого р-на]

Данное тематическое углубление основано на таком событии из жизни, которое представляет диалектоносителя как человека, умеющего противостоять трудностям, сохранить чувство собственного достоинства. Так, В.П. Белянин, говоря об «активных» текстах как разновидности «светлых», отмечает, что в данных текстах описывается «борьба положительного персонажа и его единомышленников с противостоящими силами» [Белянин 2000: 78]. Диалектоноситель – активный, деятельный человек, встречающий невзгоды смело, с юмором. Эта черта личности также отражается в том, что в тексте тема *жизненные трудности* и *смерть и непредсказуемость жизни* практически не встречаются в качестве самостоятельных, находятся в зоне пересечения с другими темами.

5. Гладкое, практически непрерывное тематическое развитие без метатематических высказываний.

2. «Печальный» текст.

С «печальной» эмоционально-смысловой доминантой связаны следующие особенности диалектного текста.

1. Преобладание внешней локализации над внутренней и удалённой; однако нередко присутствие в тематическом развитии нереализованного тематического углубления (тематического углубления, в котором не происходит полного погружения в жизненное пространство, наблюдается лишь указание на конкретную жизненную ситуацию) [Косицина 2009а].

2. Наличие темы *смерть и непредсказуемость жизни* с относящимися к ней микротемами *болезнь, страх смерти*.

Если в «светлых» текстах жизнь предстаёт как целостное явление, в котором всё взаимосвязано, в котором каждое событие является значимым и неповторимым, а смерть – всего лишь неотъемлемая часть жизни, то в «печальных» текстах присутствует ощущение неотвратимости смерти, беззащитности человека перед законами бытия. Однако чувство незащищённости побуждает человека ценить всё лучшее и светлое в жизни: в мироощущении происходит соединение «острого, ежечасного «чувства смерти», памяти о ней, с сильнейшей жаждой жизни...» [Белянин 2000: 142]. В связи с этим в «печальных» диалектных текстах, наряду с темой *смерть и непредсказуемость жизни*, высокую частоту появления имеет тема *семья*.

В следующем текстовом фрагменте выделяются два нереализованных тематических углубления и реализованное тематическое углубление «Смерть сестры мужа», из которого развивается тематическое ответвление экзистенциального контекста (тематические углубления подчеркнуты) [Косицина 2009б]. Полу жирным выделены лексические маркеры темы *смерть и непредсказуемость жизни*.

...А тут што/ тока жить/ нада самаму на пенсию идти/ палучил первую пенсию/ уш шисят лет он работал/ а мне здесь плоха климат/ он гаварит/ ну чо/ ищѐ маленька асталась/ а тагда уедем атсюда/ здесь жить ни будим/ када на пенсию пайду/ иму **адинацатава марта дали пенсию/ а иво двацать первава парализавала/ вот адиницать лет он пралижал/ я за ём и хадила/ ну я думала/ госпади/ хоть бы мне гот после ниво пражить/ я так намучилась с им/ иво паднимать нада/ иво варочить нада/ а фсе на работи/ я адна... я думала ну хоть бы мне ищѐ гот атпахнУть посли иво/ а там умирать/ а вот щас приключилась ноги/ с сердцем плоха и вот/ сѐдни день такой тижѐльый я ни магу/ фсѐ баюсь... вот я и баюсь/ парализуит и лижать/ фсѐ фспаминаю деда сваиво/ я хоть хадила/ ни работала/ хоть хадила за им/ а эта кто будит/ а када мы жили/ он фсѐ время гаварил/ ой ни дай бог/ я бис тибя прападу/ я бис тибя згнию/ фсѐ время/ фсѐ время так он гаварил/ нет он ни хател/ штобы я фпирѐт умирла иво/ никак он ни хател/ я гаварит/ чо жи я адин астанусь-та/ я сразу згнию бис тибя-та/ а вот вишь адинацать лет вЫхадила иво...а вот давление/ у иво **систра тожи так жи/ работала/ ничо/ уже на пенсии/ пашла и аддахнула маленька и пашла в дитсат/ иѐ пригласили/ маленька там паработать// ну с работы пришла/ и как рас/ вот эта дочь-та ана туда ездила/ та прислала письмо/ што приижайти/ ну и ана паехала/ и вот ани сидели/ ну распрасила/ как **рас скока ана пражила/ на сорок дней ана приехала/ вот мы иво/ двацать первава он умир/ фивраля/ а дисятава мая ана умирла/ да/ систра/ вот ана приижжсала харанить сюда/ и сорок дней справляли тут/ а полгода уже ни пришлось/ справлять вот/ и мы тагда уже туда// и ана паехала/ там пасидели/ разгава-******

ривали/ ничо/ а у ей дочь вышла на улицу...ну и ана там задирижалась-та на улице/ а мать гаварит/ только да адинацати/ время уже двинацатый час/ а ана вышла на балкон кричит/ Лена/ Лена/ а Лены нет/ ана растроилась/ пашла иё искать/ а у саседнива дома упала/ иё парализавала и фсё/ так **быстра// парализавала//** и я ищё щас тожи думаю/ баюсь вот так чо/ рибитишки ани фсё время часта сюда идут... фсе к бабушки сюда/ вот так вот и я тут/ и на миня ни надейтись шипка/ **я напугаю вам этих рибитишук/ а чо делать/ ани будут кричать-та/ но эта же тоже страсть какая...**[С.Д. Маколкина, 1919 г.р., с. Кузедеево Новокузнецкого р-на]

3. Противопоставление тематических пространств *прошлое* и *настоящее*.

В «печальном» диалектном тексте противопоставление прошлого и настоящего имеет неоднозначный характер. С одной стороны, настоящее для говорящего чаще всего связано с физической немощью, одиночеством и противопоставлено прошлому по принципу «старость» – «молодость», «болезнь» – «здоровье», «печаль» – «радость». Подобное противопоставление наблюдается в следующем примере:

... Ну вот ани фсе/ нака ищё бабушка живая/ и фсе и сюда/ как в радитильский дом называица// фсе сюда едут и фсе сюда идут// все/ и эти тут находяца и фсе сюда идут// а их нет/ апать **скучна/** день-та длинный большой/ но **када я сама работала/ он мне не длинный/ я пайду в агароди/ пакапаюсь...пайду ф первую очирить тут **пракапаю/**сабачик накармлю/ **фсё сделаю/печку затаплю/** ну чо-нибуть такои найду/ а **щас в агарот нильзя мне/ никак нильзя с нагами-та/ нильзя выхадить...**[С.Д. Маколкина, 1919 г.р., с. Кузедеево Новокузнецкого р-на].**

С другой стороны, настоящее для диалектоносителя связано с благополучием, отсутствием жизненных трудностей и противопоставлено прошлому по принципу «достаток» – «бедность», «сытость» – «голод», «красота» – «убожество».

...**Ни так красива/ ни так как вот щас свадьбу справляют/ щас же очинь харашо справляют-та/** и я так завидую им/ какии свадьбы делают/ а **мы-та раньши/ да госпади/ вот приехали/ а тожи сена на сибевазили...**[С.Д. Маколкина, 1919 г.р., с. Кузедеево Новокузнецкого р-на]; ...**Так ани учились там/ бедныи девачки/ писать не на чем/ ани писали/ вот эти книги/ мы пакупали/ в Мундыбаши на базари/ пиддисят/ шисдисят рублей аддавали за книги/ а ани и писали на их-та/ а щас фсё время этих (внуков) ругаю/ што вы бумагу зря расходуити...я-та/ мы знаим/ как эта бумага даставалась/ эта вы ничиво ни знаити/ эта нада фсё жителеть...у нас такова не была...и карандаши/ и ручки ни успивают им пакупать...**[Там же]; ...**Он франтавик был/ инвалит/ с нагой-та/ другая диривянная нага/ скока-та он там из диревни-та привёс/ на сибев/ эта щас там на машини то да сё/ а тагда-та на сибев...**[Там же].

4. Высокая частота появления темы *я-говорящий* с входящими в неё микротемами.

Появление темы *я-говорящий* связано с тематическим фоном *настоящее*. В сознании диалектоносителя факты и события, происходящие в настоящий момент, близкий к моменту речи, занимают важное место, так как противостоят событиям прошлого.

5. Наличие тематических включений метатематического и метаречевого характера.

3. «Тёмный» текст.

«Тёмная» эмоционально-смысловая доминанта задаёт следующие особенности диалектного монологического текста.

1. Преобладание внешней локализации над внутренней и удалённой.

На протяжении тематического развития диалектоноситель находится рядом с жизненным пространством, констатируя факты своей жизни. Внешнюю локализацию в речевом сознании диалектоносителя можно наблюдать в следующем примере.

Я радилась в Вильно/ в Расеи галадофка/ и мы аттель и приехали/ пашили па работницам/ ну работали в работницах/ а летам ф пастухах/ ьскатину пасли/ а патом нашлись жинихи/ замуш вышили/ стали жить/ вышла замуш/ сирата он/ матури с аццом не було/ как я мучилась в работницах/ ицё памучилась да вайны/ принисла питирых дитей/ мужсика забрали на вайну/ асталась адна и вот так и памирать буду/ вот такая жизнь// асталась адна с дитьми...пятира же у миня рибитишек была// сын помир// две дифчонки помирли/ дваих растила... [Змазнева А.Н., 1903 г.р., с. Мусохраново Ленинск-Кузнецкого р-на].

В тексте с «тёмной» эмоционально-смысловой доминантой возникновение внутренней локализации связано с тем, что определённое событие даёт возможность диалектоносителю прямо или косвенно пожаловаться, нагляднее показать, какие жизненные трудности пришлось преодолеть.

Удалённая локализация, как правило, указывает на умение диалектоносителя вписать конкретный жизненный факт в определённый обобщающий контекст, истолковать этот факт как некую жизненную закономерность. Данное умение предполагает, что носитель диалекта может дать оценку своей жизни в целом, связать воедино явления, несопоставимые на первый взгляд. Переход к удалённой локализации свидетельствует о том, что автор текста осознаёт свою принадлежность к жизни всеобщей, воспринимает собственную жизнь лишь как часть единого жизненного целого.

Носитель «тёмной» эмоционально-смысловой доминанты практически не способен подняться над своим жизненным пространством, увидеть его многообразные связи с окружающим миром. В связи с этим все отрицательные явления жизни предстают ярко и выпукло, с чем связана следующая особенность данных текстов.

2. Высокая частота появления темы *жизненные трудности* и связанных с ней микротем.

Указанная особенность представлена в следующих текстовых фрагментах (лексические указатели темы *жизненные трудности* / микротем *налоги, тяжёлая работа, война* выделены полужирным шрифтом).

...Очень была тижило...вот пришлось/ адна каравёнка ишо// как сказати/ вот вазьмёшь парасёнка/ пападёт он ф перипись/ ну переписывают там перид новым годам/ за иво нада питсот давати/ а где жи питсот/ эта ни так как щас// а нам ни давали ни капейки/ мы так работали/ и парасят ни диржали/ ...а вот ишо/ здай кожу/ ну с чиво как с адна карова/ ну с чиво с их здай/ вот здай ишо кожу// приходица вот займы/ у миня дених ни капейки нету/ патаму ишта нам ни дают/ мы ни работаим ни за чиво...; Пад немцем/ была я/ ну каки немцы// мучили нас// здаровых/ уганяли/ в ету/ в Гирманию/ и скот ганяли/ и здаровых людей/ а уже бальных ани/ где каво били/ где убивали/ где издивалися/ над людьми/ как же немцы/ зашли/ там фсё паэгли... [Стукалина Ф.И., 1911 г.р., п. Тяжин Тяжинского р-на]

«Тёмные» тексты описывают действия простого человека в трудных условиях, в данном типе текста «жизнь в целом предстаёт тяжёлой и неприятной» [Белянин 2000: 84, 87], воспринимается как ряд трудностей, несчастий и бедствий, в тематическом развёртывании тем и микротем практически отсутствуют положительно маркированная лексика.

3. Наличие лексико-семантических компонентов *ночь, бедность, враги*.

Принадлежность текста к «тёмной» эмоционально-смысловой доминанте также подтверждается наличием в нём лексико-семантических компонентов *ночь, бедность, враги*.

Компонент «ночь» проявляется в употреблении слова *ночь* на протяжении всего текста: *...Вот/ ночь ни спишь/ картошку нада тиреть/ а работати/ чисоф не была/ выхадных не была у нас/ мы выхадны как/ день работай/ и ночь работай; ...Ночью кто-та сказал/ пришло пять чилавек; ... Вот фсю ночь миня мучили/ аддай ету кожу; ... Но да на сабрания же заганяют/ не пайдёшь/ ночью придут; ... Сотак десить табаку/ эта иво па начам/ абрабатываишь; ... Вот паедишь де-та ночью/ продашь иво..... [Стукалина Ф.И., 1911 г.р., п. Тяжин Тяжинского р-на].*

Компонент «бедность», непосредственно связанный с темой *жизненные трудности*, также имеет достаточно высокую частотность и выражается различными лексическими маркерами: *...А я даже ни выгадаю бутылочки малака/ патаму ишта ево ни хватала/ вот/ дених нам ни давали; ... А на етат трудадень ничиво ни прихадилася/ трудадень/ ну может там-та грамм двести каких-нибуть атходаф; ... Нам дених ни давали/ и ничо ни давали/ басяками хадили; ... А нам ни давали ни капейки/ мы так работали; ... У миня дених ни капейки нету/ патаму ишта нам ни дают/ мы ни работаим ни за чиво..... [Стукалина Ф.И., 1911 г.р., п. Тяжин Тяжинского р-на]*

«Тёмная» эмоционально-смысловая доминанта проявляется также в том, что текст характеризуется жёсткой оппозицией добра и зла: весь мир

враждебен диалектоносителю, человек – это всего лишь игрушка в руках злых, враждебных сил [Белянин 2000: 84]. В связи с данной особенностью в тематическом развитии текста возникает образ врагов, которым невозможно противостоять.

В «тёмных» текстах нередко наблюдается соединение таких лексико-семантических компонентов, как *ночь* и *враги*, посредством которого создаётся особый сюжет: «враг пришёл ночью разбираться, мучить, убивать». Тематическое углубление с данным сюжетом представлено в следующем примере:

...*Нам дених ни давали/ и ничо ни давали/ басыками хадили/...*(завязка) *а у миня тёлка взяла да пала ф прорупь...* (развитие действия) *я там пришла наплакала/ нанила чилавека/ абадрать иё/ абадрать и к людям спрятала/ думаю/ я иё / хоть сапаги сашью/ (кульминация) **ночью кто-та сказал/ пришло пять чилавек/ я б им сказала/ а ана у миня у людей/ ниахота людей пидвадить/ вот фсю ночь миня мучили/ аддай ету кожу// ну я плачу/ зафтра утрам придёти/ аддам/ пайду вазьму у людей/ патаму шта людей пидвиду/ што я спрятала/ (развязка) очинь была тижило.....***[Стукалина Ф.И., 1911 г.р., п. Тяжин Тяжинского р-на].

4. Наличие тематических включений метатематического характера, связанных с трудностью вхождения в тему.

Анализ материала показывает, что в целом преобладают диалектные монологические тексты печально-светлого и печально-тёмного типа, в которых ведущей является «печальная» эмоционально-смысловая доминанта.

Литература:

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). – М., 2000.

Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: Монография. – Барнаул, 2000.

Косицина Ю.В. Тематическая структура диалектного монологического текста (на материале идиолекта) // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: Язык и семья: Межвузовский сборник научных статей. – Новокузнецк, 2008. – Вып.3.

Косицина Ю.В. Тематическое углубление как способ тематического развития в диалектном монологическом тексте (на материале идиолекта) // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии: Материалы XIV Всероссийских филологических чтений имени проф. Р.Т. Гриб. – Красноярск, 2009. – Вып.9. (а)

Косицина Ю.В. Тематическое ответвление как способ тематического развития диалектного монологического текста: содержательный аспект // Функциональный анализ значимых единиц русского языка: Язык и регионы: Межвузовский сборник научных статей. – Новокузнецк, 2009. – Вып.4. (б)

Пищальникова, В.А. Психопэтика: Монография. – Барнаул, 1999.

Шаховский В.И. и др. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград, 1998.

Р.Э. Кульшарипова

РУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ТЕКСТЫ
КАК СТЕРЕОТИПЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ*

Казанский университет в период с 1960-1990 годов активно участвовал в диалектологических экспедициях по изучению первичных русских говоров (хотя немало записей и по русским говорам Татарстана). Техническое состояние записей к началу 2000г. оставляло желать лучшего; коллектив преподавателей трех факультетов: филологического, физического и ВМК при поддержке грантового проекта РФФИ -376 приступил к созданию электронной библиотеки русских говоров, хранящихся в лаборатории экспериментальной фонетики Казанского университета. За три года удалось оцифровать материал в объеме более 195Гб, что составляет 525 звукофайлов, к которым дается соответствующий комментарий (место записи, данные о дикторе, темы текста и т.д.).

Часть материала получила лингвистическую интерпретацию в преломлении к современным речеведческим идеям, а также в ракурсе положений Казанской лингвистической школы. Диалектные тексты показательны для освещения вопросов структурирования речи. Композиционно нашими дикторами выдерживается исходная модель общения в таком виде речи, как монолог с элементами диалога. Вопросно-ответная модель включала в себя, как правило, развернутое повествование или описание со стороны диалектного носителя и краткие вопросы/запросы со стороны участника экспедиции (носителя литературного языка), с тем, чтобы диктор-информант был свободен в выборе этапов порождения речи в процессе общения. Начало беседы в большинстве случаев задавалось вопросом: «расскажите о себе» или «можно с Вами поговорить?», или «а Вы местная?» и т.д. Например: Сколько у Вас детей? Расскажите про детей своих?

[Пра д'ит'еј // дашто д'ет'и/д'ет'и //ја вышла/вышла внуюд'е такој жыл'и было // года т'иждолье/д'ет'и нарожал'ис'и //д'евачка рожэна была п'ерваја/ну што мн'е была тол'ка двацат'//фторова род'ила двух годов н'е исполн'илас'/д'евачка ум'ирла вос'м'и годовоја/в арм'ију вз'ал'и мужа навојну/на финску војну/а мл'чик двух годовы' пом'ир//]. Запись сделана от диктора, жителя Вологодской области.

Диалектная речь по своей природе спонтанная, ведь, как отмечают диалектологами, большинство дикторов-информантов неграмотные или малограмотные (это записи 70-80-ых гг., когда большому числу наших диалектных носителей было уже за 70 лет и более). С социолингвистической точки зрения интерес к речи старшей возрастной группы был вполне обоснован, именно старшая возрастная группы диалектных носителей демонстрировала исключительный механизм языковой памяти, чутья языка, его духовного начала. Например: *[оч'ен' хорошо/оч'ен' хорошо/сам ид'от/у н'ево такој постох/ и сн'им молодыје р'еб'аты идут/од'етыје /*

р'изах/как и П'им'ен/ аон такој вот/ нан'ом бусы так вот св'еркајут/ такаја у н'ево награда/ божыју мат'ер' зьлотују/вот наэтай стърон'е кр'ест зьлотој / он был навојне/ онже ран'еныј вногу//]. Запись сделана в Ярославской области.

Электронная библиотека русских говоров КГУ включает в свой состав записи регионов Европейской части России (по данным современной лингвистической географии, это образцы речи таких диалектных типов, как Вологодская, Костромская, Поморская группы северного наречия, Курско-Орловская, Восточная (Рязанская) группы и межзональные говоры южного наречия, а также все основные группы среднерусских говоров.

Общий фон сделанных записей позволяет нам вести исследования в широком плане. Так, есть возможность и она была осуществлена, когда в рамках диалектной семиосферы мы описывали семиотику свадебного ритуала по разным говорам (северное и южное наречие, восточные среднерусские говоры). Например: [*свад'ба нач'инајеца так/пр'иход'ат сват сосвахај оджен'иха/ знајотл'и жен'их н'ев'есту?/ н'ет ?/ б'езразл'ична/ л'ижбы ндрав'илас' жен'иху/зачајем он'и и дъговар'ивајуца/когда к н'ев'ест'е пр'иход'ат сваты/ когда гжен'иху/ лады/ просматр'ивајут хоз'ајсто/ наладах дъговар'ивајуца одн'е свад'бы/ п'ервыје назвал'ис' с'ид'ены ил'и зговоры/ зговоры гул'ал'ис' ун'ев'ест'иной стороны/ дар'ат подарк'и / н'ев'еста родным/ ад'ефк'и исправл'ал'и ун'ев'есты д'ев'иин'ик до зговороф/ зд'ес' он'и р'адат јолку/ јета јолка нъзывајеца красъта д'ев'ичја/ најет'их гост'ах д'евушки д'елал'и т'ер'емок/ когда зговоры проход'ат/ д'евушк'и нъч'инајут п'ет'/ оп'евајут мълодых посл'е с'ид'ен кн'ажоб'ет/ кн'ажоб'ет справл'ајут у жен'иха/ жен'их здрушк'ам'и пр'ијежжал'и зън'ев'естой /шаф'еры јево товар'ищ'и/ подн'ев'ест'инцы јеје от в'енца в'едут гжен'иху/ зат'ем на отвод'ины/ потом н'ев'есту хорон'ит начнут/ ажен'их ищ'ет/ потом р'аженыје пр'идут на отвод'ины и ч'уд'ат у н'ев'есты//]. В данной отрывке диалектный носитель демонстрирует навыки коммуникативной грамотности организации нарратива с включением механизмов речевой памяти, т.к. в период записи такого рода ритуалы уже не проводились в селе. Показательны были также в лингвокультурологическом плане тексты - описание работ в поле, обработка льна, приготовление пищи, шитье одежды, ткачество, религиозные праздники, проведение бесед (вечерницы молодежи) и т.п. Диалектная речь демонстрирует умение информантов структурировать динамику интерактивных начал общения, это касается природы акцентного выделения как универсального феномена передачи смысла в речи; системы дискурсивных слов, которые обогащают план организации смысла в речи; характера преодоления коммуникативных неудач (ведь слушатель, как правило, представитель младшей возрастной группы и носитель литературного языка с иным объемом фоновых знаний).*

Апелляция к партнеру могла подаваться следующим образом: [м'ен'а зовут Ал'ександра Ивановна/ во вр'ем'а војны // м'илаја моја/ а војну-то ифпол'е была/ и нал'еззъгатофках была/ икороф доила/ фс'о д'елала// забрал'и нафронт/б'ер'ом лопаты в рук'и и фпол'е/ так целыј д'ен' копаш/ и копаш/ фс'о рукам'и]. В этом отрывке смена глагольного времени говорит о глубине личностного переживания, когда события давних дней оживают в дискурсивном мышлении говорящего. Прошлое становится настоящим.

Составляют интерес диалектные тексты, в которых дикторы с использованием приемов речевой памяти и динамики, фактически создавали в своей речи сложную полифонию изложения (говорили от имени родни, соседок, пришлых людей и т.д.). В качестве примера можно привести следующее высказывание: [Мар'ија/ ты с круга н'е ишла (реплика подружки на беседе); н'е одна Мар'ија/ много так'их-то/ а которая стоит/ н'еприглашаут/ она с'ерд'ица/ отталк'ивајет на с'ер'ед'ину (слова рассказчика); Сон'а/ фставај/ фставај; слова матери до ч'евоуш ты/ допл'асалас' до мозол'и/ ; вновь слова рассказчика да н'е уодной м'ен'а мозол'и/ у мног'их/ с круга нешл'и/ ; разр'ешыт'е пр'иглас'ит' Вас на в'е'с в'еч'ер (слова кавалера); ја думају/ господ'и/ такој н'екрас'ивыј/ страшныј/ в'ес' в'еч'ер/ а ја здруг'им појду]. Описание механизмов исследуемой звучащей диалектной речи говорит о том, что диалектные носители владеют высокой степенью реализации коммуникативных установок и что их речь носит эвристический, интерактивный характер. Люди в преклонном возрасте со всеми тонкостями интонирования могли успешно передать периферийные коммуникативные роли, которые указывали на динамику интеракционального характера ведения речи диалектными носителями (также о природе долговременной языковой памяти диалектной личности).

Небезынтересно изучение специфики речевого поведения диалектных носителей. В целом, оно может охарактеризоваться как определенная аксиологическая ценность; оно помогает нам понять, как человек говорит о себе, как он варьирует свои концептуальные планы, что его опыт хранит, как он успешно строит свое поведение с партнером не его социальной группы и т.д. Основные аксиологические ценности затрагивали следующие стороны жизни диалектных носителей; «жизнь» предполагала словесные ряды: семья в родительском доме и в замужестве, дети, их количество, их взросление, внуки, уход ха хозяйством, работа в колхозе, пенсия; « молодость- старость» - посещение бесед, свадьбы, оценка жизни раньше и сейчас; «мир-война» и т.д. Многие потери в жизни, горести судьбы у большинства носителей соотносились именно с тем, как человек переживает войну; см.[ход'ила к пол'итруку / ја сказал т'еб'е/ буд'ет најок т'еб'е / Ол'а/ н'ишет другоје н'ис'мо / спас'ибо /што ты мн'е помогла / т'еп'ер' мн'е дајут мук'и спас'ибо т'еб'е наэтом / ја jej послала фконв'ерт'е назаварочку чај / как рас на паску/]. В этом незатейливом

изложении вновь можно почувствовать специфику коммуникативной полифонии, которыми владеют диалектные носители.

Диалектные тексты демонстрируют определенную коммуникативную самодостаточность, что проявляется в ракурсе обработки информации, потенциальной возможности войти в проекцию коммуникативных действий со стороны адресата, уточнить характер и объем знаний и представлений со стороны всех участников акта речи (это могут быть лексические повторы, просодия обращения, смысловая координация и др.).

Речевое поведение диалектных носителей может быть проанализировано двояко; с одной стороны, он принимает условия и готовность к общению, откликается на запросы со стороны адресата, не являющегося для него членом общего на данный момент коммуникативного пространства; с другой стороны, он заинтересован воздействовать на своих слушателей, он психологически расположен расширить характерные и привычные для него рамки информационных полей. Слушающий выступает для него объектом отработки механизмов производства речи, способов акцентирования речевого внимания и удовлетворения своей коммуникативной потребности, поэтому случаи коммуникативных неудач были весьма малочисленны. Диалектные тексты показали, что они составляют немалый интерес в плане интерактивно-прагматической интерпретации наблюдаемых диалектных высказываний, что диалектная речь показательна для изучения моделей координации речевой компетенции, корреляции когнитивной базы диалектного языка в процессе общения.

Процесс создания устного диалектного сообщения нам интересен не только в плане коммуникативных технологий, хотя образцы записей с разных территорий вполне оптимальны для создания банка речевых стратегий и тактик. Мы полагаем, что коммуникативные основы диалектной речи могут прояснить перестройку в системе самих говоров, в частности, фонетической области, было бы целесообразно начать разработки коммуникативной диалектной фонетики с применением компьютерных технологий.

**Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-376 № 08-06-00160а*

Литература:

- Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М., 2009.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М., 1998.
- Бибих В.В.* Слово и событие. – М., 2001.
- Богданов В.В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. – Л., 1990.
- Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 1993.
- Иссерс О.С.* Речевое воздействие. – М., 2009.
- Кодзасов С.В.* Исследования в области русской просодии. – М., 2009.
- Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. – М., 1982.

- Просодический строй русской речи. – М., 1996.
Пиеничнова Н.Н. Лингвистическая география. – М., 2008.
Хитина М.В. Делимитативные признаки устно-речевого дискурса. – М., 2004
Шабес В.Я. Речь и знание. – СПб., 1990.
Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М., 2001.

Т.А. Милёхина

СОЦИАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПОКУПАТЕЛЕЙ В РУССКОМ ТОРГОВОМ ДИСКУРСЕ

Современная Россия – активно растущий, перспективный рынок, интенсивно осваиваемый западными торговыми компаниями. Русскоязычный персонал, работающий в крупных торговых сетях, принадлежащих иностранному капиталу, использует западные маркетинговые технологии, получая необходимые развёрнутые инструкции по технике, эффективности и психологии продаж. Предписания такого рода носят различный характер, нередко включая в свою структуру советы и рекомендации по речевым стратегиям и тактикам работы с клиентами, правила отбора языковых средств и выбора эмоционально-интонационных регистров.

Тренинговый материал, разработанный для своих сотрудников одной из крупных торговых международных компаний рынка Саратова, состоит из нескольких информационно-смысловых блоков. Несомненный интерес для социолингвистики представляет раздел, в котором предлагается типология клиентов. С точки зрения составителей тренинга среди покупателей – россиян можно выделить следующие типажи: деловые женщины, туристы-разведчики, пенсионеры, модницы-мажоры, так называемые «семейные», мангоманы, средний класс, буржуа (богатые пенсионеры). Каждый тип покупателя имеет подробную характеристику, главное в которой, прежде всего, отношения с торговой компанией. Сообщается, что для деловой женщины важны в продукте престиж и эксклюзив, в поведении продавца – услужливость, внимание, быстрота обслуживания, а для туриста-разведчика – соотношение цены и качества покупки, информация о магазине и товаре. Пенсионеры приходят в магазин, чтобы полюбоваться товаром. Модниц-мажорок интересуют престижные марки, новизна товара, индивидуальный подход со стороны продавца. Так называемых «семейных» привлекает фирменный логотип магазина, именно поэтому они ждут от продавца профессионального совета. Есть в этой классификации и мангоманы, то есть постоянные клиенты, которым важен товар с логотипом «Манго». Покупатели, принадлежащие к среднему классу, обращают внимание на состав материала, из которого изготовлен продукт, уход за вещью, скидки, ненавязчивое обслуживание, тогда как буржуа (богатых пенсионеров) привлекает красота и качество, эксклюзив, точная информация о

продукте. Для богачей важен презентабельный внешний вид продавца, его участие и поддержка.

Безусловно, такая типология, преследуя специфические задачи, составлялась прежде всего в узко корпоративных целях, но в то же время, нельзя не признать, что это и своего рода шкала социального расслоения современного российского общества, причём созданная со стороны, извне, глазами зарубежных маркетологов.

Итак, типология клиентов - реальность или фантазия западных логистов? Насколько маркетинговая типология соотносима с социальной типологией покупателей и можно ли обнаружить следы отражения социального расслоения клиентов в современном русском торговом дискурсе? Ручные записи устного общения в торговых сетях Саратова, записи устной речи предпринимателей разных лет, наблюдения за торговой рекламой дают возможность хотя бы частично ответить на этот вопрос.

Уже в России 90-х существовала определённая иерархия приобретателей товара. Вот как она выглядит, основываясь на записи 1992-го года устной речи предпринимателей - владельцев одной из торговых компаний Саратова: *определённые круги* (то есть те, кто приобретает бракованный, а следовательно, дешёвый товар) – бедные; ... *так они разошлись без магазина / по своим //* - привилегированные покупатели; *Люди / они / конечно / могут себе позволить себе где-то / какую-то / дорогую вещь / блузку за 3200 //* - средний класс; *Конечно / бандюги приезжают там по 100 тыщ выкладывают за раз //* - богатые.

Сегодня развитие сети магазинов, продающих одежду, настолько широко, что уже даёт возможность клиенту ощутить на своей шкуре его место в социальной «табели о рангах». Горожане хорошо осведомлены о том, что все магазины Саратова поделились на магазины для богатых и бедных, что отчётливо выражается в устной речи знакомых, коллег по работе, друзей: *Нет, я в это магазин даже зайти боюсь//; А что там/ вы были в этом магазине? Расскажите/ что видели/ Я в такие не хожу//; И прекрати ходить в такие магазины/ Они тебе не по карману//.*

Определённую информацию о социальном статусе покупателей зачастую содержит реклама магазинов: *для успешных и эффективных, для солидных состоятельных господ, для тех, кто ценит комфорт и престиж* и т.д. Вот как, например, анонсируется целевая покупательская аудитория в рекламном слогане магазина детской одежды

*У меня шузы крутые,
Майка, джинсы классные!
Я для первого свидания
Приделся в «Каспере».*

Материальное положение клиента нередко получает вербальное выражение в профессиональной речи торговых работников. Продавцы мгновенно

венно производят социальную ротацию покупателей, о чём свидетельствуют, например, грубые нарушения этики торговли.

Покупателям «не той» социальной категории продавцы могут «тактично» посоветовать: *Вам/ Наверное/ нужно на второй этаж//*, имея в виду находящийся на втором этаже торгового комплекса магазин иного уровня потребительского спроса. В роли тех, кто определяет уровень материальной обеспеченности покупателя, иногда выступает и технический персонал магазина. Охранник модного бутика, обращаясь к скромно одетой женщине, на её вопрос: *Здесь у вас только мужская одежда?* отвечает: *Здесь всё очень дорого//*. Покупатель, задавая самый невинный вопрос, может получить информацию о своём социальном статусе и уровне доходов: *Если вам нужно дешевле/ поезжайте на рынок// в нашем магазине нет дешёвого товара//*.

Существуют и невербальные средства выражения социального оценивания покупателей магазинов. «Солидный» клиент, с точки зрения продавца, заслуживает больше внимания и ему уделяют, без сомнения, больше времени. Не раз приходилось стоять в магазине и ждать, когда обслужат более «выгодного» клиента. В другом бутике продавец, молодая девушка, доверительно сказала мне: *Подождите/ у нас важный клиент//*.

Яркой специфической чертой восприятия клиентов в России осталась примета торговли советских времён – так называемые *свои покупатели*, которые получают лучший товар *по благу*. И сегодня в магазине и на базаре продавец доверительно говорит покупателю: *У нас акция/ своим-то мы обязательно говорим//*. До сих пор *своим* оставляются ходовые размеры, эксклюзив, лучшие модели.

Социальная типология клиентов в русском торговом дискурсе существует. Это выражается в отражённом в устной речи горожан делении магазинов на торговые предприятия для людей с различным уровнем доходов. Социальное расслоение присутствует в рекламных текстах, в реальном общении продавцов, охранников, технического персонала с клиентами, наблюдается в невербальных средствах выражения социального статуса клиентов. Специфика русского торгового дискурса связана с наследием советской системы торговли, что выражается в наличие *своих*, привилегированных клиентов.

В этом смысле типология клиентов, представленная в корпоративном тренинге по эффективности и технике продаж, только приблизительно отражает социальную структуру современного российского общества. Социальное расслоение, разный уровень материального достатка в этой классификации скрыт, но, безусловно, при желании просматривается. К числу состоятельных покупателей отнесены, например, *деловые женщины*, то есть те, кто занимает какую-либо должность, имеет высокую заработную плату или собственный бизнес. Интересна номинация *модницы-мажоры*, то есть дети обеспеченных родителей, в именовании которых используется

молодёжный жаргон. Ещё две группы обеспеченных покупателей названы прямо с использованием социальной терминологии: *средний класс* и историзм для современной российской действительности – *буржуа*. К необеспеченным слоям общества отнесены *пенсионеры*. Есть в типологии и номинации покупателей, уровень достатка которых не определён – *семейные, мангоманы, туристы-разведчики*.

Реальный русский торговый дискурс в провинции демонстрирует сложное, преимущественно неявно, но косвенно выражаемое присутствие социального расслоения общества.

Н.Б. Рогачева

ТИПЫ ВТОРИЧНЫХ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ.

Лингвистами не раз поднимался вопрос об отношении Интернет-коммуникации к двум основным формам речевого взаимодействия – устной и письменной речи (см. работы О.И. Ермаковой, М.Л. Макарова, Е.И. Горошко, Н.А. Саенко, П.Е. Кондрашова, Г.П. Нещименко, Ю.В. Черновой, Т.И. Рязанцевой и др.). Большинство исследователей склоняется к тому, чтобы рассматривать Интернет-коммуникацию как гибридное, «пограничное» образование, сочетающее черты устной и письменной форм⁹. На наш взгляд, данная особенность непосредственно связана со вторичным характером жанров Интернет-коммуникации: письменная форма текстов является следствием опосредованного характера общения, а черты устности во многом обусловлены связью Интернет-жанров с соответствующими «традиционными» жанрами, признаки которых присутствуют в них в трансформированном виде. При этом в разных Интернет-жанрах соотношение черт письменной и устной речи будет проявляться по-разному в зависимости от типа речевых жанров вторичности.

Несмотря на то, что проблема речевых жанров вторичности рассматривалась многими исследователями (см. работы М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Р.М. Байрамукова, А.Г. Баранова, Н.В. Орловой, К.Ф. Седова, Е.В. Бобыревой, Е.В. Михайловой, О.В. Кобзевой), было предпринято не так уж много попыток систематизировать существующие подходы и свести разные типы вторичности, выделяемые лингвистами, в единую систему (попытка такой систематизации предпринята в работе [Дементьев, Седов 1998]). По нашему мнению, жанры Интернет-коммуникации являются удобным материалом для проведения такого исследования по ряду причин. Во-первых, гипертекст как основа фиксации коммуникативных событий

⁹ Отметим, что жанры Интернет-общения в этом отношении не уникальны: ученые указывают на гибридный характер таких жанров как частное письмо (см. работы Э.М. Ножкиной, Г.Г. Полищук, Е.В. Поляковой и др.), записка (см. работы А.Н. Ростовской, Л.П. Якубинского) и др.

Интернета предполагает множественность связей между различными участками глобальной сети, что создает благоприятные условия для развития многообразия жанров и форм речевого поведения. Во-вторых, принципиальная интерактивность Интернета обуславливает формирование в нем сложных по структуре диалогичных и полилогичных текстов. В-третьих, стремительность развития сети Интернет дает возможность для хотя бы начального диахронического осмысления представленных в ней жанров.

С точки зрения противопоставления «первичный – вторичный жанр» в Интернет-коммуникации можно выделить следующие типы речезанровой вторичности:

1. **Диахроническая вторичность**, которая предполагает отношения хронологической первичности-вторичности, то есть последовательности во времени, между первичными и вторичными жанрами. К данному типу можно отнести следующие модели, выделяемые лингвистами:

1.1. Противопоставление **речевых** и **риторических жанров**. Согласно О.Б. Сиротининой, риторические жанры предполагают сознательное планирование речи и тщательный отбор языковых средств для достижения говорящим своей цели, тогда как речевые жанры используются спонтанно, незапланированно [Сиротинина 1999]. С этой точки зрения можно противопоставить синхронные (чаты, icq) и асинхронные (блоги, форумы) жанры Интернет-коммуникации. Поскольку общение в первых по временным характеристикам максимально приближено к непосредственной спонтанной коммуникации, контроль за собственной речью здесь снижен, в результате чего возможны различные нарушения ортологических норм (*отпетый_негодяй:; не не надо)))*; *отпетый_негодяй: черт запятую забыл поставить)))*)

В жанрах форума и блога общение осуществляется в условиях временной дистанции коммуникантов, что позволяет им более тщательно отбирать языковые средства и выстраивать свою речь. В форумах коммуниканты не просто высказывают свою точку зрения, но и стараются аргументировать ее, учитывая возможные возражения, используют метатекстовые скрепы для выстраивания логики своего высказывания (*ну во первых она не моя. во вторых то, что вы пишете как вы ездите, наводить на не очень хорошие мысли*).

В блогах факт сознательного отбора языковых средств подтверждается широким использованием языковой игры (см. [Рогачева 2007]). В то же время тексты записей в блогах являются зачастую слабо структурированными; темы в них связаны ассоциативно, отсутствуют маркеры смены темы, ср.:

вчера очень поздно приехала домой...троллейбусы благополучно проезжали мимо меня, держа маршрут на парк...автобусы...даже страшно подумать...зато трамвай оказался дружелюбным... пока шла домой вчера, наблюдала прелестную картину: пустынная улица, падающий снег...хотя, страшновато, конечно, было...идти одной...в темнейшее время суток... давно я не брала фотоаппарат в руки...

1.2 Противопоставление **выучиваемых** и **невыучиваемых жанров**.

По мнению К.Ф. Седова, одним жанрам люди обучаются специально, владение ими демонстрирует достаточно высокий уровень языковой компетенции, другие усваиваются бессознательно, помимовольно, как родной язык [Седов 1999]. Осуществление коммуникации в рамках Интернет-жанров предполагает обучение, постепенное усвоение жанровых норм, что можно проиллюстрировать на примере жанра блога. Обучение нормам данного жанра связано, во-первых, с освоением программного обеспечения как инструмента, позволяющего осуществлять общение в блоге (*Так что, если пыл не пройдет, вскоре понаставлю здесь фотографий из американской жизни... Только сначала нужно разобраться, что к чему. Темнота...*); во-вторых, с освоением собственно жанровых норм (*Подпишитесь внятным именем для продолжения диалога, иначе заведомо останетесь "хуже п...аса"*); в-третьих, с обучением правилам написания текстов и нормам особого жаргона – «языка падонкафф» (*Не «сатона», а «сотона»! учитесь писать правильно!))).*

1.3. Противопоставление жанров «**верхнего**» и «**нижнего**» уровней текстовой деятельности. К.Ф. Седов переносит введенную Ю.М. Лотманом оппозицию повседневного, бытового и торжественного, ритуального поведения на речевые жанры, получая, таким образом, оппозицию жанров «верхнего» и «нижнего» уровней [Седов 1999]. Диахронические вторичные речевые жанры соотносятся с «верхним» уровнем коммуникации (по К.Ф. Седову) и требуют от индивида более высокого уровня языковой компетенции.

1.4. Использование языковых и речевых единиц не по назначению. К данному типу речежанровой вторичности можно отнести, например, случаи жанрово-стилистической языковой игры: когда в одном тексте сочетаются лексика, синтаксические конструкции, общие способы построения речевых произведений разных стилей и/или жанров: *говорят, примерно с нового года наблюдают эволюцию этой девахи; Еще было куплено всякой еды и почищена картошка на обед и жарились грибы. Все вышеперечисленное выполнялось на пустой желудок, и посему выполнялось быстро.* К этому же типу считаем возможным отнести переакцентуацию жанров, т.е. использование их с несвойственной им тональностью: оскорбление в виде похвалы (*Для 39 лет Вы так актуально себя реализовываете*))), обвинение в виде вопроса (*почему лично у меня не возникает проблем с удалениями? может потому что модеры и в правду не удаляют просто так? а?*) и пр. Данный тип оказывается очень близок понятию косвенных речевых актов.

1.5. Противопоставление прямых и косвенных жанров. В.В. Дементьев определяет косвенные жанры как жанры, требующие сознательного использования не прямой коммуникации [Дементьев 2010]. В Интернет-коммуникации представлены такие косвенные жанры как флирт, колкость и др.

2. Синхроническая вторичность, предполагающая различия между первичными и вторичными жанрами не в историческом, а в структурном аспекте. В самом общем виде это противопоставление **текста** (текстового / сложного речевого жанра) и компонентного **высказывания** (одноактного / простого речевого жанра), который в данном случае понимается как первичный по отношению к соответствующему сложному.

Соответственно выделяем особый тип вторичных РЖ – **сложные компонентные вторичные речевые жанры**.

2.1 К данному типу вторичности близки концепции, рассматривающие **отношения между речевым актом и речевым жанром**. Как отмечает В.В. Дементьев, «избранный РЖ предоставляет в распоряжение коммуниканта корпус своих РА и некоторые предписания относительно их последовательности» [Там же].

Так, в жанре чата можно выделить следующие речевые акты: приветствие (*Demo-version: всем доброго времени суток; БРАТ_ХРЮШКИНА: привет зай*), прощание (*Kristi99...: всем приятного общения, пока*); Психодиночка: *таг...пора ити... всем счастья и любви... до свидание*), извинение – редко (*Умник27: Тутушки, извини, если я чтото не то сказал, пожалуйста*), утешение (*Вулкан!: Олюшка..., Не расстраивайся! Все нормально! Улыбнись лучше!*))) информационный вопрос – чаще всего «как дела?» (*Олег812: какдень прошёл?; Поэтесса: Привет, Лёша*)) *Как дела?; *Мур_Ка*: радость моя ты как?*)), сообщение (****Simosha__еще какая, щас собираюсь за город с толпой друзей, на дачу..шашлыки, алкоголь, баня.. ммм*))) и пр.

2.2 Сложные компонентные вторичные речевые жанры, которые используют в качестве своих составных компонентов сами (первичные) речевые жанры, близки, но не тождественны следующему выделяемому нами типу – **синтетическим вторичным речевым жанрам**, которые используют формы и признаки других (первичных) РЖ. Данный тип представлен, например, жанром блога в его отношении к жанрам традиционного дневника и личного письма. Фреймовый анализ показал, что фрейм жанра блога вбирает в себя отдельные слоты фреймов традиционного дневника и частного письма. При этом происходит не просто механическое смешение признаков, а их перераспределение в общей структуре жанра, обусловленное их взаимовлиянием, а также воздействием специфических черт жанра блога [Рогачева 2010].

2.3. На основе иерархических отношений можно выделить жанры и жанровые явления **разных уровней абстракции текстовой деятельности**. Соответственно речевая вторичность проявляется как повышение уровня абстракции. Так, К.Ф. Седов предлагает трехступенчатую классификацию: гипержанр, жанр, субжанр [Седов 2007]. Сходная классификация для жанров Интернет-коммуникации была предложена О.Ю. Усачевой. Так для гипержанра конференции исследователь выделяет

следующий репертуар речевых жанров: вопросно-ответный диалог, диалог-полемика, диалог-ссора, болтовня, светская беседа, информационные жанры (новость, анонс, объявление), научные жанры (доклад, обзор), литературно-художественные жанры (эссе, анекдот) и др [Усачева 2010]. Гипержанр блога представлен двумя основными разновидностями: индивидуальный блог и коллективный блог, – внутри которых можно выделить следующие жанры: сетевой дневник, дискуссионный блог, путевые заметки, сообщество по интересам, корпоративный блог, образовательный блог и пр. Чат имеет более простую жанровую структуру, поэтому, по нашему мнению, его следует считать не гипержанром, а жанром со своим набором стратегий и тактик: приветствие, прощание, комплимент, оскорбление, сообщение, шутка и др.

Представленная классификация является неполной: для синхронической вторичности можно выделить подтипы, связанные с противопоставлением монологической и диалогической форм речи, с различными интенциональными диадами [Дементьев 2010]. Рассмотрение данных типов является одной из целей дальнейшей работы. Кроме того, вторичный речевой жанр, противопоставленный некоторому первичному, сохраняет «память» о последнем, иначе противопоставление было бы нерелевантным и жанр воспринимался бы как первичный. В связи с этим интересно проследить, как во вторичных жанрах проявляются признаки соответствующих первичных.

На наш взгляд, выделенные типы вторичности присущи языку и речи в целом, поэтому предложенная классификация может быть полезна для изучения не только Интернет-коммуникации, но и жанровой структуры других типов дискурса.

Литература:

- Дементьев В.В.* Теория речевых жанров. – М., 2010.
- Дементьев В.В., Седов К.Ф.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров. – Саратов, 1998.
- Рогачева Н.Б.* Механизмы речевых жанров вторичности на материале жанров Интернет-общения // Филологические этюды: Сборник научных статей молодых ученых. – Вып. 13. – Ч. 3. – Саратов, 2010.
- Рогачева Н.Б.* Новые приоритеты в русском Интернет-общении: на материале жанра блога // Жанры речи. – Вып. 5. – Саратов, 2007.
- Седов К.Ф.* Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: Дис. ... док. филол. наук. – Саратов, 1999.
- Седов К.Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М., 2007.
- Сиротинина О.Б.* Некоторые размышления по поводу терминов “речевой жанр” и “риторический жанр” // Жанры речи. – Вып. 2. – Саратов, 1999.
- Усачева О.Ю.* О построении модели жанров Интернет-коммуникации // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010г.): Труды и материалы. – М., 2010.

ОБЩЕЕ И СОЦИОСПЕЦИФИЧНОЕ
В УСТНОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕНИЯ

Устная культура общения – часть общей и речевой культуры человека, поэтому в ее основе универсальная человеческая, национальная и специфическая речевая культура человека. Общечеловеческим является уважительно бережное отношение к среде обитания: окружающему нас миру, окружающим нас людям (собеседникам и наблюдателям), к используемому для общения коду. Отсюда личным примером передаваемое потомкам требование вежливости, включающей в себя обязанности не только адресанта, но и адресата (внимательно слушать, не перебивать, активно подтверждать свое внимание, понимание и согласие).

Национальнорусские черты культуры устного общения включают в себя умеренное использование жестикюляции, с относительной спецификой по сравнению с общеевропейской (поднятый вверх большой палец как одобрение, признание успеха, высокого качества чего-либо) и табуирование (кукиш) или даже запрет на употребление «неуважительных» жестов (не показывай пальцем), разграничение вы- и ты-общения, именование взрослых, особенно в официальной обстановке, именем и отчеством (не собеседника – с фамилией). См. также различия в употребительности тех или иных этикетных средств (смягчение категоричности, извинение и т.д.) [Ларина 2003; Рисинзон 2010 и др.].

Специфические черты диалектной разновидности устной культуры общения – это более строгое отношение к наименованию родственных отношений, включенному в используемый код, приоритет отчества перед именем в качестве показателя уважения, возможность «искаженного» (с точки зрения носителя литературного языка) отношения к некоторым литературным формулам: *Нельзя спрашивать «Куда идешь?» Кудахчет только курица. Надо спрашивать «Далёко ль идешь?»*.

Характерно бережное отношение к своему коду (диалекту) не только в противовес соседнему (свекровь требует от молодой снохи из села с другим говором *говорить по-человечески*), но и своеобразное отталкивание от уже знакомого, но не принимаемого (чужого) литературного языка. Именно в этом причина устойчивости диалектов.

В диалектной культуре сильнее, чем у носителей литературного языка, было характерно строгое табуирование мата. Я десять лет ездила в диалектологические экспедиции по Саратовской и Курской области, и ни разу ни я, ни студентки ни одного обцензизма не слышали, а наши же мальчики слышали: действовал категорический запрет – не при женщинах. Во многих местах табуирование мата сохраняется до сих пор, о чем свидетельствовали доклады диалектологов в 2007 г. на первой международной конференции по культуре речи в Звенигороде (см. также [Березович 2011]). При

этом границы табуированной лексики в разных селах не одинаковы. Л.И. Баранникова рассказывала, что на Новгородчине в одном из сел табуированным оказалось слово *свербеть* (старик отказался раскрыть ей его значение в говоре села: *Пусть мужик придет – ему скажу*), а в Саратовской области в одном из сел под таким же запретом оказался глагол *ухмыляться*. Даже в соседних деревушках один и тот же ядовитый гриб может называться просто *поганкой* либо *поганым*, т.е. табуированным в этой деревне словом и т.д.

Для просторечной разновидности, кроме особенностей кода, в отличие от диалектной не имеющей выраженного территориального ограничения, но во многом объединяющейся с диалектной, характерны функциональная монотонность (в диалектах различается обыденное и фольклорное) и подчеркнутое уважение к отсутствующим, грамматически выраженное использованием множественного числа в местоимениях и глаголах по отношению к одному человеку (не *он/она*, а *они думают, приехали* – в литературной разновидности вежливо не местоименное обозначение, а употребление имени и отчества).

В литературной разновидности, кроме отличий в использовании кода (литературного языка, а не диалекта или просторечия), существенна передача норм общения не только устным указанием и примером старших. Главными средствами передачи норм является специальное им обучение и письменные источники знания. Устная речь перестает быть не только единственной формой общения, но и основной – письменная форма превышает устную по объему времени, а также по разнообразию функций и ситуаций использования (исключения возможны, но не типичны). Функционально-стилевая дифференциация проявляется в зависимости от степени владения возможностями литературного языка и в устной форме: в полной мере ею владеют только носители высокого (полнофункционального) типа речевой культуры, обиходный тип речевой культуры так же функционально монотонен, как просторечный.

Академик Н.И. Толстой выделял четыре типа речевой культуры: элитарную у носителей литературного языка, просторечную, арготическую и народно-речевую [Толстой 1991]. Кроме элитарной, все они связаны только с устной культурой. Отличительной особенностью арготической культуры является ее конспиративная функция, в XXI в. сохранившаяся только в криминальном жаргоне, тогда как в профессиональных жаргонах и молодежном она переросла в парольную – такую устную (за редким исключением) культуру можно в отличие от арготической назвать сленговой [Сиротина 2005]. Для сленговой культуры ведущей является экспрессивная функция (как и в молодежном жаргоне), парольная же отходит на второй план.

Элитарная (по Н.И. Толстому) культура носителей литературного языка неоднородна, среди носителей литературного русского языка можно

выделить полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный и обиходный типы речевой культуры.

Территориальное варьирование литературной речи проявляется не только в устной культуре (например, в универмаге г. Красноярска в 90^х гг. XX в. продавались *гаманки* (так было напечатано на торговом ярлыке, и характерен диалог приезжего покупателя с продавщицей: *У Вас есть кошельки? – Нет – А вот же – Так это гаманки, а не кошельки*). См. также наблюдения В.И. Беликова, отметившего преобладание в разных городах России номинаций *мобильник, сотовый* и т.д. [Беликов 2006, 2011]. Особенно свойственно территориальное варьирование в лексических предпочтениях. Однако встречается оно и на других уровнях языковой системы (оканье, *г* фрикативный, в Саратове слово *помидора* женского рода и т.д.).

В любой из названных разновидностей устной культуры общения (особенно в неофициальном общении) работает принцип ситуации «вплавленной в речь». Особенно наглядно и сильно действует наличие общей апперцепционной базы, как и ситуация, способствующей пониманию даже нечеткой речи, а при непосредственном общении еще и возможность переспроса.

Устная культура общения, специфика которой основана на этих принципах, в настоящее время благодаря развитию техники перестает принципиально противостоять письменной: возможность общения на огромных расстояниях затрудняет вплавление в речь ситуации, а нередко исключает возможность обратной связи, при радиосвязи – и жестов. Сближение с письменной культурой общения наиболее заметно в официальной речи с публичным, тем более удаленным массовым адресатом (радио и телевидение), в меньшей мере – в персонально адресованном.

Общим новым для всех разновидностей устной культуры общения является очень большая роль радио, еще бóльшая – телевидения, во многом разрушающих исконную русскую культуру (под влиянием Запада именованые людей без отчества, размывание вы- вежливости и официальности общения) и распространяющих в них принцип парольности жаргонной (сленговой) культуры. Сленговая культура все сильнее охватывает неофициальное общение, но под влиянием развлекательных радио- и телепередач распространяется и за его пределы.

Особого изучения требует влияние на традиционные разновидности устной культуры общения речи в Интернете, которая в ряде своих разновидностей, несмотря на господство письменной формы, все больше вбирает в себя принципы устного общения, при этом с чертами сленговой культуры.

Взаимовлияние письменной и устной речи было, конечно, всегда. Не случайно в «Письме к издателю» А.С. Пушкин **настаивает**, что язык письменный и язык разговорный – это разные языки и что знать только один из них, это не знать языка. А после Пушкина влияние письменной речи на устную культуру по мере распространения грамотности еще более усиливалось. С появлением радио, а потом и телевидения усилилось влия-

ние устной речи: в языковом сознании подавляющего большинства населения (о его особенностях см. [Языковое сознание 2010] телеречь – эталон правильности (хотя это совсем не так). Но одновременно письменная речь остается для большинства эталонной в любом общении, что приводит к проникновению в устную речь причастных и деепричастных оборотов, так осуждаемых А.С. Пушкиным. Интернет с его возможностями мгновенной ответной реакции, виртуально создающими эффект непосредственного и даже ситуативно обусловленного общения еще больше усложняет это взаимовлияние, которое несомненно заслуживает специального изучения.

Литература:

Беликов В.И. Русское языковое пространство и технический прогресс // Русский язык сегодня-4/ РАН. – М., 2006.

Беликов В.И. Статистические различия в региональном лексическом узусе // Вопросы культуры речи/ Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2011.

Березович Е.Л. О метафорических моделях непристойной речи в русской языковой традиции // Вопросы культуры речи/ Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2011.

Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативной культуре. – М., 2003.

Рисинзон С.А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете. – Саратов, 2010.

Сиротинина О.Б. Сленг: его место в системе социальных функциональных компонентов русского языка // Язык и общество в синхронии и диахронии. – Саратов, 2005.

Толстой Н.И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнологии)/ Институт русского языка АН СССР. – М., 1991.

Языковое сознание жителей Воронежа/ под ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 2010.

И.В.Соловьева

ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ЦЕРКОВНЫМ И СВЕТСКИМ МИРОМ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ОБЩЕНИИ

Большинство исследователей, изучающих русскую языковую картину мира (ЯКМ), отмечают её биполярность, в отличие от трёхчленной европейской. И совершенно справедливо отмечают связь этой двухчастной системы с традиционными религиозными представлениями русских людей. Влияние этих представлений прослеживается также в многочисленных фразеологизмах, пословицах, поговорках, в том, что именно *душа* является центром коммуникативного идеала и именно *разговор по душам* наиболее важен и характерен для русской культуры, о чём неоднократно писал В.В. Дементьев [Дементьев 2006].

В мире есть ситуации, разграничивающие речевое поведение людей из разных социальных групп. Одна из них – вход в храм. Согласно данным

социологических опросов, всё большее количество людей признаёт себя православными, ценность религии в течение последних пяти лет, выросла с 63 до 68% (ВЦИОМ, опрос 29-30 мая 2010 г. 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России). При этом женщины придают больше значения религии (75% против 61% среди мужчин). Присутствие первых лиц государства и руководителей предприятий на знаковых церковных службах (Рождество, Пасха, молебен на начало учебного года, Татьянин день) стало обязательным. Поэтому нам кажется интересным рассмотреть подробнее, чего именно ищет современный человек в храме, какие границы между разными мирами встречаются ему.

Можно выделить 3 группы границ: внешние по отношению к входящему человеку (п. 1-3), граница между невоцерковлёнными и воцерковлёнными людьми (п. 3-7), граница внутри самого человека (п. 8-10, но и все остальные также).

Граница между церковью и внешним миром проходит по разным параметрам: 1) внешний архитектурный вход, определённым образом оформленный; 2) наличие охранников, регламентирующих внешний порядок: *Проход даём/ каждое готовим//; Братья и сестры/ ближе к центру//; Родные! Потеснились! Проход дали причастникам!* Они выводят пьяных, направляют движение толпы (около Чаши, креста). Обращение «Родные» замечено в речи только одного человека, и может служить косвенной характеристикой его типа личности, его понимания христианского отношения к людям; 3) «Свечные ящики», где можно заказать службу, купить литературу, получить консультацию. Больше всего разговоров ведётся именно здесь (женщины лет 60-70 стоят в очереди): - *Вот написала/ Правильно что ль/ – Не знаю// – Всю жизнь прожили/ так ничего и не узнали//; – У бабушки день рождения сегодня/ Что писать-то?//; – А там нет бумажек на обедню. – А вот «О здравии», «О упокоении» - это и есть обедня. Писать в родительном надежде полное имя. О здравии кого? Родиона, Марии//; И с ребёнком подойдете без очереди (к Причастию) / Не стойте, вас пропустят//; – А сколько стоит это мероприятие? (соборование) – 100 рублей и свечка. – А записываться заранее? – Да, сейчас //.* Воцерковлённые люди, как правило, вопросов не задают, стараются не разговаривать во время службы, ограничиваются молчаливыми поклонами, максимум – приветствием: *Здравствуйте! С праздником!* Во время службы две воцерковлённые женщины увлеклись разговором, вдруг одна спохватывается: «*Прости меня!*» - и быстро уходит. На дверях многих храмов вывешена цитата из прп. Амвросия Оптинского: «Разговаривающим в храме посылаются скорби». Здесь граница между церковью как организацией и приближающимися к ней людьми проходит на уровне поведения.

В настоящее время почти во всех храмах около входа располагают листовки, где объяснено, что такое *Крещение, Отпевание, Соборование, Исповедь, Причастие, Венчание*. Эти листовки можно брать с собой, это

помогает впервые входящим сориентироваться в незнакомом месте. Издано достаточно много пособий «Первые шаги в храме» (разных авторов), но для того, чтобы купить и прочесть такую книжку, нужно осознать, что ты пришёл сюда неслучайно, а современному человеку часто некогда разобратся в собственной душе, поток входящей информации всё нарастает. Здесь граница между светским миром и церковным проходит в душе каждого человека: готов ли он принять забытые ценности и изменить свою жизнь или привычка к вечно кипящей суете окажется сильнее. Одна воцерковлённая женщина говорила своей подруге: *А многозаботливость твоя от маловерия.* Сейчас входит в употребление специальная табличка на подставке *Время сугубой молитвы*, которую выставляют в свечном ящике в определённые моменты службы. В это время требы не принимаются, свечи не продаются. Этот внешний регламент помогает всем сохранить молитвенное настроение, ограждает от суеты внешнего мира. Крепнет тенденция, появившаяся около 3-х лет назад: в храм приносят прочитанные издания духовного содержания и оставляют их на столике для записок, чтобы любой желающий мог их прочитать бесплатно. Сюда же приносят иконы, которые по разным причинам не нужны прежним хозяевам.

Именно от того, как встречают человека здесь, во многом зависит, захочет ли он прийти в церковь ещё раз. Особенно грустно, когда встречи не получается по вине служителей церкви. Молодой человек, очевидно, впервые подходит к священнику под благословение. Тот резко спрашивает его: *Руки как сложил? Зачем сюда пришёл? Откуда я знаю, чего ты хочешь здесь получить?* (В том конкретном случае молодой человек, несмотря на неласковый приём, остался и получил то, зачем пришёл, но этого могло и не случиться). В последние годы много усилий прилагают к тому, чтобы активные бабушки, привыкшие регламентировать поведение окружающих, не отпугивали людей, зашедших впервые. Однако многое зависит и от того, насколько человек готов услышать и понять традиции церковной жизни (В чужой монастырь со своим уставом не ходят). *Женщина в возрасте, интеллигентного вида. Показывает стоящим впереди неё девушкам на свои губы. Они не понимают. Говорит словами: «Помаду сотрите». Девушки тихо переговариваются между собой, стирают помаду, одна благодарит: «Спасибо, что сказали». Спрашивают что-то, снимают фуражку с козырьком, надевают шарфик.*

4. Граница видна и в манере одеваться. Большинство воцерковлённых женщин носят юбки за колени, не слишком узкие, избегают прозрачных тканей, излишнего облегающего, яркого макияжа. Воцерковлённые молодые девушки чаще старших воцерковлённых женщин носят брюки, но даже в этом случае обязательно покрывают голову. В настоящее время практически во всех храмах в свечных ящиках есть несколько платков и «юбок» – полотнищ на поясе, завязывающихся на любом объёме, которые выдаются желающим.

5. Очень показательное поведение вокруг места, где принимается исповедь. Воцерковлённые люди стараются обходить это место стороной. Если же становятся невольными свидетелями, огорчаются, но не осуждают конкретных людей. (Хористы оказались на верхнем ярусе, открытом после ремонта. Звук поднимается вверх: *Все грехи чужие слышим/ куда деваться/ ужас//*). Люди же, впервые зашедшие в церковь во время службы, с интересом останавливаются и прислушиваются, что чаще всего, вызывает замечания священника, принимающего исповедь: *Отойдите подальше/ нечего чужие грехи слушать//*. Принципиально отличие этого места православного храма от католического, где существуют специальные кабинки для исповеди. В старину исповедь русских людей была публична (Умел нагрешить, умей ответ держать). В настоящее время, учитывая духовные особенности современного человека, выдерживают расстояние между кающимся и окружающими людьми, но публичность происходящего сохраняется. Некоторые священники стараются объяснить, что стыд очищает, выжигает грех из души.

6. Отчётливо проявляется граница между церковью и миром в целях и задачах, приведших людей в храм. Одна из важных причин, приводящих человека в храм, – горе от потери близких.

-*Дочь умерла. Тяжело очень. Что можно сделать?*

-*Псалтырь читайте.*

-*Читаю.*

-*Милостыню подаёте?*

-*Подаю.*

-*Ну, значит, ей будет легче.*

-*А вот она даже не снится. Подружки приходят: «Таня снилась, Таня снилась!» - а мне не снится.*

-*Нам не всё полезно видеть. А Вы не унывайте, так ей точно хуже будет.*

Как правило, к Богу обращаются в случаях несчастий, болезней, неудач. Старцы говорят, что *Бог теснит мир*. Тогда люди заходят за помощью: поставить свечку, написать записку. Их цель конкретна и проста. Они уверенно пробираются к нужному подсвечнику, поставив свечку, с чувством выполненного долга выходят. Многих, пришедших к Богу «по делу», храм отталкивает из-за тесноты: *Пойдём/ Служба идёт/ Народу полно/ Потом зайдём//*. Это показатель того, что люди не знают силу соборной молитвы, обязанности каждого христианина участвовать в ней, особенно в литургии (переводится как ‘дело всех’). Люди, вошедшие в церковную жизнь, приходят *отстоять службу*, помолиться, и получают *благодать*. *Вот/ отстояла Литургию/ полегчало//* Недавно СМИ рассказывали о попытке одного бизнесмена возбудить судебный процесс против церкви, т.к. ему показалось, что «услуги» были оказаны недостаточно качественно. Но весь смысл совершаемого в церкви – изменение в душе че-

ловека, в мире невидимом. Глубина происходящего может быть сокрыта даже от непосредственных исполнителей и участников.

7. Границей является и язык, на котором ведётся богослужение. В настоящее время и здесь делается шаг навстречу непосвящённым: около 10 лет назад диакон возглашал *И помилуй ны*; сейчас же – *И помилуй нас*. Кажется бы, разницы нет, но люди, часто практикующие молитву, даже написание букв выбирают славянское. Одна женщина объясняла: *Когда читаю Псалтырь на русском/ легко так/ всё уходит куда-то// А на церковно-славянском читаю/ вот здесь тепло остаётся//* (показывает на грудь). В речи людей воцерковлённых часто встречаются цитаты из Библии, молитв, появляются неизвестные ранее виды поздравлений: *С Постом Вас, ма-тушка!* и оправданий: *Я не в осуждение/ а в рассуждение*.

8. Воротами из внешнего мира в мир церкви может стать проповедь, которая говорится всегда на русском языке и в которой объясняется, как правило, смысл прозвучавшего Евангельского текста, раскрывается позиция Церкви по многим важным для современного человека вопросам. Далеко не все священники обладают даром проповедника. Это никогда не смущает верующих, которые знают, что главное – это молитва. Впрочем, и для верующих, и для неверующих людей яркая проповедь является удачей. Она оживляет чувства, пробуждает самостоятельные размышления. Именно поэтому, как правило, в воскресные, праздничные дни проповедь *благословляют* говорить людей одарённых.

9. Пожалуй, одним из самых ярких показателей воцерковлённости/невоцерковлённости служат дети. Ребёнок, впервые принесённый к Чаше в год или позже, громко кричит, отказывается от Причастия, родители чувствуют себя в центре напряжённого внимания, как правило, больше они не приходят. Замечено, что дети воцерковлённых родителей, чаще всего выношенные в Церкви, привыкшие к Причастию с первых месяцев жизни, даже если плачут, то тише, плач вызван не паническим ужасом перед неизвестной ситуацией, а каким-то конкретным обстоятельством: не устраивает температура в храме (жарко/ холодно), хочет пить или двигаться. Взрослея, эти дети сбиваются в группки, ставят свечи, тихонько рисуют, сосредоточенно чистят подсвечники, ходят пить святую воду, подают записки. Они знают, что нельзя разговаривать во время службы, поэтому общение протекает обычно на уровне жестов и мимики.

10. В церкви человек знакомится с новыми социальными ролями: *прихожанин, причастник, духовное чадо, духовный брат/ сестра*. Некоторые мужчины могут стать *священником, духовным отцом*. Однако состояние верующего человека не может стать социальной ролью, поскольку оно не зависит от ситуации. Напротив, это состояние определяет поведение в других ролях: *Как человек верующий/ я понимаю/ что с мамой так нельзя/ терплю//*. Представляется, что сумма знаний не делает человека верующим (самый тяжёлый вид неверия – неверие осведомлённое). П.Я. Чаадаев, написавший фи-

лософский трактат о необходимости православия, но не сошедший ни разу со своего знаменитого дивана, не может быть признан человеком верующим. Религиозные убеждения – руководство к действию, входящее в ядро личности (если рассматривать полевую структуру) и определяющее все стратегии и тактики поведения человека, как речевые, так и неречевые.

11. Существенно отличается реакция людей верующих на эсхатологические предсказания. Если для внешнего мира это является поводом для депрессий, неврозов, то для верующих людей это руководство к действию, хотя различие в реакциях, определяемое типом психики, возможно и внутри этой социальной группы. Рассказ пожилой женщины о своём соседе: *Он армянин/ служил в армии/ когда вот// было Зоино стояние// Она же кричала по ночам громко/ они всё слышали в оцеплении// Кричала же она/ что земля будет гореть под ногами/ чтобы мы каялись//* Факт Зоино стояния (Самара, 1956 г.) был положен в основу сценария художественного фильма «Чудо» (2009 г.). Надо заметить, что трактовка факта чуда режиссёром отличается от понимания этого факта верующими людьми.

В заключение можно предположить, что церковь привлекает современного человека возможностью получить благодатную помощь и утешение в любом горе, получить опору в современном быстро меняющемся мире, приобщиться к тем традициям наших предков, которые приводили их к победам в прежние сложные исторические периоды.

Литература:

Дементьев В.В. Варьирование коммуникативных концептов // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. – Волгоград, 2006.

Шаповалова Н.Г.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ ВЕДУЩЕГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ТОК-ШОУ

Модель речевого жанра [Шмелева 2007: 81-90] ток-шоу как разновидности устного публичного диалога [Голанова 2008: 422-423] сложилась в дискурсе американских массмедиа во второй половине XX века под влиянием тематических предпочтений, особенностей языковой картины мира и национально-культурной специфики общения американцев [Ларина 2004]. Внедрение этих универсальных экстралингвистических признаков в русскую лингвокультуру началось с появлением на российских экранах ток-шоу с участием актёров, выдающих себя за «людей из народа» («Моя семья», «Окна» и т.п.). Как и в американских аналогах, речеповеденческий сценарий подобных программ строился вокруг конфликтного противостояния хрестоматийных антагонистов. Его модерировали ведущие (Валерий Комиссаров, Дмитрий Нагиев, Андрей Малахов и мн. др.), речевое по-

ведение которых стало своего рода «эталонном» для будущих коллег и, следовательно, может быть отнесено к культурогенным факторам развития российского общества рубежа XX-XXI веков. Это позволяет говорить о происходившем тогда формировании модельной личности [Карасик 2002: 13] ведущего ток-шоу, необходимость воплощения которой и сейчас определяет каноны указанного жанра речи.

Анализ коммуникативного поведения законодателей этого образа позволяет выявить его конститутивные черты: уровень коммуникативной компетенции, функции, способность к кооперации и стратегию коммуникативного поведения в конфликте. Так, отбор лексики и прецедентных феноменов в речи ведущих указывает на его принадлежность к самому «сложному» из спектра типов речевой культуры аудитории, привлеченной тематикой передачи. В частности, речеповеденческий сценарий программ, рассчитанных на носителей неполнофункциональных типов речевой культуры, предполагает, что для шоумена вполне достаточно владение самой «интеллигентной» из таких разновидностей – среднелитературной [Сиротина 2003: 6-10] (Дмитрий Нагиев: *Стадо разъяренных тетек. Help me!; А у бомжей-то там кладезь внутри; Век живи, век лечись*). Ориентация шоу на носителей элитарного типа речевой культуры предопределяет присутствие на съемочной площадке полнофункционального типа речевой культуры [Там же: 3-4] (Михаил Швыдкой: *Уайльд писал, что жизнь – слишком серьезная вещь, чтобы относиться к ней без юмора; Татьяна Толстая: Это стихи Пастернака. Я знаю, ваш путь неподделен, / Но как вас могло занести / Под своды таких богаделен / На искреннем вашем пути?*).

Специфический набор и динамика речеповеденческих реакций ведущих в эфире обусловлены их стремлением к выполнению, казалось бы, взаимоисключающих функций. С одной стороны, они выполняют коммуникативную роль «значимого другого»: беспристрастно и прямо оценивают поведение гостей с позиций нравственности (Дмитрий Нагиев: *Вы плохо поступили по отношению к женщине. Вы не проявили того чувства такта, которым должен обладать интеллигентный человек*), защищают духовные ценности (Александр Архангельский: *Химеры уходят из храма, потому что там бог. А там, где Бог, места химерам нет*), предостерегают гостей от резких, оскорбительных высказываний (Гостя программы: *Только я могу называть ее Маруся, козел старый!* / Дмитрий Нагиев: *Подождите! Что вы так? Может быть, завтра будет стыдно за эти слова; Михаил Швыдкой: Не ругайте сразу Рудинштейна! Примерно то же писал Сокуров*). Позиция арбитра обуславливает принадлежность ведущего к кооперативно-актуализаторскому типу языковых личностей [Седов 2007: 12-14]. Отсюда такие черты коммуникативного поведения ведущего, как использование регулятивных высказываний, призывающих гостей к порядку (Михаил Швыдкой: *Коллеги! Спокойно! Вы все успеете. Спокойно!*; Владимир Соловьев: *Олег Егорович, ну что это прям вербальная ата-*

ка!; Александр Архангельский: *Дина Рафаиловна, дорогая, вы отказались прогнозировать – не мешайте другим делать это*), и стремление к подчеркнутому соблюдению норм вы-общения (Дмитрий Нагиев: *Здравствуйте! Что у вас случилось?*; Александр Архангельский: *Сергей, извините, можно я вас перебую?*). Кроме того, присущая ведущим установка на партнеров по общению проявляется в своеобразных психологических «поглаживаниях» (по Э. Берну), вербализованных с помощью игровых приемов, доступных аудитории. К ним относятся окказионализмы [Санников 2002: 157] (Дмитрий Нагиев: *Ты щас и рюмаху попросишь*; Алексей Венедиктов: *Вчера замечательный был человек, звонит и говорит: «Это я, ваш козлик!»*. <...>/ Татьяна Толстая: *Да, говнюшечка я ваша пришла!*) и каламбуры [Там же: 490] (Александр Архангельский: *Это будет не Белый дом, а Смуглый дом*).

С другой стороны, необходимость провоцировать высокую степень конфликтности общения на протяжении всей передачи обуславливает присущие шоуменам стремление к коммуникативному лидерству, отказ от системы норм кооперативного общения и замену их системой приоритетов и ценностей агрессивного, конфликтного взаимодействия. Ведущие становятся наиболее искусными, победительными носителями данных приоритетов и ценностей, вынуждены сочетать претензию на кооперативное актуализаторство с поведением типичного конфликтного манипулятора, который «самоутверждается, ставя собеседника в конкретной ситуации общения на нижнюю по сравнению с собой статусную позицию» [Седов 2007: 13]. Это отражают категоричные, императивные высказывания (Дмитрий Нагиев: *Вы сейчас говорите, как самка, бьющаяся за...* / Героиня (перебивает): *За своего ребенка!* / Дмитрий Нагиев: *Значит, нужно это делать не по-обезьяны, а по-человечески*), частые перебивы собеседника (Ирина Хакамада: *Огромное количество людей эмигрировало и потом мучилось на Западе. Но им пришлось уехать, потому что здесь было невозможно.* / Т.Т.: *Да они не потому уехали! Не общество делало их жизнь невозможной, а им было глубоко наплевать на общество*) и активное использование конфликтного речевого жанра колкости [Седов 1997: 191] (Зритель: *Я – армянский джентельмен!* / Дмитрий Нагиев: *Что само по себе уже смешно*; Дмитрий Бергман: *Я сам обожаю Москву.* <...> *Я люблю улицы Москвы.* / Михаил Швыдкой: *Вы боитесь Лужкова, по-моему*; Василий Шандыбин: *Не объединяются умные люди!* / Т.Т.: *То есть КПСС не объединяет умных?*). Их перлокутивный эффект поддерживается доведением аргумента собеседника до абсурда [Санников 2002: 426] (Зрительница: *Я себе нравлюсь.* / Дмитрий Нагиев: *Значит, сама за себя и выйдешь замуж*; Александр Чекалин: *В МВД вводится новая форма, темно-синяя, удобная, практичная, одобренная практичными работниками...* / Владимир Соловьев: *Сама будет мыться и застегиваться?*; Алексей Митрофанов: *Я с Кандолизой знаком еще...* / Владимир Соловьев: *Еще когда ее не*

было) и предъявлением речений собственного сочинения как универсальных формул человеческого бытия [Там же: 424] (Дмитрий Нагиев: *Швабра, сходящая в салон, – женщина. Женщина, не сходящая в салон – швабра*; Александр Архангельский: *Сообщество, которое никто не слушает, – это не сообщество*).

Кульминационный момент передачи обуславливает обращение ведущего к типичным коммуникативным ходам рационально-эвристической стратегии [Седов 1997: 201] – иронической похвале [Ермакова 2005: 106] (Владимир Соловьев (обращается к Алексею Митрофанову): *Вы талантливый драматург!*; Авдотья Смирнова (обращается к Татьяне Устиновой): *Агата Кристи, когда вводит любовную интригу, у нее, на мой взгляд, получается безобразно. Вот у вас-то гораздо лучше, безусловно*) и антифразису (Муж: *Коза!* / Жена: *Тварь!* / Дмитрий Нагиев: *Давайте посоветуем этим милым людям, что делать*; Виталий Гинзбург: *Но я глуховат в поэзии.* / Авдотья Смирнова: *Ко всем прочим достоинствам прибавим еще и эти!*).

Отступления от рационально-эвристической модели поведения в конфликте происходят в ситуациях, когда для реальной языковой личности, выступающей в роли ведущего, на первый план выходят эмоционально-аффективные факторы, а сюжетообразующие функции и формы общения становятся вторичными. Тогда шоумены открыто противопоставляют себя адресату посредством использования речевых жанров обвинения [Седов 1997: 192] (Авдотья Смирнова: *Я не считаю, что ты прагматик, я считаю, что ты очень много значения придавал всегда внешнему, модному, эффектному, отдельному, проще говоря, что ты сноб*; Татьяна Толстая: *Мне кажется, что у вас что-то происходит с эмоциональной сферой, у вас там какой-то колоссальный недобор. Просто колоссальный*) и оскорбления [Там же] (Владимир Соловьев: *Вас же из обоймы не выкинешь! Вас же давишь, давишь, давишь, а вы сквозь пальцы...*), а также инвективной лексики (Дмитрий Нагиев: *Вы – жалкая, ничтожная тварь, которая позарилась на сильную личность*; Татьяна Толстая: *Романовы Рюриковичей в Сибирь сослали, и вы мне это будете впаривать! Вы мне будете впаривать, что хутородные Романовы послали Трубецких и Волконских в Сибирь!*; Михаил Швыдкой: *Да что вы в самом деле? Черт!*).

Важно отметить, что присущие российским шоуменам манипулирование партнерами по общению и максимальное выражение своей языковой личности с помощью коммуникативных средств, доступных аудитории, с которой ритор себя отождествляет, соответствуют принципам новейшей американской риторики [Волков 2007: 206; Культура русской речи 2003: 39]. Ведущие вынуждены следовать им из-за «культурного империализма» западных средств массовой коммуникации, который определяет функционирование дискурса российских массмедиа последних десятилетий [Оксфордская иллюстрированная энциклопедия 2002: 278]. Наряду с ним к числу факторов, влияющих на формирование модельной личности ведущего

го телевизионного ток-шоу, следует отнести общую конфликтную направленность современного отечественного теледискурса на конфликтность и карнавальную тональность русской лингвокультуры постперестроечного периода [Бурвикова, Костомаров 2001: 7].

Литература:

- Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г.* Жизнь в мимолетных мелочах. – СПб., 2006.
- Волков А.А.* Язык и мышление: мировая загадка. – М., 2007.
- Голанова Е.И.* Активные процессы в сфере публичного общения // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М., 2008.
- Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. – Калуга, 2005.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003.
- Ларина Е.Г.* Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса (на материале американских телевизионных программ): Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004.
- Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. В 9 тт. Т. 7. Народы и культуры. – М., 2002.
- Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 2002.
- Седов К.Ф.* Внутрижанровые стратегии речевого поведения «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. – Саратов, 1997. – Вып. 1.
- Седов К.Ф.* К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах ролевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. – Вып. 7.
- Сиротинина О.Б.* Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – Вып. 2.
- Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М., 2007.

РАЗДЕЛ 3. Лексическая, грамматическая, фонетическая и словообразовательная специфика русской устной речи

Е.В. Брысина

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕМ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ В СОСТАВЕ

Фраземы, как и слова, создаются в говоре для наименования и характеристики предметов и явлений окружающего мира, событий и фактов повседневной действительности, поэтому при образовании диалектных фразеологических единиц (ДФЕ) метафоризации подвергаются чаще всего сочетания общеупотребительных слов. Активность тех или иных частей речи при образовании ДФЕ неодинакова. Наиболее полно в их составе представлены имена существительные, называющие различные части тела человека, а также глаголы, которые, включаясь в процесс фразеомобразования, наполняют диалектную речь динамичностью, придают ей определенную прагматическую направленность.

Особой фразеологической активностью, например, в донской диалектной фраземике обладают глаголы *дать* (и его дериваты *здать, давать, выдать, придать*), *бить* (*выбить, выбивать, забить, набить, отбить, отбивать, биться, сбивать*), *ходить* (*выходить, выйти, пойти*), *брать* (*братся*), *жить, лежать*. Во всех диалектных словарях и сборниках диалектной фраземике содержится огромное количество устойчивых выражений с глаголом *дать*, в большинстве случаев – устойчивых аналитических сочетаний. По наблюдениям Л.А. Ивашко, изучающей диалектную фраземику главным образом на псковском материале, глаголы *дать* и *давать* и их производные употребляются в глагольно-именных сочетаниях одной структурной модели: *глагол + винительный (родительный) падеж объекта*. Лексическое значение глагола при этом ослаблено, и все сочетание в целом означает действие или состояние, выраженное существительным.

Среди фразем донского диалекта, включающих в свой состав глагол *дать*, можно выделить несколько семантических групп:

1) описательные выражения, называющие различные действия и по своим структурно-семантическим характеристикам приближающиеся к аналитическим грамматическим формам. Существительное в них обычно выступает в прямом значении, а глагол играет полувспомогательную роль, выражая лишь абстрактное значение действия. Большинство таких выражений, отмечает Л.А. Ивашко, употребляется в говорах параллельно с полнозначными глаголами того же корня, что и существительное в составе оборота [Ивашко 1987: 37]. В донском говоре таких выражений немало, хотя с точки зрения прагматической ценности они представляют незначительный интерес. Это выражения типа *дать песняка*¹⁰ ‘громко запеть’; *подать известие* ‘известить, сообщить’; *дать драгунка* ‘продрогнуть, замерзнуть’; *дать отвод (отлуп)* ‘отказать’.

2) фраземы с общим значением ‘бить, избивать, наказывать’. Эта структурно-семантическая модель детально описана В.М. Мокиенко. По замечанию ученого, значения ‘наказать битьем’ и ‘наказать словесно, отругать’ в речи часто не дифференцируются, поэтому есть основания рассматривать их в одной подгруппе [Мокиенко 1990: 249-282].

Основная масса единиц этой модели представляет собой сочетания глагола *дать* с существительными, образованными от глаголов с «ударным» значением: *дать верта (вертуха, вертушка)*, *дать дёру*, *дать чёсу*, *дать жмятку*, *дать лепки*, *дать кружилы*, *дать порежа*, *дать вытрешков* и др.

К этой же группе примыкают сочетания глагола *дать* с существительным в переносном значении: *пилюлю дать* ‘ударить’; *дать (надавать) лецов* ‘побить (обычно по лицу)’; *дать суходушины* ‘побить’; *дать кудели (задать куделю)* ‘1) отгаскать за волосы; 2) побить’; *дать ветру* ‘дать трепки’. Фразеологизмы со значением ‘наказать словесно, поругать’ представлены в донской фраземике сочетаниями *дать нотацию* ‘сделать выговор, прочесть нотацию’; *дать (давать) перетруску* ‘ругать’; *дать (хорошую) натачку* ‘дать наставление’.

Как отмечалось ранее, в сочетаниях глагола *дать* и его производных с именами существительными преобладающим является структурный тип *глагол + существительное в Вин./Под. падеже*. Однако некоторые ДФЕ конструктивно представляют собой сочетания глагола с существительным в дательном падеже (обычно с предлогом *по*): *дать по мусалам (мурсалам)* ‘отхлестать по щекам, ударить по скуле’; *дать по зепалу* ‘ударить по

¹⁰ Все примеры взяты из материалов экспедиций по казачьим районам Волгоградской области, а также из Словаря донских говоров Волгоградской области (Вып. 1-6. Волгоград, 2005-2009) и Большого толкового словаря донского казачества (Москва: Астрель, 2003).

губам'. В этом случае существительные обычно указывают на место удара, а глагол имеет значение 'осуществить удар'.

3) фраземы со значением 'быстро побежать, убежать, удрать'. Эта структурно-семантическая модель представлена небольшим числом единиц, главным образом сочетаниями глагола с отглагольными существительными: *дать дёру, дать деркача, дать чёсу, дать бежка*. Динамика выражения поддерживается отглагольной семантикой производных существительных.

Среди других глаголов, активно участвующих в процессе фразеоморфизации, можно отметить *идти / ходить* и их производные *пойти, выйти*: *ходить отряся ножку* 'ходить медленно, никуда не спеша'; *идти с дымком* 'быть пьяным'; *ходить, как лында* '1) слоняться без дела; 2) неопрятно одеваться'. Следует отметить, что в одних ДФЕ глаголы *идти, пойти, выйти, ходить* употреблены в прямом значении 'двигаться' (*ходить сентябрем, ходить гоголем* 'ходить важно, гордо, самодовольно'), в других выражениях они имеют переносное значение, более того, лексическое значение глагола может быть нейтрализовано, а семантический центр смещен в сторону существительного, с которым данный глагол сочетается (*не пойти в руку* 'о неудаче в каком-либо деле'; *ходить тыньями, по-за тыньями* 'бездельничать'; *выйти на мыльный пузырь* 'оказаться напрасным, безрезультатным' и под.

Частым компонентом фразем является глагол *бить/ биться/ забить/забивать/сбивать*: *бить баглаи, сбивать сучки, бить лягушек, бить байдики, сбивать шобалы, сбивать баклуши, сбивать кытушки* – все фраземы имеют значение 'бездельничать, заниматься бесполезной работой'. Как видно из примеров, во всех выражениях глагол употреблен в переносном значении. В сочетании с немотивированными существительными он образует фразеологическое сращение, сравните: *бить баглаи* 'бездельничать'; *забивать глузды* 'запутать, сбить с толку'. Выражения *отбить бока, отбить все бебухи* имеют значение 'сильно побить, отбить внутренние органы', а ДФЕ *биться до крови* 'стоять до последнего' и *биться, как печенег* в одном из значений 'отчаянно сражаться с обстоятельствами, трудиться без усталости' включают в свой состав глагол *биться* в значении 'сражаться, бороться'.

Употребительными в составе диалектных фразем являются глаголы *жить*: *жить лёгким духом* 'жить легко, не трудясь, не напрягаясь'; *жить в попросях* 'на иждивении, за чужой счет'; *жить с дымком* 'вести сумбурную жизнь'; *лежать: лежать опукой* 'лежать как бревно, неподвижно'; *лежма лежать, лежкой лежать* '1) лежать, ничего не деля, отлынивать от работы; 2) лежать не вставая – о тяжелобольных; 3) лежать навалом, в огромном количестве'; *ударить: не ударить камень об камень* 'совершенно ничего не делать'; *ударить в грязь лицом* 'оскорбить, унижить кого-либо', *брат(ся) (не браться ни за синюю воду,*

ни браться ни за сухую порошину ‘бездельничать’; сила не берет ‘не иметь сил делать что-либо’; строить: строить кондрики, строить коники ‘1) дурачиться; 2) капризничать’; строить из себя цацу ‘воображать, зазнаваться’; получить / получать: получить на орехи ‘получить взбучку’; получить голову ‘быть битым’; получить по мусалам ‘быть битым по лицу’.

Другие глаголы имеют единичные случаи употребления: течь: пот кровью течет ‘об изнурительной работе’; утечь с коломутной водой ‘исчезнуть бесследно’; драть: драть лычки ‘бездельничать’; держать: держать на поводках ‘сдерживать в желаниях, в вольном поведении’; наветрить: наветрить бока ‘избить, намять бока’; загнать: загнать за можай ‘выгнать, загнать очень далеко – куда Макар телят не гонял’; вкручивать: вкручивать щетинку ‘давать нагоняй’; свернуть: свернуть вязы ‘побить, свернуть шею’, навести (навести рахубу ‘призвать к порядку’ и многие другие.

Некоторые ДФЕ включают в свой состав глаголы в форме повелительного наклонения: оторви да выбрось ‘об отчаянном человеке’; не приведи не сотвори Господь ‘1) о крайней нежелательности чего-либо; 2) хуже не придумаешь’; не три, не мни (сухие ремни) ‘1) о медлительном человеке; 2) о человеке, ничего не умеющем делать’. Однако в большинстве случаев глаголы в составе ДФЕ употребляются в неопределенной форме или в личных формах изъявительного наклонения.

Нередко в составе ДФЕ вместе с глаголом употребляются наречия. В этом случае прагматические характеристики устойчивого выражения усиливаются именно за счет последних, ср.: пойти вертопрахом ‘прийти в хаотическое состояние’; пойти амором, ‘не так, как следовало’; подойти подходом ‘суметь наладить отношения’; гудеть гудма ‘1) долго ныть, плакать, кричать; 2) болеть, ныть (о руках, ногах, спине)’ и др.

Как видно из многих приведенных примеров, диалектные фраземы включают в свой состав, кроме общенародных глаголов, собственно диалектную лексику. Это могут быть имена существительные или прилагательные: шляться по хантурам ‘слоняться без дела’; забивать глузды ‘запутать, сбивать с толку’; лежать баглай баглаем ‘ничего не делать’; ломаться, как аржаной кныш ‘мнить о себе много’; галдеть как докучная басня ‘твердить одно и то же’. Собственно диалектные глаголы также обладают фразеомообразовательной активностью, ср.: копелить носом ‘быть недовольным чем-либо, крутить носом’; квелить душу ‘мучить, терзать’; тачать брехни ‘рассказывать небылицы’; нахлюпить голову, угунуть голову ‘приходить в уныние, опустить голову’; насупурить бровь ‘нахмуриться, насупить брови’; гутарить по чистой ‘вести откровенный разговор, говорить начистоту’ и др.

Смыслообразующим и экспрессивным центром многих глагольных диалектных фразем является местоимение *весь* (*вся, всё*), «обозначающее в

обобщающей форме полноту охвата или предельную интенсивность протекания действия или процесса» [Ивашко 1987: 86]. Если в составе ДФЕ данное местоимение сочетается с глаголом действия, то оно интенсифицирует сему «скорость»: *мчаться во все боки; бежать во все духи* со значением ‘бежать очень быстро, стремительно, мчаться во весь опор’. Сочетаясь с именем существительным, местоимение *весь / все / всё* интенсифицирует объем понятия: *отбить все бабухи* ‘о повреждении внутренних органов в результате сильного удара’, *пройти все хитрости* ‘стать’.

Отрицательные местоимения в составе ДФЕ, сочетаясь с глаголом, указывают на отсутствие того или иного действия, предмета, признака при характеристике определенной ситуации: *в зубы взять нечего* ‘1) нет слов для возражения или оправдания; 2) об отсутствии пищи’; *негде ступнуть* ‘о плотно заполненном пространстве’; *негде плюнуть; курице негде клюнуть* – с тем же значением.

Числительные *один, два, три, семь, сто*, активно используемые в составе ДФЕ, так же, как и местоимения добавляют глагольному действию дополнительную интенсивность, ср.: *в два (три) ножичка делать что-л.* ‘очень быстро’; *в один час* ‘быстро, немедленно’; *провалились на три тарары* ‘исчезли бесследно’; *приложить сто титул* ‘обругать очень сильно’ и другие. В большинстве случаев числительное в составе ДФЕ теряет конкретно-числовое значение и служит для выражения высокой степени проявления признака, действия, состояния, усиливая экспрессивные свойства глагола и выражения в целом, ср.: *сам себя один раз в год любит* ‘о человеке, который всегда чем-то недоволен’; *биться один об одного* ‘находиться в большой тесноте’; *литься в одном станке* ‘1) о людях одного возраста; 2) о людях, очень похожих внешне’.

В диалектной речи, яркой, выразительной, экспрессивно насыщенной, просматривается настойчивая тенденция к усилению образности и эмоциональности. Отчасти этому способствует фразеологическая активность глагольной лексики.

Литература:

Алахвердиева Л.К. Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразеологический аспекты изучения: Дис. ...канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2000.

Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3.

Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. – Л., 1981.

Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. – Спб., 1999.

ДИНАМИКА СЕМАНТИКИ И СТРУКТУРЫ СОЮЗОВ
С *н*-, *ж*-ПАРТИКУЛАМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ)

Региональные словари (СРНГ, СРГК, АОС, СООН, СОАН, СВГ и др.) фиксируют наличие в говорах большого количества так называемых партикулярных союзов - образований, сформировавшихся в результате агглютинации древних первоэлементов – партикул **li*, **le*, **bo*, **že* и др. (термин Т.М. Николаевой). В настоящей работе в динамическом аспекте изучаются структурно-семантические характеристики союзов с *н*-, *ж*-партикулами, 2-4-компонентных кластеров (лексем, представляющих собой сочетания партикул). Проводится сопоставление данных севернорусских диалектов со сведениями исторических (Срезневский, СлРЯ XI-XVII вв., СлРЯ XVIII в.), этимологических лексикографических источников (ЭССЯ, Фасмер), для анализа также привлекаются данные средне-, южно-русских и других говоров (см. таблицу и схему).

2-компонентные кластеры – *а+же* и т.д., восходящие к **aže*, **jьže*, **a ono* или **a no / нь*, **da že*, являются общеславянскими; *аже*, *иже*, *ано*, *даже* отмечены и в древнерусском языке.

Только русскому языку, в основном современным говорам, известны союзы *а/ж/но*, *и/ж/но*, *а/и/но*, *да/ж/но* и т.п., состоящие из 3 компонентов, причем в древнерусских памятниках письменности начиная с XV в. зафиксирован лишь *ажно*. Широкая география многозначных диалектных *ажно*, *ижно*, *аино* и др. свидетельствует о древности данных лексем, возможно, они употреблялись в древнерусском языке в разговорной речи (важным является наличие в составе лексем частицы *но*, которая почти не зафиксирована в древнерусских источниках как автономная единица [Зализняк 2007: 202-203]; по всей видимости, ее сращение с 2-компонентными кластерами *аже*, *иже*, *аи* произошло в древности). Т.М. Николаева указывает, что формирование лексем способом агглютинации осуществлялось примерно до XVI века [Николаева 2008: 9].

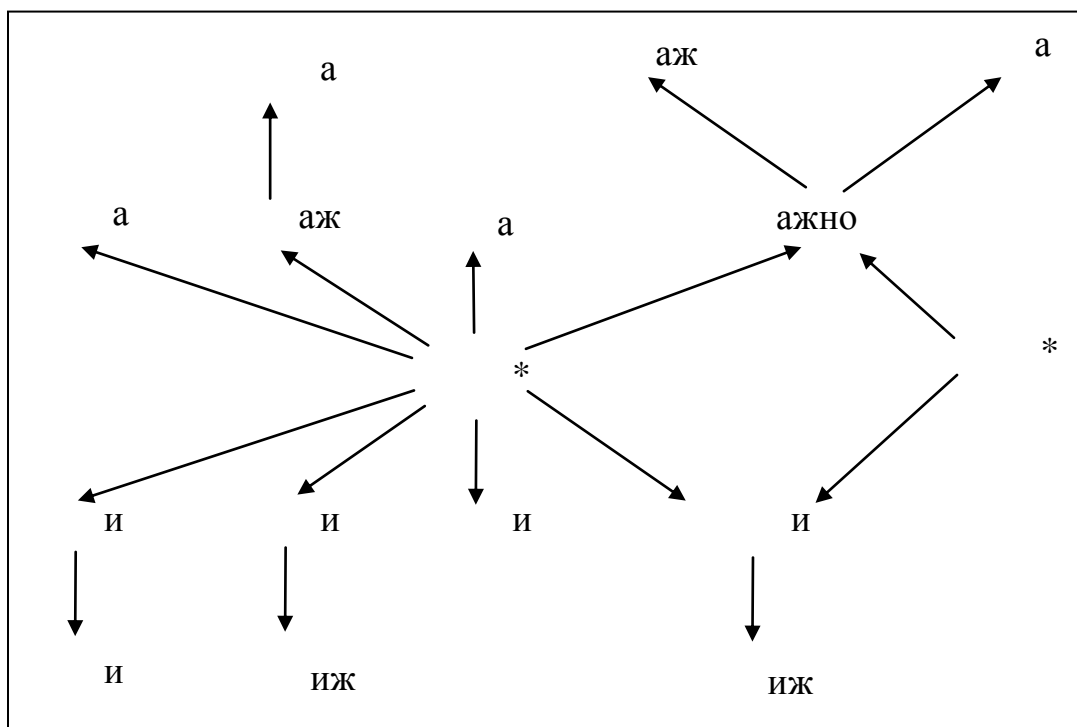
Составители СлРЯ XVIII в. отмечают, что в это время *даже*, *ажно* употреблялись только в просторечии, остальные лексемы (2-3-компонентные кластеры) не зафиксированы. В современном языке функционирование *даже*, *ажно*, причем моносемантических, стилистически ограничено: *ажно* со значением следствия употребляется в просторечии, присоединительный *даже* - в разговорной речи. В диалектной речи, напротив, *ажно* и *даже* полисемантически: у союза *ажно* круг значений расширяется по сравнению с древнерусским союзом, у союза *даже* количество значений сокращается; диалектные *ижно*, *аино* являются многозначными. Необходимо отметить, что круг значений 3-компонентных диалектных кластеров шире, нежели у древнерусских 2-компонентных.

В диалектной речи употребляются не только 3-компонентные, но и 4-компонентные партикулярные кластеры: *а/ж/на/к*, *а/ж/ни/к*, *а/ж/ни/ть*, *а/ж/но/й*, *и/ж/но(е)/ть*, *и/ж/на(ы)/к*. Изменение семантики союзов в результате присоединения четвертого компонента уже не происходит. Думается, функция примыкающих финалей - усиление, подчеркивание смысла (зафиксированы также деминутивы *аженьки*, *дажечки*; надо полагать, экспрессивные формы употребляются в речи в коммуникативных целях - для установления контакта: говорящий показывает свое расположение к слушающему).

В целом диалектные союзы *ажно*, *ижно*, *аино*, *даже* и др. и их варианты с опорой на *п*- и *ж*- образуют определенную семантическую группу. Лексемы обязательными имеют противительное значение и значение следствия, последнее, по-видимому, вторично, ср.: основным значением **но*-партикулы является адверсативное (противительное), *же*-партикулы – адверсативное и конклюдзивное (вывод, заключение) [Николаева 2008: 276, 283].

Итак, в отличие от литературного языка, в котором отмечается рост составных союзов дифференцированного типа, в диалектной речи, в том числе и севернорусской, наблюдается сохранение древних этимологически немотивированных партикулярных лексем, а также увеличение их количества в результате произошедших структурных изменений. Партикулярные союзы обладают широким спектром значений, вместе с тем в макросистеме говоров проявляются основные значения партикул. Прослеживается зависимость семантического объема лексем от их структуры.

Схема. Генетические связи лексем с *п*-, *ж*- партикулами

Литература:

- Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. – М., 2008.
Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика: (История блуждающих частиц). – М., 2008.

О.И. Дмитриева

ДИНАМИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА

Динамическое словообразование следует отнести к числу приоритетов современной русистики, поскольку именно динамический подход к изучению лингвистических объектов позволяет выявить различные типы колебаний в функционирующей системе языка, объяснить сам механизм словообразовательных процессов, обозначить тенденции и факторы языковой динамики.

Одним из традиционных постулатов в работах по словообразованию считался соссюрровский постулат о противопоставленности синхронного и диахронного подходов к описанию языковых фактов. Этот постулат все более отчетливо оспаривается в последнее время. Само понятие словообразование – образование слов – имплицитно представляет о процессе, поэтому неправомерно противопоставление синхронного и диахронного словообразования, ведь «синхронное словообразование есть не что иное, как функциональный аспект словообразования вообще», а «словообразование едино, и как таковое, оно по преимуществу исторично» [Трубачев 1994: 17].

Возможен динамический способ исследования производного слова в аспекте языковой синхронии, при этом наиболее важным фактом становится анализ действия моделей в тот или иной период, выяснение их продуктивности. Вместе с тем подлинная языковая динамика обнаруживается при исследовании словообразовательных процессов в их историческом развитии. Взгляд на диахронию как на процесс в его эволюции, а не на простую смену синхронических состояний вполне отчетливо был выражен еще И.А. Бодуэном де Куртене: «Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся, это частный случай движения при условии минимальных изменений» [Бодуэн де Куртене 1963: 349].

Динамическое исследование словообразовательных отношений, возникающих между словообразующими единицами в границах различных словообразовательных подсистем и составляющих основу системных связей в словообразовании, позволяет понять «потенциально-процессуальные возможности системы» [Николаев 1987: 73].

Именно представление о словообразовательной диахронии как о непрерывном процессе лежит в основе *синхронно-диахронного подхода* к ис-

следованию словообразовательных явлений. Синхронно-диахронный подход позволяет рассматривать словообразовательные процессы исходя из системного статуса изменяющихся объектов, при этом историческая стабильность языковых фактов в тот или иной период осмысливается как этап в постоянном развитии языка. Синхронно-диахронный анализ дает возможность охватить весь письменный период истории русского языка, что позволяет более или менее полно отразить картину языковой эволюции, представить тот или иной семантико-словообразовательный процесс в целом [Азарх 1984; Крючкова 2000; Дмитриева 2005; Кадькалов 2007; Кадькалова 2007]. Синхронно-диахроническое словообразование стремится к переходу от констатирующего способа описания к объяснительному, от простой фиксации фактов к выявлению причин и закономерностей возникновения и развития тех или иных словообразовательных явлений.

Заметный теоретический вклад в формирование синхронно-диахронного словообразования, составляющего одну из научных перспектив [об этом Улуханов 1994], вносит статья Л.И. Баранниковой «О соотношении системного и диахронического подходов к языку» [Баранникова 1997]. В статье обосновывается не только возможность, но и необходимость системного исторического изучения языка, поскольку, как правило, «диахронические исследования посвящены прежде всего истории отдельных явлений, в лучшем случае ряда явлений, часто без достаточного внимания к их связи с другими явлениями и с системой в целом» [там же: 5].

Синхронно-диахронный анализ семантико-словообразовательных подсистем позволяет преодолеть сосюрговскую «противопоставленность системного и диахронного подходов к языку, противопоставленность синхронного и диахронного изучения языка» [там же: 3]. Системные отношения языковых единиц, которые традиционно связывалась только с диахронией, становятся предметом исследования в работах синхронно-диахронного характера. Представляется несомненно верным утверждение, что «сам факт признания двух разных подходов к языку: синхронного, опирающегося на системный анализ языковых фактов, и диахронного, лишённого будто бы такой опоры, – вызвал необходимость преодоления существующего противопоставления и прежде всего использования системных связей в диахронических исследованиях» [там же].

Синхронно-диахронное исследование семантико-словообразовательных подсистем, таких, как подсистема приставочных глаголов, образованных от глаголов [Дмитриева 2005], с использованием материалов, относящихся ко всей письменной истории русского языка, способствует выявлению динамики словообразовательной системы в целом, то есть динамики словообразовательных связей и отношений.

Применение *принципа системности* к синхронно-диахронным исследованиям позволяет опираться на положения общей теории языка и использовать разные приемы анализа языкового материала. Так, приставоч-

ный глагол рассматривается как в аспекте языковой синтагматики, так и парадигматики, что определяется представлением о нем как о внутренней синтагме, соотносящейся с двумя понятийными рядами одновременно: по семантике префикса и по семантике производящего глагола. При таком подходе закономерно выявление не только внутрисинтагматических отношений между словообразующими компонентами, но и рассмотрение каждого из них в присущих им парадигматических связях [см. об этом подробнее Дмитриева 2005].

Принцип последовательного исторического подхода к изучаемому объекту с обязательной опорой на достаточный языковой материал является одним из наиболее важных в синхронно-диахронных исследованиях. Этапы языковой динамики, как правило, обозначаются в соответствии с основными периодами письменной истории русского языка: 1) древнерусский период (к. X - XIV вв.); 2) старорусский период (XV - XVII вв.); 3) период формирования единого национального литературного языка (XVIII – нач. XIX в.); 4) современный русский язык. Эти периоды (например, последний) могут делиться на хронологически более короткие этапы, выделению которых способствует динамический анализ языковой системы, в том числе и в области словообразования.

В работах по историческому словообразованию, а по синхронно-диахронному в особенности, правомерно обращение к таким лексикографическим источникам, как исторические словари каждого периода, в качестве основных источников материала. Словари представляют собой собрание проверенных и первично обобщенных языковых фактов, а потому они надежнее, чем языковые факты, не представляющие целостной системы. К тому же словари дают более полную и верную картину лексики, а значит и словообразования, чем выборочно обследованные одним лицом тексты.

Проведенный на большом словарном материале синхронно-диахронический анализ приставочных глаголов (к примеру, с префиксом *по-*) позволяет утверждать, что отдельные приставочные значения могут рассматриваться как исторически взаимосвязанные и восходящие к общему прототипическому значению. Условная реконструкция исходного пространственно-результативного значения (для приставки *по-* это значение последовательного развертывания действия по поверхности в ее плоскостном представлении к конечной точке) как *структурно-семантического генетического инварианта* приставки позволяет представить механизм развития глагольной префиксации.

На базе исходного протипического значения формируются более частные пространственные и временные значения, а в старорусский период наиболее поздние в семантической структуре приставок оценочные значения меры и степени реализации действия. С развитием большей абстрактности выражения языковых значений утрачивается непосредственная связь пространственно-результативного значения приставки *по-*, основного в

древнерусский период и наиболее отчетливо связанного с исходным инвариантным значением целостного последовательного развертывания действия по всем его точкам (стадиям) к пределу (завершению). Обозначение конечной стадии процесса (значение «сделано») начинает со временем восприниматься как собственно результативное значение префикса *по-*.

Это семантическое переосмысление сопровождается рядом сопутствующих процессов.

Во-первых, с развитием категории вида выражение приставкой *по-* результативного значения как значения завершенности действия приобретает системный характер (что делает возможным для ряда исследователей отнесение ее к чистовидовым приставкам). Данный процесс часто сопровождается утратой результативного префикса *по-* в сочетании с древнерусскими глаголами пространственной и процессуальной семантики и семантики конкретного физического действия, развертывающегося по поверхности, где связь с исходным инвариантным значением выражалась наиболее отчетливо. Происходит «вытеснение» префиксального форманта *по-* другими результативными приставками (чему, как правило, предшествует развитие словообразовательной синонимии): *поковати – оковать, помести – выместить, попустошити – опустошить, помыти – вымыть, посмолити – осмолить, покосити – скосить, помрачити – омрачить, поквасити – заквасить, покопати – 1) выкопать, 2) закопать, поучити – научить* и др.

Во-вторых, часто у глаголов с пространственно-результативной семантикой утрата результативного значения, выражаемого приставкой *по-*, сопровождается формированием значения ограниченной длительности действия «выполнять действие в течение некоторого времени»: *поковать – ковать некоторое время, покопать – копать некоторое время, поучить – учить некоторое время*. С развитием временной семантики приставка *по-* становится маркированным выразителем ограничительно-длительного (делimitативного) значения.

Важной эмпирической базой динамического изучения словообразовательных процессов является *диалектный материал*, источником которого служат диалектные словари, картотеки словарей (картотека Словаря русских народных говоров - КРСНГ), диалектные записи. Так, в говорах возможно употребление одних и тех же глаголов с приставкой *по-* как ограничительной, так и результативной семантики, в то время как литературным языком последние утрачиваются в процессе эволюции. Например, глагол *говорить* может употребляться в говорах и в значении ограниченной длительности действия '*говорить некоторое время*' (*пъгъвари с ним мален'къ – КРСНГ*), и в результативном значении '*сказать*' (*ты пъгъвари йаму – КРСНГ*) или '*рассказать*' (*Куды сена вал'ат// йап вам пъгъворила [о повети] – КРСНГ*). Это свидетельствует, как кажется, не только о большей устойчивости языковых фактов в диалектной системе, о ее способности хранить утраченные литературным языком явления, но и о большей

традиционности мировосприятия, свойственной диалектоносителю. Речь идет о традиционности восприятия ограничительного значения в соотношении с результативным как фрагмента целостного действия, ограниченного по времени протекания.

В ходе исследования обнаруживается, что закономерности семантической эволюции глагольных приставок соотносятся с особенностями развития системы беспрефиксных глаголов, способных соединяться с приставками. Одна из таких особенностей – более поздний характер включения в процесс внутриглагольной префиксации производящих глаголов с общим значением деятельности, а не конкретного действия, направленного на объект:

повоевать – ‘вести военные действия’ (ср. с ЛСВ ‘нападать на кого-л.’, ‘завоевывать’), *учить* – ‘заниматься учением’ (ср. *учить* – ‘обучать’, ‘наставлять кого-л.’).

Диалектный материал играет важную роль и в осмыслении динамики формирования дистрибутивного значения в семантической структуре приставки *по-* на базе исходного пространственно-результативного как значения последовательного охвата действием всех (многих) точек поверхности. Анализ показывает, что часто оно формируется на основе пространственно-результативного именно как вторичное значение в сочетании с глаголами конкретного физического действия: *побить* (все или многое), *покидать*, *поделать*. В говорах употребление диалектных глаголов с дистрибутивной семантикой шире, чем в литературном языке: *пабрали фсе тавары*, (КСРНГ), *у нас чайники фсе пькупили* (КСРНГ). Значительно разнообразнее в говорах по сравнению с литературным языком и круг первичнопрефиксальных глаголов, способных взаимодействовать с дистрибутивной приставкой *по-*: *повыладить* (все или многое), *повыкрушить*, *повыкусать* и др. У диалектных двупроставочных глаголов часто вполне отчетливо прослеживается значение постепенного распространения действия на многие объекты, последовательного, многоактного осуществления его многими субъектами, характерное для раннего периода развития литературного языка: *А из сошки ён омешки повыколнет*. (КСРНГ). *Мост весь повыладили* (то есть разобрали) *мужики* (там же).

Системное включение диалектного материала в качестве эмпирической базы динамического исследования словообразовательных процессов в области глагольного словопроизводства пока встречается в единичных случаях и не всегда на материале русского языка [Ананьева 2001], хотя практика такого изучения словообразовательных процессов в сфере образования имен существует [Азарх 1984].

Важно, что отдельные выводы, полученные в ходе исследования морфемики диалектных приставочных глаголов [Шаброва 2003], согласуются с результатами динамического изучения процесса русской внутриглагольной префиксации на материале эмпирической базы исторических словарей русского литературного языка. Более последовательное включение

ние диалектного материала в процесс синхронно-диахронного исследования словообразовательных подсистем составляет одну из задач дальнейшего развития современной дериватологии.

Литература:

Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М., 1984.

Ананьева Н.Е. Префиксальные глаголы в древнепольском языке (XV-VI вв.) и современных польских диалектах. Автореф. дис. ... д. филол. н. – М., 2001.

Баранникова Л.И. О соотношении системного и диахронического подхода к языку (из истории вопроса) // Язык и общество. – Вып. 11. – Саратов, 1997.

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. – М., 1963. – Т. 1.

Дмитриева О.И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации. – Саратов, 2005.

Кадькалов Ю.Г. Из истории отвлеченных существительных: Имена с суффиксом *-ij(-j)* в русском языке. – Саратов, 2007.

Кадькалова Э.П. К изучению законов словопроизводства: Агентивные глаголы в русском языке. – Саратов, 2007.

Крючкова О.Ю. Редупликация как явление русского словообразования. – Саратов, 2000.

Трубачев О.Н. Синхрония, диахрония – und kein Ende ... (маргиналии по русскому историческому словообразованию.) // Исследования по русскому историческому словообразованию. – М., 1994.

Улуханов И.С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка // Исследования по историческому словообразованию. – М., 1994.

Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола. – Санкт-Петербург, 2003.

А.П. Каргина

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕРУССКИХ ГЛАГОЛОВ В ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ КАМЧАДАЛОВ)

Для общерусских глаголов, функционирующих в говорах камчадалов, свойственны все те грамматические характеристики, которые присущи идентичным по форме выражения лексемам в системе литературного языка (далее – ЛЯ): управление именами, категории вида, времени, залога, переходность / непереходность и пр. По замечанию А.Ф. Манаенковой, «во всей совокупности русских говоров глагол отличается большим грамматическим единством и большой общностью с литературным языком» [Манаенкова 1992: 112]. Но функционирование общерусских глаголов в диалектной системе с точки зрения проявления их грамматических признаков имеет свои особенности, отличные от соотносимых с ними слов в ЛЯ.

В говорах камчадалов нами были отмечены следующие грамматические особенности функционирования общерусских глаголов.

1. Различия в управлении

Лексико-грамматическая характеристика управляющего и управляемого компонентов в ЛЯ и в говорах различна. Этим обусловлено наличие отличительных особенностей управления общерусских глаголов в говорах камчадалов. Среди таких особенностей мы отметим следующие:

А. Схемы глагольных словосочетаний с локативным значением, не свойственные глаголу в ЛЯ. Например¹¹:

Глагол + сущ. в пр. п. без предлога¹²: *Ана́ живёт у́лице Ле́нинской.*

Млк. Потом́ рибу́ мешки́ кла́ли. Квр.

Б. Схемы глагольных словосочетаний с объектным значением, не свойственные глаголу в ЛЯ. Например:

Глагол + сущ. в им. п.= в.п. без предлога (со значением прямого объекта): *Убива́ли гу́си, у́тки, тушы́ли. Квр. Ве́шайут йу́кола, потом́ сусы́ли.*

Млк. Держа́ли чу́шки, ку́ры, коробы́, чу́шки ма́ло держа́ли. Клч.

Материалы экспедиций показали, что носители русских камчатских говоров активно используют подобные конструкции¹³, причем в качестве зависимых компонентов выступают не только существительные женского рода на –а, –я, но и существительные мужского рода с нулевым окончанием, а также существительные, склоняющиеся по типу прилагательных. Это позволяет утверждать, что на настоящем этапе развития системы русских говоров Камчатки конструкция «глагол + сущ. в им.=вин.п. без предлога» уже является не фактом заимствования из ительменского языка, а характерной чертой глагольного управления русских камчатских говоров.

В. Схемы управления некоторых глаголов, отличные от ЛЯ.

1 группа: глагол в ЛЯ управляет именем в том же падеже, но с предлогом (или, наоборот, в ЛЯ - без предлога, в говорах – с предлогом). Например:

Возиться + сущ. в тв. п. без предлога (в ЛЯ – с кем, чем): *Зимой́ не́чево бы́ло робы́ть, зимой́ по своему́ хозяйству́, детьми́ вози́лись, вары́ли рибу́, суп де́лали. Кмн. Щас фсе́ огоро́дами во́зимся, вре́мени не хвата́ит. Анв.*

2 группа: глагол в ЛЯ управляет именем в другом падеже. Одной из причин необычной для ЛЯ вариантности управления глагола в этом случае можно считать процесс аналогии: «В говорах выделяется группа глаголов, предложное управление которых объясняется воздействием со стороны

¹¹ В статье не дается весь языковой материал.

¹² Данные конструкции являются архаическими, они отражают формы местного падежа с локальным значением. Подобные конструкции встречаются и в других говорах [Луппова 1973: 13].

¹³ См. выше приведенные примеры, которые зарегистрированы в таких населенных пунктах, как Мильково, Ключи, Соболево и т.д.

синонимов, т.е. влиянием слов, связанных с ними общим значением» [Иванова 1961: 140]. Например:

Питаться + сущ. в пр.п. с предлогом на (в ЛЯ - чем): *Йесть шышечьный медвётъ, ёто потому што он на шышках пита́лся, мя́со у ни-во́ отдайо́т ма́сло растите́льным, а у ры́бново <медведя> друго́й фкус соверше́нно, срáзу атличя́йеца. Млк.*

3 группа: глагол в ЛЯ управляет именем в том же падеже, но с другим предлогом. Например:

Говорить + сущ. в р.п. с предлогом от (в ЛЯ – с чего): *Йа вам открь́то говорю́, она́ ничё не зна́ет, и они́ говорят от слоф люде́й, што йа от люде́й, то не зна́ю, а по мине́ вы мо́гите писа́ть, у нас бы́ла пра́вда, йа мно́го кому́ ста́ройе роска́зыва́ла. Млк.*

4 группа: глагол в ЛЯ не имеет схемы управления, свойственной говорам. Например:

Уйти + сущ. в р.п. с предлогом от: *Сын оди́н оста́лся, друго́йе ушли́ од жы́зни, Ле́ля ушла́ трица́ти, зять сорока́, фсе ушли́. Лю́ди уйдут од жы́зни, а де́ти оста́нуца. Два́цать пять ушо́л од жы́зни, фсе́ по нём страда́йеш. Млк.*

Г. Варианты управления, не свойственные общерусскому глаголу в ЛЯ¹⁴. Данные конструкции имеют одинаковый лексический состав, тождественны по значению и взаимозаменяемы, т.е. могут употребляться параллельно в «лексически одинаковых контекстах в речи одного или разных диалектоносителей» [Луппова 1973: 11].

1 группа: варианты дублетные формы (глагол управляет одной из форм, равнозначных по своей семантике и синтаксической функции, при этом параллельные зависимые формы не вносят каких-л. изменений в семантику глагола или конструкции в целом [Политова 1999: 37]). Диалектный язык как часть системы общенационального русского языка располагает широкой и разветвленной системой предложно-падежных конструкций. Богатство вариантности в этой области обусловлено «многозначностью производных предлогов, разные значения которых нередко вступают в синонимические отношения друг с другом, и пополнением предложной системы многочисленными новообразованиями, уточняющими отдельные значения первичных предлогов и выражающими новые значения и отношения» [Григорьева 1996: 60]. Например:

¹⁴ Вариативными конструкциями мы будем называть «конструкции, построенные по одной структурной схеме, на основе одного типа подчинительной связи, сохраняющие одинаковый характер синтаксических отношений, но различающиеся способом выражения зависимого компонента» [Политова 1999: 37]

Работать+ сущ. в в.п. с предлогом за = работать+ сущ. в в.п. с предлогом на: *За трудодні рабѳтали. Млк. Йа на трудодні не рабѳтал, но йа знаѳ, коѳхѳзники маѳло получаѳли. Тогда на трудодні рабѳтали, од зарѳ до зарѳ. Квр.*

2 группа: варианты-эквиваленты, или собственно вариантные формы («имеют некоторые отличия в лексической семантике и морфологическом оформлении, но сохраняют общность в семантике грамматической» [Политова 1999: 38]). Например:

Ловить + сущ. в тв.п. без предлога = ловить + сущ. в в.п. с предлогом на: *Ловѳли нѳводом, дѳиннайа сѳтка. Квр. Йа капканѳст – тѳлько на капканы ловѳю. Лѳвят рѳбу в основнѳм на сеть. Клч. Рѳбу ловѳли на прать, ѳто йапѳнскайа сурѳвайа нѳтка. У-К.*

3 группа: ряды вариантных форм, включающие формы 1 и 2 групп. Например:

Помереть + сущ. в р.п. с предлогом от = помереть + сущ. в р.п. с предлогом с = помереть + сущ. в тв. п. без предлога: *Скарлатѳн, от нейѳ пѳмерли двѳйе детѳѳ. Млк. А ранѳсе рѳбу йѳсли бы не поймал лѳтом, зимѳй бы з гѳлоду пѳмер. Сбл. Пампѳшки йѳли, тѳлько штѳбы з гѳлоду не померѳть. У.-Б. Фсе однѳй бѳльѳу пѳмерли, пищепровѳдом не шла пѳща. Он се вѳсь пять лет хворал, а потѳм и пѳмер, у мойевѳ мѳза три брата однѳй болѳзньѳ пѳмерли. Млк.*

Д. Границы употребления предлогов в и на в глагольном управлении предложным падежом могут стираться и становиться условными. Например:

Работать: *На связѳ йа рабѳтал, по столбам ходѳл. Я фсю жызнь рабѳтал ф кабеле. Потѳм на кабеле рабѳтал, потѳм на пѳнсийѳ ушѳл. Ф шкѳле когда учѳлись, и на парниках рабѳтали, и на полях. Млк. А твой сын рабѳтает на тѳндре, сѳас у Камѳаѳкой версѳне рабѳтает. Прт. Он фсѳ время рыбаѳ быѳ, фсѳ на водѳ и водѳ рабѳтал. Сбл. Я на корѳвнике рабѳтала, мноѳо корѳф бѳло. Анв.*

Е. Схема словосочетания свойственна и глаголу в ЛЯ, но отличается активностью употребления.

В говорах широко представлены глагольные словосочетания с предлогом *на* и существительным в в.п., выражающие целевые отношения. Они имеют значение «действия и предмета или лица, для которого или в интересах которого совершается действие» [ГРЯ 1960: 175]. Примеры таких словосочетаний в ЛЯ представлены немногочисленными примерами: ку-

пить на платье, работать на семью и пр. [ГРЯ 1960: 175]. В говорах камчадалов подобные словосочетания используются активно. Например, схема глагол + сущ. в в.п. с предлогом на:

Косить: *Хвоц коси́ли на се́но в ыйу́ле, кипре́й в августе, когда́ вода́ стикёт, хвоц коси́ли.* У-К. Тереть: *Картóшку те́рли на крахма́л.* Млк. Разделявать: *Ри́бу разде́львайу на йу́колу.* У-К. Собирать: *На цяй я́году соби́рали, шипо́вник, с ко́рни хоросó.* Клч. Сушить: *Из мя́ты йа́ буду сушы́ть на чай.* Млк. Ловить: *Мики́жа на йеду́ йейо́ лови́ли.* Млк.

2. Различия в проявлении категории переходности / непереходности

В говорах камчадалов общерусские глаголы, обладающие признаком непереходности в ЛЯ, получают возможность иметь при себе прямое дополнение и являются переходными. В говорах камчадалов указанные виды отношений находят свое проявление. Глаголы *дышать, рыбалить, бабничать, простывать, ухаживать, ходить, чаевать, заботиться, грозить, разговаривать, досадить, хныкать, сидеть, рыбачить, бродить, плевать, пойти, уйти, гаркать, забеременеть, наблюдать, обнести, погулять* являясь непереходными в ЛЯ (во всех или в некоторых значениях), в говорах выступают как переходные (при совпадении семантики или в собственно диалектном значении), доказательством чего является имеющееся при них прямое дополнение в форме в.п. С точки зрения признака переходности/непереходности можно выделить следующие группы общерусских глаголов, функционирующих в говорах камчадалов:

1 группа. Глагол непереходный в ЛЯ, но переходный в говорах (при совпадении семантики). Например:

Глагол **рыбалить** («То же, что рыбачить», «Заниматься рыболовством, ловить рыбу») [МАС 1987: 743-744]: *Сре́днейе – ре́чька расходи́лась рукава́ми, гольцо́ф рыба́лили.* Млк.

2 группа. Глагол непереходный в ЛЯ, но переходный в говорах (в собственно диалектном значении). Например:

Глагол **сидеть** («Находиться (обычно длительное время) на тропе, поджидая зверя»): *Ле́ха Пано́ф, мы с ним пошли́ уток сиде́ть, ре́чьку пере́шли, а Ле́ха забыл ружьи́о.* Млк.

В нашем случае зафиксированы примеры, когда общерусский глагол является переходным в говорах и непереходным в ЛЯ. При этом, глагол может быть переходным в говорах либо в собственно диалектном значении, либо в значении, которое свойственно этой лексеме в ЛЯ.

3. Различия в проявлении категории возвратности / невозвратности

Различия в проявлении категории возвратности / невозвратности связаны с тем, как соотносятся возвратные и невозвратные формы в говорах и

ЛЯ: в говорах функционирует невозвратная форма при возвратной в ЛЯ или, наоборот, невозвратной форме в ЛЯ соответствуют возвратная в говорах. Можно называть следующие причины возникновения таких форм в диалектных языковых системах: 1) «аналогическое происхождение / подобно литературным грозить-грозиться, решить-решиться и др.»; 2) употребление древнего варианта возвратного глагола в говорах [Бородина 1968: 40]. В говорах камчадалов мы наблюдаем следующие различия в проявлении категории возвратности / невозвратности:

1. Возвратному глаголу ЛЯ, являющемуся непереходным, в говорах соответствует невозвратная лексема, характеризующаяся переходностью.

Например, возвратный глагол **охотиться** (Заниматься охотой¹ (в 1 знач.: «Поиски и преследование зверя или птицы с целью добычи или истребления») [МАС 1986: 729]), не имеющий невозвратной соотносительной формы в ЛЯ, может быть соотнесен с невозвратным глаголом **охотить** в говорах: *Охóтим дик олэня. Тгл.*

2. В ЛЯ у возвратного глагола нет соотносительной невозвратной формы.

Например, глаголу **бахвалиться** («Кичливо, неумеренно хвастаться») [МАС 1985: 65] в говорах соответствует невозвратная форма **бахвалить**: *Прибегáл с Верхне-Камца́цка сюда́ на любóфь и назáт, йа не хочú бахвалíть. Вот э́ту зíму четы́ре пойма́л, ты не пишы́, а то ска́жут, бахвалíт. Млк.*

3. В ЛЯ имеется расхождение между исходным невозвратным глаголом и производным возвратным глаголом, в говорах камчадалов лексическое значение возвратного глагола не отличается от лексического значения соответствующего невозвратного.

Например, глаголы **интересовать** и **интересоваться** в говорах имеют общевозвратное значение, т.к. действие сосредотачивается в самом субъекте, и отличаются только фактом наличия или отсутствия аффикса -ся. В ЛЯ имеется расхождение в лексическом значении: *интересовать* «Возбуждать в ком-л. внимание, любопытство, интерес» и *интересоваться* «1. Проявлять интерес. 2. Спрашивать, любопытствовать, желая узнать что-л.» [БТС 2003: 395-396]. Это связано с тем, что в ЛЯ употребление аффикса -ся «изменяет не только грамматическое, но и, в бóльшей или меньшей степени, лексическое значение исходного глагола» [Тимофеев 1962: 52]. В говорах камчадалов подобного расхождения может не быть. Например: *Была́ це́ркофь, то́лько йа не ходíла, не véрила, úли бестолкóвая была́, úли це́, йа не интересова́ла <= интересовалась>. Квр. Попадёт со́бол ф капкáн, фсе́ изобьё́т, назывáйеца у́толока, изрóзет фсе́, со́бол интересу́йеца э́тим мéстом. Клч.*

4. Невозвратному глаголу ЛЯ соответствует возвратная форма в говорах.

1 группа. Невозвратные глаголы, имеющие соотносительную форму с -ся в говорах и не имеющие таковой в ЛЯ. Например:

Лукавить («Хитрить, притворяться, имея какой-л. умысел») [МАС 1986: 203]– **лукавиться** («Хитрить, прятаться от охотника (о животных и птицах)») [СРКН 1977: 96]. *Лука́вица собо́ль, когда́ скрыва́йеца. Ума́тыва́йеца соба́ка, устайо́т или лука́вица, не тя́нет, ста́вили у на́рты, поро́ть штоп. Млк.*

2 группа. В ЛЯ невозвратный глагол и соотносительная с ним форма на -ся имеют различие в значении, в говорах они имеют идентичную семантику.

Например, глагол **лаяться** в ЛЯ имеет значение «Браниться, ругаться» [МАС 1986: 166]. В говорах камчадалов этот глагол имеет то же значение, что и глагол **лаять** – «Издавать лай (о собаке, лисице и некоторых других животных)» [МАС 1986: 166]: *А там соба́ка си́льно ла́ица, он с ней на охо́ту хо́дит. Млк.*

3 группа. В ЛЯ невозвратный и соотносительный с ним возвратный глагол имеют разные значения, в говорах – в значении невозвратного используется форма с -ся. Например:

Кормить («Давать корм, пищу») [МАС 1986: 104]→ **кормиться**: *Корми́лись дла́ sibя́, привизо́с ма́леньково <медвежонка>, ви́ростет. Елз.*

3. Различия в проявлении категории вида.

В говорах камчадалов имеются двувидовые общерусские глаголы, которые не являются таковыми в ЛЯ. Особенность проявления категории вида в системе камчатского диалекта проявляется в следующем:

1. В ЛЯ общерусский глагол не является двувидовым, в говорах зафиксирован в значении как совершенного, так и несовершенного вида. Например, глагол **сказать**: *Хоро́шая ты, но ща́стья у тебя́ не бу́дет. – Я го-ворю, переста́нь ху́до сказа́ть. Млк. Потом в 36 году́, йа уже́ сказа́л, што жени́лись. Млк. Ва́чкуч – о челове́ке мо́гут так сказа́ть. Клч.*

В ЛЯ идентичная с данной по форме выражения лексема не обладает грамматическим признаком двувидовости.

2. Глагол в говорах – совершенного вида, в ЛЯ – несовершенного. Например, глагол **бередить** («Причинять боль прикосновением к ране, болячке, ссадине и т.п.») [МАС 1985: 79]) является в ЛЯ глаголом несовершенного вида. В говорах камчадалов этот глагол выступает как лексема совершенного вида: *Обнесло́ <закружило голову>, да она́ на скаме́йку, бо́к-то береди́ла. Млк.*

4. Различия в проявлении категории времени

Проявление категории времени в говорах камчадалов может иметь свои особенности. Среди них мы назовем следующие.

1. Следы древних формы времен:

А. Остатки форм плюсквамперфекта: *Дэти недорóски бы́ли, мо́жно ф шко́лу определіть, имела́ разгово́р был з детьмі, ма́ма, ты уходи́, а мы оста́немся. Ста́рша систра́ крёсна хоте́ла бы́л. Млк.* Значение прошедшего времени передано при помощи остатка перфекта от глагола *быть* (*был*) и причастия на *л* спрягаемого глагола (*имела, хотела*). Вспомогательный глагол перфекта от *быть* утрачен.

Б. Остатки формы перфекта: *Когда́ глубо́кий снec нам гранули́рованный комбикóрм быва́ли вози́ли, што́бы табу́н не удо́х. Ру́ские прие́хали оттуда́, где я́рмарки пра́зновали быва́ли. Анв.* В говорах камчадалов имеются также формы, которые могут быть отнесены к архаическим фактам, свидетельствующим о когда-то существовавшей в говорах переходной форме перфекта: *Об э́том языке́ в би́блии запи́сано есть. Клч.*

2. Переносное употребление временных форм глаголов.

А. Грамматическое значение формы будущего времени глагола несовершенного вида при ее переносном употреблении может найти выражение в модальном оттенке уверенности в том, что действие обязательно осуществится, причем это значение отнесено к плану прошлого: *Бра́ли две то́ненькийе иго́лки в блю́ще с водо́й, пойдёи́ спать, йе́сли сойединя́ца, то за́муш вы́йдеи́, в мо́лодости фсе́ бу́дет интере́сно. Млк.*

Б. Формы настоящего времени глагола используются для обозначения фактов, уже не актуальных «для периода, включающего текущий момент высказывания» [Перцов 1998: 14], поскольку контекст указывает на то, что «время данного факта предшествует некоторой точке отчета» [Перцов 1998: 12]: *Ра́ньше дет хорошо́ пойо́т. Млк. Ра́нyse деревя́ны бо́чки йесть. Тгл.*

В данном случае для выражения семантики прошедшего времени используются формы настоящего времени, поскольку они обозначают факт действия в прошлом, на которое указывает наречие *раньше*. Кроме того, формы настоящего времени могут быть легко заменены в контекстах формами прошедшего времени (*нел, были*). Грамматическое значение настоящего времени растворяется в значении контекста и не включается в общий смысл конструкции. Встречаются и обратные случаи: в значении настоящего или будущего времени используется форма прошедшего: *Сейча́с ба-раба́н не гото́вили, што́-то фсе́ ушло́. Су́чечька окоти́лась, щас у них был кутёнок. Млк.*

При образовании формы повелительного наклонения может использоваться форма прошедшего времени (вместо формы простого будущего): *Давай трепакá сварил. Млк.*

3. Свободное использование разных видо-временных форм в одном контексте.

Таким образом, общерусские глаголы в говорах камчадалов имеют разноплановые грамматические особенности. К ним относятся: 1. Различия в управлении: а) схемы глагольных словосочетаний с локативным значением, не свойственные глаголу в ЛЯ; б) схемы глагольных словосочетаний с объектным значением, не свойственные глаголу в ЛЯ; в) схемы управления некоторых глаголов, отличные от ЛЯ; г) варианты управления, не свойственные общерусскому глаголу в ЛЯ; д) смешение в употреблении предлогов *в* и *на*; е) схема словосочетания свойственна и глаголу в ЛЯ, но отличается активностью употребления в говорах. 2. Различия в проявлении категории переходности / непереходности: в ЛЯ глагол является непереходным, в говорах - переходным. 3. Различия в проявлении категории возвратности / невозвратности: 1) возвратному глаголу ЛЯ, являющемуся непереходным, в говорах соответствует невозвратная лексема, характеризующаяся переходностью; 2) в ЛЯ у возвратного глагола нет соотносительной невозвратной формы; 3) в ЛЯ имеется расхождение между исходным невозвратным глаголом и производным возвратным глаголом, в говорах камчадалов лексическое значение возвратного глагола не отличается от лексического значения соответствующего невозвратного; 4) невозвратному глаголу ЛЯ соответствует возвратная форма в говорах: (а) невозвратные глаголы, имеющие соотносительную форму с *-ся* в говорах и не имеющие таковой в ЛЯ; б) в ЛЯ невозвратный глагол и соотносительная с ним форма на *-ся* имеют различие в значении, в говорах они имеют идентичную семантику; в) в ЛЯ невозвратный и соотносительный с ним возвратный глагол имеют разные значения, в говорах – в значении невозвратного используется форма с *-ся*). 4. Различия в проявлении категории вида: 1) в ЛЯ общерусский глагол не является двувидовым, в говорах зафиксирован в значении как совершенного, так и несовершенного вида; 2) в ЛЯ глагол является лексемой несовершенного вида, в говорах - совершенного. 5. Особенности проявления категории времени: 1) наличие древних форм времени; 2) переносное употребление временных форм глаголов; 3) свободное использование разных видо-временных форм в одном контексте.

Литература:

- Большой толковый словарь русского языка/ под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2003.
Бородин М.Н. О глаголе в говоре западной части Любимского района Ярославской области // Вопросы русского языка/ Ярославск. гос. пед. ин-т; под ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1968. – Вып. II: Стилистика и диалектология.
Грамматика русского языка/ под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной. – М., 1960. – Т. 2 : Синтаксис. – Ч. 1.

Григорьева М.Ю. Вариативность конструкций глагольного управления : Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996.

Иванова В.А. Особенности управления некоторых глаголов в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М., 1961.

Крючкова М.Л. Лексико-синтаксическая сочетаемость глаголов эмоционального состояния и отношения с именами: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981.

Луппова Г.П. Глагольно-именные словосочетания в русских говорах на Алтае (на материале говоров Топчихинского района): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 1973.

Манаенкова А.Ф. Русская диалектология. Минск, 1992.

Перцов Н.В. К проблеме инварианта грамматического значения (Глагольное время в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 1

Политова И.Н. Переходные явления в области сильного и слабого глагольного управления: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.

Симина Г.Я. Пинежье: очерки по морфологии пинежского говора. – Л., 1970.

Словарь русского камчатского наречия/ под ред. К.М. Браславца, Л.В. Шатуновой и др. – Хабаровск, 1977.

Словарь русского языка/ под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1985-1988. – Т. 1-4.

Тимофеев К.А. Еще раз о залоге русского глагола (Заметки и наблюдения) // Уч. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена; под ред. А.Г. Руднева и др. – Л., 1965. – Т. 257: Материалы конференции северного зонального объединения кафедр рус. яз. пединститутов 1962.

СПИСОК НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КАМЧАТСКОГО КРАЯ И ИХ СОКРАЩЕНИЙ

с. Анавгай	Анв.	с. Мильково	Млк.
г. Елизово	Елз.	п. Николаевка	Нкл.
с. Ковран	Квр.	с. Паратунка	Прт.
п. Козыревск	Кзр.	с. Соболево	Сбл.
п. Ключи	Клч.	с. Тигиль	Тгл.
с. Каменское	Кмн.	п. Усть-Камчатск	У-К.
с. Коряки	Крк.	п. Усть-Больщерецк	У-Б.

Л.Ю. Костина

СИНКРЕТИЧНЫЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА СТАНИЦЫ АРХАНГЕЛЬСКОЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)*

Выделение различных типов диалектизмов начинается в русской диалектологии с середины прошлого века в связи с необходимостью лексикографического описания говоров. Определение языкового статуса диалектного различия, отнесение диалектной лексемы к тому или иному типу в зависимости от соотношения с соответствующими лексемами литературного языка – все это способствует более четкому описанию диалектизма в словаре. Терминологически типы диалектизмов, выделяемые разными ис-

следователями, мало отличаются. Традиционно рассматриваются *собственно лексические* диалектизмы (местные единицы, корни которых неизвестны литературному языку, или производные от корней, представленных в литературном языке, но имеющие в говорах свои особые значения); *лексико-словообразовательные* (единицы, отличающиеся от соответствующих им эквивалентов литературного языка словообразовательной структурой, то есть имеющие то же значение, что и в литературном языке, но с другим аффиксом или аффиксами), *лексико-фонетические*, или *фонематические* (единицы, совпадающие по значению с литературными, но частично отличающиеся от них фонемным составом), *лексико-семантические* (единицы, совпадающие по форме с литературными, но имеющие иное значение).

Однако представленные типы не охватывают всего разнообразия диалектной лексики исследуемого говора. Отдельно нами рассматриваются диалектные единицы, которые нельзя отнести ни к одному типу в силу двойной трактовки, по-разному сопоставив с лексемами литературного языка. Подобные диалектизмы Е.В. Кузнецовой названы синкретичными [Кузнецова 2005].

Приведем примеры синкретичных диалектизмов, записанных нами в ст-це Архангельской Краснодарского края. *Голодо□вка* ‘голод’ можно трактовать как семантический диалектизм (ср. лит. *голодо□вка* ‘отказ от пищи в знак протеста’ [Словарь русского языка, Т. 3 1985-1988]) и одновременно как лексико-словообразовательный (с помощью суффикса *-овк-* от производящей основы *го□лод*); *завари□ть* ‘обварить кого-л.’ – как семантический диалектизм (ср. лит. *завари□ть* ‘приготовить навар, настой из чего-л.’ [Словарь современного русского литературного языка, Т. 4 1950-1965]) и как лексико-словообразовательный, отличающийся от литературного эквивалента префиксом *за-*; *зача□ть* ‘начать’, *зачина□ть* ‘начинать’ – как семантические диалектизмы (ср. лит. *зача□ть* ‘дать начало жизни кому-н., зародить’ [Словарь современного русского литературного языка, Т. 4 1950-1965], *зачина□ть*, сов. *зача□ть* ‘затевать’ [Словарь современного русского литературного языка, Т. 4 1950-1965]) и как лексико-словообразовательные, отличающиеся от литературных эквивалентов префиксом *за-*; *нагна□ть* ‘прогнать’, *нагоня□ть* ‘прогонять’ – как семантические (ср. с лит. *нагна□ть* ‘1) догнать, настигнуть; 2) наверстать, выполнить то, что не выполнено; 3) сгоняя, гоня, сосредоточить в одном месте; 4) разг. внушить кому-н. какое-н. чувство (унылое, тяжелое)’ [Словарь русского языка, Т. 2 1985-1988] и 11 значений в Большом академическом словаре [Словарь современного русского литературного языка, Т.7 1950-1965], *нагоня□ть*, сов. *нагна□ть*) и лексико-словообразовательные, отличающиеся от литературных эквивалентов префиксом *на-*; *поверну□ться* ‘вернуться’ – как семантический (ср. с лит. *поверну□ться* ‘1) вращательным движением или ворочаясь изменить положение; 2) сделав поворот, изменить направление движения; 3) перен. разг. полу-

чить иное направление, иное развитие' [Словарь современного русского литературного языка, Т.10 1950-1965]) и лексико-словообразовательный, отличающийся от литературного эквивалента префиксом *по-*; *подстрижка* 'стрижка' – как семантический (ср. с лит. *подстрижка* 'действие по знач. глаг. подстричь' [Словарь современного русского литературного языка, Т. 10 1950-1965]) и лексико-словообразовательный, отличающийся от литературного эквивалента префиксом *под-*; *проезжий* 'некоренной житель, приезжий' – как семантический (ср. с лит. *проезжий* '1) проезжающий откуда куда-л., путешествующий; 2) пригодный или предназначенный для езды' [Словарь современного русского литературного языка, Т. 11 1950-1965]) и лексико-словообразовательный, отличающийся от литературного эквивалента префиксом *про-*. Языковое чутьё, бесспорно, подсказывает, что во всех случаях более справедлива лексико-словообразовательная трактовка, но все же нельзя отрицать и вероятность семантической версии, то есть потенциальной семантической мотивированности приведенных диалектизмов литературными лексемами, тем более что можно выявить интегральные семы в значениях лексических параллелей: 'отсутствие пищи' – в первом случае, 'обдать, облить кипятком' – во втором, 'дать начало' – в третьем; 'заставить двигаться' – в четвертом; 'изменить положение' – в пятом, 'обрезать волосы' – в шестом, 'приехавший откуда-либо' – в седьмом. В случае же с диалектизмом *мыло* 'мыльнянка, сапонария: трава, которая дает пену, если ее окунуть в воду и потереть', на наш взгляд, более справедлива «семантическая» версия (ср. лит. *мыло*), хотя возможна и словообразовательная трактовка (ср. лит. *мыльнянка* 'травянистое растение семейства гвоздичных, корень которого содержит сапонин' [Словарь русского языка, Т. 3 1985-1988]). Приведем примеры диалектизмов с иными характеристиками: *гоготушка* 'хохотушка' – лексико-словообразовательный диалектизм (ср. *прост.* *гоготушня*) или смешанный (фонематический + лексико-словообразовательный) (ср. с *разг.* *хохотушка*); *горобышек* 'маленький воробей' – фонематический диалектизм (ср. с лит. *воробышек*) или суффиксальное производное от диалектного *горобеи* 'воробей'; *погинуть* 'сгинуть, пропасть, погибнуть' – фонематический диалектизм (ср. с лит. *погибнуть*) или лексико-словообразовательный (ср. с лит. *сгинуть*).

Синкретичных диалектизмов в исследуемом говоре ст-цы Архангельской зафиксировано 13, что составляет 0,8 % от общего числа диалектной лексики. Несмотря на незначительную представленность, выделение данного типа правомерно и целесообразно, поскольку позволяет более адекватно описывать лексический состав диасистемы.

*Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ № 09-04-38402 а/Ю.

Литература:

Кузнецова Е.В. Мотивационный потенциал диалектного слова (на материале метеорологической лексики донских говоров): Дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005.

Словарь русского языка: в 4 т. – М., 1985–1988.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М. –Л., 1950–1965.

Р.И. Кудряшова

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ГОВОРЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Волгоградская область относится к территории позднего заселения, где бытуют переселенческие говоры разного типа (в соответствии со временем заселения того или иного региона): ранние переселенческие, собственно переселенческие и поздние переселенческие, по классификации Л.И. Баранниковой [Баранникова 1975: 22-31]. К первым относятся южнорусские донские казачьи говоры, сформировавшиеся в XVI-XVII вв. и занимающие западную половину области, ко вторым – волжские, весьма пестрые, неоднородные, располагающиеся в восточной половине области, которые начали формироваться с середины XVIII в. и среди которых находим среднерусские, южнорусские, севернорусские диалекты, а также говоры, совмещающие в своей системе южнорусские и украинские речевые элементы. К поздним переселенческим относится ряд говоров Заволжья [Орлов 1984; Кудряшова 1997]. Столь разнородный характер волгоградских говоров объясняется историей заселения края, а также тем, что до 1918 года данная территория не представляла собой одну административно-территориальную единицу: западная половина области (Подонье) относилась к Области Войска Донского, восточная – к Саратовской, Астраханской и Самарской губерниям.

В центре внимания русской диалектологии в прошлом были говоры раннего формирования. В настоящее же время большое внимание уделяется говорам территорий позднего заселения, вопросам их формирования, современного состояния, перспективам дальнейшего развития. Именно изучение переселенческих говоров позволяет выявить соотношение экстра- и интралингвистических факторов, обуславливающих специфику развития языков и диалектов в их прошлом и современном состоянии, а также наметить некоторые закономерности дальнейшего изменения диалектных систем [Баранникова 1977: 3-24].

Многолетнее исследование волгоградских диалектов дает нам возможность говорить о своеобразии функционирования переселенческих говоров разного типа.

Исследование *ранних переселенческих* говоров донского казачества позволило прийти к заключению, что они представляют собой исторически

сложившуюся особую социально замкнутую диалектную группу, являются *социально изолированными*.

Социально изолированными в нашем понимании являются говоры, которые характеризуются обособленным существованием и развитием не в силу специфики их географического положения, а в связи с особым социальным положением, сложившимся исторически. В отличие от территориально изолированных говоров, социально изолированные могут соседствовать и с говорами, имеющими сходные с ними черты, и с говорами, отличающимися от них по своим особенностям. Но они обладают особой спецификой в сравнении с островными говорами другого типа. Именно к таким говорам социально изолированного типа относятся донские казачьи говоры Волгоградской области [Кудряшова, 1998].

Формирование донских говоров связано с историей казачества, образования на Дону особого замкнутого военно-служилого сословия (субэтноса) защитников русской земли. Обособленность социальная, сословная и территориальная, чувство социальной исключительности повлекли за собой изоляцию языковую. В условиях существования донского казачьего диалекта практически исключалось воздействие со стороны других диалектных систем – из-за своеобразного обособленного уклада жизни казаков. Общение между казаками различных округов могло привести к каким-либо изменениям в частной донской диалектной системе, но соседние не казачьи говоры практически не оказывали влияния на замкнутый донской диалект, так как они просто отторгались носителями донских говоров. Таким образом, социально-историческая изоляция донского казачества привела к изоляции языковой.

В основу ранних переселенческих донских казачьих говоров легла речь крестьян, пришедших из южнорусских губерний и составивших основную массу переселенцев. В результате длительного времени совместного существования, постоянного взаимодействия, взаимовлияния и смешения черт различных диалектов на территории донского казачества сформировался массив однородных южнорусских говоров, которые характеризуются многими общими чертами на всех уровнях диалектной системы. Заметим, что в последнем издании учебника «Русская диалектология» под ред. Л.Л. Касаткина донские говоры впервые выделены в отдельную *донскую группу* южнорусского наречия [Касаткин 2005: 266-267], хотя они являются переселенческими и потому не представлены на Диалектологической карте 1964 г. и не картографированы в Диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ).

Волжские говоры, относящиеся к *собственно переселенческим*, не представляют единства. Многие из них еще сохраняют связь с материнскими диалектами, хотя на новой территории подвергаются воздействию как соседних диалектов, так и влиянию литературного языка. Л.М. Орлов по системно-структурным особенностям представленных на территории

Волгоградской области поволжских диалектов выделил среди них следующие группы: 1) погроменско-ельшанскую, 2) верхнемедведицкую, 3) терсинскую, 4) ахтубинскую, 5) мокроольховскую, 6) перещепновско-краишевскую, 7) аксайскую [Орлов 1984].

Погроменско-ельшанская – группа окающих говоров севернорусского типа. Верхнемедведицкие, терсинские и ахтубинские говоры – среднерусские по своим особенностям, но разного типа, совмещающие в своей системе различные черты южнорусского и севернорусского наречия (с разным «набором» южных и северных черт). Мокроольховские говоры являются южнорусскими, представлены переселенцами из Тамбовской губернии. Перещепновско-краишевская группа – группа южнорусских цокающих мещерских говоров. Аксайская группа представлена смешанными говорами, в которых соединяются особенности южнорусских и восточно-украинских диалектов.

Для собственно переселенческих волжских говоров Волгоградской области, как и для других говоров Среднего и Нижнего Поволжья, характерно активное междиалектное контактирование, тесное взаимодействие соседних говоров с разными диалектными основами. Взаимодействие, взаимовлияние наблюдается на всех языковых уровнях, в результате чего исходная диалектная система становится неустойчивой, претерпевает изменения. Очень интенсивно идет процесс разрушения исконных диалектных систем, о чем свидетельствует значительное варьирование как в плане выражения, так и в плане содержания. Подтверждением этому могут служить многолетние исследования собственно переселенческих говоров Среднего и Нижнего Поволжья, проведенные диалектологами Саратова, Самары, Волгограда, Астрахани под руководством профессора Саратовского государственного университета Л.И. Баранниковой в ходе работы над Атласом русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья (см. работы Л.И. Баранниковой, М.Н. Барабиной, Т.Ф. Зибровой, Р.И. Кудряшовой, О.В. Якуниной и др.).

Говоря о том, что волжские говоры претерпевают значительные изменения в результате междиалектного и межъязыкового контактирования, нельзя не отметить, что среди волжских диалектов Волгоградской области существуют и *территориально изолированные*, островные говоры. К ним относим южнорусские цокающие говоры, которые находим в двух крупных селах: Перещепное Котовского района и Краишево Еланского района. Известно, что цоканье присуще главным образом севернорусским диалектам, в южнорусских говорах оно встречается только в мещерских диалектах под Рязанью. Именно оттуда и пришли в Поволжье предки современных перещепновцев и краишевцев. В 1787 г. образовалось село Перещепное [Минх 1901: 761], в 1799 г. – село Краишево. Несмотря на то, что эти говоры в течение двух веков окружены разнотипными южнорусскими, среднерусскими говорами и должны были бы претерпеть значительные

изменения под влиянием соседних диалектов, они все же сохраняют те черты, которые отличают их от окружающих. Объясняется это тем, что жители данных сел вели обособленный образ жизни. Их говор разительно отличался от других – в первую очередь такой яркой фонетической чертой, как цоканье. Местные жители знали об этой особенности и старались не общаться с посторонними, чтобы лишний раз не услышать осуждения или насмешек со стороны «чужих» (с давних пор села Краишево и Перещепное иронически называют «цукреспубликой», а за жителями закрепилось прозвище – «цуканы»). Всё это вынуждало краишевцев и перещепновцев вести отстраненное существование, слабо контактировать с жителями других населенных пунктов, что и способствовало сохранению главных, существенных черт системы диалекта.

Исследователи островных поселений на территории России и Германии [Жирмунский 1976: 491 – 516; Хааг 1955: 70 – 91] отмечают, что под влиянием окружающих инодиалектных и иноязыковых систем территориально изолированные говоры теряют прежде всего именно первичные, главные признаки, отличающие их от других диалектов. Сохраняют свои архаические особенности говоры в том случае, если они полностью изолированы от сходных с ними диалектов и лишены связи с городской культурой и литературным языком. Именно к последним относятся на территории Волгоградской области мещерские говоры, которые в течение длительного времени были практически изолированы.

Сравнение языковых процессов в ранних переселенческих донских казачьих говорах и собственно переселенческих волжских говорах Волгоградской области, возникших значительно позднее, показало, что, в отличие от волжских, донские говоры сохраняют цельность и не испытывают воздействия иноязыковых и инодиалектных систем. Диалектологические экспедиции 60-х, 70-х, 90-х годов XX в. и начала XXI в. в донские районы позволяют утверждать, что в системе современных волгоградских казачьих диалектов по-прежнему проявляются все те особенности, которые были характерны для ее старой системы. Основные черты диалекта в речи старшего поколения сохранились.

В настоящее время все говоры испытывают активное воздействие литературного языка. Но если волжские говоры подвергаются влиянию как литературного языка, так и соседних диалектов, то донские по-прежнему не взаимодействуют с другими диалектными системами, а подвергаются воздействию главным образом только литературного языка. Внутренняя целостность системы донских казачьих говоров препятствует их интенсивному разрушению. Немаловажную роль, на наш взгляд, играет и то, что рассматриваемые говоры распространены на большой территории. Они и сейчас для значительной части местных жителей остаются основным средством повседневного общения. «В этих условиях тенденции к сохранению

используемой коммуникативной системы преобладают над тенденциями к ее изменению» [Баранникова, 1991].

Поздние переселенческие говоры Волгоградской области, бытующие главным образом в Заволжье, изучены в значительно меньшей степени, чем ранние и основные. Однако наблюдения, которые проведены в населенных пунктах, возникших в конце XIX – начале XX вв. и говор которых не являлся однородным, представлял бидиалектную, полидиалектную или смешанную основу, показывают, что в них до настоящего времени не выработалась единая диалектная система (если, конечно, первичный говор не являлся монодиалектным), переселенцы сохраняют черты материнского диалекта. Известно, что для образования вторичных говоров требуется длительный период их бытования на новой территории. Безусловно, такие говоры требуют дальнейшего изучения с целью выявления путей их развития. Можно предположить, что на их дальнейшее существование и развитие большее влияние будет оказывать литературный язык.

Литература:

Баранникова Л.И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. – Саратов, 2000.

Баранникова Л.И. Об устойчивости диалектной системы // Системность в языке, речи, тексте. – Нижний Новгород, 1991.

Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2.

Баранникова Л.И. К проблеме классификации говоров территорий позднего заселения // Говоры территорий позднего заселения. Вып. I. – Саратов, 1977.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. – Вып. 1. Фонетика. – М., 1986; – Вып.2. Морфология. – М., 1989; – Вып. 3. Синтаксис. Лексика. – М., 1996; – Минск, 1997; – М., 2004. (ДАРЯ)

Жирмунский В.М. Проблемы переселенческой диалектологии // Общее и германское языкознание. – Л., 1976.

Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем. – Волгоград, 1997.

Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). – Волгоград, 1998.

Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. – Т. 1. – Вып 3. – Саратов, 1901.

Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области. – Волгоград, 1984.

Русская диалектология/ Под ред. Л.Л. Касаткина. – М., 2005 (Касаткин, 2005).

Хааг К. О границах диалектов // Немецкая диалектография. – М., 1955.

О.В. Малоземлина

**ФОНЕТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОЙ УСТНОЙ НАРОДНОЙ
РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ КАМЧАТСКИХ ГОВОРОВ)**

Камчатские говоры – говоры метисированного населения Камчатского полуострова, появившегося на Камчатке вследствие межэтнической ассимиляции русских казаков и коренных народов полуострова (ительменов, коряков, эвенов), – представляют огромный интерес для диалектологов в плане изучения лексики и фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса. Определённого внимания требует описание фонетических особенностей данных говоров. Особый интерес представляет речь старшего поколения русскоязычных камчадалов, так как в связи с усилившимся в последнее время влиянием на говоры литературного языка многие фонетические диалектные особенности речи коренного населения молодым поколением уже утрачены.

Камчатские говоры, относящиеся к говорам территорий позднего заселения, «формировались в условиях широких диалектных и, во многих случаях, языковых контактов, в процессе сложного преобразования материнских говоров европейской части страны» [Рябинина 1996: 7]. Таким образом, именно особые экстралингвистические факторы обусловили специфику современных камчатских говоров. Рассмотрим самые яркие фонетические черты речи русскоязычных камчадалов.

Система вокализма. Состав гласных фонем в камчатских говорах, как и в современном русском литературном языке, пятифонемный, т.е. в сильной позиции (под ударением перед твёрдым согласным) здесь представлены фонемы <и>, <у>, <э>, <о>, <а>: *Шурпá / из д́икой у́тки / д́лали домáшнюю лапш́у / мука́ / соль и спéцыи.* ДЛН. *Потроха́ / внúтренности олёня кладúт ф кастрjúлю // Два чяса́ мочят в ё́том траву́ // По мéре намокáния траву́ заменя́ют нóвой / при ё́том вы́жаф йейó ф кастрjúлю // Постойáнно мешáют рука́ми // Затём вáрят / добавля́ют жыр / кóрни.* У-Б¹⁵.

В области безударного вокализма камчатские говоры в большинстве своём являются окающими. В первом предударном слоге после твёрдых согласных звук [о] сохраняет своё качество: *Иди́ вы́броси опáну чю́шкам / ё́то одбрóсы / очíстки / у нас таг говоря́т / опáну.* ДЛН. *Не мнóго корóф бы́ло.* КВР. Оканье отражено в малограмотном письме камчадалов – звуки [о] и [а] употребляются, как правило, этимологически верно: *Княжн́ику собира́ем / варéнье д́лаем // Я из рéвеня готóвлю (варенье) / тудá шкурéнки / пра́вда / онó кислова́тойе // Та́гжэ́ из ряб́ины.* ДЛН. На месте безударного звука [а] в некоторых словах отмечен гласный звук [о]: *у коли́ново моштá; корто́шка хорóша.*

¹⁵ Иллюстративный материал, используемый в настоящей статье, выбран из картотеки лаборатории региональной этнолингвистики ГОУ ВПО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга».

Во втором предударном слогe после твёрдых согласных звук [o] также сохраняет своё качество или, лабиализуясь, приближается к звуку [y]: *Я рабóтала ф пищекомбинáте // Там мя́со / вино́ и колбасу́ дéлала // Из молока́ дéлайеца продúкты / кисели́ / ворéнку // Ис тако́ молока́ здéлайес / а потóм вýдерзис. МЛК. Йáма вúкопат / голо́фки полóжат / рят ыкры́ / опáт голо́фки / назывáли кислоголо́ф. СБЛ.*

В первом заударном закрытом слогe звук [o], как правило, остаётся неизменным и редукации не подвергается: *Твой дорóгой корóф не гоня́йу // Вnúчка на руках вúросла // Носúли такúе с^{uu}áпки / ис sóбола с^{uu}úли. КВР.* Диалектологическая практика в с. Ковран¹⁶ 1988 года опровергла высказывание К.М. Браславца по поводу полной утраты лабиализации конечным безударным звуком [o] и выявила в речи информантов тенденцию к широкому использованию лабиализованного конечного безударного гласного. В качестве доказательства данного фонетического явления приведём несколько примеров: *братъёф мно́го бы^u!*; *курýто деревя́но; питáньйо плóко; а вnúки скóлко хош.*

После мягких согласных (часто веляризованных) в камчатских говорах нет такого единства, как в том же слогe после твёрдых согласных. Гласные звуки [э], [а] в позиции после мягких согласных совпадают как в звуке [и], т.е. наблюдается иканье: *мидвэ́чь, чьвиту́й* (цветы), *на пискé, литáли, сивóдня*, так и в [э] – еканье: *медвэ́ть, ительмéноф, на берегу́, тебé, роз^{жс}мешáли, ценúлись*, а в редких случаях – в [а] – яканье: *сялó, дярэвна, вь вядрэ, перевязли́, войавáл.*

Во втором предударном слогe наблюдаются те же гласные, что и в первом – звук [э]: *передáт, телегрáх, деревáной, претседáтель, перевезли́* и звук [и]: *мидицúнишкий, диривя́ный*. Редукация отсутствует.

В первом заударном слогe на месте звука [э] выступает звук [и]: *бúдим, бывáит, пластáит, нарэ́жит, четýриста, бросáши, вытира́ши*, но чаще – [э]: *уцúтелем, ф колхóзе, на свéте, на рабóте, по тýндре*, очень редко – редуцированный [ь] (после «j»): *гуля́йьм, шожрэ́йьт, в бáнькь* (в бáнке). В большей же части записей в заударном слогe после «j» выступает звук [э]: *большо́йе, хватáйет, снимáйет, какúйе, рабóтайет.*

Крайне редко употребляется камчадалами буква Ё: *ночевьё́, зимовьё́, летовьё́*. На месте гласного звука [э], находящегося в позиции после мягкого согласного перед твёрдым или на конце слова (в безударном закрытом или открытом слогe), в отдельных словах отмечается звук [o]: *питáньйо, вúмойом*. Изменение [э] в [o] после мягкого согласного в заударном слогe можно рассматривать, во-первых, как ещё одно указание на полное оканье в речи камчатских русских и, во-вторых, как особенность

¹⁶ с. Ковра́н – населённый пункт, расположенный в нескольких десятках километров от западного побережья Охотского моря.

сибирских говоров, более всего сохранившуюся в говоре потомков переселенцев из Восточной Сибири в середине XIX века.

В области ударного и безударного вокализма яркой фонетической чертой в речи старшего поколения камчадалов является смешение звуков [u] и [ы]: *вѳловѳл*, *бѳстро*, *коржѳѳнка*, *по-руѳски*, а также произношение среднего звука [u^{bi}] или [ы^u]: *руѳба*, *сиѳн*, *крыѳшкѳ*, *выѳсохнет*. На современном этапе развития фонетической системы в говорах камчадалов, активно усваивающих русский литературный язык, звуки [u] и [ы] весьма близки к соответствующим гласным нормированного языка, средний звук фиксируется нечасто:

1) после [б] на месте [ы]: *штѳбыѳ*, *быѳштро*, *быѳл*, *забыѳл*, *выѳловыѳл*, *быѳстро*, на месте [u]: *жабыѳѳвали*;

2) после [п] на месте [u]: *жатѳпѳли*, *торѳпѳлиша*, *купѳла*, *тиѳсѳл*, *наступѳл*;

3) после [в] на месте [ы]: *выѳташчил*, *мѳртыѳѳ*, *травыѳѳ*, *выѳдры*, *вѳбрасыѳвали*, *выѳмойут*, *выѳсохнет* и на месте [u]: *ловиѳчь* (ловить), *половиѳна*, *оштанѳлиши*, *дрѳвиѳшки*;

4) после [м] на месте [ы]: *мыѳшѳнки*, *мыѳ* и на месте [u]: *ж детѳнышамиѳ*, *миѳлой*, *миѳсочька*;

5) после [н] на месте [ы]: *ражныѳѳ*, *долблѳныѳѳ* и на месте [u]: *одниѳѳѳ*, *ониѳѳ*, *олѳниѳѳ*;

6) после звуков [т] и [д] на месте [u]: *ѳтиѳѳ*, *кѳпѳѳѳли*, *схѳдиѳѳл*, *испѳртиѳѳл*;

7) после [р] на месте [ы]: *рыѳба*, *рыѳпѳѳн*, на месте [u]: *вариѳѳчь* (варить), *приѳшѳл*, *жариѳѳшчя*, *говѳриѳѳли*;

8) после звуков [к] и [г] на месте [u]: *плавѳчькиѳѳ*, *руѳкиѳѳ*, *по-руѳскиѳѳ*.

Итак, по мнению К.М. Браславца, «возникновение звука, среднего между Ы и И, в русском говоренье ительменов обусловлено теми изменениями, которым подвергалась система согласных. На месте мягких согласных оказались согласные велляризованные, т.е. субститутами русских мягких согласных явились соответствующие твердые согласные ительменского языка. Если корреляция твердых – мягких согласных оказывала «в ряде случаев организующее воздействие на систему вокализма», то ослабление этой корреляции, естественно, могло привести к стиранию различий между Ы и И. Ср.: *быѳли кулакѳѳ* «били кулаком» – *припѳси биѳли чѳли* «припасы (продукты) были целы» [Браславец 1968: 170].

Другой показательной чертой вокализма в камчатских говорах можно назвать sporadическую лабиализацию гласных: *куруѳто*, *ѳѳѳгу*, *буваѳѳут*. Н.П. Саблина объясняет это межслоговой ассимиляцией в условиях между губными и заднеязычными согласными перед слогом с лабиализованным гласным [Саблина 1966: 5]. В то же время сильное огубление звука [о] в примерах типа *куруѳто*, *кучюѳѳник* (косѳѳѳник), *буѳѳѳѳѳ*, *пубѳѳѳѳѳ*, *наплушчѳѳѳѳѳ* позволяет предположить и влияние ительменского языка, в ко-

тором артикуляционные характеристики звуков [o] и [y] ближе друг к другу по сравнению с русским языком.

Система консонантизма. Губной звук [v] в речи камчадалов, как правило, губно-зубной: *кранива, называут, навалом*, но спорадически он чередуется с губно-губным (билабиальным) [w]: *повоска, внуки, говорыли, сквось, убивайут, два*. В положении между гласными звук [v] может утрачиваться: *гоорыли, у йео, не закрыали, поорачываем*. Данная фонетическая особенность камчатских говоров также имеет под собой севернорусскую основу.

Звук [f] в речи камчадалов обычно произносится, как и в литературном языке, при оглушении звука [v]: *фсе, внукоф, голоф, короф, грибоф*.

М.А. Жидяевский писал, что в камчадальском диалекте «звук «ф» выговаривается неясно, во многих случаях заменяется звуком «х», например: *черкох – церковь, Покрох – Покров*» [Жидяевский 1930: 121]. В данном случае мы можем говорить о том, что звуки [x] и [f] вступают в отношения гиперкоррекции, т.е. на месте этимологического звука [f] можно услышать звук [x]: *А чыруч / как мешок вйажут / тут вэрóхка / там наплавы з дырочьком // Он рынку пластану принёс / голохку я высолул // Копканцык постах там // Свой йазык х стóрону / по-рушкы гоорит // Передовик ведёт хсэх собак*. КВР.

Так называемое явление раздвоения артикуляции мягкого губного на «губной + j», при котором на месте мягких губных камчадалы могут произносить два звука – мягкий губной и йот, в современных камчатских говорах встречается спорадически и непоследовательно: *вйажут, жавйа-жала, мйашо, пйат, жамйоржну, зивйот*, причём у одного носителя может отмечаться как твёрдый губной и раздвоение артикуляции губного: *зивот* и *зивйот*, так и раздвоение артикуляции губного и мягкий губной: *мйашо* и *мяшо*. В различных населённых пунктах можно услышать: *масо – мйасо – мясо*. А.М. Селищев раздвоение артикуляции губных связывает с развитием тенденции к отвердению согласных: «мягкость в образовании губных утрачивалась ... путем выделения за губной артикуляцией особой артикуляции о» [Селищев 1921: 221]. Изучение этого явления в камчатских говорах показывает, что через ступень раздвоения артикуляции губных фонетическая система не отходит от мягкого произношения губных, а, напротив, приходит к нему.

Фонема <л> в камчатских говорах имеет четыре аллофона: типичные для литературного языка [л] и [л’]: *Медвежэтину йэли люди / медвежэтину / это было вопцэ / йевó варыли / ланы варыли // Лана медвэжйа / это самый деликатэс // Это самойе фкуснойе // Спецально на охоту йэзьдили / на собаках // Уйежжэли на мэсяц / оттуда привозыли медвэжйу лану // Фкуснайа такайа*. МЛК., а также средненёбные [l] и [l’]: *С^мкóлы нэ были / чичиля нэ были / потóm нашлй мэсного учйтеля // Потóm стáли во врёмя колективизации / колхóзы зэмлю нацяли копát*. КВР. А.М. Селищев

охарактеризовал эту особенность в произношении камчадалов следующим образом: «Перед согласными вместо велярного *л* в выговоре слышится неприятное по непривычке *ль*» [Селищев 1968: 383]. Полевые записи свидетельствуют о том, что средненёбные звуки [l] и [l'] достаточно широко распространены в речи русскоязычного коренного населения Камчатки.

Артикуляция звука [p] в камчатских говорах полностью совпадает с литературным произношением, что подтверждается диалектными записями с конца 60-х годов XX века: *Да́жэ настóйки бы́ли из ряби́ны / ряби́нофкой назы́ва́ли. ДЛН. Для ко́рякоф ы эве́ноф мухомо́р / пе́рвое лека́рство / настóйки де́лали // Э́то о́ни собира́ют за́годя // Под йазы́к ложы́ли и рассу́ывали. МЛК.* Этот факт является опровержением мнения К.М. Браславца по поводу того, что «картавое» произношение Р – характерная особенность русских говоров «камчатского наречия» [Браславец 1968: 183].

Все камчадалы и русские, живущие на Камчатском полуострове, писал в конце XIX века В.Н. Тюшов, «говорят на испорченном русском языке особым говором», главной особенностью которого является «замена шипящих свистящими и наоборот» [Тюшов 1906: 62]. Действительно, для русскоязычных камчадалов (особенно тех, кто уже не говорит на ительменском языке) характерно смешение свистящих и шипящих звуков [с] и [ш], [з] и [ж]: *ко́штити, по́прóшат, похóдись, бо́лсо́й, ни ра́жу, зи́ром, зиве́м.* Вместе с произношением артикуляционно однородных звуков при шепелявости в говорах камчадалов встречаются звуки [з^{жс}] и [с^ш], [ж^з] и [ш^ц]: *оде́з^{жс} ды, хоро́с^шо́, ж^за́пах, ш^цу́шым.* Долгие шипящие редко произносятся русскоязычными камчадалами чисто. Как правило, происходит утрата долготы или мягкости, либо проявляется тенденция к шепелявости: *йеи́щце́, жя́ри́щця, по́прóшшат, жь́ жи́ром.*

Широкое распространение в речи русскоязычных камчадалов получило явление смешения аффрикат: на месте звуков [ч'] и [ц] можно услышать твёрдое и мягкое цоканье или смешанные звуки [ц^ч] или [ч^ц], [ц^ч] или [ч^ц]: *но́ц'йу поч^чему́, спи́ц^чки, ч^цави́ч'а.* Причины таких фонетических явлений, как цоканье и смешение шипящей и свистящей аффрикат в одном звуке в камчатских говорах, по мнению Н.П. Саблиной, заключаются в севернорусском «наследстве» камчатских говоров, а также во влиянии ительменского языка, в некоторых диалектах которого была корреляция [ч'] и [ц] [Саблина 1966: 13].

Произношение заднеязычных в говорах камчадалов сегодня практически не отличается от литературного произношения: звуки [г] и [к] взрывные: *Строга́ни́на / ко́лим ры́бу зимóй и оста́вля́ем самца́ / замара́жыва́ца до не́т // Оди́н страга́йет / а аста́льни́е заку́сыва́ют / та́гжэ зь ди́ких жыво́тных / лось / оле́нь // Голéц нежэ́лательно / э́та хи́щник // Зи́мник / не́рка нойа́брьска́я // Ха́риус / са́майа чи́стайа // Страга́ни́на сь нево́ не полу́чица / с ха́риуса / йе́сли немно́шко пе́ремёрс / шку́ра не сънима́йеца. ДЛН.*

Таким образом, проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что в фонетической системе современных камчатских говоров наблюдается синтез архаического и современного типов произношения, причём в разных частных диалектных системах Камчатки соотношение этих двух компонентов неодинаково.

Литература:

Браславец К.М. Диалектологический очерк Камчатки // Ученые записки Хабаровского гос. пед. института. – Том XIV. – Южно-Сахалинск, 1968.

Жидяевский М.А. Камчадалский диалект. Его происхождение и краткая характеристика // Советский Север. – № 2. – 1930.

Рябинина Н.И. Русские говоры Дальнего Востока. – Комсомольск-на-Амуре, 1996.

Саблина Н.П. Русские говоры Камчатки (фонетика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1966.

Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири // Селищев А.М. Избранные труды. – Москва, 1968.

Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. – Вып. 1. – Иркутск, 1921.

Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки/ Записки Имп. РГО по общей географии. – Т. 37. – Санкт-Петербург, 1906. – № 2.

Сокращения названий населённых пунктов Камчатского края:

ДЛН – Долиновка

КВР – Ковран

МЛК – Мильково

СБЛ – Соболево

У-Б – Усть-Большерецк

Л.П.Михайлова

О ПРИЗНАКАХ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ, ОБУСЛОВЛЕННЫХ ВОЗДЕЙСТВИЕМ ИНОЯЗЫЧНОЙ СИСТЕМЫ

В настоящее время выделяются относительно четкие разряды диалектных слов, наиболее общие среди них – это собственно лексические, лексико-словообразовательные, фонематические, семантические диалектизмы. Не останавливаясь на некоторых разногласиях в понимании варианта диалектного слова [Филин 1966; Баранникова 1971; Блинова 1975; Кузнецова 1982; Богословская 2006], отметим, что известные классификации диалектизмов обычно не касаются вопроса о причинах появления варианта, так как преимущественно учитывают формальную разницу в составе диалектных слов на синхронном уровне. Составители областных словарей в качестве варианта обычно принимают слово, отличающееся от исходного чаще всего одним-двумя звуками и сохраняющее его семантику (*досельный* и *досельний*, *брыжевельник* и *бружевельник*, *горóд* и *огорóд*).

В исследованиях, посвященных лексикализации фонетических явлений, обращается внимание на наличие в диалектных системах регулярных и нерегулярных особенностей. Современные говоры характеризуются со-

вокупностью разнородных процессов, вызванных как внутренними системными изменениями, так и внешними факторами. Последние, в свою очередь, также неоднородны в отношении к источнику воздействия: это влияние внутриязыковых систем – литературной или соседней диалектной, с одной стороны, и иноязычных – с другой. Возникновение вариантности слова не всегда поддается объяснению закономерными процессами, проходящими в говоре [Кузнецова 1982: 4].

Такие лексемы, как *ладóшка* ‘гриб’ Волос. Ленингр.¹⁷, *ру́дный* ‘урожайный’ Белом. Карел., относятся к семантическим диалектизмам, однако одновременно они могут рассматриваться и как фонематические, так как отличается от слов *гладóшка* ‘гриб’ Чуд., Люб. Новг., *гру́дный* ‘обильный, дружный (о дожде)’ Свердл., ‘многочисленный’ Беломор., Свердл., Якут. лишь одним звуком. Формально чаще признается первое решение как более правомерное, так как у пользователя словарем, не знакомого с говором изнутри, возникают, по всей вероятности, ассоциации с общеизвестными словами *ладóшка* ‘внутренняя сторона кисти руки’ и *ру́дный* ‘относящийся к руде; содержащий руду’. Невнимание к причине возникновения варианта в данном случае ведет исследователя по ложному пути в решении вопроса мотивации названия. Следует учитывать тот факт, что указанные диалектные лексемы возникли путем упрощения сочетания согласных в анлауте (*ладóшка* < *гладóшка*, *ру́дный* < *гру́дный*) под воздействием соседней прибалтийско-финской языковой системы, характеризующейся отсутствием консонантных сочетаний в начале слова. Двойственный статус подобных диалектных лексем – семантический или фонематический диалектизм – приводит к необходимости поиска иного объяснения, в котором учитывались бы исторически обусловленные отношения исходной и вариантной лексемы. Для более объективного решения вопросов о возникновении того или иного варианта необходимо выяснить перечень не только внутренних явлений в языке, но и ряд тех признаков, которые появились в результате интерференции разноструктурных языков. На наш взгляд, слова типа *ладóшка* ‘гриб’, *ру́дный* ‘урожайный’ можно отнести к экстенциальным вариантам, то есть словам, испытавшим воздействие извне, со стороны иноязычной системы, отдельные сильные признаки которой не совпадают с особенностями принимающей системы и усваиваются последней.

Основным ориентиром для определения экстенциальных вариантов служат характерные черты прибалтийско-финских / финно-угорских [Лыткин 1974, Лаанест 1975] и других языков, в соседстве с которыми находятся русские говоры в течение веков. К настоящему времени выявлена значительная по объему группа слов русского происхождения, в которых

¹⁷ Используем материалы известных диалектных словарей, опуская ссылки на источники, сохраняя без изменений принятые в них географические пометы; в некоторых случаях для уточнения вводим дополнительно сокращенное название области типа Арх., Волог. и т.п.

произошли различные процессы под влиянием соседних иносистемных языков. Представим наиболее распространенные признаки такого влияния.

Явления начала слова связаны преимущественно с наличием консонантных сочетаний в данной позиции, что противоречит анлаутной системе прибалтийско-финских языков. Наблюдаются следующие процессы:

1. Упрощение сочетаний согласных в анлауте: *рóбкий* 'легко ломающийся, хрупкий' Кирил. Волог., ср. *дрóбкий* 'легко разбивающийся' Печ. Пск., *дрóбкий* 'ненадежный, непрочный' Подпорож. Ленингр.

2. Метатеза гласного и согласного: *колч* 'кочка, бугорок, поросший мхом или травой' Ряз. Ряз., 'кочка, неровность на дороге, болоте или в поле' Андреап., Пен., Тороп. Твер., 'кочка' Дор., Дух. Смол., ср. *клоч.* 'кочка' Север., Арх., Новг.

3. Эпентеза в начальном сочетании согласных: *короли́ться* 'рожать крольчат' Вл. Пск., ср. *кроли́ться* 'производить на свет детенышей - кроликов' Пушк. Пск.

4. Протеза перед начальным сочетанием согласных: *оприше́льница* 'пришлая, посторонняя, чужая женщина' Сямж. Волог., ср. *прише́льщик* 'человек не из местных крестьян, деревенский новосел' Забайкалье.

Зафиксированы и другие необычные для русского языка явления, касающиеся позиции начала слова:

5. Утрата начального согласного перед гласным: *оркунóк* 'бубенчик на шее лошади' Белозер. Новг., ср. *воркунóк* 'бубенец, погремушка на шее пасущейся лошади, коровы, а также на сбруе' Волог., Грязов. Волог.; *оровáть* 'воровать' Гайн. Коми-Перм.; *орóна* 'ворона' Белозер. Новг.

6. Утрата начального гласного в позиции перед согласным: *болóчка* 'теплая верхняя одежда' Прим. Арх., ср. *оболóчка* 'одежда' Арх., Волог., Олон., Новг., Яросл., Костром., Киров., Перм., Север., Новосибир., Урал., Кемер.; *сенни́к* 'ягненок, который родился осенью' Тот. Волог., ср. *осéнный* 'домашнее животное (ягненок, теленок) осеннего приплода' Твер., Нижнеилим. Иркут.

Отметим некоторые явления в области согласных:

1. Мена звонких и глухих согласных: *бау́к* 'паук' Деулино Ряз., Морш. Тамб., Ряз., Саратов., Дон., Перм., Урюп. Волгогр., *зу́злить* 'пить' Кунгур. Перм., 'много пить' Осин., Верхот. Перм., 'пить много и через силу' Перм., 'пить, есть' Вят., ср. *су́слить* 'медленно, причмокивая, пить или сосать'.

2. Мена твердых и мягких согласных: *вя'чега* 'рукавица для работы' Пин. Арх., ср. *ва́чега* 'рабочая рукавица' Вель., Карг., Леш., Нянд., Онеж., Пин., Плес., Прим., Шенк. Арх., *да́йнушка* 'тетя, жена дяди' Белом. Карел., ср. *дя'йнушка* 'тетя, жена дяди со стороны отца или матери, родного или двоюродного' Сег. Карел., *дя'йна* 'то же' Пуд., Медв. Карел., Онеж. Арх.

3. Мена звуков *б ~ в*: *бы'водье* 'прибавка к плате батраку, работнику в виде подарков, одежды и т.п.; также магарыч' Арх., ср. *вы'вод* 'выплата

денег рабочему при его уходе из артели' без указ. места (б. м.), 'плата за крепостную невесту помещику, если жених не его крепостной' Яросл.

Выделяются варианты одного этимологического гнезда, в которых проявляется совокупность разных процессов: протеза, эпентеза, упрощение группы согласных в начале слова: *аблыкаться, балыкаться, лыкаться – блыкаться*; в дополнение к этому мена согласных: *верста́, гаверста́, гверзда́, хвержда́ – гверста́* [Михайлова 2010: 40-48]. Первые примеры в приведенных соответствиях входят в число несистемных, экстенциальных фонетических диалектизмов. Они, как правило, занимают особое место в лексической системе, находясь на пути выхода из группы родственных слов в связи с перестройкой внешнего облика, отсутствием в большинстве случаев своего корневого гнезда на современной стадии его существования.

В области гласных при переносе ударения на первый слог широко представлено так называемое заонежское «яканье», то есть переход *'á < 'e* при одновременном переносе ударения на предшествующий слог. Данный термин использовал В.В. Колесов, изучавший особенности вокализма русских говоров Заонежского полуострова [Колесов 1975]. Оставляя в стороне вопрос о времени и причинах данного явления, решаемый по-разному¹⁸, отметим, что указанный процесс имел место на более обширной территории, нежели в Заонежье. Укажем отдельные примеры: *бя'гом* 'бегом, быстро' Добр. Перм., *ря'мень* 'ремень' Охан. Перм., *дря'сва* 'каменный песок, полученный при пережигании, прокаливании или дроблении особого камня' Вин., Лен. Арх., *ня'скотня* 'хлопоты, дело, доставляющее много забот, труда' Шенк. Арх., *ня'хтерить* 'нести, тащить что-н. тяжелое' Выт. Олон., *ря'тливый* 'добрый, сердечный, душевный' Кад. Волог., *гвя'рздливый* 'легко рассыпающийся в дресву, рыхлый' Слан. Ленингр., *гня'здиться* 'расти группами, семьями (о грибах)' Вл. Пск., *изря'дка* 'иногда, время от времени' Печ. Пск., *ня'стерь* 'короб, корзина для носки сена' Твер. Каждый из приведенных примеров имеет соответствие или с безударным гласным [e] типа *гнездиться*, или родственное образование с [e] (ср. *ня'скотня* и *пéскаться* 'возиться с чем-н.' Пск., Осташк. Твер., Твер.).

Как видим, указанный вид «яканья» имеет широкий ареал, включающий архангельские, пермские, псковские, тверские говоры.

Наряду с отмеченным переходом гласных после мягких согласных, условно называемым «яканьем», происходит и переход *o > á* после твердых согласных с одновременным переносом ударения на предшествующий слог. Судя по лексикографическим данным, этот процесс распространен еще шире. Выделяются следующие ареалы бытования слов, отражающих такой переход:

¹⁸ О позиции В.В. Колесова и А.А. Шахматова по данному вопросу см.: Михайлова 2004: 33-34.

1. Псковские говоры: *ва́нки* 'пространство вне жилого помещения' Пск., ср. *вонки́* 'то же' Печ., Сер. Пск., 'сени, коридор' Гд., Печ.; *зала́мать* 'захламить чем-л., замусорить' Гд., Кр., Печ., Аш., Оп., Пушк., ср. *залома́ть* 'завалить буреломом' Вл., Остр., Стр.; *кла́хтать* издавать бульканье, булькать' Пушк., ср. *клохта́ть* 'издавать особые глухие повторяющиеся звуки, когда (курица) высиживает яйца или ходит с цыплятами' Гд., Сл., Дн.; *кола́бушка* 'небольшое круглое выпечное изделие, булка' Беж., 'небольшая булочка из сдобного теста' Казаки-некрасовцы, ср. *колобу́шка* 'круглый ржаной хлебец' Дед., Дн., Локн.; *кола́зник* 'приспособление из жердей и плоских планок в риге для сушки снопов' Гд., ср. *колосники́* 'жерди, на которых сушат снопы в овине' Гд., Пск.; *кора́мный* 'откормленный, упитанный, жирный (о скоте, домашней птице)' Беж., Дед., ср. *коро́мной* 'то же' Аш., Беж., Дед., Дн., Кар., Кр., Н.-Рж., Оп., Остр., Палк., Порх., Пск., Пушк., Сл., Слав., Сош.; *кора́мшик* 'человек, который направляет движение, находясь на корме, рулевой' Гд., Пск., Сер., ср. *коро́мши́к* 'то же' Гд. Пск., *коро́мши́к* 'то же' Пск.; *ка́рыстно*, *ка́рыстный* Пыт., *ка́рысть* 'чувство удовольствия, радость' Н.-Рж., Пыт., ср. *кору́сть*; *кра́коль* 'сук, сучок дерева' Остр., ср. *крока́ль* 'неровные куски льда' Кондоп. Карел., *кроко́литься* 'давать ветви, ветвиться, разветвляться' Оп. Пск.; *ла́сица* 'самка лося' Остр., ср. *лоси́ца* 'то же' Нев., Стр., Печ., Беж., Пуст., Тер., Гд., Остр.; *ла́сканка* 'повреждение, причиненное ударом; ушиб' Пушк., ср. *ло́скать* 'бить, наносить удары' Твер., Новг., Тихв. Новг., Казаки-некрасовцы, 'ударять (бичом), шлепать по воде плашмя' Новг., Пск.; *ма́чиво* 'яма с водой' Пск., ср. *мочи́вина* 'низкое сырое место' Пск., Осташк. Твер.; *ста́ек* 'укладка из вертикально поставленных снопов ржи' Новорж., ср. *на стоё́к* 'в стоячем, вертикальном положении, стоймя' Колпаш. Том.; *ста́чень* 'северо-восточный ветер' Пск., ср. *сточе́нь* 'восточный, северо-восточный ветер' Пск.

2. Псковские и тверские говоры: *на́весьмо* 'моток пряжи в сорок оборотов нитки (вокруг стола или стула)' Пск., Осташк. Твер., ср. *пове́сьмо* 'моток (ниток, пряжи) в сорок оборотов' Новг., Пск., Твер., Осташк.; *разгра́моздиться* 'разложить инструменты и материалы перед работой' Пск., Осташк. Твер., ср. *гро́моздиться* 'накладывать, громоздить' Пск.; *разма́вица* 'пустословие, болтовня' Пск., Осташк. Твер., ср. *размо́ва* 'беседа, разговор' Смол.; *па́ддонки* 'остатки при сбивании масла, пахта' Калин., ср. *поддо́нки* 'пахта' Чуд. Новг.; *захва́растить* 'завалить, замусорить хворостом' Тор. Твер., ср. *захворости́ть* 'то же' Дн., Дед., Н.-Рж., Остр., Печ., Пуст.

3. Среднерусские говоры: *жала́стливый* – Моск. Моск., *загра́моздить* 'загромоздить' Пск., Осташк. Твер., Влад., ср. *загро́моздить*; *хра́мать* 'хромать' Новг., Чуд., Др. Новг., ср. *хрома́ть*.

4. Смоленские говоры: *презла́дейка* 'злодейка; недоброежелательная женщина' Смол., ср. *злоде́йка*; *па́дсвинка* 'подсвинок (женская особь)' Новод., ср. *подсви́нка* 'молодая свинья' Мон. Смол., 'поросенок по второму

году' Гребен. Терск.; *па́дсвинок* 'подсвинок' Дор., Мон., ср. *подсви́нок* 'годовалый поросенок' Смол., Курск.; *па́дтелка* 'годовалая, еще не отелившаяся телка' Гаг., Ельн., Мон., Поч., Росл., Смол., Хисл., Шум., *па́дтелочка* 'уменьш. к па́дтелка' Саф., ср. *подте́лка* 'телка в возрасте одного-двух лет' Новг., Калинин., Ряз., Терск., Кубан., Оренб.; *па́дтелок* 'годовалый теленок' Смол., 'подтелок' Поч., Смол., ср. *подте́лок* 'корова, отелившаяся в первый раз' Новосибир.; *па́ддоска* 'железная планка снизу оси для предохранения ее от стирания' Вел., Вяз., Глинк., Дем., Дух., Ельн., Мон., Новод., Поч., Росл., Саф., Ярц. Смол., ср. *поддо́ска* и *по́ддоска* 'железная пластина, врезанная под тележную ось или под концы ее для прочности' Твер., Смол., Калуж., Яросл., Новг., Костром., Волог., Арх., Тул., Тамб., Ворон., Сиб., Пск.; *па́лица* 'деревянная полка возле печи' Дор., Смол., 'настенный деревянный шкафчик для посуды' Глинк., Мон., Росл., ср. *поли́ца* 'посудная полка' широко в разных говорах.

5. Южнорусские говоры: *кола́бушек* 'небольшой круглый хлебец, каравай' Дон., Курск., Ворон., Тамб., Тул., Ряз., ср. *колобу́шка*; *ко́равяк* 'коровий навоз' Курск., ср. *коровя́к* 'то же' Курск., Калуж., Смол., Калинин., Том.; *па́дбик* 'било цепа' Ряз. Мещера, а также варианты и образования – *па́дбит*, -ок Иссин. Пенз., *па́дбак* Солотч. Ряз., Ряз. Мещера, *па́дбык* Тум. Ряз., *па́дбок*, *па́дбица* Тум. Ряз., *па́двца* Клепик. Ряз., ср. *подби́к* 'било цепа' Ряз. Мещера; *поча́му* 'по какой причине, на основании чего' Трубч., Корач., Брян., ср. *почему́*.

6. Севернорусские говоры: *зава́дница* 'о женщине, которая будоражит, заставляет действовать других' Тер. Мурман., ср. *заводи́ла*; *за́рить* 'разорять, вводить в убытки' б. м., 'разоряться' Нерехт. Костром., ср. *зори́ть* 'разорять' Влгд., Вож., К.-Ч. Волог., Н.-Серг., Нев. Свердл., Сол. Перм., Юрл. Коми-Перм., 'разорять, расхищать, грабить; уничтожать, истреблять' Арх., Сев.-Двин., Сев., Волог., Вят., Костром., Яросл., Влад., Пенз., Калуж., Урал., Сиб.; *ова́дица* 'половодье' Онеж. Арх., ср. *обводни́ть*; *ова́дчина* 'летнее время, обычно в июле, когда много оводов' Онеж. Арх., ср. *оводни́ца* 'то же' Баб., Кад., Чер. Волог.; *па́дволока* 'пространство между потолком и крышей' Беломор., 'чердак' Низ. Печора, ср. *по́дволока* 'чердак над жилой частью дома' Печор., *подволо́ка* 'чердак над сенями в доме' Белом., Кем., Лоух., Пуд. Карел., Тер., Канд. Мурман., Онеж. Арх., Баб., Волог., Кад., Вашк., Чер., Уст. Волог., Сол., Чуд. Новг., Кириш. Ленингр.; *пай* неопред. частица в контекстах типа «*Пай знай когда, я не знаю*» Прион., Медв. Карел., Лод., Подп. Ленингр., ср. *пой* в сочетаниях *пой знай*, *пой ведай* 'неизвестно, неведомо' и др. Медв., Пуд., Кем., Кондоп. Карел., ср. также *поди знай* 'неизвестно' Медв., Пуд. Карел., Выт. Волог., Тихв., Лод. Ленингр.; *па́стовать* 'соблюдать установленный церковью пост, поститься' Низ. Печора, ср. *по́стовать* 'то же' Низ. Печора; *ла́скут* 'обрезок ткани, лоскут' Черепов. Новг., ср. *лоску́т*; *пáйвало* 'пойло' Пуд. Карел., ср. *по́йво* 'пойло для скота' Волог., Яросл., Новг., Ленингр.,

КАССР, Арх., Мурман., Олон., Север., Латв. ССР; *на́лева* 'отходы после обмолота овса, мякина' Подп. Ленингр., ср. *поло́ва* 'мякина' Рыльск., Судж. Курск., Курск., Орл., Ворон., Южн., Ростов., Краснодар., Ставроп., Брян., Калуж., Смол., Пск., Зап., Моск., Калинин., Новг., Яросл., Пенз., Тамб., Тул., Влад., Ряз., Нижегород., Киров., Перм., Чкал., Новосибир., Краснояр., Алт., Амур.; *на́цепка* 'цепочка' Яросл., ср. *поу́цепка* 'цепочка; цепь' Яросл., Влад., Вят., Волог., Арх., Беломор., Перм., Свердл.; *на́перва* 'сначала' Печор. Арх., ср. *поперва́* 'сначала, сперва' Ворон., Дон., Новосибир., Иркут., *попе́рва* Камышл. Перм.; *потáчина* 'заболоченное, топкое место' Кирил. Волог., ср. *поточíна* 'вязкое место, топь' Под., Бор., Новг., Валд., Лычк., Мал., Пест. Новг.

7. Уральские и сибирские говоры: *на́года* 'ненастье', 'ветреная погода' Сукс. Перм., ср. *погóда* 'плохая погода, непогода, ненастье' широко в разных говорах; *ка́туль* 'берестяное ведро, обычно ходят за ягодами, грибами, шишками' Гарин. Свердл., ср. *коту́ль* 'сума путников и пастухов' Пск., Осташк. Твер., 'мешок для провизии' Пск.; *на́коль* временной союз 'до тех пор пока' Томск., ср. *покуль*; *на́лзать* 'бить (лен)' Новосибир., ср. *полсовáть* 'сильно бить, полосовать' Калуж., Тул., Ворон., Орл.; *на́резка* 'лекарственная трава (?)', применяемая в народной медицине' Новосибир., ср. *порéзная трава* 'подорожник' Бурят., 'тысячелистник' Бурят.

8. Разные говоры: *на́дмылье* 'мыльная вода, следы мыльной воды, остающиеся после стирки, мытья' Моск., 'слизь на дне посуды от мыльной воды' Яросл. Яросл., ср. *подмы́лье* 'мыльная вода, оставшаяся после стирки, обмылки' Моск., Яросл., Енис.; *на́зьмо* 'пахотный участок' Симб., Пенз., Пск., 'усадыба, место под двором, домом' Тетюш. Казан., Казан., Пенз., ср. *позьмо́* 'участок земли, надел' Горбат. Нижегород., Симб., Казан., Пенз., Саратов., Р. Урал; *на́мылка* 'мыльная вода после стирки' Вят., Казан., Нижнедев. Ворон., Саратов., Пенз., Сталингр., Курск., Ср. и нижн. теч. р. Урал, ср. *помы́лки*.; *на́дленок* 'дерево, выросшее самосевом' б.м., ср. *подлѐ́нок* 'нижняя ветвь дерева' Моск., мн. *подлѐ́нки* 'вторые побеги хлеба от корня, при поздних дождях; подрост' Ряз., Тул.; *на́сконь* 'сорная трава во льну' Олон., Орл., ср. *но́сконь* 'лен, убранный недозревшим и идущий на изготовление толстых грубых ниток' Петрозав. Олон., 'растение, похожее на коноплю' Шенк. Арх.; *ова́д* 'овод (насекомое)' Жиздр. Калуж., Калуж., Курск., Орл., Брян., Горьк., Волог., Вож., Кир., Хар. Волог.

Особого рассмотрения требует слова, возникшие на базе исходного корня *рост-* в сочетании с приставкой *по-*, от первоначального *порост-* и обозначающие молодой лес, поросль: *на́ростник* – б.м., *на́росник* – Смол., *-нюг* – Осташк., Твер., Пск., *-нюк*, *-няк* – Пск., *на́розник* – Вл., Пск., *-ничек* – Вл. Пск., Кыштов. Новосибир., *на́русник* – Холм. Пск., Твер., Смол., Моск., Малоарх. Орл., *-ничек* – Смол. Смол., Малоарх. Орл., *парусню́к*, *-ня́к* – Пск., *-нюг* – Осташк. Твер., Пск., *-нюк* – Пск., *-ня́г* – Осташк. Твер., Пск., Смол., *на́рус* – Кондоп., *пара́шник* – Твер.

Преобразование внешнего облика слова от *poróst* до *náрус* отражает несколько процессов, среди которых переход *á < o*, объясняемый иноязычным влиянием. Неслучайно центральный ареал данного явления – Псковская, Смоленская, Тверская области – почти полностью совпадает с территорией Верхней Руси [Лебедев 2001: 32], которая рассматривается историками как «следствие многовекового процесса этнической дифференциации, интеграции, взаимодействия всех основных компонентов населения Северной Европы, северных индоевропейцев и финно-угров, саамов, финнов и балтов, скандинавов и славян» [Там же: 52].

Мы привели неполный перечень явлений, свидетельствующих о том, что в русских говорах на фонетическом уровне в отдельных лексемах происходят процессы, противоречащие внутренним преобразованиям русского языка. Указанные примеры демонстрируют специфические черты лексики, сформировавшиеся в условиях длительных полиэтнических контактов. «При взаимодействии существенно различающихся языковых систем факты интерференции проступают отчетливее» [Баранникова 1972: 95], чем при взаимовлиянии разных форм существования одного языка.

В заключение отметим, что ареал некоторых признаков, закрепившихся в лексикализованных единицах, выходит далеко за пределы зоны контактов прибалтийско-финского и русского языков, в связи с чем стоит задача изучения причин выявленных процессов в целом, в каждом конкретном случае, и особенно в лексике южнорусских говоров.

Литература:

Баранникова Л.И. О вариантных единицах диалектных систем // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. – М., 1971.

Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972.

Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. – Томск, 1975.

Богословская З.М. Диалектная вариантология: лексикологический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Томск, 2006.

Колесов В.В. Фонетические особенности заонежского «яканья» // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. – М., 1975.

Кузнецова О.Д. Слово в современных говорах русского языка (Лексикализация фонетических явлений) // Диалектная лексика 1979/ Отв. ред. Ф.П. Сороколетов, Ф.П. Филин. – Л., 1982.

Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). – М., 1975.

Лебедев Г.С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-Запада России: Славяне и финны/ А. Алквист, В.А. Булкин, И.Ю. Винокурова и др.; под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб., 2001.

Лыткин В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М., 1974.

Михайлова Л.П. Лексикализация перехода $e > \acute{a}$ в контексте прибалтийско-финского субстрата // XXXIII Международная филологическая конференция. – Вып. 5: История русского языка. – Ч. 1. (15-20 марта 2004 г., СПб.). – СПб., 2004.

Михайлова Л.П. О степени влияния иноязычной фонетической системы на русскую лексику Севера и Северо-Запада // Севернорусские говоры: межвуз. сб. – Вып. 11/ отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2010.

Филин Ф.П. О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования)/ ред. Ф.П. Филин. – М. – Л., 1966.

Т.И. Мурзаева

**КУРСКО-ОРЛОВСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ КОМПЛЕКС
НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

В исследованиях Л.И. Баранниковой неоднократно упоминаются говоры северной части Ивантеевского района Саратовской области. Отмечается их однородность и соотнесенность с южной (орловской) группой южнорусского наречия [Баранникова 1958: 29], а впоследствии, классифицируя говоры Саратовского Заволжья, Л.И. Баранникова выделяет Бартеневскую группу, к которой относит диалекты сел Бартеневка, Ишковка и Николаевка Ивантеевского района [Баранникова 1977: 20].

Первая диалектологическая экспедиция в Ивантеевский район состоялась в 1947 году. Обследование по программе собирания сведений для Диалектологического атласа русского языка проведено в с. Бартеневка тогда еще аспиранткой О.Б. Сиротининой и студенткой Г.Г. Полищук (материалы хранятся в СГУ в Центре изучения народно-речевой культуры им. Л.И. Баранниковой). Новейшие материалы записаны в 2007 г. в с. Бартеневка и в с. Ишковка экспедицией Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского (13 часов звучания).

По данным местного краеведа учителя А.М. Лисицына, основание Бартеневки датируется 1786 годом, Ишковка возникла в 1796 г. (здесь обосновались некоторые семьи из Бартеневки), Николаевка – в 1828 г. Предполагается, что первоначально на этой территории появились переселенцы из Тульской губернии. После 1812 г. из разоренных войной земель центральной России по решению правительства Александра I началось массовое переселение крестьян на пустующие казенные земли Поволжья. В Бартеневку прибыли куряне и смоляне. Куряне образовали часть села, которая называется Жигаевкой (Жигаевский уезд Курской губернии, из которого было большинство переселенцев). Прибывшие из Смоленской губернии основали Волобоев хутор [Лисицын 2001].

Как известно, диалектный комплекс, характерный для говора исконной русской территории, складывается из особенностей наречия, зон и какой-либо группы говоров [Захарова 1970: 5]. Попытаемся рассмотреть чер-

ты лингво-территориальных объединений различного типа в диалекте сел Бартеновка и Ишковка.

Прежде всего отчетливо проявляются особенности **южнорусского наречия**. Из фонетических черт это аканье и фрикативное образование γ : *у́от, у́ла́ск'и, дру́у з дру́у́м, нъ у́лав'е́, у́вар'и́т, уул'а́л'и, у́с'и, пирау'и́, пау'и́п*; в конце слов $\gamma > \chi$: *с'н'е́х, п'иро́х, кру́х, плу́х, дру́х, вра́х, н'и мо́х хад'и́т', д'е́н'их, б'ис кн'и́х, б'из но́х, жжо́х*.

Для морфологической системы говора характерны следующие особенности: формы родительного падежа единственного числа существительных женского рода с окончанием **-е**, переходящим в безударном положении в зону артикуляции **-и**: *у с'и́стр'е́, у снах'е́, ис тру́б'е́, са сцэ́н'и, окъ́л канто́р'и, у н'ив'е́с'т'и, с рабо́т'и, ат каро́в'и, да Самáр'и, у Шу́р'и* (реже *са шкóлы, по́с'л'и вайны́, дл'а ко́мнаты, ад у́разы́, с рабо́ты*); безударное окончание **-ы** у существительных среднего рода с твердой основой в именительном падеже множественного числа: *п'а́тны, о́кны, йа́йцы*; окончание **-е** в формах личных и возвратного местоимений в родительном падеже: *у м'ин'е́, у т'иб'е́, у с'иб'е́* (а также *у с'иб'а́*); в винительном падеже: *м'ин'е́ пр'и́н'ил'и нъ фтаро́й кúрс рапфа́ка, про́с'ит' м'ин'е́, м'ин'е́ вз'а́л'и в а́рм'и́у, м'ин'е́ нъзва́л'и Мар'и́я, пр'а́м нъ м'ин'е́ йе́хал, мы т'иб'е́ н'и атпу́с'т'им, наставл'а́ют т'иб'е́, йа́ т'иб'е́ паслу́хъла, пръ с'иб'е́ раска́зываетъ*; возможно употребление архаической основы у местоимения 2 лица: *как таб'е́ н'и сты́днъ, вь́л'ич'им таб'е́, как таб'е́ дас'т', он таб'е́ дас'т' р'имн'о́м*. В окончаниях глаголов 3 лица употребляется мягкая фонема **т'**: *патхо́д'ит', пла́ч'ит', жы́в'о́т', кúр'ит', п'и́о́т', дъста́йут', уас'т'а́т', далб'а́т', с'ид'ат'*. Такие формы сосуществуют с теми, в окончаниях которых фонема **т** твердая: *да́р'ит, исп'ик'о́т, в'азу́т, зьб'ару́т, зьв'аду́т*. Реже встречается отсутствие согласного в подобных окончаниях, причем обычно в форме единственного числа: *он патхо́д'а и у́варит, он рабо́тъя, успра́шывайа, бу́д'а, пр'и́д'а, ч'ита́я, зна́я, д'е́ржа, р'и́шайа, пьлуч'а́я* (но возможно и во множественном числе: *фс'а́куйу пр'иво́з'а*, т.е. привозят). Глаголы с безударными личными окончаниями относятся к общему спряжению, о чем свидетельствуют южнорусские формы типа *во́з'ут', ууо́н'ут', укол'ут', напро́с'ут', схо́д'уциъ, нау́рúз'ут', до́р'ут', про́с'ут', вкл'у́ч'ут'*. Употребляются инфинитивы типа *ро́с'т'* (расти), *па́с'т'* (пасти), *тр'е́с'т'* (трясти), *тр'е́сциъ* (трястись). Наблюдается вторичная аффиксация у глаголов с корнем **ид-**: *ит'и́т', зайт'и́т', уйт'и́т', праит'и́т'*. Отмечено ударение на основе в личных формах (кроме 1 л. ед.ч.) у глаголов II спряжения, исконно имевших ударение на окончании; при этом возможна мена ударных гласных **а** и **о**: *плóт'ьт, пракóт'ис'с'и, пасо́д'иши, засо́жыны, до́р'ут'* (наряду с *да́р'ут'*), *ла́в'ут*. Установлено наличие в пассивном словарном запасе слов *ч'а́пл'а* (при активном *скъваро́дн'ик*), *л'у́л'к'а* (колыбель, подвешиваемая к потолку).

Разделительные отношения оформляются с помощью союза *ай*, что характерно для южнорусских говоров: *Пьдрусъйл'и мь нав'ерна года два ай тр'и. Правда ай н'ет? Ты помн'иш Кал'ин'иных ай н'ет? Доч'ка ай сын'ок.*

В рассматриваемом говоре обнаруживаются некоторые особенности **юго-западной диалектной зоны**, относящиеся к I пучку изоглосс.

Говору свойственно аканье, причем диссимилятивное, что не часто встречается сейчас даже на исконной русской территории, а тем более на территории позднего заселения. Это жиздринский подтип, который характеризуется произношением **ь** лишь перед ударным **а**: *бьй'ал'ис', бль-лайк'и, ад звьнка и дь звьнка, прьдвьаль, бьрана, скьзат', памьуйит, кьпна, пьпьдаль, ньшла, пльста, уьланку, уьланкь, мьльч'ка, хвьтайьт.* Такая система выдержана не вполне последовательно, так как встречаются случаи произношения **а** перед ударным **а**: *прьдав'ал'и, так'айа, рау'ач', хвар'ал'и, сказа'ль.* Заметим, что экспедиция 1947 г. зафиксировала лишь 5 примеров диссимиляции предударного гласного, причем у одного информанта. Вероятно, такой результат объясняется отсутствием у собирателей звукозаписывающей аппаратуры.

Предударный вокализм после мягких согласных соответствует системе диссимилятивного яканья.

Для говора характерен комплекс употребления губных спирантов с переходом от губно-губной к губно-зубной артикуляции фонемы /в/. Перед гласными произносят звук губно-зубного образования, а перед согласными и в конце слов обычно **w**: *w Барт'ен'ьw'к'ь, w калх'оз'и, wс'о, w ч'ижык, w Ивант'ейшк'и, тра'wку, даwно, awц'у, Жы'уайьwка, клас'ьw, Сар'атьw, Ч'ип'айьw, прь луб'о'w', станк'о'w.* В начале слов может наблюдаться звук **у**: *ун'ук, уз'ал'и, уч'ира'.* Фонема /ф'/ усвоена говором. Произносят *на ф'ирм'и, с фр'онта, ф'ормы, на ф'ормьч'кам,* и встретился лишь один пример замены /ф'/ на [хв]: *ахв'иц'ер.* В материалах 1947 года случаи типа *сьр'ьхван'и* и *ко'хты* отмечены чаще, чем примеры с отсутствием замены /ф'/.

Морфологической особенностью юго-западной диалектной зоны являются формы предложного падежа ед. ч. с окончанием **-у**, ударным и безударным: *в дам'у (а также в дом'е), в адном п'ира'у, нь бык'у, на сам'ьм канц'у, на wс'ем канц'у, w клуб'у, на пьталк'у, п'икла на хм'ел'у, у сар'айу.*

Говору свойственны существенные морфологические признаки **юго-восточной диалектной зоны**. Употребляются формы винительного падежа единственного числа с суффиксом **-ер-**: *ма'т'ьр', прь май'у ма'т'ир', ма'т'ир'у прав'едьт'.* Наблюдается переход существительных из среднего рода в женский: *фс'а с'ало, на фс'у с'ало, л'ит'ит з'ирно в'етр'ьм ийо абдува'ит, малол он эту з'арно, атлас'ньйа плат'йа была, нькыв'ала в'ин'ч'ал'ньй плат'йьй, масла патом ийо п'ир'итанп'ивьйиш, фс'а т'ела, м'ась так'айа, май'у м'аса, мьлако ана халод'ньйа, мьлако куда ийо д'иват', ана пад'д'ел'ньйа (о барсучьем сале), фс'у л'еть, за wс'у wr'ем'а, эта балота была пуст'айа, на эту пол'ь, пач'л'и эту м'еста, у ней была м'атло, адна кладб'иш'и'а (а так-*

же бал'шóйь клáдб'иш'и'а), харóн'ут на этъй клáдб'иш'и'и, на эту клáдб'иш'и'у, у нáс д'в'é клáдб'иш'и'и; така́йа рас'т'én'ийа, ч'ит'в'óртъйа ад'д'ил'én'ийа иш'и'ás распáлгс' анá (а далее: астáлгс' фта-рóйа), давл'én'ийа с'ил'нъйа былá, майу пр'иказán'йь, какáйа уч'én'йа, д'этства нáша трóднъйа праишá, ишó какóйу-та хат'эл'и друу́йу им'а, а майó им'а анá жь н'еру́скъйа (в последнем случае говорящий колеблется в выборе рода). В женском роде освоены также несклоняемые слова: н'и адну́ к'инó н'и пр'пускáла, какáйа к'инó, п'кáзывът' эту к'инó, какáйа б'иссóв'иснъйь к'инó былá, дъ какáйа у нáс былá рáд'ива.

Отмечена возможность образования форм мн.ч. с ударным окончанием –а от существительных женского рода: шал'á (шали), лънас'т'á, мът'ир'á, цыркв'á п'ламáл'и, (но: ц'еркв'и астáл'ис'). Сфера употребления флексии –а расширена также у существительных мужского и среднего родов: плътн'акá, скътн'икá, прътв'ин'á, платйá. Для творительного падежа множественного числа характерна форма с окончанием –ми: сь с'л'аз'м'и. Форма множественного числа кратких прилагательных имеет окончание –и: п'ирау́и сыравáт'и, мы рáд'и.

У возвратных глаголов употребляется постфикс –си после согласных л, ш: вóз'имс'и, бай́имс'и, пáр'имс'и, апхóд'имс'и, аб'ижáйимс'и, нъуáтóв'имс'и, сад'имс'и, уун'óмс'и, даждáлс'и, ръзашóлс'и, панрáв'илс'и, скуп'илс'и. Однако у двух информантов встречаются формы с постфиксом –сы: атслужы́лсы, уч'ылсы, жан'ылсы, в'арну́лсы, пъзнакóм'илсы. На стыке возвратного постфикса с окончанием 2 лица ед. числа осуществляется регрессивная ассимиляция согласного: астán'ис'с'и, дахóд'ис'с'и, д'én'ис'с'и, станóв'ис'с'и, пракóт'ис'с'и, упрáв'ис'с'и, нъстрада́йис'с'и, нажыв'óс'с'и, уч'ис'с'и, старáис'с'и, нъйидáйис'с'и. После гласных преобладает постфикс –с'а, хотя возможен и –с': панрáв'илгс'а, п'дружы́л'ис'а, ръсхад'ил'ис'а, драл'ис'а, руу́ал'ис'а, в'ыуч'ил'ис'а, сьб'ирáл'ис'а, йут'ил'ис'а, дъу́вар'ил'ис'а, нъв'идáл'ис'а, пъжан'ил'ис'а, фстр'ич'áл'ис'а, расп'исывал'ис'а, пръш'иш'итáл'ис'а, сьбрал'ис'а, астáл'ис'а, науну́лгс'а, п'праиш'и'áлгс'а, наду́лгс'а, мал'ус'а, ръд'илáс'а, истужы́л'ис'а, саил'ис'а и саил'ис', нъч'алáс', налажывьльс', астáлáс', бай́ус'. Отмечено употребление невозвратных форм в соответствии с возвратными: Пáску дъжы́дáл'и. Стáдъ дъжы́дáл'и. Возможно и обратное: дружы́л'ис'.

Говор отражает целый ряд особенностей, свойственных **Курско-Орловской группе** южнорусского наречия.

Уникальной архаической особенностью говора является диссимилятивное яканье суджанского подтипа. Перед ударным а произносят и: с'истрá, п'рив'излá, с'идáйа, д'ър'ив'áнны, път'ир'áл'и, пл'им'án'н'ик; перед ударными гласными верхнего подъема наблюдается а: пр'ин'асу́, б'арут, з'м'айу́, п'акл'и́, пахм'ал'ил'ис'а, в'ал'и́, б'ау'им. При этом а отмечено также перед ударными этимологическими о и ђ: с'ад'мóй, св'акрóвйа, пъл'авóй, т'в'атóч'к'и, д'ив'анóсть, с'астрóй, йавó, в'адрó, п'арóm, с'алó,

дъл'акó; перед *е* из этимологических *е*, **Ђ**, а также перед *е* > *о* зафиксирован звук **и**: д'ит'ей, д'ир'евн'и, йич'м'ен', в'ис'ил'ей, н'ив'есть, пъл'ид'ет', вьскр'ис'ен'ий, пръв'ид'ош, б'ир'ом, исп'ик'от, в'ир'овьч'ку, з'ил'он'и'нк'ийи. Приведенная система обнаруживает тенденцию к разрушению. С одной стороны, произношение **и** распространяется на позиции, не свойственные суджанскому яканью, особенно перед ударным **и**: м'ис'ит', л'ит'ит', д'ил'ил'и, дь с'им'и, п'ир'н'ис'л'и. С другой стороны, в ряде случаев отмечается не характерное для этой системы произношение звука *е*: с'естра, цв'еты, в'енцы, в'ез'л'и, в'л'есу, пр'ив'езу, в'ед'и, б'ер'и, аз'ил'ен'ил, д'ержы, с'ед'мовь, п'екла, т'епла, л'еула, л'ежаль, св'етло, т'епло, с'едой, св'екроу, м'ешоч'ьк.

Специальная экспедиция по изучению яканья в Бартеневке и Николаевке, проведенная в 1974 г., обнаружила диссимилятивное яканье щигровского подтипа, разрушающееся с тенденцией к переходу в суджанский тип [Дейнеко 1977] (больше позиций для предупредительного **и**: в щигровском перед *е* из этимологического **Ђ** наблюдается **а**, в суджанском – **и**).

Еще одна курско-орловская черта – утрата затвора аффрикаты /ч'/, в результате чего произносят [ш']: уш'илс'и, кон'ш'ил, нш'илас', дош' (дочь), дош'к, р'еш'ка, р'еш'к'и, н'еш'ива, нас'ш'к'и, зн'ш'ьт, пълуш'айут, ош'ин', раб'ш'ивь, ш'ас'т'ич'на, ош'ир'ид'и, с'ш'ас, враш'и, маш'иха, в'еш'ирьм, в'даст'ш'нъм кал'ш'ис'т'в'и, ш'ит'ыр'и, на п'еш'к'и, ш'л'ен, ш'илав'ек, но ч'илав'ек, в'ич'эрн'ий, н'ич'ивó, н'и пълуч'ал'и. В то же время не встретилось ни одного случая утраты затвора аффрикаты /ч/, а произношение [ш'] на месте /ч' / характерно только для части носителей традиционного говора, у некоторых информантов наблюдаются лишь следы этого явления при преобладании смычно-щелевой артикуляции.

Рассматриваемому говору свойственна прогрессивная ассимиляция заднеязычных после парных мягких согласных и **й** при ее отсутствии после **ч** и **ш**: Тóс'к'а, Вáс'к'а, Жéн'к'а, парин'к'а, Нáт'ка, В'ит'к'а, Кóл'к'а, Вáл'к'а, үáл'к'а, л'ул'к'а, л'ул'к'у, помал'ен'к'у, скóл'к'а, тóл'к'а, тóл'к'и, Натóл'к'а, мал'é'н'ка, на кан'к'ах, үор'к'а, кóйк'а, бълалáйк'а, пьд бълалáйк'у, пь пáйк'у, но п'éch'ка, п'éch'ку, дóч'ка, в'ид'орьч'ку, Сáшкь.

Из морфологических курско-орловских черт отмечена словоформа с'в'акр'ов'я, а также возможность употребления форм дательного-предложного падежей единственного числа женского рода существительных на –**а** с окончанием –**и** (-**ы**): w з'амл'и'былá, (и параллельно у з'амл'е), на ржаной мук'и, Л'ены сказáла.

Система говора отражает особенности, характерные для диалектов Саратовской области, не связанные напрямую с каким-либо лингво-территориальным объединением. В склонении имен существительных отмечена одна из самых мощных тенденций диалектной речи – сближение 3-го типа с 1-ым. Этим обусловлено употребление форм *такáйя жыз'н'а*, *шш'ас жыз'н'а лúшы*, *бóх бы жыз'н'у прадл'ил*, *фс'у жыз'н'у*, *цёрквь*,

с'в'акр'ов'йа (но *жыла́ съ с'в'икр'ов'йу*), *ма́т'ир'у прав'е́дът' ма́т'-ть ту́та, пръ майу́ ма́т'ир'*. Существительное *мальчишка* относится ко 2 склонению: *с мал'ч'и́шкъм*. Сохраняется древнерусская форма творительного падежа существительных на **-а**, употреблявшаяся до сокращения количества слогов в окончании: *абл'ива́л'и дама́ водо́йу, вдаво́йу, з ба́нкъйу* (аналогично в местоимении *м'е́жду сабо́йу*).

Флексия **-у** характерна для существительных мужского рода в родительном падеже: *҃аршо́к мо́рсу, зву́ку н'е́ былъ, о́къл фтаро́въ хълади́л'н'ику, б'ис св'е́ту, ат л'е́су*. Проявляется конкуренция флексий родительного падежа множественного числа: *кур'е́й, тр'ина́цът' д'о́н, бал'е́з'н'иф*.

Сохраняется исконное окончание **-ой** (фонетически **-ьй, -ай**) у прилагательных мужского рода с основой на заднеязычный: *до́м'ик ма́л'ин'къй, су́х'ин'къй до́м, м'ид'ицѣ́нскай, о́ч'ин'стро́гай, сла́ткай*.

Адъективное склонение обнаруживает взаимодействие форм творительного и предложного падежей, причем обычно возникает омонимия окончаний в пользу творительного падежа, чем объясняются случаи типа *на э́т'им пла́н'т'и, на э́т'им жъ фунда́м'ин'т'и, аб э́т'им, в э́т'им, пр'и э́т'им, нъ канцѹ́ на э́т'им, на н'и́м, ф как'и́м гаду́, у сваи́м до́м'и, ф с'ел'ск'им сав'е́т'и, в Забайка́л'ск'им вайе́нным о́круу'и, в Ч'ипа́йиуск'им, у тр'и́цът' шастѣ́м, ф тр'и́цът' с'ад'мы́м, ф со́рък шастѣ́м гаду́, ф шы-ис'а́т п'а́тым* (реже *ф со́рък шасто́м, ф со́рък с'ид'мо́м*). Но может быть омонимия в пользу предложного падежа: *у на́с с н'о́м, за н'о́м*.

Имена прилагательные и изменяющиеся по их типу слова обычно имеют двусложные окончания с сохранением интервокального **й** (см. случаи типа *харо́шъйа жы́з'н'а, пр'има́йа, какáйа, бъл'ша́йа, пастѣ́йаннъйу, в друу́йу, п'иву́ч'и́йь*), однако это не распространяется на формы притяжательных местоимений, которые закрепились в нехарактерных для южнорусских говоров стяженных формах: *бра́тъ маво́, д'а́д'и ма́му, до́ма сваво́ н'е́ту, дъ сваво́, н'е́ту тваво́ ку́л'ика*. Подобные случаи встречаются и в южнорусских говорах Новоузенского района. Они широко представлены в среднерусских говорах Саратовской области, откуда в результате междиалектных контактов могли проникнуть в южнорусские. Еще одна особенность, сближающая рассматриваемый традиционный южнорусский говор со среднерусскими говорами нашей области, - стяженные и нестяженные формы местоимений типа *как'е́йь, так'е́йь* с гласным [e] в окончаниях: *карас'и́ как'е́йь, как'е́йь р'иб'а́та, нъ как'е́йь-ть камп'и́утъры, свайе́ рад-ныйи, так'е́ ап'ира́цыи, как'е́ мы иуру́шк'и в'ида́л'и* (а также *ш'а́с как'и́-та краснап'о́рк'и пашл'и́*). В единичных случаях отмечены стяженные глагольные формы: *зна́ш как уха́жываиш, зна́ш как па́р'у́цца, раск'и́дывѣм*.

Значение 2 лица множественного числа настоящего времени выражается аффиксом **-т'а**: *д'ива́ит'а, ч'ита́ит'а, жы́в'о́т'а, бу́д'ит'а, зна́ит'а, аб'йис'н'а́йит'а, задайо́т'а, по́мн'ит'а, ч'ита́ит'а*. В основах глаголов настоящего времени наблюдается унификация чередований и аналогическое

выравнивание: *п'ик'ом, пр'иб'ау'им, б'ау'им, б'ау'иш, йэхъй, йэз'д'ийут, в'эръв'йу, кьнкур'ир'в'йут, папр'об'в'й, рьсклад'им, зьунал'и.*

Рассматриваемый говор сохраняет ряд синтаксических особенностей. Одна из них – употребление полной формы причастия или прилагательного в соответствии с литературной краткой в именном составном сказуемом: *Ав'ос был пасейиный. Мы сьтыйи. Там былъ здан'ийъ зьвал'он'ья. Он да нас был пастр'ойиный тута. Ана у красн'йу кн'йуу зьн'ис'он'ья.* С подлежащим, выраженным существительным с собирательным значением, сказуемое согласуется не по форме, а по смыслу: *Саб-рал'ис' нар'от накрыл'и. Баб'й'о паил'и w пл'ас. Тада wс'а с'ило п'икл'и.*

Употребляются односоставные предложения со значением неизбежности, долженствования, образованные на основе двукомпонентной структурной схемы «быть + инфинитив значимого глагола»: *Ну куды ш'т'ип'ер' бьит' нрав'ицца. Бабушка руу'ицца/ Ну бьит' пал'ив'ат'/ и да сам'в' в'еч'ура пал'ив'айем. Пьруу'ал'ис' мы с таб'ой н'и пьруу'ал'ис'/ нам бьит' с таб'ой **ит'т'и** на раб'оту и **бьит' раб'отат'.***

Союзное слово *какой* в соответствии с *который* употребляется в сложноподчиненном предложении как в интерпозиции по отношению к главному, так и в препозиции: *А вот эта Над'а как'йа ф Кал'ин'инск'и жыв'от йей тр'и у'од'ика б'ыла. Как'ой в Вар'он'ижы жыв'от он нь ва-р'он'ишск'й жан'илс'и.*

Проведенное исследование показало, что основные черты курско-орловского диалектного комплекса на территории Саратовской области чрезвычайно устойчивы, хотя тенденция к разрушению системы традиционного говора, безусловно, проявляется. С другой стороны, отмечены черты, не связанные непосредственно с исконными лингво-территориальными объединениями. Некоторые из этих особенностей могли развиваться в процессе междиалектных контактов на территории позднего заселения.

Литература:

Баранникова Л.И. К проблеме классификации говоров территорий позднего заселения // Говоры территорий позднего заселения. – Саратов, 1977.

Баранникова Л.И. Работа кафедры русского языка Саратовского пединститута по изучению говоров русского языка // Уч. зап. Саратов. пед. ин-та. 1958. – Вып. 30.

Дейнеко Т.Д. Диссимилятивное яканье в южнорусских говорах Саратовской области // Говоры территорий позднего заселения. – Саратов, 1977.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. – М., 1970.

Лисицын А.М. Дороги в легенду // Ивантеевский вестник. –2001.

НАИМЕНОВАНИЯ ПРИДАНОГО
В НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРАХ

В настоящее время является общепризнанным положение о том, что действительность представляется говорящим на разных языках неодинаково и каждому языку соответствует своя картина мира. Языковая картина мира – это системное, целостное отражение экстралингвистической реальности с помощью различных языковых средств. Языковой картине мира присущи такие признаки, как универсальность многих понятий, антропоцентричность, ценностный принцип формирования. От общезыковой картины мира диалектная отличается территориальным распространением и более выраженной идиоэтничностью. Носители литературного языка и носители диалекта по-разному отражают в языке свои представления о мире [Брысина, Кудряшова 2007: 197]. Разное восприятие картины мира носителями нижегородских говоров создает предпосылки для появления различных обозначений одной и той же реалии. В этом отношении интересна обрядовая лексика, которую нельзя рассматривать в отрыве от обрядов.

Обряды являются мощным средством сплочения народа, они общеобязательны, тесно связаны с исторической традицией. Обряды составляют единый и нерушимый уклад жизни людей, передаются из поколения в поколение, в обрядах отражается богатый многовековой опыт народа, своеобразная этика и эстетика, подлинная народная культура. Обряды позволяют проникнуть в сущность национальной культуры, приобщиться к духовной жизни нашего народа в ее истории. Обряды представляют собой символические действия, которыми его участники отмечают то или иное событие жизни отдельного человека или коллектива. Обряды происходили в соответствующее время и по соответствующему поводу, а именно в важные моменты жизни. В обрядах неразрывна связь действий и слов, которыми обозначены действия. Однако смысл обрядов не в действиях, а в том, что они обозначают. Исследование семантики обрядов, которые сопровождают наиболее значимые моменты жизни людей: рождение, свадьба, смерть, – играет особую роль. Нижегородская деревня сейчас уже не знает исконного содержания обряда, бессознательно повторяет его, ссылаясь на старшее поколение, или воссоздает обряд как воспоминание о прошлом. Поэтому «реконструкция языка обряда предполагает исследование того, какими языковыми средствами строится и выражается он в народном сознании» [Банкова 1997: 22]. Богатый материал для анализа диалектной картины мира содержится в записях нижегородской свадьбы.

После удачного сватовства до дня свадьбы начинался период, именующийся в нижегородских говорах *хлóпоты* (Вадский р-н), *сиденье* (Вачский р-н): «Началась у меня с маманей горячая пора – *хлóпоты*, приданое шили, подружки приходили к нам и помогали» (с. Рахманово Вадского р-

на). В основу мотивации субстантивов *хлопоты*, *сиденье* положено действие, совершаемое участниками свадебного обряда. Лексема *хлопоты* зафиксирована Далем в необрядовом значении [Даль 4: 573]. Наименование *сиденье* отмечено у Даля в значении 'после пропоя (сговора) назначается в доме родителей сидение, для жениха родителями, при немногих гостях; когда все разойдутся, то жених дарит невесту, одаривая и подруг ее, чтобы показали невесту' [Даль 4: 186]. Процесс называют *сидеть в сговоренках* (Ветлужский, Шахунский, Варнавинский р-ны): «Неделю в сговоренках-то сидела да дары шила, чтобы всех выдарить» (с. Прудомское Варнавинского р-на). *Сговоренка*, по Далю, – 'просватанная, невеста', записано в олонечких, ярославских говорах [Даль 4: 164]. Невеста почти не выходит из дома. Она освобождалась от работ по хозяйству, так как приводила в порядок свое приданое (шила сарафаны, юбки, подушки, наволочки, стегала одеяла, ткала скатерти) и готовила подарки для жениха и родственников (вышивала платки, пришивала кружева к полотенцам). Как только темнело, невесте приходили помогать подруги. Продолжительность периода времени после сватовства, когда невеста шила подарки родственникам жениха, готовила приданое, – от двух до шести недель.

Приданое было важным и обязательным условием свадебной церемонии. В структуре свадебного обряда ритуальные действия, связанные с договором о приданом, выкупом, перевозом его в дом жениха, играют одну из главных ролей. В традиционном свадебном обряде общеславянское слово приданое известно с середины XIV века наряду с другими словами великорусской свадьбы [Казаченко 1957: 67]. Кроме указанного наименования для названия имущества невесты в нижегородских говорах используются разнообразные лексические единицы: *кладка* (Вадский, Кулебакский, Дальнеконстантиновский, Пильнинский, Гагинский, Первомайский, Лукояновский, Починковский, Большеболдинский р-ны), *укладка* (Семеновский, Лысковский, Воротынский, Большемурашкинский, Княгининский, Спасский р-ны), *сряд* (Сергачский, Навашинский р-ны), *ряда* (Арзамасский р-н), *сряда* (Павловский, Богородский, Арзамасский р-ны), *нарядец* (Вачский р-н), *норма* (Дивеевский р-н), *придано* (Выксунский, Соновский, Ардатовский, Шатковский, Первомайский, Бутурлинский р-ны), *придан* (Арзамасский р-н), *приданка* (Большеболдинский р-н), *загуляное* (Вознесенский р-н), *багаж* (Сеченовский р-н), *дар* (Ветлужский, Шахунский, Тоншаевский р-ны), *цицовина* (Шарангский р-н), *задатки* (Уренский р-н), *награда* (Городецкий р-н), *вено* (СРНГ 4, 114), *добро* (Вадский р-н). Общеупотребительное слово приданое представлено в нижегородских говорах вариантами *придан*, *придано*, *приданка*: «*Придано* должно было быть, с ним брали невесту в семью жениха» (с. Шарاپово Шатковского р-на). «Оне за *приданкой* придут, мне платью приносят, я *приданку* отдам» (с. Пикшень Большеболдинского р-на). В наименованиях ощущается культурная семантика действия – глагола придать – дать вместе с невестой.

Лексема *сряд*, отмеченная Далем в значении 'полный прибор одежды, приданое одежей' [Даль 4: 305], в нижегородских говорах имеет варианты *сряда*, *ряда*: «Старинна невеста готовила *сряду* фсю сама» (с. Чернуха Арзамасского р-на). В результате метафорического переноса названия с одного предмета на другой на основе их сходства по характерному признаку, свойству, качеству, по форме, по функции, назначению образовались следующие наименования приданого: *багаж*, *добрó*, *задатки*, *награда*, *нóрма*. Ср. например, *багаж* – 'поклажа, пожитки, вещи, скарб, имущество' [Даль 1: 90]. Отмечены случаи метонимического переноса на основе смежности: *кладка*, *укладка*, *нарядец*. Наименование *кладка* встречаем у Даля. Он сообщает, что в восточных губерниях кладкой называют 'род калыма, откупа за невесту, условные *деньги* от жениха на приданое и на свадьбу' [Даль 1: 116]. Лексема *дар* отмечена Далем в значении 'свадебные подарки' [Даль 1: 470]. При этом лексикограф приводит агентив *дárница* – 'одна из подруг невесты, собирающихся у нее для шитья даров и приданого'. Архаичным является слово *вено* (упоминается еще в XI веке). В древнерусском языке лексема имела значения «плата, которая платится за невесту», «приданое – то, что дает отец невесты жениху». Этимологи называют вено трудным словом, считают его родственным лат. *venit* «продажа» [Фасмер 1: 291]. Субстантивированное прилагательное *загуляное* мотивировано глаголом *загулять* – сильно запить. См. у Даля: «Запой невесты, запоины, запойка, пропой, заручины; пирушка между своими, запивают просватанную невесту. Запоев или пропоев этих бывает местами два или даже три; на первом дают согласие и решают кладку и приданое, это сговор; на втором – заручины, род обручения, бьют по рукам; третий запой – девичник» [Даль 1: 669]. Затруднительным представляется установление словообразовательной-смысловой мотивации наименования *цицовина*.

Состав приданого различен, основными компонентами были белье, вещи, утварь, деньги, земля, скот, продукты. Для свадебной обрядности Нижегородской области характерно приданое, состоящее из вещей – постели и одежды: «*Багаж* за невестой давали знатный: сапоги, шубейку, постелю, рушники» (с. Бахаревка Сеченовского р-на). Невесту, принесшую с собой хорошее приданое, называли *почётна* (Павловский, Городецкий р-ны), невесту с плохим приданым – *бездáнница* (Кулебакский, Сеченовский, Починковский, Первомайский р-ны): «Сирота я была, *бездáнница*, вся кладка на меня надета, бедно жили» (с. Кошелиха Первомайского р-на). Лексема *бездáнница* отмечена Далем в аналогичном значении [Даль 1: 119].

Важным моментом был перевоз накануне свадьбы приданого и постели невесты в дом жениха. Приданое переносили (перевозили) специальные лица, для названия которых употреблялись существительные *коробейники* (Сеченовский, Княгининский, Починковский, Пильнинский, Лысковский р-ны), *коробейщики* (Бутурлинский р-н), *коробельники* (Большемурашкинский р-н), *подушечницы* (Дивеевский р-н), субстантивирован-

ные прилагательные *постельные* (Сергачский р-н), словосочетания *постельные бояре* (Шатковский р-н). «*Коробейники* несут укладку з добром» (с. В. Талызино Сеченовского р-на). «*Коробейники* охраняют каг бы приданое невестино» (с. Медяна Пильнского р-на). Мотивировка этих наименований связана с диалектными названиями приданого невесты (постель, подушки, коробка). Словосочетание *постельные бояре* зафиксировано Далем в таком же значении [Даль 3: 341]. Свадебный поезд, везущий приданое, в нижегородских говорах называют *кóроб* (Сеченовский, Сергачский р-ны), *коробельник* (Большемурашкинский р-н), *салáзки* (Княгининский р-н), *приэзжая* (Починковский, Вознесенский р-ны), *приданный поезд* (Шатковский р-н). «Вещи невесты, ее приданое соберут, положат в телегу или сани и везут в дом жениха, таку телегу называют *приданный* поезд» (с. Красный Бор Шатковского р-на).

Таким образом, рассмотренная нами обрядовая лексика, являясь составной частью словаря традиционной народной культуры нижегородских говоров, сама по себе интересная с точки зрения репертуара, семантики, принципов номинации, в то же время служит ценным источником отражения особенностей национального характера нижегородских крестьян, их морально-этических и ценностных ориентиров, их образного мировидения.

Литература:

Банкова Т.Б. Обрядовое значение слова: языковой и этнический феномен // Этнос Сибири: язык и культура: Материалы Международной конференции. – Ч. 1. – Томск, 1997.

Брысина Е.В., Кудряшова Р.И. Антропоцентризм диалектной картины мира // Диалектика и функционирование русского языка: факторы и векторы: Материалы Международной научной конференции. Волгоград, 10-12 октября 2007 г. – Волгоград, 2007.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4х т. – М., 2002.

Казаченко А.И. К истории великорусского свадебного обряда // Советская этнография. – 1957. – № 1.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – М., 1964-1973.

З.С. Патралова

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ СЛОВО КАК РЕЧЕВАЯ ЕДИНИЦА

Известно, что основным отличием речевых единиц от единиц языка является их производимость в процессе речи. Примером такой речевой производимости может служить детское словотворчество или окказиональное употребление любого слова. В окказиональном слове содержится противоречие между фактом речи, с одной стороны, и системой и нормой языка — с другой. Окказиональное слово как чисто речевое явление не принадлежит языку: оно не воспроизводится, а творится, заново создается

всякий раз для каждого конкретного случая его употребления.. Сравним детские новообразования существительных со значением лица с суф. -*тель*: *подметатель, помогатель, вылезатель, включатель /тот, кто включает/ продаватель /продавец/; -ник*: *бесхвостник, виношник, светник, фанерник, хозяиник -щик*: *брильщик, возильщик, вызовщик и др. и известные всем индивидуально авторские неологизмы: стихачество, евпаторьяне, дамыё, чемберленье, мандолинить, океанится (Маяковский); ненайдёныш, полутоскует, полустрадает, наоборотный (Вознесенский); березь, цветь, сочь (Есенин); грезидиум, выдвигенщина (Ильф); речар, кричак (Хлебников); спортсмердный лоб (Цветаева) и др.*

Совершенно очевидно, что детские новообразования очень похожи на уже существующие слова в языке, они построены по тем же словообразовательным моделям, что и общеупотребительные, их значение целиком складывается из значения составляющих их частей. Действительно, *помогатель – тот, кто помогает, подметатель – тот, кто подметает и т.д.*; их общее значение такое же, как и у общеупотребительных слов *учитель, строитель и др.*, которое складывается из значения агентивного суффикса –*тель* (лицо по профессии или производимой деятельности) и значения производящей основы. (Общее значение таких образований - тот, кто делает то, что названо производящей глагольной основой). Поскольку факт создания (и употребления) окказионального слова — это факт речи, окказионализмы часто встречаются в спонтанной разговорной речи (*накрутка, дразнильщик, хваталка, погонялка и др.*). В целом разговорные новообразования напоминают детские неологизмы, но создаются они по разным причинам: дети только осваивают язык и потому свободно используют словообразовательную модель, новообразования разговорной речи строятся с сознательным отступлением от кодифицированных норм словоупотребления.

Индивидуально авторские новообразования в отличие от детских и разговорных часто построены с нарушением законов словообразования, то есть по несуществующим словообразовательным моделям, и значение их без контекста не всегда понятно. Специфика таких авторских новообразований заключается в обслуживании конкретной художественной речевой ситуации, и исчезнуть они могут только с исчезновением, гибелью соответственного художественного произведения. Индивидуальная принадлежность, то есть принадлежность окказионализма конкретному автору, определяет степень художественности новообразования, семантическое и стилистическое своеобразие. По своей художественной значимости индивидуально авторские новообразования сходны с метафорами: в основе их создания лежит стремление открыть в слове новые смысловые грани, экономными речевыми средствами создать выразительный образ. Как и самые яркие, свежие метафоры, индивидуально авторские новообразования своеобразны и неповторимы. Значение индивидуально-авторских окказионализмов раскрывается только в ближайшем окружении контекста.

Ср.: у Маяковского
Что, мол, стоят лучёнышки эти?
Пошёл хозяин любезностями медовать.
Грудь испешеходили.
Язык трамвайский не понимаете.
Июлю капут. Обезночил, загретый
 У Северянина
Чтоб ножки не промокли, их надо окалошить.
Офиалчен и олимонен озерзамок.
В шик опроборенные, настроунились.
Виолончелили от меццо-гула.
Мечтатели-бездомники.
Утрет, снежееет, хрусталиит.
 Или у Цветаевой
Пережиток сельскости – не мети метельщица.
Позабыв о сальных бальниках,
За руку берите маленьких.
Докраснобайствовались, мессии
Нижнего класса.
Допойму при встрече.
Стремит столбовая в серебряных струях.
 У Хлебникова
Пинь, пинь, пинь! Тарахнул зинзивер.
О лебедиво.
О озари!

Как видим, контекстное окружение с разной степенью точности может передать значение новообразования, близкое к замыслу автора: в одном случае оно может стать опорой для семантической интерпретации (как у Маяковского, Цветаевой или Северянина), в другом случае оно никак не проясняет семантику новации (у Хлебникова, например).

Принято считать, что неологизмы Маяковского, Цветаевой, Северянина построены, как правило, по общеязыковым моделям с использованием необычной сочетаемости производящих основ и словообразовательных формантов (ср. у Маяковского - *испешеходил*, *трамвайский*, *обезночел*; у Северянина - *олимонен*, *настроунились*, *утреет*; у Цветаевой - *метельщица*, *допойму*, *стремит*). Неологизмы Велемира Хлебникова надуманы, не соответствуют общепринятым языковым моделям, абсолютно индивидуальны (*зинзивер*, *лебедиво*), однако сравнительный анализ детских окказионализмов и индивидуально-авторских новообразований В.Хлебникова показал, что между ними много общего. При образовании и тех, и других использовалась (осознанно или бессознательно) аналогия восстановления утраченной формы, конверсия, альтернация, слитое напи-

сание словосочетаний, контаминация, исправление непоследовательностей в языке.

1. ОККАЗИОНАЛИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПО АНАЛОГИИ

а) в детской речи

*столья — стулья, читаю — искаю
англичанский - американский*

б) у Хлебникова

*письмо —резьмо, русло — бусло
русло - мусло*

2. ОККАЗИОНАЛИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПУТЕМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ УТРАЧЕННОЙ СТРУКТУРЫ

а) лога - ложка, вила - вилка

б) свирель - свиреть

костка — косточка, внуча — внучка

3. ОККАЗИОНАЛИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ СЛИТЫМ НАПИСАНИЕМ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

**а) босоноги, чутьсветный
бревнолом, лучшевсехный**

**б) стонстен, звездаль
чарчерт, звездомик**

4. ОККАЗИОНАЛИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ВИДОИЗМЕНЕНИЕМ ИЛИ УРЕЗАНИЕМ ОСНОВЫ, -АЛЬТЕРНАЦИЯ

**а) -льзя, обним —,
объех —, огур ~**

**б) зам —, —утант (орангутанг)
глубый (глубокий), зноба**

5. ОККАЗИОНАЛИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ МЕНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ИСХОДНОЙ ОСНОВЫ ИЛИ ПЕРЕХОДОМ СУФФИКСОВ В СЛОВО, - КОНВЕРСИЯ

**а) спун от спать, утрешь от утро
темнотель от темнота**

**б) углить от уголь, исты
убава от убавить**

6. ОККАЗИОНАЛИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ МЕЖДУСЛОВНЫМ СОВМЕЩЕНИЕМ ИЛИ КОНТАМИНАЦИЕЙ

**а) мазелин (мазать и вазелин)
вертилятор (вертится и вентилятор)
вылепин (вылепить и пластилин)**

**б) вружба (врать и дружить)
бьюга (бить и вьюга)
хоролева (хорошая королева)**

7. ОККАЗИОНАЛИЗМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИСПРАВЛЕНИЯ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЕЙ В ЯЗЫКЕ

**а) видимка от невидимка, монаха от монах
брызгань от брызгать, ряха от неряха
неможно от можно, русал от русалка**

**б) прац от прачка
людимый от нелюдимый
бурк от буркнуть**

Общее в детских инновациях и поэтических окказионализмах Велемира Хлебникова в создании так называемых образований по сверхмодели. Наличие таких образований подчеркивают глубинное строение языка и способность ребенка к высокой степени грамматической абстракции.

Детские и авторские новообразования по способу образования и своим функциям являются как бы антиподами, но и те, и другие отличаются от общеупотребительных тем, что для обычного общеупотребительного слова конкретный акт его употребления — это лишь один из случаев речевой реализации этого слова, а для окказионализма же каждый конкретный

акт его употребления является единственным случаем его речевой реализации.

Таким образом, свойство воспроизводимости — важнейший отличительный признак общеупотребительного слова, а свойство творимости — важнейший отличительный признак окказионального слова.

Литература:

Патралова З.С. Особенности образования детских и индивидуально-авторских инноваций // Становление детской речи. – Вып. 2. – Саратов, 1995.

Патралова З.С. Окказионализмы в детской речи // Становление детской речи. – Вып.3. – Саратов, 1996.

Санджи-Гаряева З.С. Квазидетское словообразование // Становление детской речи. – Вып.2. – Саратов, 1995.

Цейтлин С.Н. Окказиональные морфологические формы в детской речи. – Л., 1988.

Источники:

Игорь Северянин. Лирика. – Л., 1991.

Марина Цветаева. Поэмы 1920-1927 гг. – Спб., 1994.

Маяковский. Стихотворения и поэмы. – Пермь, 1987.

Хлебников В. Творения. – М., 1986.

Цейтлин С.Н. "Детские словообразовательные инновации". Словарь. – Л., 1986.

С.П. Петрунина

ЧАСТИЦА *ТО* КАК СРЕДСТВО ЛИНЕЙНОЙ ГРАММАТИКИ ТЕКСТА В СИБИРСКИХ ГОВОРАХ

Функционирование выделительной частицы *то* в сибирских говорах (в исследуемом материале это русские старожильческие говоры Томской и Кемеровской областей) не ограничивается рамками предложения, она выходит в текст, являясь одним из средств его линейной грамматики, не предполагающей возвращения "назад" и лишаящей слушающего возможности "перечитать" сказанное. *То*, с одной стороны, связывает соположенные синтагмы и фразы диалектного текста и, будучи анафором, ведет его ретроспективную линию; с другой – актуализирует повторное упоминание предмета сообщения, предполагая его предупоминание, и служит поддержанию и коррекции тематической цепочки текста, что необходимо в условиях непоследовательного (с лакунами и вставками) политематизма диалектной речи, являющегося результатом ее ассоциативного развития. Этим предупоминанием может быть местоимение третьего лица без антецедента, то есть местоимение на правах первичной "номинации": *Мы-то считали, что выходит [замуж]. А он вот поедет за ей, за невестой-то* (ПССГ I, с. 135); *А я в печку дрова наклала. А там уж, наверно, было. Духовка у меня пропала. Я не видела, что она пропала. Они, наверно, искры-то полетели,*

и у меня на кровать прилетела (ПССГ III, с. 140); А **они** прошлогод план [по заготовке сена] выполнили и уехали, **городски-то**, а остров так и пропал весь (ПССГ III, с. 140); А **он** старинный дом-то, хороший (ПССГ IV, с. 114); Потом **их**, **сватов-то**, к ним заслали, пропили девку; Помню, у **них**, у **бабушки с дедушкой-то**, засека была большая; **Она**, **вода-то**, чиста была, рыбёшки много было, много. Речь идет о так называемых пролептических конструкциях (от греч. πρόληψις – "предположение, предчувствие, предвидение") или антиципации (от лат. anticipatio – "предвосхищение") – разновидности анафорического отношения.

Безантецедентным (экзофорическим) может быть употребление нескольких, относящихся к разным референтам местоимений: *Не пряли, не умели. Она* (мать рассказчицы) *на самопряхе... Она* (самопряха) *ещё от свекровки осталась. Ну и вот она* придет, ну, **Ефимовна-то**, соседка: "Ты хоть садись, поучись на самопряхе". **Она** (мать) *сядет. Ежели ногой топает, у ей* руки стоят, а *ежели* руками дёргают, у *ей* нога стоит. **Она** не могла прясть, **мама-то**, нет. Такое употребление, которое "завышает объем общей с собеседником апперцепционной базы", М.В. Китайгородская, характеризуя просторечие, называет "наступлением на права адресата", а К.Ф. Седов, исследуя речь младших школьников, – "слабостью дискурсивного мышления" (близость диалектной речи и просторечия отмечали Т.В. Банкова, В.Е. Гольдин, С.Ю. Фадеева, диалектной речи и детской речи – К.Ф. Седов, В.Е. Гольдин и А.П. Сдобнова).

Говоря о "наступлении на права адресата" в диалекте, нельзя не учитывать два момента: 1) сложности в употреблении местоимений, связанные с идентификацией не только предмета сообщения, но и участников акта коммуникации и отмечаемые как у детей, так и у стариков (пожилых носителей диалекта) – не случайны потери местоимений при афазии, отдельные симптомы которой имеют не только травматический, но и возрастной характер, проявляясь в старости (см. замечание Р.О. Якобсона: "Местоимения принадлежат к числу тех элементов языка, которые поздно усваиваются детьми и рано утрачиваются при афазии" [Якобсон 1972: 95]); 2) особенности сельской коммуникации, когда сказывается привычка вести речь о хорошо известном всем селянам предмете (диалектная коммуникация характеризуется, по В.Е. Гольдину, следующими признаками: относительно слабой функциональной, социальной, темпоральной и пространственной расчлененностью сферы общения; преобладанием родственных и соседских связей между коммуникантами в ограниченном социуме; высокой степенью общности информационных баз членов коллектива при тематической компактности семиосферы [Гольдин 2004: 40]). Отсылка "назад" и актуализация повторного упоминания предмета сообщения с помощью частицы *то* помогают говорящему справиться с речевыми трудностями и служат защитой прав адресата, работая на грамматику слушающего.

При наличии антецедента частица *то* актуализирует вторичную номи-

нацию (упоминание) в виде а) буквального лексического повтора, характерного для диалектного текста, так как повтор позволяет говорящему экономить речевые усилия и не переходить на другой речевой код в условиях спонтанной коммуникации; б) повтора кореферентного имени (разноименного лексико-семантического повтора [Борботько 1981: 43], обнаруживающего меньшие аналитические усилия говорящего в отличие от соименного (разнореферентного) повтора, требующего глубокой речевой аналитики). Например:

а) *В бункер этот засыпашь чуточку, на бензине его вот заводишь [трактор], переводишь его вот на газ, он, значит, первая зона приготовления у него, а потом зона горения. Вот, значит, газ-то когда по трубам пойдёт, и тогда он на этом газу и работает* (ПССГ I, с. 138); *А вот во сне мужика своо видала. Приехал на коне, мужик-то, на гнедом, обросший весь: "Ох, да как я по тебе соскучился, заберу я тебя к себе!"*;

б) *Если тебе взять приходят, невеста ндравится, то берут с жениха выговор. Ну сколько брали, с парня-то? Ну, рублей пятнадцать; Вот были таки бутылки, "гусыни". Вот одну на три дня и хватало всегда, четвертину-то; Кудель, лён на палочки наматем, отходы-то; Вот, значит, брали мы кошевó такое, с развалинами, и правют, сани-то, большие таки. Вот насыдут туды и правют; Саша, ты уйди из сырости, из травы-то. Не марай сандалики* (ПССГ IV, с. 116).

То актуализирует вторичную номинацию не только в условиях контекста, но и в условиях конситуации, когда представление о предмете создается в сознании раньше, чем реальность речи, первичная номинация "считывается" перцептивно и словообраз присутствует во внутренней речи: (смотрит на забор) *Забор-то* прошлогод правили; (показывает фотографию сына) *Коля-то* в Краснодарском краю, уехал; (внуку, поднимающему ногой пыль с земли) *Ты землю-то* не буробь; (принюхивается) *Вонница-то* от Рубцовых, свинню запалили. Условия конситуации "возвращают" текстообразующему *то* его коммуникативный статус вместе с дейктической функцией.

Таким образом, *то* как факт линейной грамматики является средством межфразовой и межсинтагменной связи диалектного текста, реализующимся в анафорическом отношении, которое характерно для ассоциативного, более раннего, чем современный логицированный, синтаксиса, предполагающего ассоциации по смежности, также более раннего происхождения, в отличие от более поздних ассоциаций по сходству.

Литература:

- Борботько Г.В.* Элементы теории дискурса: учеб. пособие. – Грозный, 1981.
Гольдин В.Е. Textoобразующие факторы диалектной речи // Проблемы современной русской диалектологии: тез. докл. междунар. конф. 23–25 марта 2004 г./ отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М., 2004.
Якобсон Р.Я. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972.

Источники:

ПССГ – Полный словарь сибирского говора/ гл. ред. О.И. Блинова. – Томск, 1991–1995. – Т. 1–4.

Основным источником исследования являются авторские магнитофонные записи диалектной речи, собранные в диалектологических экспедициях (1981–1986 гг., 1993–1996 гг., 1998–2000 гг.) в села Молчаново, Сулзат Молчановского района Томской области (среднеобские говоры), Таргай, Малиновка Осинниковского района, Лучшево Прокопьевского района Кемеровской области (говоры юга Кузбасса).

Л.А. Полищук

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ВАРИАНТНО-СИНОНИМИЧЕСКИМИ
ОТНОШЕНИЯМИ В ГОВОРАХ КАМЧАДАЛОВ
(ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Объектом лингвогеографии является картографирование всех уровней языка, кроме макросинтаксиса и стилистики, которые не поддаются картографированию, с последующим исследованием разными методами, связанными с картографическими материалами (ареальными, табличными и др.).

Картографировать можно разный лингвистический материал. Но только после постановки вопроса об изучении лексики как системы лингвогеография шагнула на следующую ступень своего развития.

Вопрос о системных методах, или системном подходе при изучении лексики в лингвогеографии имеет большую и сложную историю.

Первым опытом картографирования лексических различий в говорах явился «Лингвистический атлас района озера Селигер» [Мальцев 1949], в котором 45 карт, показывающие некоторые фонетические, морфологические, лексические и синтаксические особенности говоров. В атласе не ставились задачи изучения системных отношений в лексике. И тем не менее уже в этом опыте просматриваются некоторые элементы лексической системы изучения говоров – объединение слов в определенные лексико-семантические группы, семантическая структура диалектных слов с учетом территории их распространения. Например, карта №32 (о распространении слова чележнина и производных чележень, чележна, чележнина и др. в значениях “огрех”, “целина”); карта №38 (о распространении значений слова сопка – “холм”, “курган”, “горка”, “кочка”). Это был первый шаг на пути постепенно расширяющегося вовлечения в сферу лингвогеографического изучения новых пластов областных слов, на пути выяснения системных связей методами лингвогеографии.

Составители следующего атласа рассматривали язык как систему. «Поэтому в настоящем атласе делается попытка картографировать не произвольно оказавшиеся в поле зрения составителей факты языка, а языковые явления как элементы системы языка или, во всяком случае, в связи с системой языка» [Атлас 1957: 4]. Но недостаточная изученность диалект-

ной лексики в то время не позволила составителям атласа представить лексический уровень языка как систему, они признавали, что «круг вопросов, включённых в раздел лексики, оказался довольно случайным и не связанным с изучением лексики как системы» [Атлас 1957: 4].

Развитие системного изучения лексики в диалектном языке увеличивало возможность выявления и рассмотрения системообразующих связей лексики приёмами лингвогеографии. Так, интересные сведения о фрагментах лексико-семантических систем в разных славянских диалектах можно извлечь из Общеславянского лингвистического атласа [Общеславянский атлас 1974]. Например, состав лексико-семантической группы и ареалы слов в славянских языках со значением “сегодня” (карта №16), “картофель” (карта №17).

Но состав диалектной лексики безграничен. Его трудно вместить даже в словари. Поэтому системный подход в лингвогеографии не означает полного картографирования всей лексики. «Основной целью здесь должна быть не география отдельных слов, а география отношений между словами внутри системы, которые можно проследить при монографическом изучении системы» [Мораховская 1972: 358].

В нашем исследовании «Название одежды и обуви в говорах камчадалов» картографированию были подвергнуты только лексемы, вступающие в вариантные и синонимические отношения (всего было подготовлено 42 карты). В данной статье представлена малая часть составленных карт.

Картографирование показало, что в одной частной диалектной системе могут одновременно употребляться несколько вариантов и синонимов. Например: Карта № 1. Вариантно-синонимический ряд «Одежда вообще»: Млк.: одѣжда, одѣжонка, одѣжа, одѣза, одѣжа, Квр.: одѣжа, одѣза, У-Б.: одѣжда, одѣжа, одѣжка, Тгл.: одѣжды, одѣза, Анв.: одѣжды, одѣжда, Клч.: одѣза, одѣжа, Длн.: одѣжа, одѣжка. Карта № 11. Вариантно-синонимический ряд «Верхняя одежда типа рубашки, сшитая из ровдуги»: Млк.: гагáгля, кагáгра, Клч.: кагáгра, кáгля, Длн.: камлѣйка, камлѣя.

Литература:

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. – М., 1957.

Мальцев М.Д. Лингвистический атлас района озера Селигер. – М.–Л., 1949.

Мораховская О.Н. Проблемы варьирования словарного состава русского языка в его территориальных диалектах и лингвистическая география // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Пермь, 1972.

Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. – М., 1974.

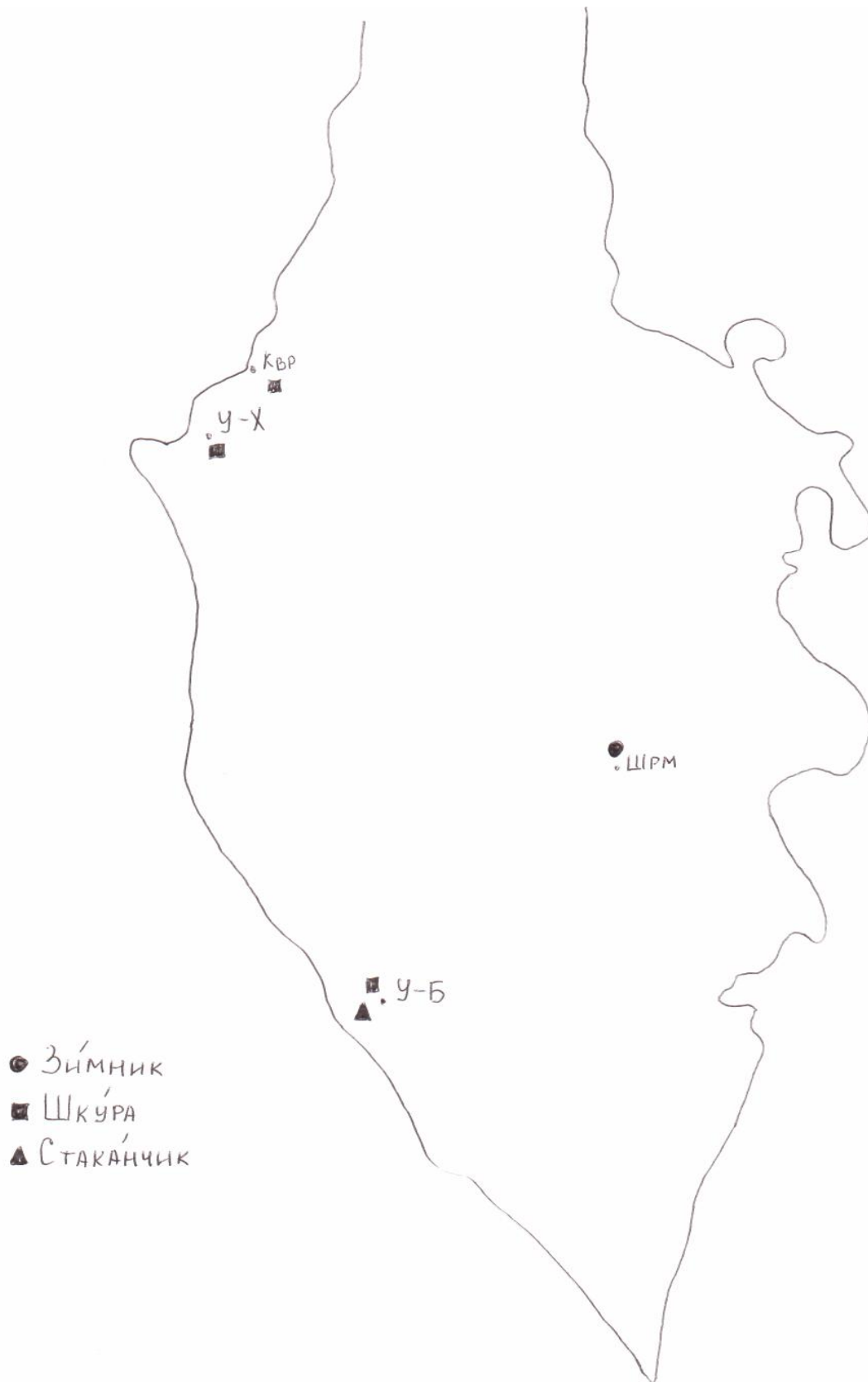
Карта № 1. Вариантно-синонимический ряд «Одежда вообще»

Карта № 2. Синонимический ряд «Старая одежда»

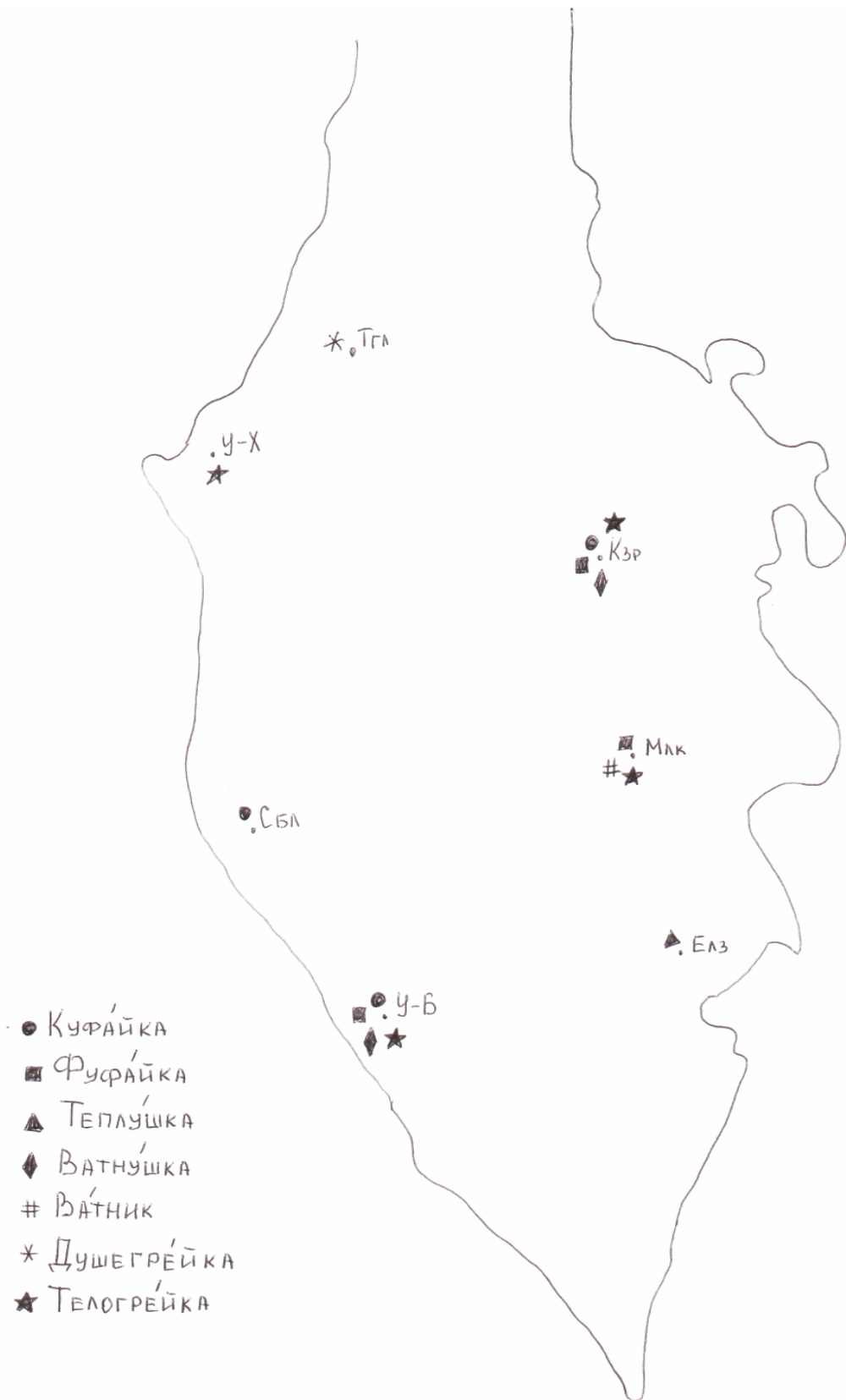
Карта № 9. Синонимический ряд «Зимняя меховая одежда вообще»

Карта № 11. Вариантно-синонимический ряд «Верхняя одежда типа рубашки, сшитая из ровдуги»

Карта № 13. Вариантно-синонимический ряд «Стёганая ватная куртка»

Карта № 18. Вариантный ряд «Брюки, сшитые из шкуры с ворсом или без него»

Н.В. Свешникова

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В СРЕДНЕРУССКОМ ГОВОРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ САРАТОВСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА)

Одним из говоров, изучение которых проводится в рамках проекта «Саратовский диалектный корпус», является среднерусский акающий говор с. Земляные Хутора Аткарского р-на Саратовской области. Анализ материала выявил ряд ярких диалектных особенностей в области существительных.

Одна из них связана с категорией рода. Специфика этой категории проявляется в говоре в изменении форм согласования имен ср.р. Как показывает анализ материала, в диалекте наблюдается т.н. процесс перехода существительных ср.р. в класс существительных ж.р. Это характерно как для слов с ударным, так и с безударным окончанием. Сближение с ж.р. проявляется у существительных с безударным окончанием только в согласовании. Например: *такая корыто плыла, какая веселье, заливная место, хозяйство какая, такая детство, яичко одна, какая-то дерево, зарево красная была, дорогая масло*. Определения в сочетании с такими существительными имеют окончания ж.р. преимущественно только в двух падежных формах – им.п. и вин.п.: *помню всю детство, на свою подразделение, скидаем свою обмундирование*. Подобное согласование отмечается и при ударном окончании существительных ср.р.: *вся житья, гумно большая, кино какая, пальто дорогая, большая колесо, плохая ведро, какая вино, кино привезут глухонемую, всю белье, веяли эту зерно, худую ведро, в другую село*.

Т.е. слова ср.р. в данном говоре не имеют полной парадигмы форм с согласованием по ж.р., и в их парадигме сосуществуют формы с согласованием по ж.р. (как правило, формы им.п., вин.п.) и по ср.р. Причем, последние сохраняют окончания II-го склонения.

Диалектная специфика существительных в говоре с. Земляные Хутора проявляется и в их склонении. Так, слова I-го типа склонения в форме род.п. ед.ч. в предложных конструкциях независимо от места ударения имеют два окончания: *-и/(-ы)* (*у мамы, у невесты, из воды*) и *-е* (*от сестре, у родне, из нашей родне, для скотине*), однако второе менее частотно.

У существительных II-го типа склонения специфичны формы род.п. и предл.п. В род.п. слова имеют окончания *-а* и *-у*. Флексия *-у* отмечается у неодушевленных существительных м.р. и ср.р. (у слов ср.р. значительно реже), преимущественно с ударением на основе. В отличие от литературного языка формы на *-у* распространены в говоре наиболее широко и не ограничены выражением только количественно-выделительного значения. Например: *с голоду, по кусочку колобу, из корню, с одного боку, от концу, из Советского Союзу, с колхозу, свету не было, от скандалу, из дому, без сахару, из какого-нибудь материалу, до рассвету, для хозяйству, из полю*.

Форма предл.п. тоже имеет два варианта окончания (–е, –у), один из которых – флексия –у – встречается у существительных м.р., как правило, с односложной безударной основой и является более многозначным в сравнении с литературной флексией: *в этом доме, в клубу, при свету, в хлеву, при отцу*. Однако чаще всего в данном говоре распространено другое падежное окончание – –е: *в доме, в хлеве, на огороде, на столе, о хлебе, на заводе, при отце*.

Диалектная специфика существительных III-го склонения проявляется в формах дат.п., предл.п. и вин.п. В дат.п. и предл.п. у слов отмечается ударная флексия –е: *по грязи-то, в крову, в грязи, на лошаде*, которая уступает по частотности другому окончанию в этой форме – окончанию –и: *в ночи, к двери, к осени, по осени, к лошади и др.*

В вин.п. существительные III-го склонения имеют, кроме характерной для данного типа нулевой флексии, еще и флексию –у (*ржу, всю жизнь, признать болезнь, на постелю*), ограниченную в употреблении.

Таким образом, колебание в роде и действие тенденции к объединению всех существительных ж.р. в один словоизменительный класс (сближение I-го и III-го типов) обусловили наличие в говоре особых классов имен, совмещающих в разных падежах флексии двух разных типов склонения: часть существительных ср.р. имеет парадигму форм с окончаниями I (как правило, в им.п. и вин.п.) и II склонения (в косвенных падежах); слова ж.р. – III и I (напр., *жизня, болезнь*), III и II (напр., *копоть, цепь*).

В склонении существительных мн.ч. обращают на себя внимание несколько падежных форм: формы им.п., род.п., вин.п. и твор.п. В им.п. взаимодействуют два окончания, одинаково широко представленные в данном говоре: –и/ы, –а, причем оба присутствуют у имен всех трех родов. У существительных ж.р. наблюдается распределение окончаний: слова III склонения в этой падежной форме имеют преимущественно окончание –а, а имена I типа – и(–ы). Например: *матеря, лошадя, церквя, дверь, шалья, ноча, свадьба*; но *банды, коровы, ведьмы, овцы, свадьбы*.

У слов ср.р. разграничение флексий связано с ударением: если оно падает на основу, то отмечается, как правило, флексия –ы, если на окончание, то –а: *места, дела, слова, имена*; но *гумны, яйцы, колёсы, кины, окны*.

Что касается существительных м.р., то здесь ударная флексия –а тоже весьма активна и распространена значительно шире, чем в литературном языке: *плотника, колоба, гостя, корня, носа*; но *хозяины, снопы, хлевы, мудрецы и др.*

В особую группу слов выделились существительные на –ат/-ят, у которых в говоре чаще всего отмечается окончание –ы: *теляты, девчаты, ребята, кабаняты, индюшаты, поросыты*.

В форме род.п. отчетливо проявляется тенденция к расширению сферы окончания –ов/-ев, которое очень активно используется и вытесняет

другие окончания этой падежной формы - *-ей* и *-ø*. Флексия *-ов/-ев* охватывает существительные всех трех родов. Приведем примеры:

- ср.р.: *из ядер, событий, именов, яиц, из ведер, озер; но полей.*
- м.р.: *цветов, снегов, братьев, родителей, без мужьев, алкашов, городов, сторожов; но кораблей.*
- ж.р.: *тарелков, бутылков, лампов, возле рыгов, лодков, машинов, игрушков, секунд, у подружков, у тетков; но свадьбей, овец.*

Вин.п. существительных мн.ч. имеет несколько окончаний. Флексия *-и/(-ы)*, помимо слов м.р. и ж.р., распространяется и на имена ср.р. (*купили столы, вяжу платки, видел машины; в сёлы, берёт ведры, на гумны, распилишь окна, возил яйца*). Окончание *-а* тоже расширяет сферу своего распространения за счет существительных ж.р. (как правило, III типа склонения) и некоторых классов слов м.р., у которых оно вытесняет флексию *-и*. Например: *поля пахали, говорили слова, но корня вытащил, воза накладем, церквя разорили, шалья вяжу*. Наряду с нулевой флексией, характерной для имен ж.р. в этой падежной форме, употребляется и окончание *-ев/-ов*: *банев наделали, кошкев ела, утков стреляли, верёвков набрали, сажали яблонев*.

В тв.п. различаются ударные и безударные окончания. Под ударением существительные мн.ч. имеют флексию *-ами* (*домами, полями, садами, сапогами*), в безударном – *ими/(-ыми)* (*колёсыми, водыми, вётлыми*). Наиболее ярко эта особенность проявляется у слов с основой на заднеязычный согласный: *дояркими, решеткими, мотыгими, хозяйкими, суткими, тряпкими, за пилюлькими, с болячками, пучочкими, с книжкими, перышками*.

В целом анализ грамматических особенностей существительных данного говора показал, что среди них отмечаются черты, являющиеся характерными признаками диалектов юго-восточной диалектной зоны. В частности, это такие ярко выраженные в изучаемом говоре явления, как сближение среднего рода с женским, ударная флексия *-а* у существительных ж.р. в форме им.п. мн.ч. (*дверя, шалья, ноца*), окончание *-ов/-ев* в род.п. мн.ч. существительных ж.р. (*ведьмов, подружков, колясков*), флексия *-ими* после заднеязычных согласных в форме твор.п. мн.ч. (*вязанкими, девками, хозяйкими*) и некоторые др.

Комплекс диалектных черт юго-востока в нашем говоре включает в себя и другие признаки, такие, как, например, наличие общего спряжения у глаголов (*рубют, варют, купют, мочут*); постфикс *-си* после согласных в возвратных формах глагола (*собираемси, вытянешьси, кружилси*); ударенный *-о-* в слове *тащит* (*тощим, тощишь*); наличие в говоре слова *хрестец* со значением «малая укладка снопов» и др.

Эти языковые факты позволяют, на наш взгляд, прояснить вопрос об истории заселения Земляных Хуторов. При этом необходимо учитывать не только структурно-языковые признаки говора, но и внеязыковые факто-

ры его формирования [Баранникова 1975]. Данное село – одно из старейших русских сел области, возникшее в середине XVIII века. Точных сведений об истории его образования не сохранилось. Однако есть предположение, что основателями села были переселенцы с южных территорий России - Тульской, Белгородской, Брянской и других губерний¹⁹. Учет этих сведений и современных структурно-языковых признаков говора (наличие комплекса диалектных черт юго-востока) с большой долей вероятности позволяет предполагать, что первопоселенцами Земляных Хуторов были выходцы именно с юго-восточных территорий России.

Литература:

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. – Саратов, 1967.

Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2.

Баранникова Л.И. К проблеме классификации говоров территории позднего заселения // Говоры территорий позднего заселения. – Саратов, 1977. – Вып.1.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. – М., 1970.

О.Р.Семенова

ЖИВАЯ РЕЧЬ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ (ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Русские говоры Южного Урала относятся к говорам территории позднего заселения. Специфической особенностью вторичных говоров, как отмечала в своих работах Л.И.Баранникова, является, во-первых, их формирование на базе уже сложившихся ранее диалектных типов, во-вторых, сложный и разнообразный характер отношений (соотношение экстра и интра-лингвистических факторов), складывающихся на территории позднего заселения [Баранникова 1977: 4-5].

В настоящее время отсутствует комплексное описание состава диалектной лексики южноуральских говоров. Как известно, словарь признается самой удобной формой обобщения, поскольку отвечает условиям максимальной полноты, простоты и систематизированности представления материала. Основная цель создания словаря русских говоров Южного Урала – показать современное состояние словарного состава русских говоров Челябинской области. Синхронный подход не исключает использования языковых фактов прошлого, а позволяет отобрать только те факты, для которых в

¹⁹ В частности, как предполагают местные краеведы, части села были когда-то именованы по названиям тех мест, откуда пришли поселенцы: Погореловка, Балыклей – по уездам в Брянской обл, Чигра – по притоку Дона, Тульщина – по названию Тульской губернии.

языковом сознании диалектоносителей находится определенное место. Лексикографический подход к лексической системе «дает чисто методическую возможность разграничения синхронии и диахронии: описывая, оценивая и квалифицируя языковые факты с позиции языкового сознания того времени, когда создается словарь, мы тем самым фиксируем одномоментный взгляд на подвижную лексическую систему» [Скляревская 2006: 367].

Источником для словаря русских говоров Южного Урала послужили:

1) Материалы диалектологических экспедиций в районы Челябинской области: картотека диалектных слов; ответы на вопросы «*Программы собирания сведений для Диалектологического атласа русского языка*» и «*Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров*»; магнитофонные записи спонтанной диалектной речи середины XX - начала XXI в.в..

2) Выборка лексем из Словаря русских народных говоров и Словаря говоров Среднего Урала, имеющих территориальную помету с указанием районов и городов Челябинской области.

3) Данные социологического опроса и анкетирования.

Ориентация на современный лексический состав русских говоров Южного Урала актуализирует вопрос о степени сохранности в них диалектных лексем. Уже с начала XX века исследователи обращают внимание на внутреннюю неоднородность диалектной системы и её соотнесенность с социальной неоднородностью состава носителей говора.

Под носителем говора понимается "каждый из членов современного территориального коллектива, кто родился и вырос в данной языковой среде, с детства владеет местной речью и является носителем одной из её социально-языковых разновидностей" [Орлов 1970: 8].

"Архаический" [традиционный] и "передовой" типы местной речи обычно характеризуются как противопоставленные в современном говоре. Первый тип речи демонстрирует прошлое языковое состояние диалекта, а второй тип как вид речи, максимально сближенный с разговорной формой литературного языка, представляет завтрашний день русских народных говоров.

Сопоставление особенностей реализации диалектных слов у носителей разных слоев говора может способствовать выявлению динамики развития лексических систем южноуральских говоров. Привлечение социологического опроса к изучению современного словарного состава говоров позволяет раскрыть тенденции в использовании диалектных лексем разными группами информантов. Специфика функционирования диалектизмов в речи жителей Южного Урала рассматривается через призму количественно-качественных показателей таких параметров, как «знание» и «употребление». Участники соцопроса должны были ответить на вопросы: знаете ли Вы это слово?; употребляете ли его в речи?; с каким значением? Предполагалось обязательное указание значения слова и детализация ответа: «знаю», «не знаю, но слышал», «слышал», «слышал от...»; «употребляю» (просьба указать значение слова), «знаю, но не употребляю».

Анкетирование проводилось среди представителей всех возрастных групп, следуя принятой социальной дифференциации диалекта:

1) традиционный слой говора – информанты 60 – 80 лет, коренные жители (в третьем, четвертом поколении), основные носители говора, безграмотные и малограмотные пенсионеры; 2) средний слой говора – информанты в возрасте 40 – 60 лет (рабочие, служащие и пенсионеры со средним, среднетехническим и профессионально-техническим образованием); 3) передовой слой говора – информанты в возрасте 10 – 40 лет (школьники, студенты, молодые люди со средним и высшим образованием).

Анкета состояла из двух частей: в первой части анкеты содержались социологические сведения об участнике опроса (Ф.И.О., год рождения, место проживания, образование, вид занятости); вторая - представляла собственно лингвистическую анкету, в которой необходимо было указать степень бытования («знаю»/ «употребляю») предложенных слов (100-200 в зависимости от темы) и их значение.

В анкету были включены: 1) слова, обладающие высокой частотностью на территории Южного Урала по данным предварительного исследования говоров (*баской* - красивый); 2) слова, различающиеся в говорах планом выражения или значением (*шмара*-«любимая, милая»; «непутевая молодая девушка»; *байстрюк/байстрюк/крапивник*- внебрачный ребенок); 3) слова, позволяющие уточнить ареал распространения слова в южноуральских говорах (*шесток, загнета/загнетка*).

Работа с анкетой имела две формы: 1) устный опрос диалектоносителей по районам области; 2) опрос с привлечением компьютерных технологий (в рамках этой формы на сайте ЧГПУ была выложена анкета [<http://www.cspu.ru/dialekt/>]. Всего в эксперименте приняло участие более 600 человек в возрасте от 10 до 90 лет.

По итогам эксперимента производился простейший анализ частот "знания" и "употребления" диалектных слов в речи той или иной группы информантов. Учет живой реализации диалектных слов (т.е. использование их в речи носителей южноуральских говоров в данный момент времени) позволил ввести в словарную статью особые социальные пометы, которые показывают в процентном отношении социальную дифференциацию диалектной лексики в говоре.

На основании наблюдений над речью жителей Южного Урала и данных опроса и анкетирования информантов собственно диалектные слова по характеру их употребления делились на активные («употребляю») и пассивные («знаю, но не употребляю»).

Можно выделить следующие группы слов с точки зрения их активного/пассивного бытования в разных слоях говора:

1. Лексемы, встречающиеся во всех слоях населения с диапазоном степени употребления по региону - 95 – 55 % (*леля* – крёстная, *немтырь* - «немой» или «неразговорчивый человек» и др.).

2. Лексемы, активно употребляющиеся носителями традиционного и среднего слоев (70 – 50 %) и бытующие в передовом слое с диапазоном 30 – 25 % (*блзниться* - казаться, мерещиться, чудиться, *катанки*- валенки, *родство* – родные, *шаять* - тлеть и др.).

3. Лексемы, которые имеют низкий диапазон активного употребления в среднем слое (10 – 25 %) и находятся в пассивном запасе у носителей передового слоя (*ветючень*- угрюмый и глупый, *гаганька* - грудной ребенок, *молодуха* - молодая жена, *товарка* - подруга).

4. Лексемы, активно употребляющиеся только в традиционном слое говора (*вздрышной* – глупый, *духаня* - милый, *нетунаха* - несобранная, неряшливая женщина и др.)

Исследование диалектных слов в лингвогеографическом плане позволяет отметить территориальную дифференциацию количественной и качественной представленности как самих диалектизмов, так и их значений. По степени концентрации бытования анализируемых лексем Челябинская область делится на зоны интенсивного использования диалектного слова, зоны слабой фиксации исследуемой лексемы и зоны, в которых данный диалектизм не наблюдается. Ареалы распространения диалектных слов тесно связаны с традиционными путями освоения территории Южного Урала. Так, лексемы *баско* и *баская* частотны (диапазон активности составляет 100 - 60%) только в горно-заводских районах области, заселявшихся первоначально представителями говоров северного наречия. По бытованию в южноуральских русских говорах наименований процесса одаривания молодых во время свадебного пира четко противопоставляется северо-западная часть Челябинской области, где локализуется устойчивое сочетание *положить на пирог*, и юго-западная часть региона, в которой сохраняется устойчивое сочетание *класть на сыр*. В пограничном Чебаркульском районе отмечены единичные варианты номинации: *откупать пирог* (5%), *разыграть рыбный пирог* (17%).

В рамках одного говора можно проследить изменение семантического значения слова. Например, слово *шмара* носителями традиционного слоя говора толкуется как «любимая, милая», носителями среднего слоя - как «непутевая молодая девушка», а в речи носителей передового слоя говора данное слово приобретает отрицательно экспрессивное значение. (Ср. в словаре Фасмера: I. «любовница», арготизм, кубанск., II. «ряска», вост.-руск. (Даль) [Фасмер 1987: 458])

Следует отметить, что отдельные диалектные слова находятся на ступени перехода в сферу жаргонно-просторечной лексики, например, *дикошарый* - «непослушный, озорной, странный, сумасшедший». Данное слово имеет самый высокий диапазон активности употребления среди всех групп информантов Челябинской области. Слово встречается и в других областях Урала и Сибири.

Сужение сферы активного употребления диалектного слова связано с процессом его архаизации, причины и формы этого процесса в говорах разнообразны и требуют специального анализа (ср. *зыбка* - колыбель, *запон* - фартук).

На сохранность диалектных лексем влияют как собственно лингвистические факторы (ареал распространения лексем; близость к литературному языку (значение, словообразовательная структура); отсутствие в литературном языке адекватных эквивалентов для обозначения реалий), так и социальные факторы (изменение социальных условий жизни (уход реалий из жизни); возрождение обрядовой культуры и т.д.; диалектное окружение; уровень образования и др.).

Доминирующими в активном словарном запасе жителей Южного Урала являются лексемы, входящие в тематическую группу «Человек», что подтверждает идею антропоцентричности диалектного словаря.

Выявление специфики функционирования слова во вторичном говоре невозможно без установления исходной формы и значения слова в первичном говоре. В словарной статье с привлечением «Словаря русских народных говоров», «Словаря русских говоров Среднего Урала» и «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля устанавливается генетическая связь южноуральских говоров с другими говорами. Центр словника составляет севернорусская лексика.

Обращение к этимологии исследуемых слов доказало общеславянскую основу лексического состава южноуральских говоров. Заимствования из тюркских языков составляют небольшой пласт южноуральской диалектной лексики (*бирюк* - угрюмый, одинокий, *бельмес* – глупый, *урман* - дремучий лес и др.).

Границы словника определяются актуальностью диалектной лексики для отражения процессов, протекающих в южноуральских говорах на современном этапе.

Приведем пример словарной статьи:

БЕРЁЗОВКА, и, ж. – Берёзовый сок. *Весной в девчонках за берёзовкой бегают, подсечешь кору, поставишь баночку и ждешь, когда полная будет.* [Касл.].

◆ употребл. в традиц. сл.; средн. сл. - 60% ; перед. сл. – 38%

СРНГ: Сиб., Вят., Перм., Свердлов., Томск., Тобол., Ирк., Енис., Ворон. / т. 2, с. 253.

■ Производное от слова берёза.

⚡ **Берёзовку пустить** – разбить к.-н. нос до крови. *Я ему как дал – берёзовка и потекла. Вчера дрались, я ему аж берёзовку пустил.* [Касл.].

◆ употребл. в традиц. сл.- 60%; средн.сл. - 60% ; перед. сл. – 78%

Литература:

Баранникова Л.И. К проблеме классификации говоров территории позднего заселения // Говоры территории позднего заселения. – Саратов, 1977.

Орлов Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах: Автореф. дис.... докт. филол. наук. – Москва, 1970.

Скляревская Г.Н. Об одном словаре антропоцентрического типа // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70 летию чл.-кор. РАН Ю.Н. Караулова. – М., 2006.

Словарь русских народных говоров. – Вып. 1-39/ под. ред Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова. – М.; Л. – СПб, 1965-2005.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т.1-4. – М., 1986-1987.

Н.В. Удалов, В.А. Денденков

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЛАВЯНО-КНИЖНЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В ДИАЛЕКТАХ И СОЦИОЛЕКТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Исследование материалов русских народных говоров позволяет систематизировать историко-лингвистические сведения, обобщить разрозненные факты, а иногда пролить свет на противоречивые, как представляется, явления языка. Среди подобного рода неожиданных явлений можно отметить использование славяно-книжных суффиксальных словообразовательных моделей на *-ство*, *-ствие*, *-тель*, *-ость*, *-изна*, *-ние*, (*-ение*), традиционно трактуемых, вслед за С.П. Обнорским, как церковнославянские (славяно-книжные), в языке русских говоров. Употребление церковнославянизмов в говорах представляет особый интерес, поскольку в истории языка диалекты представляли собой область русской речи, наименее подверженную непосредственному воздействию церковнославянского языка. Наличие названных суффиксальных формантов в диалектном словопроизводстве подтверждает правомерность существования сложного языкового процесса, при котором «взаимодействовали такие резко противоположные языковые сферы, как церковно-книжный письменный язык и устный диалектный язык, поэтому историю имен с суффиксами *-тель*, *-ние*, *-ость*, *-ство*, *-ствие* нужно представлять во всей сложности взаимодействия славянских и русских языковых стихий, не преуменьшая роли и значения каждой из них как в формировании этих имен, так и их активизации, распространении, функционировании» [Николаев 1988: 350]. Изучение церковнославянских элементов в диалектах больше, чем в любой другой сфере языка, показывает характер их взаимодействия с русским языком, к тому же «на фоне системы мало нормированной формы языка со специфически русскими приметами достаточно отчетливо выявляется количество и конкретные черты использования церковнославянских элементов в русском языке» [Порохова 1988: 5].

Наличие такого рода словообразовательных моделей, позволяет говорить о важной теоретической проблеме – взаимодействии и соотношении литературного и собственно диалектного материала в системе русского исторического словообразования.

Интересны модели с суффиксом *-ствие*. Этот формант как словообразовательное средство однозначно связывается большинством исследователей со старославянским языком. Об этом свидетельствует тот факт, что в истории русского языка он используется только в самых славянизированных книжных жанрах. В свете этого появление суффиксальных образований на *-ствие* является, пожалуй, самым неожиданным в кругу книжных словообразовательных моделей, выявленных в диалектном словопроизводстве. По данным «Словаря русских народных говоров», образования с суффиксом *-ствие* очень немногочисленны по сравнению с другими книжными словообразовательными моделями в диалектном языке (около 5% форм), но, тем не менее, довольно любопытны: образования на *-ствие* имели не только жанровое, но и территориальное ограничение. [Попова 2003: 162]. Их распространение совпадает со временем активной деятельности русской Церкви на селе. Это можно считать одной из основных причин появления имен на *-ствие* в говорах. Часть из них встречается или встречалась раньше в литературном языке (*бедствие, беспокойствие, средство, удовольствие*), часть имеет чисто диалектное происхождение (*лекарствие, бесследствие, неверствие* и др.). Последнее свидетельствует о том, что суффикс *-ствие* фактически был освоен носителями диалектов.

Среди имен на *-тель* примечательны композиты, образованные по явно славянизированным моделям, но уже адаптированным в диалектах, ср.: *богомаратель* – ‘хулиган’ (Влад., 1902), *крестопопиратель* – ‘по суевенным представлениям, человек, несущий крест или икону во время пасхального посещения прихожан причтом’ (Петерб. 1865, Олон., Арх., Ярослав.), *доможитель* – ‘домохозяин, владелец дома, живущий в нем своим хозяйством’ (Перм., 1923).

Исследуя славяно-книжные суффиксы в диалектном словообразовании, нельзя не затронуть конфиксальные структуры с подобными элементами (в основном это препозиционные части конфикса): без...ье: *безбабье* – ‘отсутствие или недостаток женщин’ (Урал., Смол., 1919-1924); *безвременье/ безвременья* – ‘несчастье, беда’ (безвременный – несчастливый Перм., 1923) (Перм., 1913; Твер., Тамб. 1855); без...ость, без...ство: *безугомонство/безугомонье* – ‘беспокойство’, *бездурость/бездурье* – ‘блажь, дурь’ и др. Интересны прежде всего имена с начальным элементом меж-/между-..., где конфиксальные образования представлены с тремя вариантами начального элемента: славяно-книжным между..., исконно русским меж- (межу-, меже-...), восточнославянским межид... (ср., например, укр. межид...). Слова с начальным славянским между-

...очень немногочисленны (8 единиц), представляют собой имена отвлеченные, образованные при помощи модели между...ье, явно заимствованной из книжного языка, ср.: *междувитье* – ‘еда в промежуток между обедом и ужином’ (Волог.) (←*вить* – ‘количество пищи, съедаемое кем-либо за один раз’), *междулесье* – ‘мелкий лесок, соединяющий два больших массива леса, опушка’ (Пск., Твер. 1855); ‘чистое, безлесное пространство среди лесного массива, прогалина’ (Арх. 1852). Встречаются и модели со вторым элементом *-ица*, ср.: между...ица: *междуперстица//междуперстница* – ‘болезнь между пальцами от сильного загрязнения’ (Волог. 1883-89); *междуполосица* – ‘чересполосица’ (Ленингр. 1956).

Что касается собственно лингвистических причин функционирования названных формантов в говорах, необходимо учитывать, что диалекты обеспечивают своеобразную консервацию древних языковых единиц, способствуя их сохранению в составе национального языка.

Среди рассмотренных нами единиц отмечены лексемы, функционировавшие и в древнерусском языке как общеупотребительные, ср.: довольство (дррус. **ДОВЪЛЬСТВО**) – «довольство»; гладость (дррус. **ГЛАДОСТЬ**) – «полнота, хорошая упитанность»; богатество (дррус. **БОГАТЪСТВО/БОГАТЕСТВО**) – «богатство» и др.

Нередки случаи семантизации исконного значения, ср.: *бодрость* – «нарядность, щегольство» (дррус. **БЪДРОСТЬ** – «бодрость»); *галенье* – «смех, насмешка; неприличный смех» (дррус. **ГАЛЕНИЕ** – «ликование») и др.

Самыми любопытными нам представляются образования, возникшие в диалектах по устоявшимся в языке словообразовательным моделям с книжными суффиксами. Древнерусский материал в данном случае представляет лишь производящие слова, производные же являются продуктом собственно диалектного словотворчества, ср.: *бескормность* – «бескормица» (из дррус. **БЕСКЪРМНЫИ** – «не имеющий корма»); *блазнение* – «то, что мерещится, чудится» (из дррус. **БЛАЗНИТИ** – «искушать, обманывать»); *выпустошение* – «опустошение» (из дррус. **ВЫПУСТОШИТИ** – «опустошить»); *болезность* – «болезненность, болезни, заболеваемость» (из дррус. **БОЛЪЗНЬ** – «болезнь») и др. Как мы видим, указанные словообразовательные средства уже достаточно плотно вошли в диалектное словопроизводство, адаптировались в нем и оказались способны с течением времени (а особенно продуктивно – с XVIII века) выстраивать словообразовательные модели в пределах говоров.

Изучение структуры и значения имен на *-ость*, *-ство*, *-ствие*, *-ние(-ение)*, *-тель* доказывает, что эти существительные являются в русских говорах не случайными образованиями, а представляют значительный лексический пласт, что уже само по себе свидетельствует об их продуктивности в диалектном словопроизводстве. Эти субстантивы служат для передачи разнообразных значений (*nomina actionis*, *nomina agentis*, *nomina abstracta*), кроме того, они могут обладать конкретным значением, а также

«рядом переходных значений от чисто абстрактного до вполне конкретного» [Булатова 1953: 10].

Отмеченные языковые и экстралингвистические факторы свидетельствуют о сложности и многогранности процесса проникновения книжно-славянских словообразовательных моделей в диалекты, как об одной из проблем взаимодействия литературно-книжной и диалектной субстантивной словообразовательной системы в истории русского литературного языка.

Литература:

Булатова Л.Н. Отглагольные существительные на -нье, -тье в русских говорах. – М., 1953.

Николаев Г.А. Теоретические проблемы русского исторического словообразования. – Казань, 1988.

Попова Т.Н. Имена существительные с суффиксом -ствие в русских народных говорах // *Studia Rossica Posnaniensia. Zeszyt XXXI.* – Poznań, 2003.

Порохова О. Г. Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах. – Л., 1988.

О.С. Финько

НАИМЕНОВАНИЯ ЖЕНИХА И НЕВЕСТЫ В ОБРЯДОВОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КУБАНСКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА)

Культура кубанских казаков формировалась относительно поздно на базе народных традиций восточных славян, поскольку Кубань осваивалась переселенцами из южнорусских земель и Украины. В ходе приспособления к новым условиям духовное наследие переселенцев, несомненно, претерпело определенные изменения, однако «... господствующим остается традиционное культурное мышление» [Бондарь 1999: 59]. Кубанский свадебный обряд является ярким образцом проявления культуры вторичного (позднего) образования. Обряду Кубани в целом присущи элементы великорусской и малорусской культур. Однако, анализируя язык кубанского свадебного обряда, мы отметили множество новообразований и особенностей, отличающих его от исходных традиций. В настоящей статье рассматриваются номинации и обрядовые функции жениха и невесты в кубанском свадебном обряде на фоне родственных традиций.

Жених и невеста являются центральными персонажами свадебного обряда. На кубанской свадьбе происходит поэтапная смена социального положения и родственных отношений новобрачных, что характерно для всех восточнославянских традиций. В ходе обряда жених принимает весьма пассивное участие, однако воплощает активную сторону. Роль невесты более значима по сравнению с ролью жениха. И хотя на начальных этапах невеста тоже пассивна – она самостоятельно не одевается, сидит за

столом, – ее активность возрастает по мере развития обряда. Смена в поведении невесты связана с идеей возвращения к жизни после ритуальной смерти в прежнем статусе.

Постепенная смена социального положения жениха и невесты отражена в их наименованиях. Наиболее распространенными названиями брачующихся на Кубани являются термины *жэны'х* и *ниве'ста*. Названия применялись, начиная со сватовства, в течение свадьбы и в послесвадебный период. Этимология общеславянского термина *nevěsta* (куб. *ниве'ста*, *нэви'ста*) вызывает много споров. Однако принято считать, что лексема происходит от “неизвестная” [Фасмер 1987: III: 54-55; Черных 1999: I: 563-564; Крылов 2005: 246]. По мнению А.В. Гуры, с этимологией самого слова *nevěsta* как “неизвестная” согласуется «...неузнавание невесты в ее новом качестве... Семантика неопознаваемости невесты, вскрываемая в этимологии ее наименования, связана с ее символической смертью в промежуточной фазе «перехода» и апотропейным по своей функции закрыванием лица невесты» [Гура 2009: 121]. Этимология русского слова *жени'х*, украинского *жени'х* и соответствующего кубанского варианта *жэны'х* более проста. Лексемы являются производными от общеславянского *жени'ти* [Крылов 2005: 132; Фасмер 1986: II: 47; ЕСУМ 1985: 205-206].

По утверждению информантов, термины *жэны'х* и *ниве'ста* на Кубани стали употребляться для названия брачующихся только в современном обряде, а в более ранней традиции применялись лексемы *молоды'й*, *молода'*, *молоди'* – *Цэ тэпэр сталы – муж, жэных. А туди – молодой, молода, так называлы на невесту: «Та тиду ш на молоду дывыця!»* (Стежко М.С., 1923 г.р.). Надо отметить, что аналогичная тенденция свойственна и для русской, и для украинской обрядностей. В словаре «Украинского языка» Б. Гринченко лексема *жени'х* зафиксирована только со значением «молодой человек, ухаживающий за девушкой и пользующийся взаимностью». В словарной статье автор дает важное пояснение: «Это название (жених) имеет место только до формального сватовства, после которого он называется уже *молодым*» [Гринченко 1907: I: 478]. Слово *неви'ста* отмечено лишь со значением «женщина» [Гринченко 1908: II: 540]. В словаре В.И. Даля соответствующие лексемы русского языка также не зафиксированы в качестве номинаций молодых в день свадебного торжества [Даль 2006: I: 533]. В современных словарях в составе значений терминов *жених* и *невеста* на непосредственное участие в обряде указывает сема «вступающий в брак» [БАС: IV: 77; VII: 735; Ожегов, электронная версия].

Согласно словарю Б. Гринченко, обрядовый термин *молоди'й* в украинском языке употреблялся в значении «жених и новобрачный во время свадьбы», *молода'* – «невеста и новобрачная во время свадьбы», *молоди'* – «жених и невеста вместе, также во время свадьбы» [Гринченко 1908: II: 441]. В русском языке соответствующие наименования (*молодо'й*, *молода'я*, *молоды'е*) применялись к новобрачным, как правило, после риту-

ального объединения их в новую брачную пару и весь первый год брака [Даль 2006: II: 332; Славянские древности 2005: III: 283; 381; 1999: II: 204]. В семантическом плане кубанские термины *молоды'й*, *молода'*, *молоди'* тождественны соответствующим украинским лексемам и употреблялись для наименования брачующихся на всех этапах свадебного обряда

Таким образом, лексемы *молоды'й*, *молода'*, *молоди'*, *жэны'х* и *ниве'ста* использовались в кубанском свадебном обряде как общие наименования новобрачных. Известны и другие названия, более четко фиксирующие поэтапную смену статуса брачующихся. Так, до заключения брака девушку называли *ди'вка*, *ди'вчи'на*. Лексема *ди'вка* соотносится с укр. *ді'вка*, с рус. – *де'вка*. Для номинации молодого человека до женитьбы употреблялись лексемы *па'рубок*, *па'рень*; отмеченные наименования тождественны укр. *па'рубок*, *парень*, в русском языке отмечено лишь соответствие *па'рень*.

Номинации *князь* и *княги'ня* в русской и украинской свадебных традициях приурочены к обряду посада. По мнению многих исследователей, использование на данном этапе ритуальных терминов *князь* и *княги'ня* ассоциируется с княжеским обрядом посажения на почетное место и подчеркивает «высокое достоинство» новобрачных, а также получение привилегий в новом социальном статусе [Байбурин 1993: 75-76; Гура 2009: 122; Иванов, Топоров: 158]. В кубанском обряде нами не отмечены эквивалентные наименования для обозначения новобрачных во время заведения их на посад. Тем не менее, на связь локального кубанского обряда с родственными свадебными традициями указываем употребление соответствующих лексем в обрядовом фольклоре: «*Свиты'*, *матэ*, *сви'чку ранэ'нько*, / *Бо прыйидэ сын-соловэйко*, / *Прывэзэ скрыню*, *пэрыну*, / *Молоду княгыню*» (Стежко М.С., 1923 г.р.).

Из всех номинаций новобрачных в кубанском обряде наиболее четко отражают обрядовый переход термины *молоды'ця*, *молоды'чка* для наименования невесты и *чолови'к* для наименования жениха. Лексемы *молоды'ця*, *молоды'чка* употреблялись для названия: во-первых, невесты после обряда повивания – *Чепчик на нейи надивають, когда цвиты знимэ. Связанный, в виде кружэвный. Скручувалы косу и на косу вкалывалы ёго. Ужэ она молодычка* (Мороз А.И., 1938 г.р.); во-вторых, молодой замужней женщины – *Кажуть: «Вон пишла вжэ слабивьска молодыця». Значить ужэ она замужом* (Слабая Е.Г., 1941 г.р.). В исходных языках эквивалентные лексемы также применялись для наименования женщины, недавно вступившей в брак: рус. *молоди'ца*, *молоди'чка*, *моло'дка*, укр. *молоди'ця*, *молоди'чка*. В русском языке к этому же номинативному ряду относится термин *молода'я* [Костромичева 1997: 72], в украинском языке и в кубанском диалекте соответствующая единица использовалась только для наименования невесты во время свадебного обряда. Употребление кубанской лексемы *чолови'к* и соответствующего украинского наименования *чолові'к* [Гринченко 1909: IV: 469] в значениях “женатый мужчина”, “муж” подчеркивает важность семейного положения мужчины для осозна-

ния его как состоявшегося человека – «*Мий чоловік, мий чоловік*», - як *жонатий він, так – чоловік* (Богданова М.И., 1926 г.р.).

Анализ наименований жениха и невесты на Кубани и их функционирование в свадебном обряде позволил выявить следующие особенности: 1) ритуальные обозначения жениха и невесты в кубанском обряде, как и в исходных обрядах, отражают постепенную смену социального положения новобрачных; 2) несмотря на то, что большая часть терминов кубанской свадьбы относится к общеславянскому лексическому пласту, в семантическом плане кубанские лексемы ближе украинским, нежели русским. Так, укр. *молоди'й, молода', молоди'*, куб. *молоды'й, молода', молоди'* – новобрачные во время свадебного обряда; рус. *молодо'й, молода'я, молоды'е* – новобрачные после ритуального объединения и некоторое время после свадьбы.

Литература:

- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. – СПб, 1993.
- БАС* – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М, 1948-1965. – Т.1-17.
- Бондарь Н.И.* Традиционная культура кубанского казачества (избранные работы). – Краснодар, 1999.
- Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка: в 4-х т. – Киев, 1907-1909. – Т. 1-4.
- Гура А.В.* Механизмы создания новых родственных отношений в свадебном обряде // Категория родства в языке и культуре/ Отв. ред. С.М. Толстая. – М., 2009.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М., 2006. – Т. 1-4.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М., 1974.
- Костромичева М.В.* Лексика свадебного обряда (на материале орловских говоров): дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 1997.
- Крылов Г.А.* Этимологический словарь русского языка. – СПб., 2005.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах/ под ред. Н.И. Толстого.* – М., 1999 - 2009. – Т. 2-4
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М., 1999. – Т. 1-2.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. – М., 1986-1987. – Т. 1-4.
- ЕСУМ* – Етимологічний словник української мови: в 7 томах. – Київ, 1982-2006. – Т. 1-5.

Список информантов:

1. Богданова М.И., 1926 г.р.
2. Мороз А.И., 1938 г.р.
3. Слабая Е.Г., 1941 г.р.
4. Стежко М.С., 1923 г.р.

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД
В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ
(О НОВОМ СЛОВАРЕ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ)

Работа над диалектным словарём активного типа вписывается в русло современной лингвистики, приметой которой является сближение антропоцентрической, в частности когнитивно-ориентированной, и практической лексикографии. Путь к постижению национальной ментальности проходит через изучение способов концептуализации мира, материальным воплощением которых выступают различные языковые сущности. В них формируется система норм, правил, установок, оценок, отражается культура народа, его бытие, мировидение и миропонимание.

Исходим из того, что диалектная картина мира как часть языковой отражает народное мировидение. Диалектная картина мира предстаёт, с одной стороны, как универсальная и общая, а с другой – национально и индивидуально специфичная система взглядов и представлений. Если языковая картина мира обозначает "мир в зеркале языка", то диалектная картина мира – мир в зеркале народной речи, народных образов и представлений.

Местные говоры, как и другие формы национального языка, являются собой хранилище народной культуры и традиции, а их носители – носители народной ментальности [Колесов 1999: 148]. Создание словарей современных говорков, манифестирующих традиционную народную культуру, будет способствовать воссозданию национальной картины мира, которая, по выражению В.В. Колесова, коренится "в категориях и формах родного языка" [Колесов 1999:148]. Актуальность лексикографической работы определяется и тем, что вербализация концептов в современных диалектах может показать, с одной стороны, сохранность культурно значимых концептов, а с другой – динамику и исторические изменения в традиционной народной культуре.

В ходе работы над Словарём русских старожильческих говоров [СГСрП], и особенно над "Дополнениями" [Дополнение – 1, 2] стало очевидно, что материал, уже вошедший в "Дополнения...", нередко обнаруживает заимствование *старожильческими* говорами лексики "расейских", то есть *новосельческих* говоров, а также *смешанных* говоров [Харламова 2007: 15-16]. В XIX в. сибирские старожильческие говоры как преобладающие оказывали влияние на говоры "расейских", а в XX – XXI вв. старожильческие говоры, наоборот, испытывают влияние новосельческих говоров и городского просторечия, а также украинских, белорусских, чешских, польских, немецких, татарских речений [Бухарева 1983]. Это взаимодействие русских старожильческих говоров с новосельческими говорами русского языка, а также с другими языками (украинским, белорусским и др.) на территории Среднего Прииртышья является гораздо более интен-

сивным и сложным, чем на сопредельных территориях Урала и Западной Сибири [Дополнение 1: 5-6]. По нашим наблюдениям, существует, по крайней мере, *два типа* таких говоров. На одних территориях (Курганская и Томская область, часть Красноярского края, Удмуртия) *доминируют* окающие старожильческие говоры, в других регионах наблюдается активное взаимодействие старожильческих говоров с новосельческими и смешанными (Алтайский край, Новосибирская область, Омская область). Все бытующие в Среднем Прииртышье говоры не только изменяются под влиянием друг друга, но и приобретают черты, сближающие их с просторечием (по отклонениям от норм литературного языка). Диалектные системы, представленные в говорах Среднего Прииртышья, утратили целостность и замкнутость прежних систем и, по выражению В.В. Колесова, на наших глазах происходит «"растворение" говоров в "культурной" речевой среде» [Русская диалектология 1990: 6]. Таким образом, вследствие длительных контактов разнородного населения и интерференции различных форм речи на территории Среднего Прииртышья сложилась языковая ситуация, приведшая к *интеграции говоров с разной диалектной основой*, с одной стороны, и *нивелировке традиционной сибирской речи*, с другой стороны. В результате сложилась новая речевая стихия, которая требует как самостоятельного монографического изучения, так и лексикографической интерпретации.

Речевая стихия, сложившаяся в Среднем Прииртышье в конце XX – начале XXI вв., представляется, с одной стороны, своеобразной, с другой – типичной для территорий позднего заселения. В связи с этим мы начали новое лексикографическое исследование региона. Каждый составитель словаря сталкивается с двумя основными проблемами, от верного решения которых зависит ценность составляемого словаря: что включать в словарь и как, каким образом описывать то, что включается в него. Конкретизация этих проблем для разных типов словарей не меняет сути дела, а лишь выделяет особенное, специфическое в каждом словаре. В данном случае можно говорить о словаре, репрезентирующем представления о мире носителей разных этносов, проживающих на одной территории. О необходимости создания подобных словарей пишут многие исследователи народной речи (Г.А. Раков, В.П. Васильев, Э.В. Васильева, Т.А. Демешкина и др.): "...описание диалектной концептосферы ставит перед исследователями задачу создания диалектных словарей нового типа, предполагающих обращение не к семантике слова, а к основным концептам народной речевой культуры" [Демешкина 2002: 59].

Специфика диалектного словаря определяется многими факторами. Это, прежде всего, объект описания – языковой материал, включённый в словарь. Необходимость создания диалектного словаря нового типа очевидна, поскольку обычно диалектные словари определяют семантику того или иного слова и лишь изредка дают энциклопедическое описание того

или иного понятия, его функционирования в системе традиционной крестьянской культуры. Помимо этого, некоторые понятия и термины являются частью и общенародной лексической системы и естественно выпадают из диалектных словарей. Полагаем, что без них лексикографическое описание мировосприятия современного носителя народной культуры будет неполным. Конечно, эта сложная задача, для решения которой необходимо учесть как положительный опыт прежнего словаря ([СГСрП, Дополнение – 1,2]), так и выработать новые критерии отбора и подачи фактов.

Своеобразная языковая ситуация Омского Прииртышья не может быть исчерпывающе полно представлена, например, в идеографическом словаре, поскольку список основных понятий и их репрезентантов не будет охватывать все сферы народного быта как в его прошлом, так и в настоящем. Крестьянская жизнь связана, конечно, с базовыми концептами (такими, например, как, *добро, зло, правда, честь* и т.п.), но не менее важную роль в жизни и, соответственно, мировидении носителя традиционной культуры занимают *семья, дом, двор, поле, урожай, животные, растения* и т.д. Полагаем, что, кроме культурно значимых концептов/понятий, словарь должен репрезентировать и более широкую картину традиционной народной культуры, воплощенную в основных лексико-тематических, лексико-семантических группах слов.

Наш словарь, таким образом, будет представлять и определённые системные отношения, только они будут отражать взаимосвязи и взаимоотношения единиц другого уровня – лексико-семантических полей (групп). При работе над словарём каждый лексикограф сталкивается с проблемой словника. Поэтому в заданных рамках необходимо было, прежде всего, определить основные понятия/концепты, и лексику, репрезентирующую их, достаточно полно. Если опираться на основные, ключевые понятия и репрезентанты основных тематических групп, тогда предмет этого словаря – концепты/понятия, известные всем носителям говоров Среднего Прииртышья, с одной стороны, и лексико-тематические/ семантические группы, репрезентирующие их, – с другой.

Хронологические рамки нового словаря, состав словника, информанты и способы подачи сведений о них, построение словарной статьи, иллюстративный материал и возникающие неизбежно трудности при работе над словарём обсуждались нами в рамках конференций разного уровня (Барнаул 2005, Казань 2006, Воронеж 2006, Барнаул 2007, Нижний Новгород 2010), конкретные же словарные статьи (дом, двор, хлеб, профессии, погода, семья, лекарственные растения, овощи и др.) были представлены для подробного обсуждения в формате "круглого стола" на лексикографическом семинаре в ОмГУ им. Ф.И. Достоевского 11 ноября 2009 года.

Для диалектолога важным является описание архаического слоя говора, поскольку это основа его системы. Динамичность современной жизни, активные процессы интерференции в говорах и т.п. оказывают мощное воздей-

стве на всех диалектоносителей. Изменения, происходящие в современных говорах, отражаются в речи разных поколений. Мы считаем необходимым использовать речевые произведения представителей всех слоёв говора, чтобы показать богатство, разнообразие и динамику диалектной речи.

Иллюстративная зона словарной статьи представляется нам очень важной, поскольку именно в этой части будет наглядно реализовываться принцип активного типа словаря – его ориентация на условия выбора и использования лексических единиц в процессе живого диалогического общения (диалектная речь по преимуществу нацелена на диалог). В рамках современной антропоцентрической парадигмы, особый интерес представляют метатекстовые высказывания, где диалектоносители объясняют значения тех или иных лексем, выявляют внутреннюю форму слова, указывая на мотивировочные связи и т.д.: *белёночка* (ласкат.) 'белокурая женщина', *беляночка* (ласкат.) 'о белокурой, белолицей девушке': *Беленька она. Белёночка. Она поинтереснее, а тут вышла некрасива* (У.Иш. Пан.); *Беленька она, така беляночка* (У.Иш. Пан.) [СГСрП 1: 39, 42]; *Белянки, грузди сухие. А белянки, по-нашему, сыроежки* (Мур. Берг.) [СГСрП 1: 41]. В высказываниях, где указываются полезные свойства растений, диалектоносители часто рефлексиируют по поводу внутренней формы той или иной номинации и способа номинации: *Белоголовник. Беленький цветочек. Чай заваривают* (Мур. Берг.) [СГСрП 1: 40]. Для лексикографической практики такой материал представляется особо значимым, поскольку позволяет в одних случаях выяснить или уточнить значение собственно диалектного слова, в других – выявить связи с общелитературными лексемами, установить синонимические, вариативные отношения внутри лексико-семантических групп, репрезентирующих тот или иной концепт/ понятие.

Следует подчеркнуть, что мы не будем жёстко придерживаться определённой структуры словарной статьи. Поскольку считаем, что всякий раз содержательная и формальная сторона конкретной словарной статьи будет определяться нашим материалом, языковой материал будет «вести» нас за собой и "диктовать" нам определённый формат словарной статьи.

В результате исследования основных ментальных категорий, репрезентированных в речевой стихии Среднего Прииртышья, мы представим в словаре взгляд на мир, природу, общество в полном объёме, реальный мир, преображённый в слове. Полагаем, что этот мир для носителя народной культуры стал шире, что и проявляется во внутренней динамике всех элементов диалектной системы.

Актуальность предпринятой лексикографической работы определяется тем, что вербализация концептов в современных диалектах может показать, с одной стороны, сохранность культурно значимых концептов, а с другой – динамику и исторические изменения в традиционной народной культуре. Установка на реконструкцию диалектной картины мира является

одним из важнейших общетеоретических принципов, на котором основан наш словарь.

Литература:

- Бухарева Н.Т.* Сибирская лексика и фразеология. Новосибирск, 1983.
- Демешкина Т.А.* Способы описания концептов диалектных культур // Картина мира. Модели. Методы. Концепты. – Томск, 2002.
- Русская диалектология: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов/ под ред В.В. Колесова.* – М., 1990.
- Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». – СПб, 1999.
- Словарь старожильческих говоров Среднего Прииртышья/ под ред. Г.А. Садретдиновой. Вып. 1-3. – Томск, 1992 – 1993 [СГСрП].
- Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения/ под ред. Б.И. Осипова. – Вып. 1,2. – Омск, 1998, 2003 [Дополнение – 1,2].
- Харламова М.А. Современное диалектное членение говоров Среднего Прииртышья // Диалектологическая практика: программа и методические указания к проведению диалектологической практики (для студентов II курса очного отделения филологического факультета)/ сост. М.А. Харламова, Л.С. Зинковская. – Омск, 2007.

РАЗДЕЛ 4. Материалы совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов»

И.А. Батраева, А.Д. Гоннова, А.А. Чебаненко
ПОИСКОВЫЙ МЕХАНИЗМ
САРАТОВСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА

Поиск в корпусе осуществляется по подкорпусам, авторам, темам, жанрам, лексико-морфологической разметке (в т.ч. по начальной форме, литературному соответствию, диалектные слова), поиск по подстроке.

Поиск по подкорпусам и авторам является наиболее простым и осуществляется с помощью поисковых запросов к базе корпуса.

Для поиска по остальным категориям была разработана формальная разметка текста, которая производится при первоначальной подготовке текста сотрудниками кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики. Так как эта разметка удобна для визуального анализа текста, но замедляет скорость при обработке текстов в базе данных корпуса, то для окончательного представления текста в корпусе была разработана XML-разметка текста.

Такая разметка уже существует в НКРЯ, но в НКРЯ (Д. Сичинава, доклад на Всероссийском совещании, Саратов, 16 ноября 2010) вся лексико-морфологическая разметка объединена в одном теге разметки.

В предложенной для СарДК XML-разметке для каждой лексико-морфологической, тематической, жанровой, диалектной и др. характеристики предложено использовать свой тег. Это позволяет ускорить поиск в тексте при использовании стандартных и широко известных механизмов работы с XML.

Пример разметки текста в СарДК:

```
<document>
<text>
  <topic type="7">                -- тема (в данном примере - жизнь)
  <genre type="2">                -- жанр (в данном примере -
рассуждение)
  <lex>                            -- лексема (слово)
```

<name>я</name>	-- слово в тексте
<first>я</first>	-- начальная форма
<lit>я</lit>	-- литературное соответствие
<type>S-PRO</type>	-- часть речи
<number>ед</number>	-- число
<anim>од</anim>	-- одушевленность
<case>им</case>	-- падеж
</lex>	
...	
</genre>	
</topic>	

Также тегами XML-разметки можно указывать метаинформацию о тексте (автор, место, время записи и т.д.), нестандартные ударения и соответствие между текстовыми и аудио- записями рассказчика.

Н.В. Большакова

БИБЛИОТЕКА ТЕКСТОВ КАК ФОРМА ХРАНЕНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ*

Современное осмысление лингвистических источников приводит к выработке комплексного, интегрированного подхода к объекту исследования. Накопленный в ходе экспедиционного обследования за многие десятилетия и постоянно пополняемый псковский диалектный (существует с конца 50-х гг.) и фольклорно-этнографический (с конца 70-х гг.) архивы содержит в себе неисчерпаемый источник как языковой, так и культурологической информации об особенностях быта, хозяйствования, мировосприятия, традиционных и новых ценностях носителей народной культуры.

В лаборатории региональных филологических исследований Псковского педуниверситета разработана программа по сохранению, научной обработке и публикации материалов фольклорно-этнографического и диалектного архива. Научная значимость реализации программы связана с введением в научный оборот значительного по объему текстового массива народно-разговорной речи, на основе которого разрабатывается модель дискурсивно-когнитивного и коммуникативно-прагматического исследования регионального речевого материала.

В соответствии с программой поставлена задача формирования электронной библиотеки народно-разговорных текстов на основе материалов архива. В настоящее время работа осуществляется в направлении составления тематических сборников с учетом жанровых особенностей, а также создания комплексов, состоящих из изданий текстов в книжном формате и аудиоприложений к данному комплексу. Так, готовится новое, дополненное и отредактированное, издание сборника псковских сказок, создается

сборник произведений детского традиционного фольклора, куда входят считалки, дразнилки, заклички и другие произведения малых жанров детского фольклора. Ведется интенсивная работа над собранием несказочной фольклорной прозы: легенд, преданий, быличек. Особенно интересным для диалектолога является жанр устного рассказа – на бытовые темы, автобиографического содержания, на военную тему [Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи 2010].

Произведения традиционного фольклора и так называемого «пост-фольклора» позволяют выявить тенденции в развитии духовной и материальной культуры жителей Псковского региона. Комплексы текстов прозаических фольклорных жанров, сформированные в сборники и поддержанные аудиозаписями, представляются такой синкретичной формой, которая в максимально приближенном к естественным условиям виде хранит и делает доступной для исследования традиционную речевую народную культуру.

Формирование библиотеки устно-разговорных текстов реализует задачу поисков эффективных форм хранения архивных материалов. Вне всякого сомнения, самой эффективной формой хранения является публикация, вне зависимости от формата – книжного или электронного. Однако публикация невозможна без предварительного исследования теории и практики вопроса.

Решение лингвистических проблем, рассматривающих само понятие диалектного текста, относясь к области коммуникативной диалектологии [Гольдин 1997], требует проработки таких существенных вопросов, как соотношение понятий текста и дискурса, диалектного текста и диалектного речевого высказывания, целостности и дискретности текста и других проблем теории и практики устного нарратива [Большакова 2009]. Актуальными являются вопросы выявления и систематизации речевых жанров диалектного текста [Демешкина 2000]. Теоретического осмысления требует вопрос соотношения диалектной речи и диалектного текста как коммуникативной категории, наиболее приближенной к естественной спонтанной речи [Гольдин 2009].

Формирование электронной библиотеки с учетом жанрово-тематического принципа диктует необходимость разработки четко спланированной программы, подготовительный этап которой (длительный и трудоемкий по исполнению) включает выборку текстов из рукописного архива, компьютерный набор, оцифровку аудиофонда, наконец, верификацию текстов по аудиозаписям. Лишь затем наступает этап формирования сборника текстов. Электронная версия публикации имеет свои особенности, т.к. ее создание связано с разработкой базы данных и представлением текстового материала в совокупности с его архивными атрибутами.

Электронная библиотека (ЭБ) – один из наиболее распространенных типов в системе представления информации. Однако традиционная ЭБ – это информационный ресурс, который обеспечивает пользователям воз-

возможность доступа к различным источникам (главным образом – текстовым, при этом задача разработчиков – оцифровать тексты и создать программу для их систематизации). Типовая ЭБ предоставляет пользователям электронную копию текста, документа либо, будучи посредником, дает ссылку к искомому источнику. В нашем случае тексты не существуют в готовом виде: их необходимо вычленивать, подвергнуть научной рефлексии.

Применительно к электронным формам информации принято различать структурированные данные и неструктурированные данные. Структурированные данные обычно соответствуют понятию ЭБ. Неструктурированные данные хранятся на сайтах в виде электронных коллекций (ЭК) [Борисовский В.Ф., Калмыкова Л.А. и др. 2002]. Так, например, по иерархическому принципу (по принципу включения) строится ЭБ Карельского НИЦ РАН, где структурной составляющей ЭБ выступает ЭК как средоточие неструктурированных данных [Вдовицын В.Т., Сорокин А.Д. 2002].

ЭБ и ЭК в настоящее время представляют собой смежные категории, различие между которыми является нечетким, что позволяет расширительно использовать понятие ЭБ. Так, на сайтах Казанского университета (<http://fccl.ksu.ru>; <http://www.ksu.ru>) размещена Электронная библиотека русских говоров в виде 100 звукофайлов, представляющих собой записи диалектной речи различного содержания, времени сбора и территорий – результат большой подвижнической работы, проделанной казанскими исследователями по публикации своего архивного фонда [Маркелов В.С., Кульшарипова Р.Э. и др. 2009]. В свете рассмотренной иерархии данная форма должна бы соответствовать понятию ЭК.

Объективные трудности в номенклатуре понятий неизбежны применительно к архивам нетекстового типа (например, гербариям, фото-, видеоматериалам и под.), где взаимозависимость ЭК и ЭБ не представляется неперемнной. Более того, неструктурированность данных снимается наличием системы поиска, как правило, обязательного для электронных форм публикации материалов.

В центральных и некоторых региональных научных центрах работа по созданию собраний диалектных текстов отражена в виде «звучащих хрестоматий», или «фонохрестоматий» (Русские народные говоры 1999; <http://www.tsu.tmb.ru/kraeved>).

Особым направлением в представлении текстов выступает корпусная лингвистика. Зародившись в нашей стране относительно недавно, она уже породила внутри себя различные течения, реализуемые в диалектном под-корпусе Национального корпуса русского языка и Саратовском диалектном корпусе, идеологией которого «является представление в нем диалекта как целостной самодостаточной коммуникативной системы в отличие от традиционного дифференциального подхода к диалекту, рассматривающего диалектную речь в ее отношении к литературному языку» [Крючкова 2007].

Таким образом, в представлении устной разговорной народной речи выделяется несколько форм: ЭБ, ЭК, фонохрестоматии, а также электронные диалектные корпуса. Выбор той или иной формы обусловлен задачами, которые ставит перед собой авторский коллектив, но диктуется также объемом и репрезентативностью материала.

Диалектный и фольклорно-этнографический фонд, которым располагает филологический факультет Псковского педуниверситета и который хранится сейчас в лаборатории, по своему объему и представленности (временной, жанровой, тематической) относится к числу значительных и сопоставим с другими крупными фондами.

Свое поле в представленном разнообразии форм публикации архивных материалов мы определили как формирование структурированной электронной библиотеки, организованной по жанрово-тематическому принципу. Причем на основе каждого тематического блока создается локальная база данных с системой электронного поиска информации.

Перспектива развития ЭБ видится в усложнении ее структуры. В более отдаленной перспективе планируется также создание блока книжно-письменных текстов регионального характера (17-18 вв. – хозяйственные книги Псково-Печерского монастыря, 18-19 вв. – дневниковые записи и путевые заметки, публикация произведений забытых и второстепенных псковских писателей). Таким образом, в результате будет сформирована текстовая Псковяна, представляющая народно-разговорную речевую культуру, фольклорные традиции и литературно-книжные формы Псковщины.

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 10-04-26760е/В «Электронная библиотека устно-разговорных текстов как форма хранения и презентации традиционной народной речевой культуры Псковщины».*

Литература:

Большакова Н.В. Взаимодействие дискурсов в диалектном тексте // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филология. – 2009. – № 54.

Борисовский В.Ф., Калмыкова Л.А., Кекелидзе М.Г., Кореньков В.В., Никонов Э.Г., Стриж Т.А., Филозова И.А. Электронные информационные ресурсы ОИЯИ: концепция и технологические решения // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции (RCDL'2002). <http://www.rcdl.ru>.

Вдовицын В.Т., Сорокин А.Д. Вопросы построения электронной библиотеки Карельского научного центра РАН // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции (RCDL'2002). <http://www.rcdl.ru>.

Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи: сборник текстов устных рассказов о Великой Отечественной войне из фольклорного архива лаборатории ПГПУ/ Редактор-составитель Н.В. Большакова, составитель Н.Г. Савина. – Псков, 2010.

Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. – 2009. – № 9.

Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. – Саратов, 1997.

Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск, 2000.

Крючкова О.Ю. Электронный корпус русской диалектной речи и принципы его разметки // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. – 2007. – Т. 7. – Вып. 1. <http://www.sarteorlingv.narod.ru/dialekt>.

Маркелов В.С., Кульшарипова Р.Э., Салимов Ф.И., Ибрагимов Т.И. Электронная библиотека русских говоров как живое свидетельство языка // Социальные варианты языка – VI. – Н. Новгород, 2009.

Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие/ под редакцией Р.Ф. Касаткиной. – М., 1999.

И.Б. Качинская

ДИАЛЕКТНЫЙ ПОДКОРПУС НКРЯ. НОВЫЙ СТАНДАРТ ПОДАЧИ. НОВОЕ РАБОЧЕЕ МЕСТО

В 2006-2008 гг. в рамках НКРЯ был создан новый «Корпус диалектных и фольклорных текстов». В пилотном варианте Диалектного корпуса на конец 2008 г. было представлено ок. 144 тыс. словоупотреблений в 122 текстах (в том числе фольклорных), записанных в 19 областях: Архангельской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Кировской, Костромской, Курской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской областях, а также в Забайкалье и Карелии. Каждый представленный текст сопровождается «паспортом» (где, когда и кем был записан текст, кем он представлен). Тексты поданы в орфографизированном виде (задача «передать фонетическую информацию» не ставилась), отмечались некоторые особые диалектные формы (чаще всего грамматические). К сожалению, во многих случаях факты грамматики оказались смешаны с фактами фонетики, словообразования и лексики.

В начале 2009 г., выступая перед диалектологами на Совещании по ЛАРНГ в СПб., я отмечала, что к началу 2009 г. состояние Корпуса диалектных текстов приходится признать неудовлетворительным.

1. Недостаточен объем – представлено малое количество текстов и словоупотреблений, особенно если учитывать колоссальные объемы материалов, накопленные диалектологами.

2. Недостаточна географическая представленность.

3. Недостаточна тематическая разметка – тематика текстов представлена в самом общем плане: «быт, война, жизнь, люди, обычаи, праздники, природа, работа, религия, семья, фольклор». В Основном подкорпусе тематика представлена гораздо шире.

4. Недостаточная, непоследовательная (а в конкретных случаях и не всегда верная) грамматическая разметка.

Главный недостаток, как сейчас представляется, состоял в том, что старой команде не удалось привлечь к работе собственно диалектологов: специалисты отказывались работать в чуждой для них программной среде и производить грамматическую разметку по невнятным для них критериям типа: dialflex = «диалектное окончание», dialmorph = «диалектная морфология», dialstem «диалектная основа», gend – «диалектные особенности в сфере рода» и т.д.

Над новым проектом «Корпус диалектных текстов Национального корпуса русского языка: Грамматическая, фонетическая и метатекстовая разметка. Новый стандарт подачи»* работала (и продолжает работать) уже новая команда. «Новый стандарт подачи» предполагал изменение критериев работы с диалектным текстом на всех лингвистических уровнях, а также создание «дружественной среды» как для лица, занимающегося разметкой текста (создание «Рабочего места диалектолога»), так и для пользователя Диалектным корпусом (изменение «окна» Диалектного корпуса на сайте НКРЯ www.ruscorpora.ru/search-dialect.html).

При этом продолжалось накопление банка диалектных текстов, записанных в полевых условиях на территориях распространения русского языка. Для этого мы информировали диалектологов и фольклористов, выступая с докладами и сообщениями на конференциях и совещаниях, публиковали статьи, обратились с письмом-обращением к диалектологам с просьбой передавать в НКРЯ введенные в компьютер полевые материалы, пусть даже опубликованные (как правило, в малотиражных изданиях).

Корпус диалектных текстов НКРЯ предполагает включение любых диалектных текстов на русском языке, записанных

- 1) на территории исконного проживания русского населения (центр европейской части России),
- 2) раннего заселения (Русский Север),
- 3) позднего заселения (Урал, Сибирь, Дальний Восток),
- 4) сопредельных стран (русские говоры Латгалии, Литвы, Эстонии и проч.),
- 5) миграций (говоры старообрядцев Румынии, Австралии, Канады, США и проч.).

Предполагалось реструктурировать подачу текстов на фонетическом, грамматическом, семантическом уровнях.

Фонетическая информация. Уровни представления текста.

1. Проблема возникла уже на уровне принципов подачи материала: если публиковать на сайте диалектные тексты, стоит ли сохранять транскрипцию, а если стоит – то какого уровня? насколько «сложную»? «облегченную»? Фонетическую информацию терять не хотелось – слишком много диалектологами сделано в этом направлении. В новой редакции было решено:

* Работа поддержана грантом РГНФ № 09-04-12159в.

а) публиковать на сайте текст в том виде, в каком он предоставлен изначально (насколько это позволяют технические возможности) с помощью шрифтов Unicode. Первоначальная транскрипция получила название **Текст-1**.

б) Автоматически Текст-1 переводится в **Текст-2**, который представляет собой «облегченную» транскрипцию, основанную на принципах русской графики, но с обязательным сохранением ударения. Этот текст удобнее для цитирования и для чтения широким пользователем, в том числе нелингвистом.

Возникло много вопросов: что сохранять в этом «облегченном» (для визуального восприятия и цитирования) варианте? Если использовать знак Ь для обозначения мягкости согласных, автоматически приходится отказываться от него как знака, обозначающего неопределенный гласный звук переднего ряда. Отказываться ли от подачи «аканья», т.е. приводить тексты к «оканью» (как это пока выглядит в Корпусе сейчас) – или сохранять редукцию? Унифицировать ли в одной графеме *z* взрывной и фрикативный? Убирать цоканье или сохранять его (*цяшка* или *чашка*)? Глухой долгий шипящий твердый объединять с мягким (менять *шшуку* на *щуку*)? И т.д.

Было решено, что **Текст-2** должен, с одной стороны, максимально учитывать особенности транскрипции, с другой – опираться на общепонятную графическую систему русского языка. Мы ориентировались на достаточное количество публикаций диалектных текстов, а также на представление материала в диалектных словарях, рассчитанных как на специалистов, так и на неспециалистов.

в) Для работы грамматического анализатора введен и **Текст-3**, «литературный подстрочник», содержащий грамматический и фонетический аналог диалектного текста (аналог грамматическим и орфографическим нормам литературного языка, без учета «семантического перевода» – например, вместо *У галодной куме адно на уме* будет *У голодной кумы одно на уме*, вместо *продавают* – *продают*).

Пользователю на сайте предоставляется Текст-1 (исходник) и Текст-2 (в «облегченной» транскрипции). Текст-3 необходим только для «внутреннего» пользования, с ним (и с Текстом-2) работает лицо, занимающееся разметкой.

В связи с представлением текстов в 1) исходной, 2) промежуточной транскрипциях и 3) в орфографизированном виде понадобилось создание программ-преобразователей из одного формата в другой – так называемых «детранскрипторов»:

Детранскриптор-1 автоматически переводит Текст-1 в Текст-2,

Детранскриптор-2 переводит Текст-2 в Текст-3 – орфографический подстрочник. Текст-3, естественно, приходится дополнительно корректировать вручную, но в Детранскриптор-2 на любом этапе отдельной строкой могут быть вписаны частотные орфографические словоформы для их адекватной орфографической замены, чтобы облегчить работу стандартного грамматического анализатора.

2. Хотелось учесть огромную работу, проделанную диалектологами по исследованию диалектной фонетики и предоставить лингвистам возможность осуществлять поиск в текстах не только по грамматическим, но и по фонетическим критериям.

Для этого были созданы таблицы по **фонетической метаразметке** («метаразметкой» она называется, поскольку приписывается тексту в целом, подобно информации о названии текста, дате, месте записи и т.п.), которые все же пришлось довольно сильно сократить. Пока решено отмечать

1) в области ударного вокализма: позиционные чередования гласных после мягких согласных на уровне «старого ятя» и <a>;

2) в области безударного вокализма: оканье и аканье (включая указания на неполное оканье или диссимилятивное аканье);

3) в области консонантизма: <г> взрывной или фрикативный и цоканье.

Так получилось, что для выставления на сайт Национального Корпуса многие тексты оказались поданы вовсе не в транскрипции, а в орфографии, и в «фонетической метаразметке» существует помета «Орфографизированная ли запись?» Помета об «орфографизированной записи» должна постоянно присутствовать и на сайте, чтобы пользователь не пытался делать какие-то выводы о фонетике говора на основе текстов, в которых фонетика просто не представлена.

Мы надеемся, что для НКРЯ будут специально делаться расшифровки в заданном нами стандарте фонетической транскрипции (на уровне Текста-1 или хотя бы Текста-2).

Если текст, поданный в транскрипции или в орфографии, будет сопровожден **фонетическим** комментарием, предоставленным держателями текстов, эта информация будет доступна пользователю, т.е. будет активна кнопка «Комментарии к тексту».

3. Это касается и любых других комментариев, связанных с **грамматикой** или **семантикой** предоставленных текстов, и, возможно, даже с какой-то **экстралингвистической** информацией (этнографической, этнокультурной). Можно сопровождать тексты фотоматериалами. Предполагается включать также аудио- и видеосопровождение.

4. Текст на сайте может выдаваться в двух вариантах:

1) в виде «нарезки» – при поиске лексемы или конкретной грамматической характеристики пользователь получает строку с искомым словом + две строки «сверху» и «снизу» (как это устроено в Основном корпусе);

2) в виде «цельного» текста (в том числе, возможно, и в виде многостраничной расшифровки).

5. До сих пор выбор географии при пользовательском запросе на сайте осуществлялся в так наз. «Личном кабинете». Мы считаем, что выбор региона должен осуществляться в основном окне, где будет находиться развертка, подобная тематической, с указанием всех областей (а внутри областей – рай-

онов), тексты которых представлены в Корпусе. Тогда Пользователь может сразу запрашивать тексты из интересующего его региона.

Разметка

В новой редакции Диалектного корпуса созданы возможности для достаточно подробной **грамматической** разметки. Вся разметка теперь осуществляется в особой среде, названной «**Рабочим местом** диалектолога» (РМ). Так как мы надеемся, что хотя бы некоторые диалектологические центры не просто будут предоставлять в НКРЯ тексты, но смогут принять участие в их разметке и метаразметке, мы дадим более подробное описание «Рабочего места диалектолога», совершенствованием и «обкаткой» которого мы занимались последний год.

Еще до работы с диалектным текстом в РМ необходимо проделать некоторые **предварительные** операции:

1. обработать Текст-1, подготовив его для ввода в РМ:

а) унифицировать шрифты (перевести все диакритики, поставленные различными способами, главным образом ударения, в шрифты Unicode);

б) поставить все пояснения (к словам или фразам), данные лицом, предоставившим тексты, в квадратные скобки (тогда пояснения выходят из зоны лексем, размечаемых морфологическим анализатором);

в) проставить пробелы перед дефисами – например, перед постчастицами и во всех других случаях, если словоформу необходимо разбирать как 2 слова, а не как одно (*г дому-ту, чему-то, дедушко-домовеюшко*).

Разделять или объединять слова, если есть такая необходимость, можно и внутри РМ, «выравнивая» Тексты-1, 2 и 3, но это может потребовать бóльших временных затрат. Для этого нажимается стрелка в середине главного окна РМ, происходит перевод от уровня ТЕКСТА на уровень СЛОВА, и, нажав на нужную лексему, необходимо далее выбрать иконку РАЗДЕЛИТЬ СЛОВОФОРМУ или СОЕДИНИТЬ СЛОВОФОРМУ. Нажатие на иконку СОЕДИНИТЬ СЛОВОФОРМУ приводит к тому, что к слову автоматически присоединяется следующее справа него слово. Нажатие на иконку РАЗДЕЛИТЬ СЛОВОФОРМУ приводит к появлению окна, в котором нужное слово содержится в трех вариантах (Текст-1, 2 и 3). Произвести деление необходимо во всех трех случаях, убедившись в том, что параллелизм не нарушен.

2. Перевести Текст-1 (исходник) в формат txt в текстовом редакторе, т.к. в РМ текст вводится в формате txt.

Работа в среде РМ

1. Файл > Открыть > Т1. Перевод Текста-1 (исходника) в Текст-2 («облегченный», стандартизированный вариант транскрипции) осуществляется немедленно при открытии Текста-1 – в нижнем окне появляется Текст-2. С Текстом-1 в РМ разметчик не работает, но слова из Текста-1 появляются справа в окне Т-1; соответственно в окнах Т-2 и Т-3 лексема предстает в том же виде, в каком она оказалась в Текстах-2 и 3 (т.к. тексты

выровнены). Таким образом, в РМ использованы наработки, взятые из Корпуса **параллельных текстов НКРЯ**.

2. С помощью кнопки **Текст 2>3** происходит перевод Текста-2 (в облегченной транскрипции) в Текст-3 (орфографизированный вариант, необходимый для работы стандартного грамматического анализатора). Текст-3 появляется в верхнем окне. Его необходимо дорабатывать **вручную**. Для этого есть несколько возможностей.

а) С помощью кнопки **/</**, расположенной на правой вертикальной панели, происходит переход в новое окно, в котором можно вносить правку вручную. Правка немедленно отображается в окне, где расположен Текст-3.

б) С помощью кнопки **ОРФО** в Тексте-3 специальной программой осуществляется проверка стандартной орфографии, цветной меткой помечаются слова, с орфографией не совпадающие. Ручная правка осуществляется с нижнем правом окне Т-3, каждое слово исправляется по отдельности, после чего необходимо нажать кнопку **ПРИНЯТЬ ИЗМЕНЕНИЯ**. Изменения отобразятся в Тексте-3 в верхнем (и в боковом) окне.

3. Расположенные на правой панели кнопки **Ш** и **ш** позволяют увеличить или уменьшить **размер шрифта**; кнопка **X** позволяет убрать все цветовые выделения (которые потом легко восстановить, нажав на соответствующую кнопку)

4. Кнопка **XML** осуществляет прогон грамматического анализатора по всему тексту. При нажатии на слово оно выделяется цветом, а в нижнем левом окне появляются грамматические варианты разбора. С помощью специальной кнопки эти варианты разбора могут быть представлены либо с помощью стандартных латинских сокращений (lat), либо с помощью русских (rus). Например:

lex="сватать" gr="V,ipf,tran,indic,act,praes,3p,pl"

lex="сватать" gr="глагол,нсв,перех,изъяв,действ,наст,3л,мн"

Русские и латинские варианты сокращений идентичны друг другу.

Два варианта разбора (русский и латинский) представляются нам необходимыми для более быстрой и качественной работы разметчика, обычно привыкшего к какому-то одному варианту.

5. Если морфологический анализатор предлагает омонимические грамматические варианты,

а) их можно снимать по одному;

б) можно, выделив правильный вариант, убрать все остальные;

в) можно вписывать в нижнюю строку нужный вариант самостоятельно – все равно, в рус. или лат. виде (+ нажать на кнопку справа **ПРИНЯТЬ ИЗМЕНЕНИЯ**).

г) Нужный вариант можно также выбрать, нажав на кнопку **/*** (расположенную справа от предлагаемых морфологическим анализатором грамматических помет). Тогда всплывает окно, содержащее грамматическую таблицу (**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**), в которой можно пере-

ставлять флажки, начиная с указания на часть речи и кончая конкретными характеристиками выбранной части речи. Все исправления немедленно будут отражены в строке, содержащей грамматическую характеристику слова.

Если разметчик ошибся и убрал нужный вариант, он может восстановить все предложенные морфологическим анализатором варианты в пределах только данного слова, нажав в середине окна стрелку с переводом от ТЕКСТА к СЛОВУ – и уже на уровне СЛОВА нажать кнопку XML.

д) Грамматическую характеристику слова можно менять и непосредственно в специальном файле папки Tables.

В не вполне ясных случаях омонимию предлагается оставлять, например:

тоже – част / союз

ну – межд / част

вот – част / нареч. и т.д.

6. Поверх стандартной грамматической разметки в диалектных текстах предусмотрено отмечать диалектные особенности на уровне лексем. Для этого в РМ внедрены грамматические таблицы диалектных особенностей по каждой части речи. В случаях, в которых отмечена сама возможность особой диалектной грамматики, внизу загорается подсветка **ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**. Например: для формы глагола *сватают* ("глагол, несов, перех, изъяв, действ, наст, 3л, мн") в **ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ** предусмотрено указание на

3 спр.; стяж. или нестяж. форму; т/т' в 3 л. невозвр.

Автоматически флажки выставляются в вариантах, совпадающих с литературным языком (ЛЯ). Т.к. в данном конкретном случае никаких диалектных особенностей не представлено, автоматическая разметка определена как *нестяж.* и *т-твердое*.

В контексте *...плачь была такая дак* форму *плачь* морфологический анализатор предлагает рассматривать как

lex="плакать" gr="глагол, повел, 2л, действ, несов, нп, 1спр".

Здесь удобнее заменять частеречную принадлежность через всплывающую таблицу **ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**. Указание на диалектную особенность – категория жен. рода – дается в данном случае не через кнопку **ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**, а через расположенную рядом кнопку **S**, куда помещены яркие диалектные особенности существительных, встречающиеся, однако, в текстах не очень часто (склонение, число, род, одушевленность). Конечная запись –

lex="плачь" gr="сущ, неод, ж, ед, несловарн, диал_род"

В контексте *...а раньше дома сами ставили* морфологический анализатор предлагает разбор

lex="домый" gr="прил, мн, кратк, несловарн"

Здесь также удобнее заменять частеречную принадлежность через всплывающую таблицу **ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**, а

диалектные особенности проставлять через вход **S**, отмечая как диалектную особенность форму мн. числа.

Конечная запись – lex="дом" gr="сущ,неод,м,мн,им,диал_числ"

Кнопка **Adj** предусматривает не оч. частотные грамматические особенности у адъективов.

При любой глагольной форме прошедшего времени подсвечивается кнопка **Ppf**, которая позволяет отметить достаточно редко встречающиеся, но возможные формы плюсквамперфекта. По умолчанию стоит флажок у записи «нет/неизвестно».

В РМ оказалось полезным использовать наработки из **Обучающего корпуса НКРЯ**, т.к. в диалектной грамматике необходимо для существительных учитывать тип склонения, а для глаголов – тип спряжения.

По основным частям речи (глаголы, существительные, прилагательные, местоимения) оказалось предусмотрено больше особенностей, чем пока внесено в РМ, но работа продолжается, РМ постоянно усовершенствуется, необходимые изменения в РМ можно включать на любом этапе.

7. Метаразметка в РМ

На сегодняшний день в среде РМ предусмотрена **метаразметка** (строка на верхней панели) с открывающимися окнами «Общая» и «Диалектные особенности».

Общая метаразметка предусматривает заполнение «паспортных данных» диалектного текста – **Адрес-сопровождение к тексту...**, куда входят обязательные для заполнения поля:

- название текста
- 1) Лицо, предоставившее текст
- ФИО
- Информация для связи (адрес, телефон, e-mail)
- Научное звание, должность, место работы
- 2) Кем производилась запись
- 3) Место записи: область... район... нас. пункт...
- 4) Год записи
- 5) Сведения об информанте
- ФИО
- Возраст / Год рождения
- Место рождения (местный, приезжий, откуда приехал, как давно живет в данном населенном пункте)
- Образование
- Профессия (род занятий)
- Другие сведения (конфессия и пр.)
- 6) Где публиковался текст (если публиковался)
- 7) Место хранения записи (научное/учебное учреждение, ф-т, кафедра, фонд, личный архив)

Под **Диалектными особенностями** пока имеется в виду **фонетическая метаразметка**. Из всего многообразия диалектных особенностей в текстах решено отмечать лишь некоторые, о которых мы уже говорили.

8. Кнопка **lexref** (справа внизу) предполагает при дериватах ввод близких по семантике корневых лексем, чтобы в случае поиска Пользователем лексемы (по маске) появлялись и незапрашиваемые первоначально диалектные слова с тем же корнем (слева – диалектное слово, справа – слово из поля **lexref**):

напере = сперва

кажной = каждый

конь = накануне

плачь = плач

теперича = теперь

свекровушка = свекровь

свекровка = свекровь

свекрова = свекровь

назавтре = назавтра

свайба = свадьба

перва = сперва

вместях = вместе

разделяваться = разделяться – и т.д.

9. Семантика.

Пока что семантика оказалась наименее разработанной частью Проекта. В РМ имеется кнопка **sem** (внизу справа) – предполагается, что с ее помощью будет осуществляться «перевод» диалектного слова на общерусский: перевод будет даваться либо с учетом пояснений, сделанных лицом, предоставившим текст, либо лицом, текст размечающим. Дефиниция должна даваться с учетом возможности дальнейшего поиска лексемы по значению, для чего, конечно, понадобится продумать стандартизацию толкований и приближение уже имеющихся толкований к стандартным – думается, здесь можно было бы воспользоваться уже готовыми наработками – например, группы Ю.Д. Апресяна над лингвистическим процессором ЭТАП.

Если к слову в поле **Sem** дано примечание, это слово подсвечивается. Предполагается, что при таком слове Пользователю, кроме обязательной грамматической информации, будет предоставлена семантическая (лексическая) информация.

Назрела необходимость внедрить в РМ специальную кнопку **Прим.** (ПРИМЕЧАНИЯ), т.к. в процессе работы с текстами у разметчика естественно появляются вопросы, и в первую очередь при перепроверке работы надо снимать их, а потом уже проверять разметку в целом. Например, разметчик указывает, что не учтено из диалектных особенностей (или он не обнаружил, где это учтено):

- *ходят* – как диалфлекс, общее спряж.,

- *дочк* – как диалфлекс, нулевое ок. в И.ед.
- *может* – вводн., но как указать его диал. особенности, связанные с происхождением от 3 л. гл. с финалью *-ть*?
- как разбирать форму *воскресе* во ФЕ *Христос воскресе*? (такие формы имеются и в Основном Корпусе).

На все эти вопросы лицо, проверяющее разборы, находит ответы или, по мере накопления количества претензий, вносит изменения в РМ.

Слово, к которому будут сделаны примечания (ставиться вопросы) в поле **Прим.**, тоже будет выделено цветным маркером; подсветка всех выделенных слов (как в случае с орфографией и семантикой) дается на фоне всего текста, чтобы проверяющий сразу обратил внимание на вопросы и снимал их.

Новый стандарт подачи текстов в Диалектном корпусе может быть использован специалистами-диалектологами, другими лингвистами и нелингвистами в самых разных целях: примеры из текстов и сами тексты могут выступать в качестве справочного материала по грамматике, фонетике, лексике; материала для научной, просветительской и педагогической работы; для демонстрации этнографических, этнолингвистических, этнофольклорных, этнокультурных традиций. Широкое представление на крупнейшем в России сайте НКРЯ диалектных и фольклорных материалов интересно не только филологам, историкам, этнографам, но и всем, кто интересуется народным русским словом.

Все диалектологи, даже если они имеют свои собственные корпуса, в том числе доступные в on-line, должны быть кровно заинтересованы в существовании Диалектного подкорпуса в рамках такого грандиозного проекта, как НКРЯ, в НКРЯ будут даны ссылки на эти параллельные корпуса, как это сделано в Основном корпусе для иностранных корпусов русского языка, Корпуса газетных текстов МГУ, корпусов по рукописным памятникам и т.д.

Мы открыты и всегда готовы к сотрудничеству: готовы принимать критику, предложения и пожелания. Предоставлять «Рабочее место» коллективам, поставляющим в НКРЯ диалектные тексты, чтобы специалисты могли сами заниматься разметкой и метаразметкой своих текстов, их подготовкой для выставления на сайт. Пока что далеко не все из задуманного нами удалось осуществить – проект представляется поистине грандиозным.

Приглашаем к сотрудничеству!

О.Ю. Крючкова, В.Е. Гольдин

**ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО КОРПУСА**

Создание электронных программно обрабатываемых корпусов русской диалектной речи – одна из актуальных задач русской диалектологии. Первым известным корпусом русской диалектной речи является на сего-

дняшний день диалектный корпус в составе Национального корпуса русского языка (ДК НКРЯ). Разработка ДК НКРЯ, а также параллельное развитие других диалектных корпусов (например, Саратовского диалектологического корпуса) высветили целый ряд проблем, без решения которых корпусная диалектология не может эффективно развиваться. Рассмотрим наиболее важные и дискуссионные вопросы корпусной диалектологии.

1. Принципы отбора материала и репрезентативность корпуса диалектных текстов

Необходимым условием решения данного вопроса является определение цели диалектного корпуса. Диалектный корпус может создаваться как корпус иллюстративного типа, целью которого является демонстрация территориальной неоднородности национального языка. В этом случае репрезентативность диалектного корпуса определяется прежде всего максимальным охватом территорий распространения данного национального языка; допускается фрагментарность материала и отсутствие системности его представления. Такой корпус носит ознакомительный, популяризаторский характер, но не имеет ценности в качестве источника для лингвистических или лингвокультурологических исследований.

Подобную модель построения диалектного корпуса представляет сегодня ДК НКРЯ (хотя его цель разработчиками не эксплицирована). Диалектный подкорпус НКРЯ включает текстовые фрагменты различных говоров, которые соотнесены с областными центрами или еще более крупными территориальными объединениями (Архангельск, Вологда, Курск, Саратов, Забайкалье, Карелия). Для диалектологического исследования такая выборка не может быть репрезентативной, ведь говоры, бытующие на территории одной области или региона, далеко не однородны (это относится даже к говорам территорий исконного заселения, таким, как курские, орловские, и тем более к говорам территорий позднего заселения, таким, как саратовские или сибирские). Дальнейшее развитие корпуса в заданном сегодня направлении, т.е. по пути включения в корпус любых текстовых фрагментов любых говоров, фрагментов, различно обработанных в разных диалектологических центрах, не приведёт в обозримом будущем к созданию репрезентативного научного источника.

Диалектный текстовый корпус не может разрабатываться по той же модели, что и корпус «стандартного» (литературного) языка ввиду специфики диалектного материала. «Стандартные» и диалектные тексты характеризуются целым рядом существенных различий, учет которых необходим для создания адекватных природе говоров и по-настоящему репрезентативных диалектных корпусов. Представим эти различия в табличной форме (см. Табл. 1)

Таблица 1. Влияние различий между текстами «стандартного языка» и диалектов на разработку и строение диалектных корпусов

Свойства «стандартных» текстов	Свойства диалектных текстов	Следствия различий между типами текстов для строения диалектных корпусов
<p>«Стандартные тексты» независимо от включения / невключения их в электронный корпус уже закреплены в составе каких-то изданий, сбораний, библиотек и т.п., они доступны наблюдателям и естественным образом функционируют в преимущественно городской коммуникации.</p>	<p>Диалектные тексты не закреплены в их естественной (традиционной сельской) устной коммуникации, они получают закрепление и становятся доступными наблюдателям в составе внеположенных диалектной коммуникации диалектных корпусов, хрестоматий и др. научных источников.</p>	<p>Поэтому диалектный корпус должен делать доступными по запросам не только фрагменты текстов, но и целые тексты, то есть диалектный корпус должен быть одновременно и диалектной библиотекой или архивом.</p>
<p>«Стандартные тексты» независимо от их включения / невключения в электронный корпус подготовлены самими авторами или публикаторами к использованию в публичном общении, рассчитаны на это и, следовательно, открытие их в корпусе не является незаконным вторжением в чью-либо личную сферу.</p>	<p>Диалектные тексты в основном не предназначены диалектоносителями для открытия их кому угодно, имеют более личный, часто даже глубоко интимный и просто наивно-открытый, незащищенный характер и были бы совершенно другими (или вовсе не состоялись бы), если бы говорящие предполагали, что их речь будет вынесена на всеобщее обозрение.</p>	<p>Поэтому диалектный корпус, как и обычные архивы, должен предусматривать различные степени допуска к отдельным его материалам (степень допуска для его составителей, для исследователей, для любых желающих и т.п.) и постепенно открывать фонды, когда это становится возможным.</p>
<p>«Стандартные тексты» являются частью той культуры (в том числе языковой), к представителям которой относятся и создатели корпуса (его разметчики, редакторы и т.п. лица), поэтому тексты относительно легко могут подготавливаться к использованию в корпусе любыми филологически грамотными</p>	<p>Диалектные тексты представляют совершенно особую, так называемую «традиционную культуру», особые самодостаточные языковые системы и автономные коммуникативные образования. Диалектные тексты порождаются в коллективах, ограниченных в язы-</p>	<p>Из этого вытекает ряд следствий: А. Подготовка диалектных текстов к введению в корпус – процесс гораздо более сложный и трудоемкий (установление контакта, организация записи, расшифровка, в значительной мере ручная разметка, семантический и грамматический анализ и т.д.). Это не механическая, а исследовательская работа, серьезный и</p>

<p>людьми, даже студентами-филологами и/или специальными компьютерными программами. По той же причине содержание текстов (упоминаемые в «стандартных текстах» события, лица, природные объекты, артефакты, идеи и т.п.) в большинстве случаев не требуют специального комментирования.</p>	<p>ковым, территориальном, экономическом и других отношениях, и воплощают специфическое содержание и специфические формы коммуникации на диалекте.</p>	<p>очень ответственный авторский труд Он может выполняться не любым филологически грамотным человеком, тем более не любым студентом-филологом, а только специалистом-диалектологом, в течение ряда лет профессионально изучающим конкретный говор и хорошо им владеющим.</p> <p>Б. Диалектные тексты не могут адекватно пониматься, будучи вырванными из общего контекста родной для них традиционной культуры, поэтому они требуют воссоздания в корпусе соответствующего лингвистического и культурного (культурного в самом широком смысле) фона в целом и в связи с содержанием каждого конкретного текста в отдельности. Эта проблема решается отсылками к размещенным в корпусе историческим, этнографическим, географическим и др. энциклопедическим данным мультимедийного характера, а также специальными комментариями к упоминаемым в конкретных текстах событиям, лицам, природным объектам, артефактам, идеям и т.п.</p> <p>В. Комментарии, упомянутые в пункте Б, целесообразно ориентировать не на традиционную культуру в целом и не на диалекты вообще, а на комплексы текстов конкретных говоров. Уже поэтому диалектный корпус должен складываться не из хаотического собрания каких угодно, лишь бы диалектных, высказываний, а из по-настоящему внутренне структурированных (в соответствии с принципом</p>
--	--	--

		<p>пропорциональности) корпусов (или подкорпусов) отдельных говоров.</p> <p>Материалы для диалектных корпусов ряда хорошо изученных и документированных говоров имеются в диалектологических центрах страны, там же есть и необходимые для работы профессиональные диалектологи, но им нужна помощь, прежде всего – программным обеспечением.</p>
<p>Сбор большого количества «стандартных текстов», достаточного для репрезентативности корпуса и отдельных его частей, становится всё более простым делом, и накопление может идти очень быстро.</p>	<p>Репрезентативность национального корпуса по отношению ко всему «русскому диалектному языку» в составе любых его «микросистем» в обозримое время реально не может быть достигнута, в то время как репрезентативность материалов по отдельным давно и подробно изучаемым говорам вполне достижима уже сегодня при условии трансформации имеющихся материалов в корпусную форму.</p>	<p>Это еще один довод против поверхностной всеохватности корпусом диалектных данных и в пользу разработки системы корпусов отдельных говоров.</p>

Репрезентативность корпуса русской диалектной речи как научного источника может быть достигнута, на наш взгляд, только при условии структурирования диалектного корпуса как совокупности представительных корпусов *отдельных говоров*, представляющих разные диалектные типы. Этот подход определяет структуру Саратовского диалектологического корпуса (СарДК),²⁰ в котором каждый отдельный говор образует самостоятельный подкорпус. В настоящее время СарДК включает 3 подкорпуса: подкорпус с. Белогорное Вольского района Саратовской области; подкорпус с. Земляные Хутора Аткарского района Саратовской области; подкорпус группы поселений Мегра Вытегорского района Вологодской области.

²⁰ Саратовский диалектологический корпус разрабатывается в Центре изучения народно-речевой культуры им. профессора Л.И. Баранниковой Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Текстовая база корпуса отдельного говора должна включать не любой набор текстовых фрагментов, а стремиться к моделированию коммуникации в конкретном говоре, т.е. к моделированию говора как *целостного культурно-коммуникативного образования*. Для достижения этой цели текстовая база корпуса каждого отдельного говора формируется на основе следующих принципов:

- в корпусе должны быть представлены важнейшие типы диалектной речи (речь бытовая, фольклорная, речь в условиях официального, обрядового общения);

- корпус отражает различные формы речи (диалог, полилог, монолог);

- в текстах представлена разнообразная тематика сельского общения;

- в корпусе должна быть отражена социальная дифференциация носителей говора (по полу, возрасту, профессии, уровню образования);

- корпус стремится отразить картину мира носителей конкретных говоров.

Следование этим принципам обеспечивает репрезентативность диалектологического корпуса как научно-исследовательского источника.

2. Членение речевого континуума в диалектном корпусе

В соответствии с различными целями диалектологических корпусов по-разному решается задача членения представляемой в корпусе диалектной речи.

Так, текстовая база ДК НКРЯ наполняется отрезками диалектной речи (как правило, небольшого объема – в среднем не более 1 тыс. словопотреблений), заранее (до включения в корпус) фрагментированными на тематической основе.

Иной подход к членению речевого континуума принят в СарДК. Проблема членения речевого потока в СарДК решена в соответствии с общей целью корпусного моделирования диалектной коммуникации в конкретном говоре. Членение речевого потока в СарДК отвечает принципу максимального приближения модели к прототипическому объекту – естественной коммуникации на диалекте. Границы текста определяются с помощью формального критерия непрерывности общения: текст в СарДК полностью соответствует зафиксированному аудио- или видеоаппаратурой участку непрерывного общения. В результате применения данного критерия границы текста не зависят от таких параметров, как смена темы, жанра, формы речи, изменение коммуникативной ситуации и числа участников коммуникации. Такое представление текста делает СарДК полноценным источником для решения практически любых исследовательских задач.

3. Параметры выдачи текстовых фрагментов

Большое значение для эвристических возможностей текстового корпуса имеет определение параметров выдачи текстовых фрагментов. Таковыми фрагментами могут быть текстовые сегменты различной протяженности – от минимального контекста, ограниченного некоторым количеством знаков по обеим сторонам запрашиваемой единицы, до целого текста.

В ДК НКРЯ в настоящее время предусмотрены 2 возможности выдачи: минимальный контекст и его расширение (как правило, до 3-4 строк, хотя тип расширения пока не носит последовательного характера). Очевидно, специфика диалектного материала требует контекстов большей протяженности и возможности получения целого текста. Именно этими положениями определяются параметры выдачи по запросу в СарДК. В СарДК минимальной выдачей является абзац, т.е. структурно-семантическое целое, а максимальной – целый текст как политематическое и полижанровое единство обычно значительной протяженности. Объем текста в СарДК может достигать 20 тыс. словоупотреблений.

4. Формы представления текстов в диалектном корпусе

Особую значимость и особую сложность имеет для диалектного корпуса выбор формы или форм представления устных по своей природе диалектных текстов. Первичными формами фиксации диалектных текстов являются аудио- или видеозаписи общения на диалекте, вторичными – их символьные расшифровки (орфографическая запись или фонетическая транскрипция). Первичные формы, безусловно, наиболее полно передают особенности диалектной речи, сохраняя в наилучшей степени ее фонетическую и интонационную специфику (видеозаписи добавляют к этому фиксацию паралингвистических средств и элементов ситуации общения). Однако вторичные формы – символьные расшифровки – необходимы для проведения различных видов лингвистического аннотирования и реализации на этой основе поисковых запросов.

В ДК НКРЯ диалектные тексты представлены в виде полуорфографической записи (символьной расшифровки, сохраняющей все лексические, морфологические и некоторые фонетические особенности диалектной речи). Другие виды представления диалектной речи в ДК НКРЯ не используются. Такая фиксация диалектной речи не позволяет изучать ее фонетическую сторону, что вызывает обсуждение вопроса о необходимости параллельного представления в ДК НКРЯ текстов в виде транскрипции.

Однако в больших по объему текстовых корпусах, в наполнении которых принимают участие большие и часто разрозненные коллективы диалектологов, достичь единообразия при транскрибировании весьма различных по фонетической структуре диалектных текстов практически невозможно. В этих условиях транскрипция как форма представления текстов в диалектном корпусе теряет свою ценность. Бóльшую актуальность приобретает вопрос о возможностях включения в корпус аудио- и видеозаписей диалектной коммуникации и формах их соотнесения с символьной расшифровкой, которая в этих условиях может иметь вид полуорфографической записи. Возможности применения мультимедийных технологий позволяют сегодня заместить традиционную транскрипцию записью звучащей диалектной речи – первичной формой ее фиксации, дающей более

достоверное в сравнении с транскрипцией представление о фонетике и просодике диалектной речи.

В СарДК каждый корпус строится как мультимедийный, включает 3 вида представления диалектной речи: а) диалектные тексты в полуорфографической записи, б) записи звучащей диалектной речи, в) видеозаписи диалектной коммуникации. Отсутствие фонетической транскрипции в символьных записях восполняется в СарДК включением звуковых модулей. Параллелизм текстовых модулей и аудио-/видеомодулей обеспечивает максимальную достоверность фонетической информации и возможность ее наиболее объективного использования в диалектологических исследованиях.

Использование полуорфографической записи как формы символьного представления диалектного текста, в свою очередь, требует решения вопроса о степени стандартности этой формы (о необходимости единого формата или о достаточной степени единообразия полуорфографического представления диалектного текста в корпусе). В настоящее время в ДК НКРЯ нет единообразия полуорфографической записи: расшифровка выполнена в разных диалектологических центрах по разным правилам (со знаками препинания или же со знаками интонационного членения речи, с различной степенью отражения фонетических особенностей и т.д.). В СарДК используется единый формат такой записи. Разработчиками СарДК создана специальная инструкция, регламентирующая: характер отражения в расшифровке диалектных особенностей; способ членения текста и использование знаков препинания; способы обозначения нераспознанных фрагментов речи и недоговоренных слов; способы дифференциации речевых отрезков, принадлежащих диалектологу и диалектоносителю; способы дифференциации речевых отрезков, принадлежащих разным диалектоносителям; способ подачи необходимых для понимания текста комментариев.

5. Виды и правила аннотирования текстовой базы корпуса

Цель создания корпуса и характер включаемых в него текстов определяют принятые в нем виды и правила аннотирования текстовой базы. ДК НКРЯ и СарДК различаются как применяемыми видами разметки, так и правилами аннотирования при использовании одного и того же вида разметки.

Основным видом разметки в ДК НКРЯ и в СарДК, как и в большинстве текстовых корпусов, является морфологическая разметка. Правила морфологического аннотирования в ДК НКРЯ и в СарДК во многом совпадают, однако есть и существенные различия. Иллюстративная по своей сути стратегия ДК НКРЯ обуславливает использование дифференциального подхода при морфологической разметке корпуса; методической основой такой разметки становится сравнение диалекта с литературным языком (диалектная речь представлена в НКРЯ в ее соотношении с литературной). Такой подход находит выражение в использовании целого ряда дифференциальных помет: *dialmorph,type*; *dialmorph,part*; *diallex* и др. Диалектные формы характеризуются в ДК НКРЯ такими, например, параметрами, как

«другая флексия», «нестандартная флексия». Оставляя в стороне вопрос о неясности различий между названными параметрами, отметим наиболее важное для обсуждаемого вопроса обстоятельство: данные параметры основаны на рассмотрении диалекта как речевой среды, характеризуемой наличием отклонений от литературных форм. Поэтому, например, из диалектного подкорпуса в качестве примеров сущ. Им. п. мн. ч. с «другой флексией» выдаются «деулинские» *окунья* и *утяты* или «волгоградское» *соседы*. «Другими» или «нестандартными» приведенные формы являются лишь по отношению к литературной норме, но могут быть вполне системными для соответствующих говоров. Однако вопрос о системности конкретных говоров вообще не может ставиться и решаться на материале диалектного корпуса, если он строится по модели, которую можно было бы охарактеризовать как иллюстаривно-дифференциальную.

В отличие от ДК НКРЯ СарДК – корпус принципиально недифференциального типа: СарДК не ставит своей задачей рассмотрение диалектной речи в ее отношении к литературному языку. Цель СарДК – представление диалекта как целостной самодостаточной коммуникативной системы. Недифференциальный характер СарДК обусловил ряд отличий при лексико-морфологической разметке текстов. Эти отличия заключаются в отказе от дифференциальных помет, применяемых в НКРЯ; в характере подачи начальной формы; во введении зоны литературных соответствий. Все бытующие в говоре языковые формы (совпадающие и не совпадающие с литературными) рассматриваются в СарДК как элементы единой диалектной языковой системы. Любые единицы, не совпадающие с литературной нормой (не обязательно диалектные), отмечаются в СарДК знаком *.

Этой же установкой продиктован и принцип подачи начальной формы слова. Строго говоря, при последовательном воплощении изложенного подхода к диалекту от лемматизации следовало бы отказаться, так как начальная форма диалектологам нередко доподлинно не известна и при определении леммы неизбежны условные решения. Вместе с тем в электронном корпусе начальная форма необходима для удобства реализации поисковых запросов. В СарДК начальная форма восстанавливается на основе данной текстоформы, например, для текстоформы *ходилась* приводится начальная форма *ходитьсь*, для *посклизнулся* – *посклизнуться*, для *куды* – *куды* и т.д.

Текстоориентированная лемматизация словоформ, безусловно, затрудняет поиск в текстовой базе. Для облегчения поисковых запросов в лексико-морфологическую разметку вводится зона литературных соответствий, идущая вслед за начальной формой. Ср.: *оне* {*оне(они)*=S, мн, од=им}; *сварывать* {*сварывать(сварачивать)*=V, несов=инф}; *цементовый* {*цементовый(цементный)*=A=ед, муж, им}. Информативным является и отсутствие литературного соответствия, причиной которого может быть неясность значения нелитературного слова, либо языковая лакуна. В первом случае в зоне литера-

турного соответствия ставится знак вопроса, во втором – дефис (прочерк). Ср.: под {под(под)=PR} *бедранку* {бедранка(?)=S,жен,неод=ед,вин} (ср.: *и он вот под бедранку-то/ залез*); *дак* {дак(-)=PART}, *и* {и(-)=PART} в функции маркеров конца высказывания (ср.: *огуречки/ полить и/*).

В связи с морфологическим аннотированием диалектного корпуса своего решения ждут также вопросы о целесообразности и способах выделения в разметке различных функционально маркированных элементов в диалектной речи (просторечных, архаических форм); о целесообразности специальной маркировки и способах разметки различных видов неоднословных и идиоматических единиц. В ДК НКРЯ позиция по этим вопросам не эксплицирована. В СарДК приняты соответствующие (хотя, возможно, и не окончательные) решения и действуют определенные правила разметки названных единиц.

ДК НКРЯ и СарДК различаются по характеру тематической и жанровой разметки корпусов. Выделение текста по тематическому принципу в ДК НКРЯ делает избыточной тематическую разметку каждого отдельного текста в этом корпусе. Незначительный объем тематически цельных текстов в ДК НКРЯ обуславливает также нецелесообразность жанровой разметки текстов, так как каждый текст оказывается обычно моножанровым («бытовая сфера»).

В СарДК значительный объем, политематичность и полижанровость текстов, напротив, обуславливают необходимость такой разметки, и эти виды разметки в корпусе проводятся. Тематическая и жанровая разметка значительного по объему корпуса диалектных текстов даст в перспективе возможность исследовать жанрово-тематическую структуру диалектной коммуникации, выявить соотношение различных тем и жанров в составе диалектной коммуникации.

6. Параметры и принципы метаразметки диалектных текстов

Каждый текст в СарДК сопровождается построенным по единой схеме метаописанием. В базе корпуса метаописание текста выделено в самостоятельный модуль, соотношенный с соответствующим текстом. Модуль с метаописанием содержит: сведения об информантах; о времени и месте записи текста; об эксплораторе; о конкретной ситуации общения; об адресатах речи; об упоминаемых в тексте лицах; о времени описываемых в тексте событий (до революции; революция и гражданская война; коллективизация; Великая отечественная война; послевоенный советский период; постсоветский период); перечень представленных в тексте тем и перечень жанров. Эти данные позволяют учесть в исследованиях диалектной коммуникации значимые для описания коммуникативных актов параметры (факторы говорящего, слушающего, условий общения, тематики общения), необходимые для лингвокультурологического описания представляемого в корпусе говора.

В ДК НКРЯ, не преследуем такой цели, метаописание текста ограничивается указанием на место, время записи, эксплоратора, общую тему и объем текста.

7. Возможности представления в диалектном корпусе нелингвистической информации

В ДК НКРЯ нелингвистическая информация ограничена приведенными параметрами метаописания. В СарДК, который создается как модель традиционной сельской коммуникации на диалекте, отражающая речевое общение в конкретных условиях жизни конкретного речевого коллектива, нелингвистической информации отводится специальное место. База корпуса включает отдельные модули с нелингвистической информацией, часть из которых связана с конкретными текстами, другая же часть такой привязки не имеет. Текстовую привязку имеют биографический (известные биографические сведения об информанте) и иллюстративный (фотографии информанта и фотоиллюстрации к данному тексту) модули. Самостоятельный блок информации (не связанный с конкретным текстом) образуют в каждом корпусе другие справочные материалы: сведения исторического, социокультурного характера, демографические, этнографические, географические данные, схемы, карты).

8. Оптимальный для диалектологических исследований набор пользовательских запросов, которым должен удовлетворять корпус

Оптимальным для диалектологических исследований набором пользовательских запросов будет система запросов, удовлетворяющая как потребностям уровневого описания диалектной речи, так и исследовательским потребностям в области коммуникативного, лингвокогнитивного и лингвокультурологического изучения диалектного общения.

В ДК НКРЯ, как и в целом в НКРЯ, возможна разветвленная система поиска: по конкретным словоформам, по многообразным грамматическим признакам, по сочетанию этих признаков, по «дополнительным признакам» (напр., повтор лексемы, части речи, падежа, числа и т.д.). При этом поиск по данным параметрам может вестись в выделенном пользователем подкорпусе (с ограничением по полу информанта, году, месту записи, по тематике текста). Применение к диалектному материалу общих для НКРЯ видов поисковых запросов является, безусловно, сильной стороной ДК НКРЯ и теоретически открывает перед диалектологами новые перспективы в изучении особенностей диалектной коммуникации. Однако эти возможности существенно ограничены (или даже сводятся к нулю) количеством представленных в корпусе диалектных текстов, отсутствием репрезентативности корпуса.

СарДК предоставляет пользователю комплексную информацию о говоре. Все элементы пословной лексико-морфологической разметки, жанровой и тематической кодировки диалектных текстов являются в СарДК

параметрами поисковых запросов и образуют программно связанное целое. Система пользовательских запросов в СарДК позволяет составлять выборки по отдельным морфологическим и лексическим явлениям, по тематическому и жанровому критериям, по отдельному информанту, по различным параметрам метаописания. От текстовых модулей возможен переход к звуковым модулям и наоборот; программное обеспечение корпуса дает также возможность одновременного воспроизведения аудиозаписи, символической расшифровки диалектного текста и его разметки.

Диалектный корпус, организованный как совокупность корпусов отдельных говоров, имеет реальную перспективу достижения репрезентативности в короткие сроки и может уже в ближайшее время использоваться как научный источник, обладающий значительным эвристическим потенциалом.

Разработка диалектологических корпусов в настоящее время находится на начальной стадии, постоянно уточняются общие принципы и частные методики их построения, поэтому широкое обсуждение обозначенных в данной статье проблем является актуальной задачей корпусной диалектологии и залогом ее успешного развития.

В.С. Маркелов

ОТРАЖЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ В ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ (на материале говора д. Ботыли Кировской области)

В ходе создания электронной библиотеки, начатого в 2008 г. в лаборатории экспериментальной фонетики Казанского государственного университета (КГУ), разработчики столкнулись с рядом проблем, от решения которых во многом зависел успех проекта. Это и реставрация магнитофонных записей, осуществленных членами диалектологических экспедиций КГУ в 60–80 годы XX в., и оцифровка диалектного материала, и лингвокультурологический анализ диалектной речи (ДР).

Настоящая статья посвящена вопросу отражения речевой культуры носителей говора д. Ботыли Кировской области.²¹ При раскрытии заявленной темы мы исходили из того, что ДР – это культурный компонент бытового дискурса, связанный с представлениями жителей деревни о личной жизни, рассматриваемой нами как изображение своей души, мировосприятия, о работе в колхозе, о каких-то исторических событиях, о военном лихолетье, о местных обрядах и др. В фокусе нашего внимания – бытовой рассказ (повествование) как вид речевого жанра, в

²¹ Д. Ботыли находится на юге Кировской области в 12 км. от г. Нолинска. В 1974–1978 гг. д. Ботыли была диалектологической базой для казанских ученых, изучавших говор этого населенного пункта.

котором наиболее ярко выражены не только индивидуальное мировосприятие носителей говора, но их речевая культура.

Обращение к теории речевых жанров позволяет воспользоваться накопленным научным опытом отечественных и зарубежных исследователей с целью получения достоверного представления о реальном функционировании ДР. В качестве аргумента приводим тезис М.М. Бахтина о соответствии многообразия жанровых форм высказываний в различных сферах деятельности, в которых жанр является основным средством типологизации высказывания, “языковым опытом” общества [Бахтин 1996: 159]. Следует заметить, что до сих пор нет полного представления о коммуникативной единице ДР. Поиски представления об этой единице в настоящей статье связываются с конкретными типами диалектных речевых жанров.

Как показывает наше наблюдение, существуют разные типы диалектных речевых жанров, которые обусловлены, с одной стороны, отношениями между участниками экспедиции и диалектоносителями, с другой – характером протекания речи, записываемой на магнитофон. Неофициальная обстановка²² располагает к тому, что беседа начинается, как правило, участником экспедиции, а диалектоноситель отвечает лишь на вопросы. По мнению Е.А. Земской, интервью, беседа ведущего с каким-либо лицом относятся к жанрам публичной речи; для этих жанров публичной речи “свойственна установка на интимизацию общения, призванная оживить беседу, сделать ее более близкой слушателям” [Земская 1981: 60].

Участники диалектологических экспедиций отмечали, что носители говора д. Ботыли охотно шли на контакт; при этом легко устанавливались доверительные отношения. Обычно общение протекало в “полевых условиях” в форме диалога с переходом частенько к диалогизированному монологу, поскольку диалектоносители хорошо осознавали коммуникативную установку – сообщить в основном о себе факты личной жизни, о наиболее значимых общественных событиях, связанных с жизнью деревни и страны.

Общеизвестно, что диалог – одна из форм устной речи, при которой каждая реплика прямо адресована собеседнику и которая ограничена той или иной темой разговора, коммуникативной ситуацией и количеством участников. Диалог обычно характеризуется краткостью реплик²³ и простотой синтаксической организации высказываний. Важным, как оказывается, в диалоге является принцип кооперации, предложенный некогда Д. Гордоном и Дж. Лакоффом [Гордон 1985]. Согласно этому

²² Для неофициальной обстановки характерна непосредственность общения, т.е. определенная коммуникативная ситуация. При этом речь, как правило, спонтанная, неподготовленная.

²³ Реплика в диалоге, как показывают наши наблюдения, характеризуется частой сменой субъектов речи (собеседников), полной или частичной завершенностью, жанровой оформленностью, связью с другими репликами диалога.

принципу участники коммуникации должны идти навстречу друг другу, сообщать необходимое с максимальной точностью, правильно размещать фокус вопросов в соответствии с семантической переменной.

Наш анализ реплик в диалогах показывает, что прослеживается отчетливая тенденция: сообщить нужную информацию, поддержать коммуникативную кооперацию. Поэтому диалоги носителей говора, как правило, не противоречат принципу кооперации.²⁴ Полагаем, что основанием для речевой кооперации диалектоносителей является их гомоморфное социальное коммуникативное пространство, в котором реализуются знания носителей говора, их речевая культура и речевое поведение.

Особенности реализации диалектных речевых жанров, с одной стороны, связаны с народной речевой культурой жителей д. Ботыли как носителей северного говора, с другой – спецификой порождения того или иного типа диалектного речевого жанра: способностью диалектоносителя хранить информацию и актуализировать ее избирательно в нужный момент, ассоциативностью всплывания образов, связью прошлого временного плана с настоящим и наоборот. Рефлексия по поводу процесса воспоминания убеждает в том, что высказывания диалектоносителей приобретают для них особую ценность как источник информации о себе, о прошлом.

Обратимся к материалам магнитофонных записей. Система безударного вокализма говора д. Ботыли характеризуется полным оканьем, т.е. различием гласных фонем неверхнего подъема <о – а> в 1-ом и 2-ом предударных слогах. Так, речь информанта I (представителя пожилого поколения) неподготовленная, мало экспрессивная. В разговоре информант I не скован, поскольку находится в привычном коммуникативном пространстве – неофициальной обстановке. Тембр женский. На слуховое восприятие скорость говорения средняя, иногда убыстренная. В монолог информанта I включается информант II (представитель пожилого поколения). Речь информанта II экспрессивно окрашена. Тембр женский. Скорость говорения средняя.

В качестве иллюстрации приводим следующий фрагмент расшифрованной магнитофонной записи.

Монолог информант I начинает с рассказа о себе:¹

– Я без мужа жыла.

Неожиданно в разговор вступает информант II с репликой-замечанием:

²⁴ Мы не рассматриваем случаи так называемого “коммуникативного саботажа”, когда собеседнику навязывается чужое мнение, когда есть желание задеть, обидеть собеседника и др.

¹ Устный рассказ о себе мы рассматриваем как жанр мемуара, поскольку речевой жанр объективирует факты личной жизни и общественных событий. Вполне можно допустить, что рассказ информанта I о себе является нарративным текстом, т.е. вербальным изложением, где повествование идёт “ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность”. [См.: Нарративный: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/свободный>. – Загл. с экрана.]

– Ты немношка подберись, поакуратней... ты руку не поднимай...

Не обращая внимания на реплику-замечание, информант I продолжает свой рассказ:

– Жыл я без мужа, жыл фсё время, видь вырастила пять штук детей. И теперь вот уш замуш фсех óддала, видить как. Так што шас я живу́ хорошо, стала жыть хорошо. А шо што говорить.

Из приведенного фрагмента следует, что слушающий информант II занимает по отношению к рассказу информанта I активную позицию, дополняя монолог информанта I своими репликами. С этого момента реплики как вторичный разговорный жанр диалогизируют рассказ как первичный разговорный жанр, ослабляя, по замечанию М.М. Бахтина, монологическую композицию рассказа. Кроме того, информант II, включая свои реплики в монолог информанта I, из слушателя становится полноправным партнером-собеседником, т.е. говорящим. При этом происходит, как отмечает М.М. Бахтин, “обмен мыслями”. Таким образом реплики обновляют жанр рассказа, внося в него стилевое разнообразие – эмоциональную и экспрессивную речевую окраску.

В продолжение рассказа информанта I партнер-собеседник (информант II) уже полноправно ведет диалог. Реплики информанта II приобретают характер ответов и дополнений. Приводим следующий фрагмент диалога. Информант I говорит:

– Ну, удевалися фсяка.

Информант II дополняет:

– Юпки были длинные.

Информант I продолжает свой рассказ:

– Оленеф увидем, да.

Информант II поддерживает рассказ следующей репликой, с помощью которой он выражает свою позицию речевой кооперации:

– Волки есть, медведи.

В итоге бытовой рассказ информанта I постепенно переходит в диалогизированный монолог, который разнообразит тематику спонтанного повествования и в котором ярко отражаются мировоззренческие искания пожилых носителей говора.

Что же все-таки следует понимать под диалогизированным монологом? Под диалогизированным монологом мы понимаем не только форму устной спонтанной речи, но и жанр, в котором наиболее полно объективируются не только факты личной и крестьянской жизни, неотъемлемо связанной с общественными событиями в стране, но и речевая культура каждого участника разговора. Итак, речевая коммуникация участников диалога (информанта I и информанта II) формируется в соответствующий данной ситуации жанр – диалогизированный монолог, который, на наш взгляд, отражает в себе речевую культуру носителей говора д. Ботыли [Дубровская 2007: 361].

Теперь рассмотрим фрагменты полилога²⁵, в котором участвуют четыре информанта. Тембр всех информантов женский. На слуховое восприятие скорость говорения информанта 3 быстрая, информантов 2 и 4 – средняя. Информант 1 занимает в этом случае позицию слушателя, влияя на разговор своим неречевым действием, т.е. молчанием. Как показывают наши наблюдения, диалогизация полилога происходит за счет реального вопросно-ответного понимания²⁶, которое по сути актуализуется в ответе и утверждении, например:

Так, информант 3 спрашивает:

– Сына за хлебом посылаш опять?

Информант 4 отвечает:

– Ево, не ходил ишо.

Информант 2 утверждает:

– Нит, нит не ходил.

Отличительным признаком диалогизированного полилога, как показывает наш материал, являются реплики вопросно-ответного характера, рассматриваемые нами в качестве разновидности речевого жанра. Реплики диалогизированного полилога, как правило, не имеют большого смыслового разброса.

Таким образом, проанализированный материал показал, что коммуникативной единицей ДР является реплика, смысловая и формальная связь которой не противоречит реплике собеседника. Рассмотренные речевые жанры – мемуар, замечание в виде реплики – типичны для носителей говора д. Ботыли. Речевая культура наиболее полно отражена в диалогизированных монологе и полилоге.

Литература:

- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. Собр. соч. в 10 т. – Т. 5. – М., 1996.
- Гордон Д., Лакофф Дж.* Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М., 1985.
- Дубровская О.Н.* Речевые жанры, речевые события и новые средства коммуникации // Жанры речи. – Вып. 5. Жанр и культура. – Саратов, 2007.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М., 1981.
- Лингвистический энциклопедический словарь/ гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
- Нарративный: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/свободный>. – Загл. с экрана.

²⁵ Традиционно полилог понимается как разговор между несколькими лицами. Правда, есть и другое определение этого понятия: “форма или жанр разговорной речи” [Лингвистический 1990: 381].

²⁶ В этом случае приходится говорить о диалогическом единстве, характеризующемся такими парами, как вопрос-ответ, просьба-реакция и др.

Е.Н. Трегубова, М.В. Емельянова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС И СПЕЦИФИКА ЕГО
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ДИАЛЕКТНОМ КОРПУСЕ*

Разработке диалектного корпуса в лингвокультурологическом аспекте предшествует этап анализа тематических дискурсов, на базе которых строится корпус. Корпус текстов одной темы мы определили как лингвокультурный дискурс, который изучался с позиции коммуникативных, этнолингвистических и собственно лингвистических характеристик [Трегубова 2005; Трегубова 2007; Трегубова, Емельянова 2007]. Для представления тематического дискурса в корпусе на этапе метаразметки необходимо вычленение микродискурсов, представляющих собой культурно-коммуникативные разновидности текста.

На начальном этапе разработки корпуса в качестве предмета описания определены темы, отражающие разные сферы традиционной культуры – *обряд, мифология, строительство*. Каждая тема в корпусе обладает собственным потенциалом исторических, культурных, мифологических, языковых сведений, поэтому логика анализа одной темы не может быть автоматически применена к другой. Более того, наполнение тематического дискурса определяет возможные векторы этнолингвокультурологического анализа. Так, например, дискурс *строительство* является хорошим источником изучения материальной, производственной культуры.

Материальная культура на ранних стадиях ее формирования, как известно, зависит от природных ресурсов, что соответственно и определяет такие терминосистемы, как метеорологическая лексика, лексика ландшафта, терминология строительства. В подкорпус «Строительство» вошли тексты, репрезентирующие бытовую и производственную сферы культуры. Тема *строительство* организована как сложное концептуальное целое. Центральный вопрос темы «Как Вы строили себе дом?» инициирует дискурс о важнейших гранях человеческой жизни, связанных с освоением пространства. Для казаков это было чужое пространство, которое необходимо было обживать, застраивать; кроме того, Кубань регион аграрный, состоящий преимущественно из станиц и хуторов, строительство частного сектора здесь ведется непрерывно. Рассказы местных жителей обращают нас к тем временам, когда ландшафт определял культуру – артефакт создавался из того, что окружало человека – природные ресурсы, поэтому бытие локальной культуры буквально проистекает из ресурсов локуса бытия:

<дом, крыша, пространство, знание> *камыш, плавни, лес, потолок*
Она была с камыша, тожэ с плавней. Камыш жалы, колья мы привозылы. З лису привозылы латы, а бувалэ эти - балкы. И балкы, сейчас ровни потолкы, а тода фсэ було во внутрь комнаты < ст. Варениковская, №06-04, Посыпай Анна Андреевна>.

<дом, крыша >*глина, солома, саман, чакан, камыш* Ну, раньше дома делали тока с одной глыны. Глину мисылы ногамы, добавляли туда солому и вот с этих или саман делали потом ложылы или прям йищѣ есть, вот, ставылы палкы с той стороны и с той стороны, липылы их и вот эта був дом. Крышу там с каких палачек шо находылы, а укрывали чаканом, то камыш есть, а то чакан, и от этим чаканом крыли крышу, а пола ны була, пол-зимля, глынккой намажышь свеженькою и фсѣ, зимой шоп тупло була соломки постелиш, саломкы патрусят и дитвора басиком бегае <09-04, ст. Анастасиевская Троянова Клавдия Илинична>

Материал дискурса обращает взгляд исследователя не только к анализу внешних межкультурных связей, но и к культурным пластам внутри описываемой локальной традиции. Носитель традиции, проживший в населенном пункте всю жизнь, является свидетелем смены культурных парадигм. Оставаясь на одном месте, не двигаясь в реальном пространстве, он незримо переходит из одного культурного пространства в другое, соответственно из одной системы ценностей в другую.

Историческое сознание людей хранит память о жизни многих поколений семьи. На основе исторических событий, фактов, имен, упоминаемых в рассказах, осуществляется хронологическая сегментация дискурса. С этой точки зрения дискурс членится на микродискурсы. Одна группа рассказчиков, их отнесем к носителям культурной традиции, осмысляя свою жизнь, не отделяет себя от семьи, знает ее историю, хорошо помнит события, которые переживала семья. Текст о жизни старших поколений семьи открывает зачин, в котором форма местоимения **мы** совмещает два плана повествования «прошлое» и «настоящее» и лицо-повествователь осознает себя как сегодняшнего представителя **мы** (семьи), иначе говоря, в этом тексте реализуются и актуализируются те же смыслы, которые запечатлены в лексической паре **предки - потомки**: *Ну, а потом мы ж булы вопще перви: бабушка и дедушка, и прадед. Сами перви оснаватели станицы Вареникофской и первые переселенцы с Украины. Рассказчик не отделяет себя и от социума (казаки) – наши казаки, который тоже мыслится как семья. Когда Екатѣрина подарыла и почему Краснодар, Екатѣринодар, потому шо царыца подарыла за то, шо это, ну, воны там заслужылы за свои подвыгы казаки-украинцы, ну, это Украинской Сечи эта ш. И вот ани булы первые переселенцамы сюда. Перви хаты булы наши, ну, наших предкиф. Вот. Ну, и тожэ так жэ ш старыкы, сразу на была самовыжываемость потому, шо очень було трудно казакам. Вывэзлы йих, короче говаря, и бросылы, як хочеш, так и обосновывайся у лесах, у дѣбрях и комышах. И строй себе жизнь. Так, как наши казаки, нихто не выжывал. Токи Екатѣринодар был Екатѣринский дар. Сам як хочеш, так их ещѣ и раскулачивали. Вывэзлы в поле, в Сибирь, бросылы и фсѣ. Так и выжывалы.* < ст. Варениковская, №06-04, Посыпай Анна Андреевна>

Другая группа текстов принадлежит носителям культуры, которые утрачивают связь с традицией. Они содержат метакультурную информа-

цию, когда говорящий сам констатирует свою оторванность от культуры предшествующих поколений: **Как начиналы строить - замысыли, выкопылы яму, замысыли замис и начала вальки. Ну, дятьки повазрацалыся наши с фронта, мама, и начала строить, и бабушка, и начала строить вальки. Валькы - это, ну, зэмлю выкапывали, побольшэ соломы, и выкатывали эти, ну, такие вот круглые, глыну. И закладалы первый угол, ну, бабушка тада у нас знала када, в який дэнь нада начинать строить хату. Вот. И знала в який дэнь фставлять окна, шоб окна нэ гнылы и не пателы. Но мы молоди, мы в это фсэ нэ вирылы и потеряли фсякы традицыи. Ну, начиналы с углов, с первого угла, по-моему, аны начиналы с востока. И у нас фсегда ф старане восточнай висыла, ну, фсегда висыла икона. И фсё-таки мы ни вирылы в эти предсказание, но есть действительно што-то. Шо-то существует ф природе, потому шо у нас правда окна не гнылы и хата была фся с сухими углами - бабушка наша знает пра эти традицыи.* < ст. Варениковская, №06-04, Посыпай Анна Андреевна >. Лингвокультурная парадигма **восток –красный угол – икона** в дискурсе А.А. Посыпай отсылает нас к тексту старой предшествующей культуры, в ядерную часть которой входили религиозные воззрения и знание взаимосвязей в мире природы. Рассуждения А.А. Посыпай свидетельствуют о том, что эти ценности в новом культурном хронотопе смещаются на периферию

Мир социума традиционная культура стремится упорядочить через институт обряда, в который, как правило, вовлекаются все члены этнического коллектива, наделяются определенными ролями с тем, чтобы усвоить опыт коллектива, систему его ценностей, явленную в символах, песнях, действиях, текстах. Обряд в творческой форме декларирует и транслирует систему ценностей социума, организуя прежде всего семейный уклад и жизнь всякого отдельного человека как члена коллектива. Обряд связан с глубинными аксиологическими основаниями культуры и потому является достаточно устойчивой структурой. Кроме того он синкретичен, так как претворяет важные для культуры смыслы через вербальные и невербальные культурные коды – акциональный, символический. Соответственно дискурс на уровне микротем членится по принципу разграничения акта, символа и слова. Тематическую сегментацию этого дискурса сложно осуществлять. Необходимо уточнение списка тем и микротем. Здесь приведем экспериментальный вариант разметки:

<Свадьба, понедельник> *гильцэ, дерево, конфеты, яблоко* *Гильцэ и в жыныха е, и в нивесты е. Цэ оны готовят раньшэ за цилу ныдилю. Есь такэ гильцэ роблять, по достатку, становлять на стил посэрэдыны ёго, и вона аж до потолка, украшають ёго и канхветамы, ... всым-усым, чим можуть, и воно красивэ, хорошэ. Гильцэ роблють - обэкновэну бэруть дэрэвыну, кучеряву, обчищають ейи до бела. А тоди кистом облипляють ейи. И в пичь садовлять. Если оно у пичь ны влизэ, значить розризаяють гилочкамы, а тоди ёго собирають до ствола, а туди на цэ гильце надива-*

ють канхвэты, украшають, яблуко можуть поцэпыть там, як ёлку. А по окончанию свадьбы, ужэ розйижаюця на трэтий дэнь, и матэ сикатором, ножом розриза по кусочку и дае..., людэ, хто в ней на свадьби гуляф, и вона йим роздае по гилочки, каждому дае по кусочку <ст. Черноерковская Славянский район. Слабый Евгений Алексеевич, 1936 г.р.>.

<Свадьба, понедельник, символ, ритуальный акт> *гильце, каравай, цветы, орехи, калина, бублики, чесать мать* *Гильцэ делайця... Раньшэ пыклы ёго с тиста, усэ. Туди пичкы булы здорови, кругли. Складають из веточок и квітчають, як и сичас квітчають. А сичас ёго з бумагы делают. Цвиточки, оришки, бублычки малиньки ципляють. Цвиточки бумажны и живи вишають, и калыну вишають, шоб украсыть, шоб оно красивэ було. Это означае... прыглашени людэ... мамка ужэ вэчиром, када людэ уходят, она каждому веточку ломае, кому с цвиточком, кому з бублычком – цэ мамка нас оддиляе, ужэ мы погулялы, напылысь, найылысь. У понидельник. А туди и чещуть, то вжэ биз гильця. А каравай забирае невеста, каравай отдають невести. А бува такэ шо, если невеста далэко дэсь, у понидилок розризалы ёго, хто чай, хто з водою пойлы* <ст. Черноерковская Славянский район. Слабая Екатерина Гавриловна, 1941 г.р.>.

В дискурсе обряда органично соединяются диалектные и фольклорные тексты, что требует введения фольклорной части в подкорпус. Для этого подкорпуса разрабатывается справочная база, позволяющая проследить взаимосвязи символики и терминологии кубанского обряда с материнским украинским и соседним донским обрядом.

Все, что находится за пределами человеческого и материального мира сознание (в рамках традиционной культуры) стремится интерпретировать и транслировать посредством группы текстов мифологического характера, тем самым вводя человека в мифологическое культурное пространство, определяя для него раз и навсегда взгляд на природу, человека, добрые и злые силы как скрытые потоки, управляющие жизнью и продолжающиеся за ее пределами. Подкорпус «Мифология» содержит дискурс, состоящий из рассказов местных жителей, в которых отражается система локальных верований, интерпретация необъяснимых явлений и фактов, попытки взаимодействовать с другим (потусторонним) миром. В таких рассказах отражено стремление осмыслить связь реального мира (событий-фактов-явлений), мира снов и предчувствий и мира другого – невидимого. Традиционная культура хранит обычно предания, приметы, которые составляют ядерную часть культуры, передаются из поколения в поколение. В составе дискурса определены три наиболее регулярно воспроизводимые группы текстов, образующих микродискурсы (МД): гадательные народные практики, народное знахарство, мифологические персонажи. Параметр *тема* дифференцирует дискурс с позиции общих для него характеристик и адресует к общему предмету микродискурса и макроконцептам; параметр *микротема* является уточняющим, конкретизирующим и адресует к микроконцептам. Так, на-

пример, в область параметра *тема* (см. ниже) введена номинация мифологического концепта *вода* и одновременно номинация макроконцепта *сакральный локус*, так как семантические сферы обоих концептов в мифологической картине мира часто совпадают. Мифологический макроконцепт *вода* реализуется в микроконцептах *река*, *наговореная вода*, что представлено в области параметра *микротема* (см. контексты ниже).

В МД «Гадательные практики» *вода* – это сакральный локус, где осуществляется диалог между миром реальным и нереальным, видимым и невидимым (*вода* – локус, связывающий с потусторонним миром, миром предков). Приведем пример тематической разметки текста: <гаданье, вода, сакральный локус, сакральное время> *Иван Купала, цветы, венок, река* *Ну, это всё...Ивана Купала...нашы ш опять жэ ш пэрэдають нам. Мамкы... Дефчятка, сегодня ш поплэтыти вынки с красивых цвиткиф, пидым на гору, туды до лыману, там нарвэм бэсмэртнык, а воны красыво цвэтэ и поплэтэм красиви винкы. Надеваем на голову и с пэснямы заходым в **воду**, во, заходымо, спэваемо и тоди, значить, впернаемо, расходымось и впернаемо, и венок **вода** должна з головы знять. Ну, и фси ш так поделывають, а я ш как руководитель сама последняя фтилилась, поплыву туду, до станции, тии на Анапу, тии на Тимрюк, и кругом. А мий винок на мисти крутыця и ны куды: ни на бэрых, ны туды, ны сюды. Кажу: «Дифчята, нэ выйду я замши, навэрна, ныкуда, буду сама» (ст. Старотитаровская, Темрюкский район. Еременко Миланья Ивановна, 1928 г.р.); <сакральный локус, сакральное время, мифологический персонаж, домашние животные, продукты, вода> *река, водяной, петух, мед, зерно, вино, масло, действие человека, действие мифологического персонажа* *Дит казав, шо водяного надо задобрыть, та вгостыть. Воны ловылы самово лучего питуха, смазывалы ёго мэдом, посыпалы зэрном, ще можэ чим, я стара, нэ помню, и бросалы питуха у ричку, як дар водяному. Колы вин процае, то угаценья прынымав, смиряеця, стэрэжэ рыбу, прыманюе к сэби крупну рыбину, нэ пугае рыбакив, нэ топэ плавающих гусэй и уток. А колы подарок ёму нэ нравыця, то воны лылы масло у воду та выно, поилы ёго. Дит казав, шо водяный манэ у воду обманом, прытворяеця тонуцим чиловиком, али плачуцим рэбёнком <ст. Старотитаровская, Темрюкский район. Баранов Яков Степанович, 1922 г.р.>.**

В МД «Народное знахарство» *вода* – носитель целебной силы, способный транслировать эту силу человеку: <событие, болезнь, вода, сглаз, бабушка> *роды, наговореная вода* *Да с родами вопчем-то связано. Дывчина родила дэвочку, у ние заболели груди. Было такое воспаление, шо ужэ надо было резать. Муш пашол з бабушке, она иму наговорила **водичку**, он принёс. Приложыла эти тряпочки х грудям, и дым шол столбом. Так он тры раза ходил, она наговаривала и фсё и выличила. Это од зглаза, наверное, раз бабушка говорила, значит, од зглаза < ст. Каневская, Каневской район. Бугаев Николай Афанасьевич, 1932 г.р.>.*

Жизнь обновляет сюжеты, в них появляются новые персонажи, новые мотивы, но тем не менее, как показывают наши материалы, мифологическое сознание человека интерпретирует мир на основе существующих в культуре традиционных кодов.

В дальнейшем, как представляется в настоящий момент, возможна разработка более универсальной тематической параметризации дискурса, в рамках которой можно будет совместить параметры разных дискурсов, либо выделить группу универсальных параметров.

**Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, проект № 10 – 04 – 38407 а/Ю.*

Литература:

Трегубова Е.Н. Кубанский лингвокультурный дискурс «Свадьба» и его лексикографическое описание: к вопросу о научной версии современного диалектного словаря // Региональное своеобразие языка и культурных традиций кубанского фольклора: Коллективная монография. – Славянск-на-Кубани, 2005.

Трегубова Е. Н., Емельянова М. В. Лингвокультурный региональный дискурс и современные способы его лексикографического описания // Конференция грантодержателей регионального конкурса Российского гуманитарного научного фонда и администрации Краснодарского края «Северный Кавказ: традиции и современность. Сборник тезисов. – Краснодар, 2007.

Трегубова Е. Н. Традиционный кубанский дискурс: коммуникативный аспект // Культура русской речи: Материалы V Международной конференции в рамках реализации Федеральной целевой программы «Русский язык». – Армавир, 2007.

Трегубова Е. Н., Емельянова М. В. Компьютерный грамматический словарь лингвокультурного дискурса // Континуальность и дискретность в языке и речи: материалы Международной научной конференции. – Краснодар, 2007.

Е.А. Юрина, М.А. Толстова ПРОЕКТ ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ

Комплексное изучение говоров Среднего Приобья началось в 1946 году, а первые наблюдения были сделаны еще в 1917-1918 годах. На сегодняшний день коллективом томских диалектологов обследовано свыше 400 населённых пунктов Томской, Кемеровской и Новосибирской области, определены типичные фонетические, лексические и грамматические черты речи сибирских старожилов. Полная характеристика исследуемых говоров, представляющих собой особый тип вторичного сибирского старожильского говора с северной диалектной основой, изложена в коллективной монографии «Русские говоры Среднего Приобья» [Русские говоры Среднего Приобья 1985; Русские говоры Среднего Приобья 1989]. В книге описаны типологические черты среднеобского диалекта и дана языковая характеристика каж-

дой группы говоров в его составе: Нарымской, Прикетской, Приобской, При- томской, Причулымской [Русские говоры 1985: 30–33].

Диалектный архив, хранящийся в Лаборатории общей и сибирской лексикографии при кафедре русского языка ТГУ, насчитывает более 1500 тетрадей с рукописными записями речи носителей русских старожильче- ских говоров, расположенных на территории Томской области (частично – Новосибирской и Кемеровской областей), а также словарными картотека- ми диалектных словарей более чем на 1 000 000 единиц: картотеки Сред- необского диалектного дифференциального словаря [Словарь русских ста- рожильческих говоров средней части бассейна р.Оби 1964-1967; Средне- обский словарь (дополнение) 1983-1986], Словаря диалектно-просторечной лексики [Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья 1997], Полного словаря говора села Вершинино [Вершининский словарь 1998- 2001], Полного словаря диалектной личности [Полный словарь диалектной языковой личности 2006] и целого ряда других словарей разного типа (мо- тивационного, образных слов и выражений, антонимов и др.). Библиотека среднеобских словарей насчитывает на сегодняшний день 44 тома.

Задача создания электронного варианта текстового архива говоров Среднего Приобья, а также компьютерного словаря среднеобского диалек- та назрела очень давно. Её актуальность была осознана уже двадцать лет назад, в период становления отечественной компьютерной лингвистики. Именно в конце 80-х годов Г.А. Раков, заведовавший кафедрой русского языка ТГУ с 1990 по 1994 годы, начал исследовательскую деятельность, связанную с созданием машинного идеографического словаря среднеоб- ских говоров [Раков 1987, 1989, 1995]. Им была организована работа ис- следовательской группы, проводившей работу по компьютерному набору диалектных текстов, автоматическому созданию конкорданса, семантиче- ской разметке словарного массива. К сожалению, разработки были прерва- ны в связи с трагическим уходом из жизни этого замечательного человека и ученого, а созданные в то время электронные материалы утрачены.

В 2010 году эта работа была возобновлена. Коллективом диалекто- логов и программистов Томского государственного университета (Е.А. Юрина, В.В. Поддубный, О.И. Блинова, С.В. Волошина, М.А. Толстова, О.Г. Шевелев) разработан проект создания Корпуса диалектных текстов на материале говоров Среднего Приобья. В результате работы планируется полный перевод рукописных текстов на электронные носители, проведе- ние лингвистической разметки текстов с целью последующей машинной обработки, создание программ по автоматизированной разметке текстов, машинному поиску, анализу результатов поиска, создание лингвистиче- ских баз данных и программной оболочки корпуса. Основным результа- том проекта станет действующий, доступный для широкого круга иссле- дователей диалектный корпус, который впоследствии может быть интег- рирован в качестве подкорпуса в более крупные национальные проекты.

Для реализации проекта по созданию корпуса диалектных текстов Среднего Приобья выполняются работы по переводу рукописных записей диалектных текстов в электронный формат и проведению метаразметки диалектных текстов. Около 10% от имеющегося рукописного архива уже компьютеризировано.

Для создания электронных текстовых файлов разработана единая система графической передачи особенностей диалектной фонетики и морфологии в тексте с использованием символов юникода. Общерусские слова и словоформы, не имеющие отличий от литературного языка, передаются в орфографической записи, а диалектные, диалектно-просторечные единицы и диалектные варианты общерусских слов записываются с передачей фонетических и морфологических особенностей. Долгие твердые шипящие передаются написанием двух символов **шш**, **жж** (*доши*, *дожжа`*, *ешио`*); для обозначения мягкости согласных используется символ **ь** (*зерькало*); мягкое [ш'] передается буквой **щ** (*тащмя`-то*); у неслоговое передается символом **ў** (*война когда быўа`*); г фрикативное обозначается как **γ**; твердость согласных перед гласными переднего ряда передается буквами, обозначающими соответствующие гласные непреднего ряда: **э**, **ы**, **а** (*вобшэ`-то*). В словах с диалектными особенностями проставляется ударение постановкой апострофа после ударного гласного. Например: *«А я все и делаю. Корову напою, телку напою. А ишио` дрова ташиш`ть, печку топить. Всё де`лашь. Не скажет: ляж отдохни, что ста`ра, полежи. А како` ста`ра. Я только в Па`шиной жила. Наташа-то отте`да приехала»*. (с. Вершинино Том. обл., Вершинина Е.В., 1904 г.р.).

Для проведения метаразметки диалектных текстов заданы следующие параметры:

1. Паспортизация диалектного текста.

Паспортная часть включает сведения об информантах, о времени и месте записи, собирателе, номере тетради. Она задается перед текстом в следующем виде:

#Место Записи с. Парабель, Парабельский район, Томская область
#Место Записи Коротк Пар
#Дата Записи 1985
#Информант Перемитина Александра Васильевна
#Информант Коротк Перемитина АВ
#Информант Пол жен
#Информант Год Рожд 1915
#Информант Место Рожд с.Толмачёво
#Информант Образов Неграмотн
#Информант СоцПолож Неизв информант соцполож
#Собиратель Алексеева Степанова
#Тетрадь 350

2. Квалификация тематики.

Тематическая характеристика текста включает указание на время описываемых событий (двадцатые 20в; тридцатые 20в; сороковые 20в и т.д.) и собственно тематику, которая задается через указание на ключевой концепт, определяющий смысловое единство текста.

Анализ тематики диалектных записей выявил ключевые понятия традиционной крестьянской культуры, актуализированные в дискурсивной практике сибирских старожилов. Выделены следующие тематические определители:

1. Семья	31. Одежда
2. Односельчане	32. Пьянство
3. Любовные связи	33. Церковь (религия)
4. Чужие (буряты, хакасы, татары, ссыльные, городские и т. д.)	34. Колдовство и суеверия
5. История села	35. Приметы
6. Город	36. Обряды
7. Дом	37. Сватовство
8. Постройки	38. Свадьба
9. Труд	39. Похороны
10. Колхоз	40. Крестины
11. Орудия труда	41. Праздники
12. Профессия	42. Развлечения
13. Огород	43. Погода
14. Сенокос	44. Природа (рельеф местности, ландшафт, пейзаж и пр.)
15. Картофель	45. Политика
16. Лён	46. Исторические личности
17. Животноводство	47. Война
18. Пчеловодство	48. Революция
19. Кедровый промысел	49. Коллективизация
20. Рыбалка	50. Происшествия (нарушения обычного хода жизни)
21. Охота	51. Оценка современности
22. Лесозаготовка	52. Оценка человека
23. Строительство	
24. Ремесло (шитьё, ткачество, прядение, вязание, пимокатание, скорняжные работы)	
25. Ягоды	
26. Грибы	
27. Цветы и травы	
28. Болезни и лечение	
29. Еда	
30. Посуда	

Тематические определители маркируют наиболее значимые сферы внеязыковой действительности, релевантные крестьянскому мировосприятию, и моделируют картину мира сибирского старожила. Так, частотны в диалектном дискурсе темы, связанные с семьей, трудовой деятельностью, историческими и социальными событиями, духовной культурой. Почти во всех диалектных текстах встречаются фрагменты с тематическими определителями «семья»: *«Семья небольшая, две сестры и три брата нас. Брат старший нечаянно застрелился, а второй поги́нул неизвестно где. Мы, видишь, переселе́нцы здесь были, нас ссылали сюда из Черепановского района».*

Частотны тексты, посвященные Великой Отечественной войне и коллективизации: *«Воевал я на втором Белорусском фронте, воевал с сорок четвёртого года, до того в порту работал, под бронью был. Когда Днепр форсировали, меня ранили. Днепр переплывали, кото́ры плавали, кото́ры плохо, а я сибиряк, хорошо плавал, а на второй день нас опять туда же собрали, меня ранили и я попал в госпиталь, а старухе прислали похоронную»; «Жили тогда́ единолично, кода́ поженились. Как мы поженились проходила калевтивиза́ция, все это было для нас незнакомое. Это сейчас вот это мы знаем, иностра́нны уже ви́дуют, че́ как мы живём. А наше государство первое основывалось. Один идёт, другой неидёт. Говорили у нас старики, что это бу́дуют дети не наши, детей отберут. Как раз, восемь человек детей стали давать пособия. Это пособия – это уже дети не наши бу́дуют».*

Значительная часть текстов посвящена описанию трудовой деятельности крестьян: *«Лён мя́ли. Мялки таки́ были, с ручкой. Вы́дергают его сначала. Поспи́лят. Полежит он, чтобы вы́лежаться. Потом семя вы́колачивают. Мнут. Высушат в бане. Потом че́шут»; «У меня сестра сродна́ была. Вот мы с ей шишку е́ту и били. На ке́дры лазили. Я лезу – она бьет, она лезет – я бью. Кедр-то он како́й. А-ну лезь на него. За сучья цеплялись. И па́далицу собирали. У нас кедрач́ хороший был, густой. Мы шишки-то бить в Ярово́ ходили, двенадцать километров отсюда».*

Многочисленны группы текстов, посвященные духовной культуре сибирских старожилов (обряды, праздники, приметы и др.): *«Обряд был у нас такой. Значит, брали мы её, её родители не знали – крали. Увезли её в церковь, обвенчали, поезд собрали, в другую деревню поехали, там церковь была, где венчали. Я же при Николае, при старом режиме женился. Регистра́ции тогда не разрешали, тогда регистра́ции не было, только венец, закон был такой. Ну, отводи́ть стол стали, а тут народу набралось полная изба... Стол отвели́, пошла гулянка. Прожили немножко, отец поехал договариваться со сватом на прощение. Виноваты, заворова́лся, дак сознаваться надобно. Оне́ сразу простили».*

3. Жанровая характеристика текста.

В метаразмётке учитывается жанровая принадлежность текста, обусловленная типом речи и характером речевого произведения в целом. Выделены следующие жанры и субжанры (частные речевые жанры):

Жанры:

1. Биографический рассказ.
2. Сюжетный рассказ.
3. Описание.
4. Рассуждение.
5. Интервью.
6. Сказка.
7. Песня.
8. Частушка.
9. Пословицы.

Субжанры:

1. Информативные: сообщение о событии, сообщение о намерении, сообщение о мнении, сообщение-цитирование, предположение, объяснение, жалоба, предупреждение.
2. Императивные: просьба, распоряжение, поручение, приказ, предложение, совет.
3. Ритуальные: приветствие, прощание, извинение, благодарность, приглашение, угощение, пожелание
4. Оценочные: похвала, осуждение, самооценка, оценка

Образец записи:

Информ_сообщение о намерении,
Импер_поручение,
Ритуал_извинение
Оцен_похвала

Полная метаразмётка, помещаемая перед текстом, выглядит следующим образом:

#Место Записи г. Колпашево, Колпашевский район, Томская область
#Место Записи Коротк Колп
#Дата Записи 1981
#Информант Волкова Агафья Фёдоровна
#Информант Коротк Волкова АФ
#Информант Пол жен
#Информант Год Рожд 1914
#Информант Место Рожд с.Парабель
#Информант Образов Неграмотн

#Информант СоцПолож Неизв_информант соцполож

#Собиратель Коновалова Митрофанова

#Тетрадь 526

#Тематика Семья, Профессия

#Время Событий тридцатые 20в, сороковые 20в

#Жанр Биография, Сюжетный рассказ

Я с детства без родителей одна: ни сестры, ни брата, никого нет у меня. Я с тётёй воспитывалась, и с тётёй с такой, что она была тётёй ещё маме моей, а мне бабушкой или прабабушкой была. Вот я с ней и воспиталась. А замуж, за которого вышла я, он работал на пароходе. Познакомились и он меня сюда и привёз, вот с тридцать пятого года я здесь и живу. Муж погиб на фронте у меня. Я работала не в одной организации, в четырёх за свою жись работала. Работала в Колпашто`рге, потом, значит, в больнице, потом в детсаду работала. Заболела, потом пошла в охрану работать сторожем, оттуда ушла на пенсию. Скоро семьдесят лет будет. Два сына у меня. Дети выросли, сходили в армию, отслужили своё, приехали, женились и теперь живут в Колпа`шево.

Помимо создания базы диалектных текстов, в рамках реализации проекта началось создание сводного электронного словаря говоров Среднего Приобья. Решение этой задачи предполагает формирование базы электронных версий всех диалектных среднеобских словарей, а также создание и разметку сводного словника. Сводный словарь будет включать список всех лексем и их вариантов (акцентологических, фонематических, словообразовательных, морфологических); список морфологических форм лексем; указание постоянных и изменяемых морфологических признаков; толкование лексических значений; квалификацию единицы с точки зрения соотношения с формами национального языка (общерусское, диалектное, диалектно-просторечное, диалектный вариант общерусского слова); квалификацию семантических свойств слова (мотивированное/немотивированное, экспрессивное/нейтральное, образное, оценочное, интенсивное и т.д.); стилистическую маркированность (народно-поэтическое, сниженное, бранное).

Решение намеченных в начале реализации проекта задач связано с осуществлением большого объема практической работы. По замыслу авторов, к концу 2011 года будет создана электронная база диалектных текстов, осуществлена их метаразметка, разработана программная платформа, позволяющая оперировать имеющимся ресурсом.

Литература:

Блинова О.И. О термине «старожильческий говор Сибири» // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Томск, 1971. – Вып. 2.

Вершининский словарь/ сост. Т.Б. Банкова, О.И. Блинова, Е.В. Иванцова, В.В. Палагина и др. Гл. ред. О.И. Блинова. – Томск, 1998. – Т.1. А – В.; Т. 2. Г – З.; Т. 3. И – М.; Т. 4. Н – О.; Т. 5. П; Т. 6. Р – С.; Т. 7. Т – Я.

Гольдин В.Е. К проекту текстового диалектологического подфонда Машинного фонда русского языка // Доклады III Всесоюзной конференции по созданию машинного фонда русского языка. – М., 1990.

Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Тематическая разметка и тематический анализ диалектного текстового корпуса // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы междунар. научн. конф.: в 2-х ч. – Ч.1. – Самара, 2006.

Полный словарь диалектной языковой личности/ сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. – Томск, 2006. – Т. 1. А – З.; Т. 2. И – О.; Т. 3. П – Р.

Раков Г.А. Принципы отбора языковых данных при составлении словаря народного говора на машинном носителе // II Всесоюзн. конф. по созданию Машинного фонда русского языка. – М. 1987.

Раков Г.А. Автоматический словарь народного говора как фрагмент Машинного фонда русского языка // III Всесоюзн. конф. по созданию Машинного фонда русского языка. – М., 1989.

Раков Г.А. Диалектные словари и ЭВМ: Подготовка данных и некоторые результаты сравнения // Русские говоры Сибири: Семантика. – Томск, 1995.

Русские говоры Среднего Приобья/ О.И. Блинова, Л.Г. Гынгазова, Л.А. Захарова и др.; ред. В.В. Палагина. – Ч. 1. – Томск, 1985.

Русские говоры Среднего Приобья/ О.И. Блинова, О.И. Гордеева, М.Н. Яценецкая и др.; ред. В.В. Палагина. – Ч. 2. – Томск, 1989.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби/ сост. О.И. Блинова, Ф.П. Иванова, В.В. Палагина, О.М. Соколов, М.Н. Яценецкая; ред. В.В. Палагина. – Томск, 1964. – Т. 1. А – Е; 1965. – Т. 2. Ж – О; 1967. – Т. 3. П – Я.

Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья/ сост. О.И. Блинова, В.В. Палагина, С.В. Сыпченко и др.; ред. О.И. Блинова. – Томск, 1977.

Среднеобский словарь: (Дополнение)/ сост. Л.Г. Гынгазова, Т.А. Демешкина, Н.Г. Нестерова и др.; ред. В.В. Палагина. – Томск, 1983. Ч. 1. А – К.; 1986. Ч. 2. П – Я.

Томская диалектологическая школа: Историографический очерк/ под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 2006.

Научное издание

Русская устная речь

Межвузовский сборник научных трудов

Ответственный редактор – О.Ю. Крючкова

Подписано в печать 16.03.2011. Формат 60x84^{1/16}
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать трафаретная
Усл.-печ. л. 17,50. Тираж 300 экз. Заказ 0125

Издательский центр «Наука»
410600 Саратов, ул. Пугачевская, 117, оф. 50

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ИП «Экспресс-тиражирование»
410005, Саратов, Пугачевская, 161, офис 320 27-26-93